

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

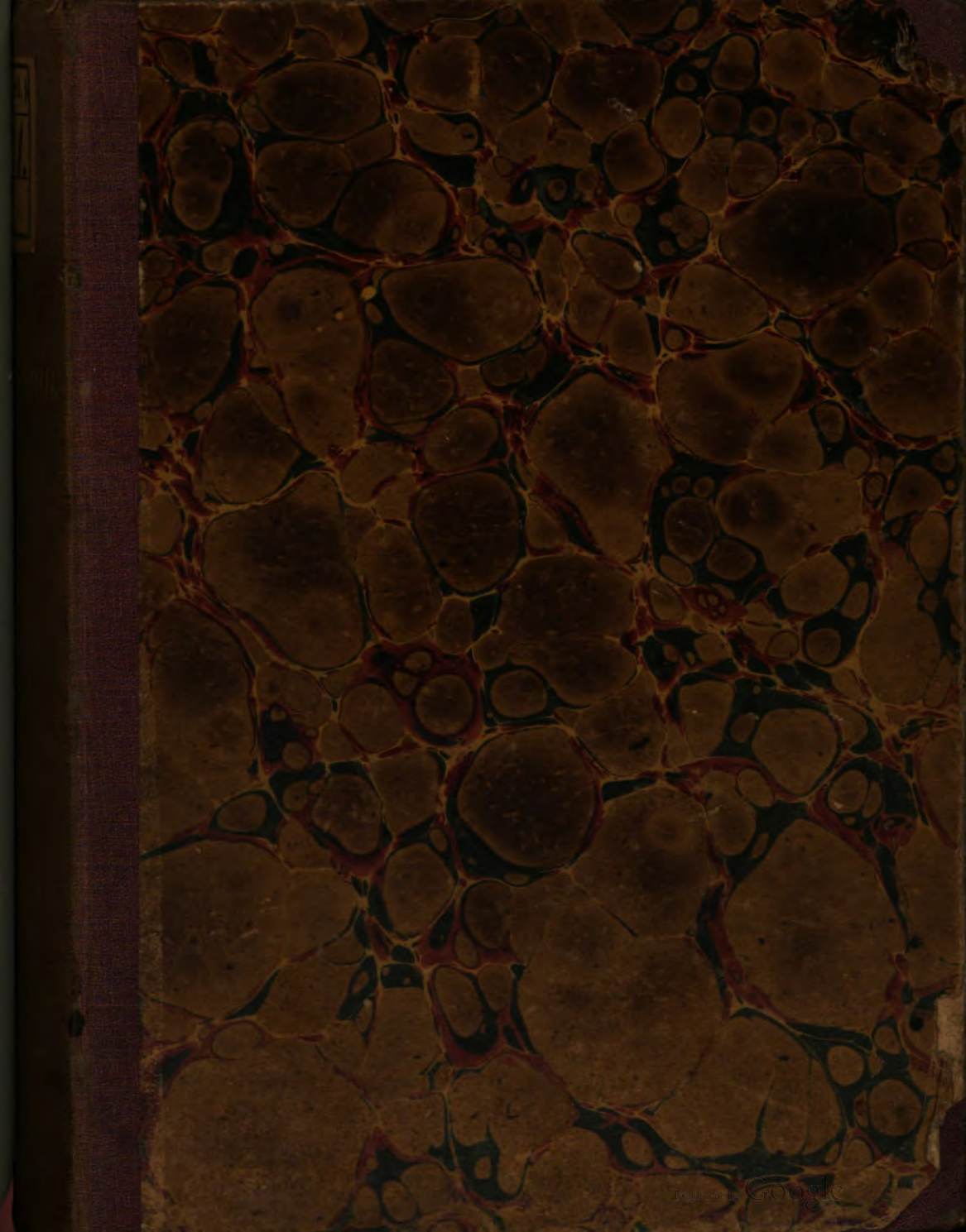
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

P. o. rel.

421 t

Storvik

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

^с
СБОРНИКЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ
РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Цена 1 рубль.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1867.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Сборникъ стихотвореній Русскихъ поэтовъ» имѣеть цѣлю — доставить нашему юношеству пріятное и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышающее душу чтеніе въ часы досуга. Хотя, при составленіи этой книги, у насъ не было въ виду дать ей прямое педагогическое направленіе, но мы не могли ограничиться односторонней программой — доставить нашимъ юнымъ читателямъ только чисто эстетическое наслажденіе, — и предлагая имъ много пріятнаго, не забывали о полезномъ и поучительномъ. Оттого нашъ сборникъ, заключа въ себѣ богатый запасъ первостепенныхъ произведеній русской поэзіи, представляющихъ безукоризненно-изящные образцы чисто художественнаго направленія, въ то же время даѣтъ имѣсто и такимъ стихотвореніямъ, которыя хотя и не отличаются высокимъ литературнымъ достоинствомъ, но за то должны принести прямую нравственную пользу юному поколѣнію. Въ виду этой пользы, мы сочли нужнымъ помѣстить

не малое число стихотворныхъ произведеній, не блестящихъ по выполненію, но назидательныхъ для юношества или по своему высоко-нравственному направленію или по высотѣ предметовъ, ими изображаемыхъ. Такимъ образомъ наши читатели встрѣтятъ рядомъ съ произведеніями, помѣщенными съ цѣлю возбудить въ нихъ любовь къ изящному и содѣйствовать къ развитію ихъ художественнаго вкуса, — произведенія, которыя могутъ способствовать къ утвержденію въ началахъ религіи и доброй нравственности, или запечатлѣть яркими чертами въ дѣтской памяти нѣкоторыя событія священной и гражданской исторіи. Кромѣ этихъ двухъ родовъ произведеній, равно важныхъ въ дѣлѣ умственнаго воспитанія, мы помѣстили нѣсколько стихотвореній, не серьезныхъ по содержанію, но занимательныхъ для юношества, принимая во вниманіе, что во всякомъ возрастѣ есть потребность такъ называемаго легкаго чтенія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Страница.
Предисловіе.....	1
И. Аксаковъ.	
На освобожденіе крестьянъ.....	4
Всенощная въ деревнѣ.....	3
Вечеръ.....	5
Двѣ дороги.....	6
«Могучимъ юности призывомъ».....	7
«Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ».....	8
«Не дай душѣ твоей забыть».....	10
Б. Алмазовъ,	
Орлеанской дѣвѣ (подраж. Шиллеру).....	12
Гроза.....	14
Успокоеніе.....	18
Покаяніе.....	20
Истина.....	33
Арбузовъ.	
Поэтъ.....	49
Падучая звѣзда.....	51
Бажановъ.	
Цѣль жизни.....	53

Бакунинъ.

- «Нѣтъ ни тучки въ небѣ чистомъ» 55
 «Нѣтъ! жизнь земная не ничтожна» 56

Баратынскій

- «Рука съ рукой, веселье, горе» 38
 «Взгляни на звѣзды: много ихъ» —
 «Когда исчезнетъ омраченье» 60
 «Весна, весна! какъ воздухъ чистъ!» 61
 «Бывало, отрокъ звонкимъ кликомъ» 62
 «Чудный градъ порой сольется» 63
 «Въ дни безграничныхъ увлеченій» —
 На смерть Гете 64

Батюшковъ.

- Элегія 66
 Надежда —
 Тѣнь друга 68
 Мой геній 70

Беседиктовъ.

- Мелочи жизни 71
 Комета 72
 Природа 73
 Къ поэту —
 Искра 75
 Цвѣтокъ 77

Н. Бергъ..

- Пѣсня народа 78
 Деревня 79
 Родимые лѣса 82

О. Бергъ.

- «Не здѣсь, гдѣ вѣчный трескъ и шумъ» 86
 Въ полѣ 87

Боборыкинъ.

Мечта 90

Вашенко.

День Рождества Христова 91

Вельтманъ

I. Свадебная пѣснь (изъ драмы «Ратиборъ») . 93

II. Слава..... —

III. Молодой 94

Велевтинцовъ.

Поэтъ 95

Къ любителю музыки 97

Пѣснь Грека..... 98

«Я чувствую во мнѣ горить»..... 100

Поэтъ и другъ 102

Послѣдніе стихи..... 105

Вердеревскій.

Юношѣ-поэту 107

Погибшему брату —

Возвращенье (элегія)..... 108

На горахъ 109

Волковъ.

Бизговѣщеніе 111

«Тѣнь высокаго, стараго дуба» 113

Кн. Вяземскій.

На церковное строенье..... 115

Битва жизни..... 118

Молитва 120

Молитва Ангелу Хранителю 121

	Стран.
Вечеръ	122
Утѣшеніе	123
Старое поколѣніе	124
Вечерняя звѣзда	126
Одно сокровище	127
Вечеромъ на берегу моря	130
Палестина	133
 Гербель.	
Сегодня мнѣ исполнилось 36-тъ лѣтъ (изъ Бай- рона)	139
Въ Карпатахъ	141
 0. Глинка.	
Канунъ св. Причастія	143
Исканіе Бога	145
Славословіе	146
Блудный сынъ	147
Гласъ ко Господу	152
Гласъ	154
 Глѣдичъ.	
Амбра	155
При погребеніи Барона А. А. Дельвига	—
Рыбаки (идиллія)	156
Медвѣдь	172
 Гребенка.	
Молитва	174
Мотылекъ	175
Признаніе	177
«Опять предо мной знакомыя поля»	178
Роса	179

Грековъ.

Примѣты осени.....	181
«Ночь. Рукою невидимой Бога».....	182
«Что за вечеръ печальный и бурный!».....	183
Двѣ тучки.....	184
Полночная гроза.....	—
«Души неразгаданной чада».....	186
«Надежда каждая — цвѣтокъ, мой ангелъ нѣж- ный;».....	187
Откуда и куда?.....	189

А. Григорьевъ.

«Тихо спи, измученный борьбою».....	190
«Неразрывна цѣнь творенья».....	191

Я. Гротъ.

Могу ли я увидѣть Бога.....	192
-----------------------------	-----

Губеръ.

Посвященіе «Фауста» Пушкину.....	194
Награда поэта.....	196
Благовѣсть.....	198
Колыбельная пѣсня.....	201
Молитва.....	202
Смерть и время.....	204

Д. Давыдовъ.

Отвѣтъ.....	206
Бородинское поле.....	207
Море воетъ.....	208
Листокъ.....	209
Вечеръ въ іюнѣ.....	—
Полусолдатъ.....	210

Дельвигъ.

Эпитафія.....	213
Мы.....	—
Утѣшеніе.....	214
Русская пѣсна.....	—
Русская пѣсня.....	215
Грусть.....	217
Отставной солдатъ (русская идиллія).....	—

Державинъ.

Богъ.....	224
Властителямъ и судіямъ.....	228
На смерть кн. Мещерскаго.....	230
Памятникъ.....	233

Дмитріевъ.

Размышленіе по случаю грома.....	235
Людмила (идиллія).....	236
Пѣтулъ, котъ и мышенокъ.....	237
Часовая стрѣлка.....	239
Лебедь и гагары.....	240
Два голубя.....	241
Калифъ.....	245
Исторія.....	247

М. Елсневъ.

Мурносоицы у гроба Христова.....	249
----------------------------------	-----

Ю. Жадовская.

«Лучшій перлъ таетя».....	251
Мигъ обновленія.....	252
Молитва.....	253
Молитва.....	—
Ночь.....	254

	Стран.
«Грустная картина!»	255
Кто мнѣ родная?	256
Ноктурно	257
Неутоленная жажда	258
Нива	260
В. Жуковскій.	
Царскосельскій лебедь	261
Дружба	263
Пѣвецъ	—
Сиротка	266
Пловецъ	268
Видѣніе	270
Воспоминаніе	271
Пѣснь бѣдняка	272
Близость весны	273
Ночь	274
Русская слава	275
Изъ поэмы: «Агасверъ, вѣчный жидъ»	279
Жемчужниковъ.	
«Восторгомъ святымъ пламенѣя»	285
На кладбищѣ	286
А. Измайловъ,	
Дряхлый левъ	287
Орелъ и собака	288
Водопадъ и рѣка	289
Ворова и кувшинъ	291
И. Карамзинъ.	
Отрывокъ изъ опытной Соломоновой мудрости.	292
И. Кельшъ.	
Деревня	294

	Стран.
Зимнее утро	299
Яффа	—

Ключниковъ.

Мой геній	301
Жизнь	302
Старая печаль	303
Ночная молитва	304

Кольцовъ.

Послѣдняя борьба	306
Урожай	307
Пѣсня пахаря	312
Что ты спишь, мужичекъ?	314
Лѣсъ	317
Раздумье селянина	320
Товарищу	322
Размышленіе поселянина	323

И. Козловъ.

На погребеніе англійскаго генерала сира Джона Мура	326
Еврейская мелодія	328
Развореніе Рима и распространеніе христіан- ства	—
Молитва	330
Стансы	331
Дружба	333
Насъ семеро	334
Вечерній звонъ	337
Сельская сиротка (элегія)	338
Моя молитва	340
Отрывокъ изъ поэмы: «Чернецъ»	343

В. Н. Красогъ.

Степь.....	346
Молитва.....	347
Вечерь.....	348
Ave Maria.....	—

Крестовскій,

Инвалидъ.....	350
---------------	-----

И. Крыловъ.

Гребень.....	351
Бочка.....	353
Крестьянинъ и змѣя.....	354
Левъ и волкъ.....	355
Червонецъ.....	356
Разбойникъ и извощикъ.....	357
Бѣлка.....	359
Прудъ и рѣка.....	360
Котъ и поваръ.....	362
Лиса.....	364
Оракулъ.....	365
Орелъ и кротъ.....	367
Гуси.....	368
Собачья дружба.....	370
Прохожіе и собаки.....	372
Слонъ и моська.....	373
Вельможа.....	374
Бритвы.....	376
Богачъ и поэтъ.....	377

И. Кукольникъ.

Жаворонокъ.....	379
-----------------	-----

В. Курочкинъ.

Урокъ	380
Пѣснь труда	383

Ложечниковъ.

Сладко пѣлъ душа соловушко	385
----------------------------------	-----

М. Лермонтовъ.

Споръ	387
Казачья колыбельная пѣсня.....	391
Ангель	392
Молитва	393
«Ребенка милаго рожденье».....	394
«Есть рѣчи, — значенье»	395
Три пальмы (восточное сказаніе).....	396
Молитва	399
Изъ Гёте	—
Умирающій Гладіаторъ	400
Сосна.....	401
Воздушный корабль (изъ Зейдлица).....	402
«Когда волнуется желтѣющая нива»	405

Домоносовъ.

Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ.	407
Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сінія...	409
Подражаніе Іову.....	411

Майковъ.

«Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты»... 416	416
Зимнее утро	417
Нива	418
Сѣнокось	420
«Голубенькій, чистый».....	421

	Стран.
Ласточки.....	421
Весна.....	423
Послѣдніе лзычники.....	—
Пѣвецъ (изъ Шамиссо).....	427
Мать.....	430
Управденный монастырь.....	432
Картинка.....	440
 Л. Мей.	
Отойди отъ меня, сатана!.....	442
Запѣвка.....	451
 Мерзляковъ.	
Тоска въ одиночествѣ.....	452
Велисарій.....	453
 Ө. Миллеръ.	
Сонетъ (изъ Гейне).....	456
Русская пѣсня.....	457
Водопадъ.....	458
«Готовилось неслыханное дѣло».....	460
 Мироновъ.	
«Тебя, о край родимый мой!».....	462
«Солнышко сокрылось».....	463
 А. Муравьевъ.	
Монастырь Валаамъ.....	465
 Н. Некрасовъ.	
«Негромка моя лира, въ ней нѣтъ».....	466
Власъ.....	467
Школьникъ.....	471
Забытая деревня.....	473

Нелединскій-Мелецкій.

Молитва 475

Никитинъ.

«Медленно движется время» 477

Дѣдушка 478

Зимняя ночь въ деревнѣ 480

Молитва дитяти 482

Жена ямщика 484

Удаль и забота 492

Ночлегъ въ деревнѣ 493

Н. Огаревъ.

«Когда тревогою бесплодной» 494

Путникъ 495

Деревенскій сторожъ —

Изба 497

Всечеръ 498

На сонъ градушій 499

Д. Ознобишинъ.

Кювье 500

Е. Павлова.

«Читала часто, съ грустью дѣтской» 502

«Не гордою возьмемъ борьбою» 504

Разговоръ въ Триолонѣ 505

Римъ 514

Неаполь 515

Праздникъ Рима 516

Папютинъ.

Жница 520

Падающая звѣзда (изъ Беранже) 521

Плещеевъ.

Двѣ дороги.....	524
Птичка.....	527
«О еслибъ знали вы, друзья, моей весны»....	529
Весна.....	530
Облака.....	532
«Здѣсь дни мои текутъ спокойно!».....	—
«Передъ ветхою избенкой.».....	533
Мой садикъ.....	534
«Передъ тобой лежитъ широкій, новый путь».	537
«Когда мнѣ встрѣтится истерзанный борьбою».	538
«О нѣтъ, не всякому дано».....	539
Молитва.....	540

А. Подолнискій.

Избранному.....	542
Первыя слезы.....	543
«Отгрянуло въ безднахъ творящее Слово».....	545
«Когда на душѣ твоей смутно».....	546

А. Полежаевъ.

Грѣшница.....	548
Валтасаръ.....	549
Водопадъ.....	552

Я. Полонскій.

Солнце и мѣсяць.....	553
У Аспазіи.....	555
«О подними свое чело!».....	556
Вечеръ.....	557
Бѣда проповѣдникъ.....	558
Статуя.....	560

А. Пушкинъ.

Эхо.....	563
----------	-----

	Стран.
Поэтъ	564
Поэту (сонетъ)	565
Стансы	566
Пророкъ	567
Клеветникамъ Россіи	568
Молитва	570
«Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ»	571
Воспоминаніе	—
Три ключа	572
«Безумныхъ гѣтъ угасшее веселье»	573
«Если жизнь тебя обманетъ»	574
«Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу»	—
Кавказъ	575
Странникъ (изъ Буньяна)	576
Осень	580
В. Пушкинъ.	
Кузничикъ	585
Смоковница	586
Волкъ и лисица	588
М. Розенгеймъ.	
Слово	590
Пустая церковь	594
Гр. Е. Растопчина.	
Возгласъ	598
Хранитель крестъ	599
За чѣмъ я молюсь?	600
«Я знаю, не долго миѣ жить остается»	601
Вѣрую	602
Полуночица	604
Первому другу	606
Колокольчикъ	608

Станкевичъ.

Мгновеніе 610

М. Стаховичъ.

Пѣсни 611

Пѣснь юности 612

Вечерняя пѣсня 613

А. Струговщиковъ.

Мужъ 615

Три слова (изъ Шиллера) 616

Надежда (изъ Шиллера) 617

Гр. А. Толстой.

Изъ поэмы: «Іоаннъ Дамаскинъ» 619

О. Туманскій.

Птичка 623

И. Тургеневъ

Изъ Поэмы 624

Деревня 625

Ю. Тютчевъ.

«Не остывшая отъ зною —» 627

«Какъ надъ горячею золой» 628

Слезы —

«Пошли Господь свою отраду» 629

Весеннія воды 630

Не вѣрь, не вѣрь поэту 631

Осенній вечеръ 632

Поэзія —

Колумбъ 633

Не то, что мните вы, природа 634

	Стран.
Весенняя гроза	635
Успокоеніе	636
«Не разсуждай, не хлопочи»	—
«Чему молилась ты съ любовью,»	637
 А. Фетъ.	
Весеннія мысли	638
«Быль чудный, майскій день въ Москвѣ»	639
«Вотъ утро сѣвера — сонливое, скупое»	640
Смерти	641
«Ужъ верба вся пушистая»	642
Мадонна	643
«Владычица Сіона, предъ Тобою»	644
 Н. Хемницеръ.	
Метафизикъ,	645
Дерево	647
Умирающій отецъ	649
Конь и осель	650
Кашей	651
Два семейства	652
 А. Хомяковъ.	
Вечерняя пѣснь	654
Труженикъ	655
Ночь	657
Звѣзды	658
Кремлевская заутреня на Пасху	659
Островъ	660
Къ дѣтямъ	663
«Не говорите: то былое,»	664
По прочтеніи псалма	666
«Подвигъ есть и въ сраженьи»	668

	Стран.
И. Цыгановъ.	
«Что ты рано травушка,».....	670
«Что ты, соловейшко,»	672
«Полетай соловейшко»	673
Х. Шевцовъ.	
Нищій.....	675
И. Ф. Щербина.	
Просьба весны.....	677
Человѣку	679
Поэтъ	681
Миньонъ.....	682
Невольная вѣра.....	683
И. М. Языковъ.	
Поэту	685
Подражаніе псалму XIV.....	686
Подражаніе псалму CXXXVI	687
Землетрясеніе.....	689
Хоръ, пѣтый въ Московскомъ благородномъ собраніи, по случаю прекращенія холеры въ Москвѣ.....	691
Молитва.....	692
Геній.....	—
Пловець.....	693
Сержантъ Сурминъ (быль).....	694

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.	строка.	Напечатано:	Читай:
14	10	Вавылъ	Завылъ
51	5	вдохроенныя	вдохновенныя
71	13	лучахъ	тучахъ
134	5	ладья	ладія.

На страницѣ 194 послѣ «посвященіе» пропущены слова: перевода «Фауста» памяти А. С. Пушкина.

И. АКСАКОВЪ.

На освобожденіе крестьянъ.

(19-го февраля 1861 года.)

День встаетъ багрянъ и пышетъ.
Долгой ночи скрылась тѣнь;
Новой жизни трепеть слышеть:
Чѣмъ-то вѣщимъ смотреть день!
Съ сонныхъ вѣждъ страхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна.

Такъ торжественно-прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно, —
И не помнится о злѣ,

Объ истекшихъ дняхъ страданья,
 О потратѣ многихъ силъ
 Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
 Въ безвременности могилъ!...

Пусть почиютъ мирно гробы
 Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
 Память имъ.... Но въ сердцѣ злобы,
 Ни вражды, ни мести нѣтъ.
 Все проститъ онъ безъ разчета,
 Устоявшій въ дни тревогъ,
 Онъ, чей духъ годину гнѣта
 Пережилъ и перемогъ....

Слышишь, новому онъ лѣту
 Пѣсню радости поетъ:—
 Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
 Братьямъ, съ братьевъ, снявшимъ гнѣтъ!
 Людямъ миръ, благоволенье!
 Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ....
 Дню вчерашнему—забвенье,
 Дню грядущему—привѣтъ!

Всенощная въ деревнѣ.

День вечерѣль. Косая тѣнь
Ложилась низко и широко....
Заутра праздникъ, вѣщій день
Ильи, гремящаго пророка....

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный!
Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣмъ благостной,
И звоишь смиряющій
Всѣмъ въ душу просится,
Окрестъ сзывающій,
Въ поляхъ разносится!....
Въ Холмахъ, селѣ большомъ
Есть церковь новая;
Воздвигла Божіи домъ
Сума торговая;
И службы Божія
Богато справлены,
Иконъ подножія
Свѣчми уставлены.
И старъ и младъ войдетъ:
Сперва помолится,

Поклонъ земной кладеть,
Кругомъ поклонится....
И стройно клирное
Несется пѣніе,
И дьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,
О всѣхъ трудящихся,
О тѣхъ, кому въ удѣлъ
Страданье задано.....
А въ церкви дымъ висѣлъ
Густой отъ ладана;
И заходящими
Лучами сильными
И вкось блестящими
Столбами пыльными —
Отъ солнца — Божій храмъ
Горитъ и свѣтится;
Стоитъ Алешка тамъ
И также свѣтится
Довольствомъ, радостью,
Здоровьемъ въ добрый часъ,
Удачей, младостью
И тѣмъ, что въ первый разъ
На кружку вынулъ онъ
Изъ сумы кожаной,

И слышатъ мѣдный звонъ
Копѣйки вложенной,
Въ трудѣ добытой имъ...,
Въ окно жъ открытое
Несется синій дымъ,
И пѣнье слитое.

В е ч е р ь .

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада.
Длинный день покончилъ рядъ заботъ;
По дворамъ давно загнали стадо
И косцы вернулись съ работъ.
Потемнѣть заря уже готова;
Тихо все. Часъ почти недалекъ.
Подымался и улегся снова
На закатѣ легкій вѣтерокъ!...
Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій
Слышенъ лай; промолвятъ голоса...
Пыль слеглась, остылъ песокъ горячій,
Пала сильно на землю роса.
По краямъ темнѣющаго свода
Тѣни все широкія слились:
Встрѣтить ночь готовится природа.
Запахи отсюда понеслись.

Въ тишинѣ жизнь новая творится:
 Зрячею проснулася сова,
 И встаетъ, и будто шевелится,
 И растеть, и шепчется трава!...

Д В Ъ Д О Р О Г И .

Прямая дорога, большая дорога!
 Простору не мало взяла ты у Бога:
 Ты вдаль протянулась пряма, какъ стрѣла,
 Широкою гладью, что скатерть, легла!
 Ты камнемъ убита, жестка для копыта,
 Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта...
 Въ тебѣ что ни шагъ, то мужикъ работалъ:
 Прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ;
 Все дружною силой и съ пѣснями взято, —
 Вколачивалъ молотъ и рыла лопата,
 И дебри топоръ вѣковые просѣкъ...
 Куда какъ упоренъ въ трудъ человекъ!
 Чего онъ не сможетъ, лишь было бѣ терпѣнье,
 Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!...
 А съ каменкой рядомъ, поодадь немножко,
 Окольная вьется, живая дорожка!
 Дорожка, дорожка, куда ты ведешь,
 Безъ званья ли ты, иль со званьемъ сльвѣшь?

Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвамъ и долинамъ, чрезъ рѣчку и гору!
Не много ты мѣста себѣ отняла:
Просторомъ телѣжнымъ легла, гдѣ могла!
Тебя не ровняли топоръ и лоната,
Мягка ты копыту и пылью богата,
И кочки мѣстами, и взрѣжетъ соха.
Грязна ты въ ненастье, а въ ведро суха!

—

* . *

Могучимъ юности призывамъ
Правдивый выслушай отвѣтъ:
Не уступай ея порывамъ,
Не вѣрь кипѣнью бурныхъ лѣтъ!
Ея любви восторгъ поспѣшный
Бѣжитъ труда; дороже ей
Ненужный шумъ борьбы потѣшной,
Красивый жаръ ея страстей;
Ей недоступенъ подвигъ темный,
И много грѣшной суеты
Таитъ нерѣдко пылъ нескромный
Ея возвышенной мечты!
И рѣчи, шумныя для слуха,
Въ разладѣ съ правдой и добромъ!....

Не въ блескъ дѣль, не въ буйствѣ духа
 Мы силы духа познаемъ!
 Пусть твердость мужа, съ безпощадной,
 Докучной зоркостью суда,
 Блюдетъ отъ той заразы смрадной
 Заслугу честнаго труда;
 И всѣхъ тщеславныхъ оболещеній
 Мятежъ корыстный усмиривъ, —
 Да будетъ святъ тебѣ призывъ
 Однихъ лишь строгихъ побужденій!
 Чтобъ, трезвымъ мужествомъ дыша,
 Ты не робѣлъ судьбы безславной,
 Чтобъ шелъ ты честно въ бой неравный,
 Чтобъ ненавидѣла душа—
 Гдѣбъ ни былъ ты, въ глуши-ль невидной,
 Иль на опасной высотѣ—
 При бодрыхъ силахъ сонъ обидный,
 Съ неправдой міра миръ постыдный,
 Потворство лжи и суеты!....

Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ;
 Не упрекнуть бездѣйствіемъ позорнымъ
 Мою тоску; какъ труженикъ, умѣлъ
 Работать я съ усердіемъ упорнымъ.

Моей душѣ тѣ годы не легки;
Скупымъ трудомъ не брезгалъ я лукаво,
И мнится мнѣ, — досуга и тоски
Купилъ себѣ я дорогое право!.....

Въ былые дни поэта чаровалъ
Блаженства сонъ, эдемъ въ неясной дали...
Почуявъ ложь, безумецъ тосковалъ
И были намъ смѣшны его печали!

И, осмѣявъ его безсильный плачъ,
Я въ жизнь вступилъ путемъ иныхъ мечтаній;
Къ трудамъ благимъ, къ рѣшенію задачъ,
На жаркій бой, на подвигъ испытаній

Всѣ помыслы, всѣ силы, всю любовь
Направилъ я и громъ далекій слышалъ!..
Лгала и ты, о молодая кровь,
Исчезъ обманъ, едва я въ поле вышелъ!

И понялъ я, что спить желанный громъ,
Что вмѣсто битвъ, нерѣдко събраннымъ духомъ
За комаромъ бѣжимъ мы съ топоромъ,
За мухою гоняемъ съ обухомъ!

И понялъ я, что подвиговъ живыхъ,
Блестящихъ жертвъ, борьбы великодушной
Пора прошла — и намъ, въ замѣну ихъ,
Борьбы глухой достался подвигъ скучный!

Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни!
И юности лукавые порывы
Опасны намъ — затѣмъ, что всѣ они
Такъ хороши, такъ ярки, такъ красивы!..

Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка:
Сгараетъ въ немъ порыва скорый пламень;
Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
Онъ точитъ дубъ... Долбить и капля камень.

Невзрачный путь! тебѣ я вѣренъ былъ!
Лишенъ ты всей отрады упоенья,
И дерзко я на сердце наложилъ
Тяжелый гнетъ упорнаго терпѣнья!...

Но слышно мнѣ, порой, въ тиши работъ,
Что бурныхъ силъ не укротило время!...
Когда же власть, скажи, твоя пройдетъ,
О молодость, о тягостное бремя?...

Не дай душѣ твоей забыть,
Чѣмъ силы въ юности кипѣли,
И вмѣсто блага, вмѣсто цѣли,
Одно стремленье полюбить.

Привычка — зло. Однимъ усталымъ
Отраденъ духъ ея пустой...
Стремясь, не будь доволенъ малымъ
И не мирись своей душой!....

Хоть грезимъ мы, что цѣли ясны,
Что крѣпокъ духъ и проченъ пылъ.
Но для души лѣнивыхъ силъ
Пути нескорые опасны!
Но слышетъ жаръ съ теченьемъ лѣтъ,
Но каждый подвигъ нашъ душевный,
Прожитый жизнью ежедневной,
Готовъ утратить прежній цвѣтъ!

Б. АЛМАЗОВЪ.

Орлеанской дѣвѣ.

по поводу поэмы Вольтера.

(вольное подражаніе Шиллеру.)

Развѣнчанъ вновь твой образъ благородный,
Повержень въ прахъ, поруганъ и погранъ!
Суровъ и скоръ насмѣшки судъ холодный:
Чудесное ей призракъ иль обманъ.
Она ли глубь души твоей измѣритъ?
Расудокъ злой постигнетъ ли тебя?
Небесному открыто онъ не вѣритъ,
Прекрасному смѣется про себя.
Ему ль, рожденному во прахъ пресмыкаться
И ощупью ползти сомнѣнія тропой,
Широкой мыслию отъ міра оторваться,
И къ небу взлетѣть небесною мечтой?

Но не крушись! Заоблачнаго края
И горнихъ сновъ есть память не землѣ:
Еще горитъ, какъ вѣчный отблескъ рая,
Поэзія; какъ молнія святая,
Она блещитъ блуждающимъ во мглѣ.

Какъ ты, чужда преступнаго сомнѣнья,
 Младенчески довѣрчива, какъ ты,
 Она пойметъ души твоей стремленья,
 Почтить твои завѣтныя мечты, —
 И призоветъ къ нетлѣнному зеркалу
 Твоихъ судей, и судъ свой изречеть,
 Съ главы твоей народную опалу
 Торжественно предъ міромъ совлечеть,
 И памятникъ святой тебѣ соизждетъ
 И въ міръ поэтъ, защитникъ твой придетъ,
 И образъ твой стихомъ горящимъ выжжетъ
 Въ сердцахъ людей, — и правда оживетъ.

Насмѣшки судъ отраденъ черни грубой:
 Онъ за нее душамъ высокимъ мстить;
 Смѣяться зло душамъ холоднымъ любо
 Надъ тѣмъ, чего ихъ разумъ не вмѣститъ.
 И все, что надъ толпой поставлено высоко,
 Что дышетъ подвигомъ, что мыслию парить, —
 Величье генія, сіяніе пророка —
 Тупую чернь смущаетъ и страшитъ:
 Всему, что высшее избранье воспріяло,
 Міръ воздвигалъ гоненье искони,
 Но небо искони на землю посылало
 Поборниковъ прекраснаго: ихъ мало —
 Но вышнихъ силъ избранники они.

Пусть скоморохъ своею шуткой грязной
 На шумной площади плѣняетъ и смѣшитъ

Сердца зѣвакъ, и чернь толпою праздною
Вокругъ него тѣснится и шумитъ;
Но въ тихій храмъ, предъ жертвоприношеньемъ,
На строгій зовъ суроваго жреца
Стеклись немногіе, но свято ихъ стремленье, —
И тихо теплятся огнемъ благоговѣнья
Немногія, но лучшія сердца.

Гроза.

Блится день томительный и душный,
Но туча за горой угрюмая взошла,
И грозно двинулась громадою воздушной,
И черной мглой все небо облегла,

И тѣнь и мракъ на землю опустились.
Замолкнулъ лѣсъ, недвижно лепо воды,
И вѣтеръ стихъ, и птицы притаились,
И вся земля благоговѣнно ждетъ.

И вдругъ съ небесъ рванулся вихрь могучій,
Вавиль, и съ яростью пронесся черезъ поля,
Взвилася пыль, крутятся столбомъ летучица,
Разсѣкла молнія серпомъ горящимъ тучи, —
И грянулъ громъ, — и дрогнула земля.

Прекрасенъ ты, могучій громъ небесный!
Греми и потрясай сердца людей и долъ:
Въ юдоли сей унылой, душевной, тѣсной,
Ты намъ привѣтъ изъ родины безвѣстной,
Страны таинственной таинственный глаголь.

Безмолвны небеса, — и суетно и шумно
Земля заботами обычными кипить,
И страсти пылкія волнуются безумно:
Князь міра властвуетъ и страхъ Господень спить;

Но грянулъ громъ, и суетныя рѣчи
Затихли, замеръ смѣхъ мгновенно на устахъ,
И предъ иконами затеплился свѣчи —
Молитва теплится въ очнувшихся сердцахъ.

Греми же, праведный, могучій громъ небесный,
И землю грѣшную громи и потрясай,
И насъ торжественно, какъ благовѣсть воскресный
Отъ нѣги и трудовъ къ молитвѣ призывай.

Пусть голосъ твой могучій прерываетъ
Унылый ходъ всеневныхъ дѣлъ и думъ,
И дѣтской робостью намъ сердце размягчаетъ
И хоть на мигъ смущаетъ смѣлый умъ.

Для нашихъ думъ, для силы мысли мощной,
Сокрытыхъ тайнъ въ подлунномъ мірѣ нѣтъ —
Измѣрилъ все разсудокъ мѣрой точной,

На все, на все заранѣ и заочно,
Готовы въ насъ рѣшенье и отвѣтъ.

Чредой знакомою предъ нами жизнь мелькаетъ,
Повсюду будничный, однообразный видъ:
Ничто нашъ взоръ внезапнымъ не пугаетъ,
Ничто нашъ умъ загадкой не дивитъ.

И средь заботъ, расчетовъ и пороковъ,
Безцвѣтно наша жизнь влечется безъ чудесъ,
Безъ слова грознаго разгнѣванныхъ пророковъ,
Безъ грозныхъ знаменій разгнѣванныхъ небесъ.

Но въ мигъ, когда земля дрожитъ и стонетъ,
И твердь небесная сверкаетъ и горитъ,
И въ лавѣ огненной окрестность грозно тонетъ,
И съ ревомъ вихрь за тучей тучу гонитъ,
И на землѣ все стихнетъ и молчитъ, —

И въ злой тоскѣ, какъ предъ кончиной міра,
Томясь, какъ грѣшница, природа мрачно ждетъ,
Когда палящій огонь съ небеснаго эмира
По гласу трубному, какъ мстящая сѣкира,
На землю съ грохотомъ и трескомъ упадетъ: —

Тогда, какъ въ мигъ святаго откровенья,
Намъ слышится знакомый сердцу гласъ,
Давно въ шуму житейскаго волненья
Неслышный намъ, звучащій вѣчно въ насъ.

Когда, жь гроза надъ нами пронесется,
И солнце выглянетъ, и птички запоютъ,

И, освѣженная, природа улыбнется,
И травы аромать роскошно разольютъ,

И съ свѣжимъ воздухомъ отрадою спокойной
Въ открытое окно пахнетъ на нашу грудь, —
Бодрѣи и радостнѣи съ душою обновленной
Глядимъ мы вдаль на трудный жизни путь;

Еще въ жару святаго впечатлѣнья,
Душа небесными глаголами полна:
Яснѣи свое небесное рожденье
И сознаеть, и чувствуетъ она;

Не тѣсно ей въ земномъ жилищѣ тѣсномъ,
Привольнѣи жить подъ кровомъ, ей роднымъ:
И жарче вѣруемъ мы чудесамъ небеснымъ,
Живѣе вѣрится и подвигамъ земнымъ;

Въ одеждѣ праздничной тогда все блещеть
вѣ мѣрѣ.

Спадаетъ съ думъ заботъ тяжелый гнетъ,
И наша мысль торжественнѣи и шире
Возноситъ къ небесамъ свой царственный полетъ,

Роскошиѣи сновъ безгрѣшныя видѣнья
Лелѣютъ чистыхъ дѣвъ и отроковъ сердца,
И величавѣе нисходитъ вдохновенье
На душу тихую пѣвца.

Успокоеніе.

Пора моей весны, пора очарованій,
 Пора безпечныхъ сновъ, надеждъ и ожиданій,
 Какъ неожиданно, какъ рано скрылась ты!
 Гдѣ сны волшебные? гдѣ страсти и мечты?
 Тревожный сердца жаръ, надеждъ лукавый шепотъ?
 Восторговъ бредъ больной, сомнѣнья праздный ропотъ?

Все стихло, замерло среди мірскихъ невзгодъ,
 Подъ гнетомъ тягостнымъ лишеній и заботы!

Да, съ утра дней моихъ, среди семьи родимой,
 Уже тѣснилъ меня мой рокъ неумолимый,
 Но я на зло ему средь бурь и непогодъ
 Юдолю жизни сей упрямо шелъ впередъ:
 Какой-то бѣшеной отвагой одержимый,
 Бросая къ цѣли я всегда недостижимой
 Путемъ, гдѣ болѣе видѣлось мнѣ преградъ,
 И схваткѣ съ недругомъ, какъ пиршеству былъ радъ.
 И жизнь отмстила мнѣ безжалостно, жестоко:
 Изломанный въ борьбѣ, униженный глубоко,
 Средь битвы жизненной я палъ на полпути,
 И дальше никуда не въ силахъ былъ идти.

Но я благодарю всечасно Провидѣнье
 За всѣ несчастія, страданья, униженья,

Опасно для души заносчивой моей;
 Увы, быть-можетъ, въ ней съ возвратомъ дней
счастливыхъ,
 Проснется скопище надеждъ самолюбивыхъ,
 И страсти прежнія, воспринувъ закипятъ,
 И гордость разольетъ по сердцу острый ядъ,
 И юность вспыхнетъ вновь, — и счастья голосъ
мнимый
 Смутить покой души, покой невозмутимый.

П о в ѣ щ е н і е.

I.

Надъ Римомъ и міромъ всевластно царилъ
 Державнѣйшій царь Θεодосій:
 Византію съ Римомъ онъ снова сплотивъ
 Въ одномъ безпредѣльномъ колоссѣ.
 Онъ царствовалъ мудро. Спокоенъ въ бѣдахъ,
 И кротокъ въ пылу совѣщаній,
 Онъ былъ неуспяненъ въ державныхъ трудахъ
 И страшенъ былъ на полѣ брани.
 Онъ поднялъ и властью своею осѣнилъ
 Попранные въ прахъ законы,
 И древною доблесть, и силу, и пылъ
 Вдохнулъ онъ въ свои легіоны;

И мощной рукою одинъ удержалъ
Паденье всемирной державы. —
И ярко и пышно при немъ возсіялъ
Закатъ ея гаснущей славы.

Но труденъ и тягостенъ подвигъ царевъ.
Кто въ силахъ, подъ бременемъ власти,
Средь распрей гражданскихъ и бранныхъ трудовъ,
Средь хитрыхъ навѣтовъ корыстныхъ льстецовъ,
Бороться съ порывами страсти?

Въ далекой Солуни безумной толпой
Часть черни на власти возстала,
И звѣски начальника стражи градской,
Любимца царя, растерзала.
Намѣстникъ солунскій на судъ не призвалъ
Виновныхъ, но въ тайномъ доносѣ
Про бунтъ и убійство въ Миланъ написалъ,
Гдѣ съ царственнымъ домомъ своимъ пребываютъ
И съ сонмомъ вельможъ Θεодосіи.
И яростнымъ гнѣвомъ монархъ воспылалъ,
И быстро въ пылу изступленья
Дрожащей отъ гнѣва рукой начерталъ
Вошскимъ властямъ повелѣнье —
Чтобъ въ городъ мятежный немедля послать
Трибуна съ отборной дружиной,
Всѣхъ жителей именовъ царскимъ созвать,
И всѣхъ истребить до едина.

II.

Шумить и ликуеть въ Солуни народъ —
 Всѣмъ радость повѣдалъ глашатый:
 «Царь новыя игры народу даетъ
 И всѣхъ безъ изъятія на праздникъ зоветъ:
 Всѣ гости — бѣднякъ и богатый.»

Отъ хижинъ убогихъ до гордыхъ палатъ
 Ликуетъ весь городъ сердцами:
 Одѣлися жены въ свой новый нарядъ,
 Украсились дѣвы цвѣтами,
 Прервались работы, и тяжбы, и судъ,
 Торговая площадь пустѣеть,
 И съ криками дѣти изъ школы бѣгутъ,
 И рабъ забываетъ неволю и трудъ,
 И старецъ душой молодѣеть.
 И за городъ хлынулъ солунскій народъ,
 Подобно отливу морскому,
 И съ шумомъ рванувшись изъ тѣсныхъ воротъ,
 Потекъ по пути къ гипподрому.
 И зрителей жадныхъ несмѣтной толпой
 Наполнилось древнее зданье;
 Явился намѣстникъ, знакъ подалъ рукой,
 И вмигъ началось средь арены большой
 Коней быстроногихъ ристанье.

Помчались кони, несутся, летятъ,
Мелькаютъ наѣздниковъ лица,
Блеститъ и мелькаетъ ихъ яркій нарядъ,
Роскошныя сбруи блестятъ и звенятъ,
Блестятъ и гремятъ колесницы.
И носятся кони: на гривахъ кипитъ
И брызжетъ горячая пѣна
И прыгаютъ искры отъ быстрыхъ коней,
И мѣрно и глухо подъ ними звучитъ
И стонетъ протяжно арена.
Любуется все въ упоеньи нѣмомъ,
Всѣмъ взоромъ слѣдятъ за конями,
И въ дѣтскомъ веселіи весь гипподромъ
Слился во едино очами.
Шумятъ одобренья какъ бурный потокъ.
Ристателямъ смѣлымъ заранѣ
Побѣдную пальму, дары иль вѣнокъ
Ужь вслухъ предрекаютъ граждане,
И судятъ и бьются они объ закладъ
И въ споръ межъ собою вступаютъ,
Чьи рѣзвые кони впередъ долетятъ,
И съ трепетомъ сердца за ними слѣдятъ
И мысленно съ ними летаютъ.

Ужь кони свершаютъ послѣдній свой кругъ
И громче грохочетъ арена,
Тревожище бьются сердца всѣхъ... и вдругъ
Раздалися вопли, оружія стукъ,

И крики: «мы гибнемъ, измѣна!»
 Всѣ вмигъ оглянулись въ испугѣ назадъ:
 Всѣ заняты входы войсками,
 Врывается въ циркъ за отрядомъ отрядъ,
 И путь разсѣкаетъ мечами;
 Повсюду смятенъе, отчаянный страхъ,
 Всѣ съ крикомъ другъ къ другу тѣснятся,
 Сверкаетъ оружье, вздымается прахъ,
 И плаваютъ трупы въ кровавыхъ волнахъ,
 И трупы на трупы валятся.
 И тщетны угрозы, рыданья, мольбы,
 Бесильны отпоръ и боренье;
 Все, старцы и дѣвы, граждане, рабы—
 Все — жертва свирѣпаго мщенья.
 Напрасно за жизнь драгоценныхъ дѣтей
 Несчастныя матери молятъ,
 Лобзаютъ колѣна своихъ палачей:
 Не слышать убійцы ихъ жаркихъ рѣчей,
 Все рубятъ и топчутъ и колютъ.
 Скамьи и арену и ложи кругомъ,
 И мраморныхъ лѣстницъ уступы,
 Балконы, перила и весь гинподромъ
 Покрыли кровавые трупы.

Солунь опустѣла, бродили по ней
 Лишь хилые старцы въ печали,
 Да малыя дѣти своихъ матерей
 Напрасно въ слезахъ призывали.

III.

На стогнахъ народъ весь миланскій стоялъ;
Былъ праздникъ великій Успенья,
И царь православный въ сей день пожелалъ
Святое принять причащенье.
И самъ литургію былъ долженъ свершать
Епископъ миланскій Амвросій,
И тайныхъ небесныхъ даровъ благодать
Въ соборѣ отъ мужа святаго принять
Сподобиться мнилъ Θεодосій.
Осыпавъ обильно монарху весь путь
Вѣтвями деревьевъ и цвѣтами,
На царскій торжественный поѣздъ взглянуть
Тѣснились Миланцы толпами.
И ждали всѣ долго въ молчаньи—и вотъ
Вдругъ съ шумомъ народъ встрепенулся,
Отъ царскихъ палатъ до соборныхъ воротъ
Какъ яркая лента торжественный ходъ
Блестя и вѣясь потянулся.
И стройной громадою, всѣхъ впереди,
Сомкнувшись густыми рядами,
Бряцающа доспѣхомъ, блистая въ мѣди,
Прошли легіоны съ орлами.
За ними, красуясь на статныхъ коняхъ,
Попарно, въ одеждѣ парчевой,
Всѣ въ златѣ, сребрѣ, въ самоцвѣтныхъ камняхъ,

Сановники, слуги царевы,
И стржи его въ драгоцѣнной бронѣ
Тянулись златой вереницей.
И вот вслѣдъ за ними на бѣломъ конѣ
Въ алмазномъ вѣницѣ, въ багряницѣ,
Какъ ясное солнце за свѣтлой зарей,
Самъ царь наконецъ показался,
И радостный кликъ, какъ раскатъ громовой,
По волнамъ народнымъ промчался.
И звонъ колокольный сильнѣй зазвучалъ,
Вѣщая царя приближенье
И въ сонмѣ ереевъ на паперть предсталъ
Епископъ во всемъ облаченьи.
Подъѣхалъ весь поѣздъ къ соборнымъ вратамъ,
Съ коней своихъ всадники сходятъ,
И вслѣдъ за царемъ по восточнымъ коврамъ
На паперть высокую всходятъ.
И царь богомольный, склонившись главой,
Обычаю церкви послушный,
Подходить къ владыкѣ съ простертой рукой,
Да знаменемъ крестнымъ епископъ святой
Его осѣнитъ благодушно.

Но въ ужасѣ быстро предъ нимъ отступилъ
Святитель и, взоромъ сверкая,
Отыди, убійца, отъ насъ,» возгласилъ,
«Ты душу злодѣйствомъ свою осквернилъ

Какъ Иродъ невинныхъ карая!
 И ты дерзновенный помыслилъ предстать
 Предъ жертвенникъ храма святаго,
 Чтобъ страшныхъ божественныхъ тайнъ воспринять
 Средь кроткаго стада Христова.
 Какъ примешь ты тѣло честное Христа
 Десницей, въ крови орошенной?
 Какъ крови Господней коснутся уста,
 Изрекшія судъ изступленный?
 Я властью мнѣ данной рѣшить и вязать
 Отъ церкви тебя отлучаю,
 Престану въ молитвахъ тебя помянуть
 И входъ тебѣ въ храмъ возбраняю».

— Владыко святой, такъ монархъ возразилъ
 Въ слезахъ и великомъ смущеньи,
 И Царь-Псалмопѣвецъ убійство свершилъ,
 Но Богъ милосердый его не лишилъ
 Святой благодати прощенья.

Епископъ въ отвѣтъ: «Ты умѣлъ подражать
 Давиду царю въ злодѣяньи
 Умѣи же какъ онъ со смиреньемъ принять
 Тяжелый вѣнецъ покаянья.
 И денно и ноцно молитву твори
 И въ мысляхъ своихъ и устами.
 Покорностью царственный духъ свой смири,
 И грѣшное тѣло постомъ изнури,

И сердце очисти слезами!
Тогда-то въ предверіи церкви святой,
Моля у прохожихъ прощенья,
Измученный, плачущій, блѣдный, босой,
Въ толпѣ аріанъ съ непокрытой главой,
Предстанешь ты здѣсь въ униженьи,
Да въ очью узрить въ униженьи твоёмъ
Народъ твой и съ нимъ всѣ языки,
Что царь всемогущій съ послѣднимъ рабомъ
Равны передъ вѣчнымъ незримымъ судомъ,
Всевышняго міра Владыки».

Такъ, гнѣвомъ великимъ исполнясь, вѣщаль
Царю всенародно святитель,
И грознымъ упрекамъ смиренно внималъ
Могучій вселенной властитель.
Потупилъ онъ взоры, поникнулъ челомъ,
И сжалоса горестно сердце,
И ужасъ объялъ, какъ предъ страшнымъ судомъ,
Безстрашную грудь самодержца.
Онъ сбросилъ порфиру, снялъ царскій вѣнецъ
И робкой, смиренной стопою
Черезъ шумные стогны въ свой пышный дворецъ
Побрелъ съ непокрытой главою.

Какъ чудомъ небеснымъ народъ пораженъ
Молился и плакалъ въ печали,
И въ злобѣ безсильной подъ вопли и стонъ

Межь тѣмъ царедворцы роптали,
И шумно надменной и дерзкой толпой
Епископа всѣ обступили,
И ссылкой, и казнью, и вѣчной тюрмой,
И пыткой грозя, говорили:
«Что сдѣлалъ ты, дерзкій безумецъ? Какъ могъ
Царю нанести оскорбленье,
Откуда пришелъ ты неожиданный пророкъ,
Кто властью тебя непонятной облекъ
Царямъ изрекать отлученье?
Ты пастырь, служитель простой алтаря,
Онъ вождь нашъ, всѣмъ міромъ избранный,
Тебѣ ли вступаться въ дѣянья царя,
Совѣтникъ, учитель незванный?
Скажи, какъ дерзнулъ ты въ безумствѣ своемъ,
Права преступивъ гражданина,
Предъ войскомъ, народомъ и цѣлымъ дворомъ
Судить и карать властелина?
Что станетъ съ войскомъ, что скажетъ народъ.
Въ комъ будетъ къ властямъ уваженье,
Когда самъ святитель примѣръ подаетъ
Къ лицу вѣнценосца презрѣнья?
Опомнись, безумный, бѣги ты къ царю,
Моли всенародно прощенья,
Зови неотступно его къ алтарю
И даруй грѣховъ отпущенье.»
— Къ царю не пойду я, епископъ вѣщаль,
Въ чемъ стану молить я прощенья?

А часъ вождѣнный еще не насталъ
 Съ главы его снять отлученье.
 Пускай меня кесарь на плаху пошлетъ,
 По стогнамъ народомъ кипящимъ
 Пойду со смиреньемъ,—да узритъ народъ
 Покорность властямъ предержащимъ.
 Но знайте: ни плаха, ни тяжесть цѣпей,
 Ни пытки ужасной мученье
 Не всслахъ исторгнуть изъ груди моей
 Монарху грѣховъ отпущенье.
 Пусть срокъ покаянья и плача пройдетъ,
 И тяжкое бремя проклятья
 Съ души, обновленной слезами, спадеть,
 И церковь, какъ мать, его призоветъ
 Въ простертыя нѣжно объятя.

IV.

И срокъ покаянья влчился какъ вѣкъ,
 И девять прошло полнолуній
 Со дня, какъ властитель во гнѣвѣ изрекъ
 Погибель мятежной Солуни.

Былъ праздникъ, но съ скорбью великой въ
 сердцахъ
 Тотъ праздникъ встрѣчали въ Миланѣ:
 Съ душой сокрушенной, въ печали, въ слезахъ,
 Толпились на стогнахъ граждане.

Съ лицомъ изнуреннымъ суровымъ постомъ,
Босой и полуобнаженный,
Потупивши взоры свои со стыдомъ,
Какъ сынъ расточитель въ отеческій домъ,
Шелъ грозный властитель вселенной
Принестъ покаянье предъ храмомъ святымъ,
Смиренья высокаго полный.
И съ плачемъ и воплемъ великимъ за нимъ
Стремилась народная волна.
Слезами и скорбью дѣляся съ толпой
Какъ съ нѣжной семьею своею,
Дошелъ онъ до церкви, и съ жаркой мольбой
Во прахъ распростерся предъ нею,
И въ прахъ вмѣстѣ съ нимъ передъ церковью палъ
Народъ весь и билъ себя въ перси,
И вслѣдъ за монахомъ къ владыкѣ зывалъ:
«Я грѣшникъ великій, спасенья взалкалъ,
Отверзи мнѣ двери, отверзи!»
И двери отверзлись. Какъ гость неземной,
Святитель изъ храма явился:
Ликъ мужа честнаго любовью святой
И радостью горней свѣтился.
Онъ поднялъ монарха десницей своей
Изъ праха съ слезой умиленья,
При радостномъ звонѣ миланскихъ церквей
И клира торжественномъ пѣньи.
И тайною силой небесныхъ даровъ
Рабъ Божій монархъ укрѣпился,

И церкви вселенской подь отческій кровъ
Онъ въ паству Христа возвратился.
И снова, съ главой, осѣненной вѣнцомъ,
При радостномъ кликѣ народномъ,
Бодръ духомъ и сердцемъ и свѣтель лицомъ
Потекъ по ликующимъ стогнамъ.

И съ онаго дня архипастырь съ царемъ,
Сдружась неразрывно сердцами,
Дѣлились по братски досугомъ, трудомъ
И думъ величавыхъ плодами.
Епископъ божественнымъ словомъ любви
И силой отеческой власти
Смирялъ у монарха въ кипучей крови
И гнѣва порывы и страсти.
И царь, осѣненъ благодатью святой,
Весь духомъ любви просвѣтился,
И въ блескѣ иномъ съ обновленной душой
Прекрасенъ онъ міру явился,
И сталъ милосердъ и къ народамъ своимъ
И варваровъ къ почищамъ дикимъ.

Епископъ былъ церковью признанъ святымъ,
А царь Θεодосіи судомъ вѣковымъ
Потомства былъ признанъ Великимъ.

И с т и н а.

I.

Когда вѣнецъ державный Кира
Могучій Даріи принималъ,
На праздникъ царственнаго пира
Своихъ вельможъ онъ созывалъ.
Съ предѣловъ Индіи богатой,
Изъ африканскихъ знойныхъ странъ
Съ долигъ песчаныхъ Арарата,
Изъ стѣнъ цвѣтущихъ Экбатавъ
Сатрапы гордые толпами
Стеклися въ трепетѣ нѣмомъ,
И съ драгоценными дарами
Простерлись въ прахъ передъ царемъ,
И царь съ безмолвными гостями,
Въ забвенье царственныхъ тревогъ,
На ложѣ убранномъ цвѣтами
За пышной трапезой возлегъ.
Раздалось дѣвъ стыдливыхъ пѣнье,
Раздался звонъ согласныхъ лиръ,
И, какъ волшебное видѣнье,
Блисталъ роскошный царскій пиръ.
Востока вина дорогія
Багряно—свѣтлою струей
Лилися въ кубки золотые
Съ искусной эллинской рѣзбой;

Съ кошницъ тяжелыми кистями
 Янтарный падалъ виноградъ;
 Съ курильницъ легкими волнами
 Струился нѣжный ароматъ;
 И грезы сладостной дремоты
 Гоня прохладою живой,
 Кругомъ шумѣли водометы
 Неистошимою струей.
 И пышно рдѣлъ въ лучахъ заката
 Высокій мраморный чертогъ,
 Весь убранъ въ ткани, жемчугъ, злато —
 Во все, чѣмъ Индія богата,
 Чѣмъ древле славился Востокъ.

Блистаеть пирь... звучать цѣвницы,
 Струится токъ завѣтныхъ винъ...
 Но грустны сумрачныя лица
 Гостей, и мраченъ властелинъ.
 Съ главою миртами увитой
 Задумчивъ, блѣденъ и унылъ,
 Склонившись на руку ланитой,
 Онъ передъ чашей позабытой
 Молчанье грозное хранилъ.
 И всѣ вокругъ, полны боязни,
 Ужь ждали словъ свирѣпой казни,
 И каждый съ ужасомъ читалъ
 Свой приговоръ на мрачномъ ликѣ
 Востока новаго владыки,

И слова роковаго ждалъ;
 Но царь, какъ туча громовая
 Полна перуновъ, но нѣмая,
 Былъ мраченъ, грозенъ и молчалъ.
 И будто вдругъ внезапнымъ шумомъ
 Отъ сна средь ночи пробужденъ,
 Вздогнулъ и оглянулся онъ,
 И взоромъ зоркимъ и угрюмымъ
 Гостей трепещущихъ обвелъ,
 И рекъ средь общаго смятенья:

— Въ ту ночь, когда на свой престолъ
 По волѣ неба, я взошелъ,
 Мнѣ снилось странное видѣнье.
 Мнѣ снилось, будто я стою
 Одинъ въ невѣдомомъ краю:
 Вокругъ меня холмы крутые,
 Пески, утесы скалъ нагихъ,
 И рощи кедровъ вѣковыхъ
 И маслинъ, и сады густые,
 И кровли хижинъ по холмамъ;
 И возвышался предо мною
 Въ развалинахъ какой-то храмъ,
 Поросшій мохомъ и травою.
 Стою... Вдругъ кто-то за скалою
 Меня по-имени назвалъ:
 Я оглянулся — и предсталъ
 Моимъ очамъ въ одеждѣ бѣлой

Какой-то отрокъ гордый, смѣлый,
И строгимъ голосомъ сказалъ:

«Трепещетъ все передъ тобою.
«Твой жребій славецъ и высокъ:
«Ты цари! Призналъ тебя Востокъ
«Своимъ вождемъ и судією!
«Заслышавъ зовъ единый твой,
«Какъ ярый вихрь, въ кровавый бой
«Полки послушные стремятся,
«И жены юныя толпой
«Вкругъ ложа твоего тѣснятся.
«Въ гордынѣ сердца своего,
«Ты мнишь, что ты всему владыка,
«И что въ землѣ твоей великой
«Сильнѣе, выше ты всего.

«Но знай, не все передъ тобою
«Склонилось съ трепетомъ нѣмымъ,
«Не все съ покорностью слѣпою
«Внимаетъ прихотямъ твоимъ.
«Скажи же мнѣ, о царь надменный
«Что крѣпче, выше всѣхъ царей,
«Что, послѣ Бога, во вселенной
«Все движетъ властью потаенной, —
«Что на землѣ всего сильнѣй?»
И трижды отрокъ дерзновенный
Меня сурово вопрошалъ,
Но я безмолвный и смущенный,

Какъ въ преступленьи уличенный,
Потупя взоръ, ему внимагь.
Съ тѣхъ поръ во мнѣ неумолимый
Все голосъ отрока звучить,
И мнѣ вопросъ неразрѣшимый
Неумолкаемо твердить,
И гонить сонъ, и сердце гложеть....
Готовъ я царство раздѣлить
По-братски съ тѣмъ, кто мнѣ поможетъ
Вопросъ ужасный разрѣшитъ!
Внимайте жь царское велѣнье:
Пускай о царскомъ сновидѣнны
Узнаетъ вѣрный мой народъ,
И только на небѣ блеснетъ
Надъ Вавилономъ лучъ денницы,
Вы кличьте кличъ по всей столицѣ:
Сзывайте книжниковъ, жрецовъ,
Волхвовъ, пророковъ іудейскихъ,
И звѣздочетовъ всѣхъ халдейскихъ,
И всѣхъ восточныхъ мудрецовъ,
И чтимыхъ праведно молвою
Въ народѣ, старцевъ и мужей, —
Да всѣ предстанутъ предо мною
Въ совѣтной храминѣ моей,
И свѣтомъ мудрости освѣтятъ
Мой умъ, блуждающій во мглѣ,
И мнѣ торжественно отвѣтятъ
Что всѣхъ сильнѣе на землѣ?»

II.

За утро съ первыми лучами
Стеклися тихими толпами
Въ совѣтной хранилѣ царей
Вокругъ сіяющаго трона
Жрецы и власти Вавилона
И сонмъ мудрѣйшихъ изъ мужей.

Суровый думой изнуренный,
Дворомъ и стражей окруженный,
Явился Дарій и възсѣлъ,
И вызвать трижды повелѣлъ
Онъ мудрецовъ на состязанье.
И трижды царское воззванье
Глашатый громко возгласилъ,
Но долго робкое молчанье
Весь сонмъ вокругъ него хранилъ.
Но вотъ собранье разступилось
И передъ сумрачнымъ царемъ
Вдругъ трое юношей явилось
Съ открытымъ взоромъ и челомъ.

Въ нихъ сердце правдой пламенѣло,
Ихъ ложь опутать не успѣла,
Имъ опытъ усть не заковалъ.
И первый юноша вѣщалъ:

— Есть въ мірѣ много силъ великихъ,
 Благихъ и кроткихъ, злыхъ и дикихъ,
 И каждой власть своя дана;
 Но есть одна... и нѣтъ ей равной —
 То сила влаги своенравной,
 То сила чудная вина.
 Вино со дна души унылой
 Уноситъ бремя злыхъ заботъ,
 Вливаетъ въ слабыхъ жизни силы
 И чадомъ воинскаго пыла
 На гибель робкаго влечетъ;
 И лютымъ гнѣвомъ воспалитъ
 И злобой кроткія сердца,
 И души черствыя смягчаетъ,
 И вдругъ безумствомъ поражаетъ
 Высокій разумъ мудреца.
 Оно не внемлетъ сильнымъ міра,
 Не чтитъ священный блескъ сѣдинъ,
 Предъ нимъ равны богачъ и сирый,
 И рабъ, и мощный властелинъ.

Вино нашъ другъ, но другъ опасный
 И счастливъ тотъ, кто свой фіалъ
 Лишь влагой чистою и ясною
 Изъ волнъ Хоаспа наполняетъ ¹.

¹ Древніе персидскіе цари пили воду только изъ рѣки Хоаспа. Даже въ самыхъ дальнихъ походахъ бочки съ этою водою сопровождали ихъ повсюду.

Такъ первый юноша вѣщалъ,
И общій шопоть одобренья
Заслышавъ въ радостномъ смущеньи,
Умолкъ витія молодой.
И началъ рѣчь свою второй:

«Великъ и крѣпокъ строй природы
Могучъ стихій ея напоръ,
Грозны морей свирѣпыхъ воды
И высоки твердыни горъ;
Но надъ природой непокорной
Въ борьбѣ открытой и упорной,
Сломивъ гордыню силы злой
Царить безстрашно родъ людской.
Но тѣ, предъ кѣмъ молчатъ стихии,
Предъ кѣмъ смирился моря
И пали горы вѣковья,
Благоговѣнно клонятъ выи
Предъ дивной властію царя.

Да силенъ царь! Онъ стягъ священный
Народовъ, стражъ ихъ неизмѣнный.
Одинъ по волѣ движетъ онъ
Толпы безчисленныхъ племенъ:
Речетъ, — и зиждутся законы;
Речетъ, — и грады въ прахъ падутъ,
Речетъ, — и въ страхъ миллионы
На смерть безропотно идутъ;

Речеть, — и злобою объято,
 На царство царство возстаетъ,
 И братъ подьмется на брата,
 И родъ подьмется на родъ;
 Речеть, — и братски послѣ бою
 Народы объ руку идутъ, —
 Сгарая лютою враждою,
 Другъ другу руку подають.
 И сколько странъ неизмѣримыхъ,
 Племенъ въ враждѣ непримиримыхъ,
 Связуетъ въ царство онъ одно,
 Какъ некрушимое звѣно!
 «Разсѣй же, царь, свои сомнѣнья,
 Забудь о мрачномъ сновидѣннѣи,
 И вѣрь: святая власть царей
 Здѣсь на землѣ всего сильнѣи.»

— Да да! ты всѣхъ сильнѣи! и кто же,
 Кто дерзкій усомнится въ томъ?
 Воскликнулъ дворъ и всѣ вельможи —
 И пали ницъ передъ царемъ.
 Но юный царь нетерпѣливо
 Восторга шумнаго порывы
 Суровымъ взглядомъ вдругъ прервалъ,
 И третій юноша вѣщаль:

«Такъ! Силенъ царь! Ему надъ нами
 Отъ вышней власти власть дана.

Но и царей мы зримъ рабами:
И надъ всеильными царями
Всеильно властвуетъ жена.
Ея чарующему лику
Къ сердцамъ незримый доступъ данъ...
Я видѣлъ грознаго владыку
Когда любовью обуянъ,
Въ вѣнцѣ, въ порфиру облеченный,
Съ своей наложницей презрѣнной
Онъ здѣсь на тронѣ возсѣдагъ
Предъ всѣмъ дворомъ, и униженно
Ей лести и ласки расточалъ.
Смотрѣлъ ей въ очи съ умиленьемъ;
Она жъ не внемля ничего,
Съ неодолимымъ отвращеньемъ,
Съ усмѣшкой злобной и презрѣньемъ
Смотрѣла дерзко на него.
И вдругъ вокругъ себя взглянула, —
И съ дикимъ крикомъ оттолкнула
Царя неистойвой рукой,
Сверкнула взоромъ, задрожала,
Вскочила съ трона и сорвала
Вѣнецъ съ главы его сѣдой,
И взоромъ обвела сердитымъ
Весь дворъ, и бѣшенствомъ горя
Предъ всѣми била по ланитамъ
Съ безумнымъ хохотомъ царя.
И царь ей нѣжно улыбался

И робко потупляя свой взоръ,
А вокругъ царя надменный дворъ
Межъ тѣмъ дрожалъ и пресмыкался.

«И много доблестныхъ владыкъ
И много судій непреклонныхъ
На путь дѣяній незаконныхъ
Подвигъ лукавый женскій ликъ.
Царь Соломонъ, пророкамъ равный,
Воздвигшій храмъ Царю царей,
Свѣтильникъ мудрости державный,
Краса израильскихъ мужей,
Презрѣвъ, въ безумствѣ нескazanномъ,
Еговы грознаго законъ,
Передъ бездушнымъ истуканомъ
Склонялся въ прахъ челою вѣнчаннымъ,
Въ угоду своенравныхъ женъ.
И самъ борецъ непобѣдимый,
И крѣпкій мышцею Самсонъ
На персяхъ женщины любимой
Рукою нѣжной побѣжденъ.
Мы помнимъ чудное преданье,
Когда суровый бичъ войны
Егова гнѣвный въ наказанье
Послалъ странъ обѣтованья
Изъ Ассирійскія страны;
Тогда по всей землѣ Сіонской
Израиль въ ужасѣ стоналъ

И съ грозной ратью вавилонской
 Никто сразиться не дерзалъ;
 Но въ вражій станъ стопую вѣрной
 Проникла юная вдова, —
 И съ плечь могучихъ Олоферна
 Скатилась грозная глава,
 И мощный врагъ бѣжалъ въ смятеньи, —
 И такъ Израиля сыны
 Спаслись отъ рабства и плѣненья
 Могучей прелестью жены.

«И много царствъ ты сокрушила,
 И много царствъ спасала ты —
 Всепокоряющая сила,
 Волшебство женской красоты!
 Кто цѣломудріемъ высокій,
 Кто мужъ безъ страсти и порока
 Не вѣдалъ никогда въ крови
 Желанья тайнаго любви?.. »

— Никто, никто! Въ порывѣ страстномъ
 Воскликнулъ царь и всѣ кругомъ, —
 Да, взоромъ женщины всевластнымъ
 Все въ мірѣ движется земномъ!

«Нѣтъ! Не жена красую тлѣнной
 Надъ міромъ властвуетъ земнымъ,
 Воскликнулъ юноша, мгновенно
 Объятъ паитіемъ святымъ,

Нѣтъ, въ мірѣ есть иная сила —
Его незыблемый оплотъ,
Всѣхъ силъ могучее кормило,
Какъ путеводное свѣтило,
Она насъ къ пристани влечетъ.
Что тверже власти и закона,
Грознѣе копій и мечей,
Сильнѣе силы, выше трона,
Яснѣе солнечныхъ лучей?
Что старше солнца и вселенной,
Что всѣ вѣка и племена
Переживетъ въ красѣ нетлѣнной?
Что въ мірѣ вѣчно, неизмѣнно? —
Святая истина одна.
Ни плескъ, ни грозный воякъ народный,
Ни гнѣвъ царя, ни ласки женъ
Ей не скуютъ языкъ свободный;
Не сокрушатъ въ борьбѣ бесплодной
Ея незыблемый законъ,
Ни ложной мудрости потоки,
Ни гнѣвъ стихій, ни бѣгъ вѣковъ,
Ни силы тьмы, ни лжепророки,
Ни козни темныя жрецовъ.
И тщетно мнать безумцы злые
Ей путь свободный преградить.
Ея сокровища святая
Отъ глазъ народныхъ утаить:
Она желѣзные затворы

Безплотной силой сокрушить,
 Пройдетъ моря, раздвинетъ горы, —
 И въ мракѣ дремящія взоры
 Внезапнымъ свѣтомъ озарить.
 Пускай царить обманъ преступный,
 И голосъ правды изнемогъ,
 И судъ творить судья подкупный,
 И за твердыней неприступной
 На тронѣ высится пороки!
 Но солнце Истины проглянетъ, —
 Падетъ увѣчанный обманъ,
 Законъ разслабленный воспрянетъ
 И съ трона рушится тиранъ.
 Да! Истина все поборае! —
 И Тотъ, Кто міромъ управляетъ,
 Ей власть незримую вручилъ —
 Да движетъ всѣмъ, все озаряетъ,
 Какъ свѣтъ свѣтовъ, какъ сила силъ.

«Падутъ лѣса, изсякнутъ воды
 И неба синяго вдали
 Померкнутъ звѣзды, и народы
 Сотрутся въ прахъ съ лица земли,
 Но надъ бездушною громадой
 И тьмой разрушенныхъ міровъ,
 Неугасимую лампадой
 Въ надзвѣздной области духовъ,
 Передъ лицомъ Отца вселенной,

Средь горнихъ кущь и райскихъ водъ,
Въ красѣ безплотной, неизмѣнной,
Святая Истина взойдетъ».

Умолкнулъ отрокъ вдохновенный
И взоръ блистающій огнемъ
Потупилъ кротко и смиренно
Предъ умилившимся царемъ.
И царь, и дворъ, и все собранье,
Благоговѣнія полны,
Хранили долгое молчанье,
Потокомъ думъ увлечены;
Но предъ безмолвною толпою
Царь съ трона радостно возсталъ
И крѣпко царственной рукою
Къ груди растроганной прижалъ
Витію юнаго, и строго
Взглянулъ на подданныхъ, и рекъ:
«Вотъ другъ мнѣ посланный отъ Бога —
Безъ лжи и лести челоуѣкъ,
Своимъ помощникомъ и братомъ
Его отнынѣ нареку,
Осыплю почестями, златомъ,
И властью царской облеку.
Подайте скипетръ, багряницу,
И перстень, первый изъ перстней,
И впречь велите въ колесницу
Заповѣдныхъ моихъ коней!

Пускай на стогнахъ Вавилона
 Величьемъ царскимъ окруженъ,
 Какъ другъ царя, опора трона,
 И какъ верховный стражъ закона,
 Предъ весь народъ предстанетъ онъ».

— Не нужно мнѣ награды тлѣнной,
 Вѣщаетъ юноша смиренный:
 Ни колесницы, ни коней
 Ни злата изъ казны твоей,
 Ни блеска царственного сана...
 Но есть въ землѣ моихъ отцевъ,
 Близъ водъ священныхъ Иордана
 Забытый храмъ Отцу міровъ.
 Вонми жь Израила моленье,
 И повели, всеильный царь,
 Поднять тотъ храмъ изъ разрушенья:
 Въ немъ Бога истины алтарь! ².

² Этотъ разсказъ относится ко времени построенія второго храма іерусалимскаго. Царь Дарій, всегда показывавшій расположеніе къ своимъ іудейскимъ подданнымъ, при восшествіи на престолъ обещалъ допустить ихъ къ возобновленію храма и возвратитъ имъ всю церковную утварь, хранившуюся въ Вавлонѣ со времени плѣненія, но исполнилъ свое обещаніе только во второе лѣто своего царствованія, вслѣдствіе пренія между тремя юношами о томъ, что всего сильнѣе.

Такъ повѣствуется объ этомъ событіи во второй книгѣ Ездры.

АРБУЗОВЪ.

П о в т ъ .

Когда торжественно пучину
Глубокихъ аравійскихъ водъ
Прошелъ Израильскій народъ,
Когда Синайскую пустыню,
Въ замѣнъ хваленій Богу силъ,
Онъ пиршествомъ, безумнымъ кликомъ,
Развратнымъ буйствомъ огласилъ
И въ чувственномъ порывѣ дикомъ,
Забывъ Предвѣчнаго Творца,
Во прахъ повергся передъ ликомъ
Золотоглаваго тельца;
Тогда на высотѣ Синая,
Вдали отъ суетныхъ страстей,
Глаголу Господа внимая,
Сталъ вдохновенный Моисей.
И снова въ грѣшную пустыню
Сойдя къ народу своему,
Принесъ безсмертную святыню,

Творцемъ врученную ему.
Какъ утра мирное свѣтило
Смиряетъ бурю, гулъ морей,
Его явленье усмирило
Мятежъ взволнованныхъ страстей;
Къ благоговѣнью, къ печали
Народъ отъ буйства перешель,
И Богомъ данныя скривали
Въ священномъ трепетѣ прочелъ.

Таковъ питомецъ вдохновенья!
Когда въ безчувственный нашъ вѣкъ
Души высокія стремленья
За деньги отдалъ человѣкъ;
Когда для благъ земнаго міра
Разчетомъ дышетъ онъ однимъ,
Изъ злата сотворилъ кумира,
И въ прахъ повертся передъ нимъ;
Когда бывалыя святыни
Нашъ вѣкъ забвенью передаетъ,
Какъ Бога нѣкогда въ пустынѣ
Забылъ Израильскій народъ; —
Поэтъ, не прикасаясь долу,
Какъ на Синаѣ Моисей,
Внимаетъ Божьему глаголу
Душой возвышенной своей.
И въ міръ житейскихъ тревоженій,
Къ толпѣ сходя по временамъ,

Плоды небесныхъ вдохновеній
 Какъ Божіи даръ, приносятъ намъ;
 • Чтобъ хоть на мигъ мы чужды стали
 Страстей и похотей земли,
 И вдохновенныя скрижали
 Въ священномъ трепетѣ прочли.

Падучая Звѣзда.

Дышетъ вѣшнею прохладой
 Упоительная ночь;
 Грудь, обьягая отрадой,
 Сна не въ силахъ превозмочь.
 Блещутъ звѣзды въ небѣ чистомъ
 Чуть мерцающимъ огнемъ,
 И луна въ лучѣ сребристомъ
 Льетъ сіяніе кругомъ.
 Пѣга страстная объемлетъ
 Воды, рощи и поля;
 Съ человѣкомъ будто дремлетъ
 Вся усталая земля

Посмотри, въ дали высокой,
 Гдѣ чуть дышатъ небеса,
 Гдѣ въ гармоніи глубокой
 Затаились чудеса, —

Посмотри, струей блестящей
Вдругъ скатилась звѣзда,
Надъ землею блеснула спящей —
И погасла навсегда,
Средь лазури появилась
Въ мигъ она въ твоихъ глазахъ,
Появилась, прокатилась —
И исчезла въ небесахъ.
«Такъ и наша жизнь — мгновенье»,
Ты подумалъ можетъ быть;
И въ глубокомъ сожалѣннѣ
Молвилъ: «нѣтъ, не стоитъ жить»!
Но тебѣ ли знать, что болѣ
Не живетъ ужъ та звѣзда,
Гдѣ была она дотолѣ,
И сокрылася куда?
Родилась она тогда ли
Какъ увидѣлъ ты ее,
Умерла ли, или далѣ
Продолжаетъ бытіе?
Можетъ быть, стезей иною
Въ безконечности летить,
И падучею звѣздою
Лишь на мигъ она блеснить.

БАЖАНОВЪ.

ЦѢЛЬ ЖИЗНИ.

Много горя и кручины,
Много тягостныхъ тревогъ,
Посылаетъ смертнымъ Богъ
Съ колыбели до кончины.

Посылаетъ для того,
Чтобъ изъ благъ непрочныхъ міра
Мы не слѣдали кумира;
Чтобъ мы помнили Его!...

Есть за гробомъ жизнь другая
Безъ лишеній и скорбей!
Мы должны стремиться къ ней,
Все земное забывая...

О, страдалецъ! не ропщи!
Крестъ неси, Всевышнимъ данный,
И въ молитвѣ постоянной
Утѣшенія ищи.

Пусть твоя несчастна доля!
Упованья не теряй,
И съ любовью повторай:
Будь Твоя святая воля!

Посылай мнѣ Боже мой,
Въ этой жизни всё лишенья!
Лишь введи въ Твои селенья,
Гдѣ блаженство и покой.

БАКУНИНЪ.

Нѣтъ ни тучки въ небѣ чистомъ,
Ярко солнце, свѣтелъ день,
И подъ топодемъ вѣтвистымъ
Какъ роскошна листьевъ тѣнь!
Въ сердцѣ замерло страданье,
Непонятна мнѣ печаль,
И легко воспоминанье,
И отжившихъ мнѣ не жаль!
Если такъ свѣтла, прекрасна
Міра тѣннаго краса—
Солнце временное ясно
Такъ лазурны небеса:
За предѣлами ээира,
За лазурію небесъ,
Въ свѣтѣ ангельскаго міра,
Въ нѣдрахъ Божіихъ чудесъ,
Какъ полна, свѣтла ихъ радость!
Какъ ихъ пламененъ восторгъ!

Воздухъ ихъ — святая благодать,
День ихъ — вѣчность, солнце — Богъ!

Нѣтъ! жизнь земная не ничтожна
Въ томъ мѣрѣ, гдѣ правитель Богъ,
Гдѣ познавать Его возможно,
Гдѣ есть молитва и восторгъ!
Нѣтъ, мы не жалкія творенья,
Когда насъ Богъ усыновилъ,
Даль разумъ, мысль, воображенье
И чувствъ огнемъ благословилъ!
Минуть есть много незабвенныхъ,
Есть много радостей святыхъ!....
О какъ счастливъ, блаженъ тотъ мигъ,
Когда спокойствомъ думъ священныхъ
И чистотой всѣхъ чувствъ своихъ
Свое начало пресвятое
Сознаетъ радостно душа:
Ей жизнь легка и хороша,
Отраднo бытіе земное,
И любить всѣхъ она и все;
Во всемъ ея духа проявленье;
Предчувствуетъ подъ игомъ тлѣнья
Она безсмертіе свое!

Но, чуждый вѣры упованья,
Тебѣ смѣшны мои слова;
А самъ ты ищешь Божества,
Ты хочешь съ Господомъ сляянья!
Такъ не бросайся въ шумъ заботъ!
Не въ жизни суетной, вседневной,
Духовный міръ душа найдетъ!
И не ропщи: на ропоть гнѣвной
Отвѣта небо не даетъ;
Оно молчитъ на обвиненья!
Ты хочешь Бога проявленья?....
Такъ небѣги отъ Бога прочь!
Какъ кличетъ мать дитя въ недугѣ,
Зови Его и день и ночи!
Объ Немъ порою, на досугѣ,
Не разсуждай: зови Его
Всей силой сердца твоего,
Слезами, стопами страданья
Больной души; зови, зови —
И Богъ потоками любви
И яркимъ свѣтомъ упованья
Наполнить душу — и она,
Отъ узъ земныхъ отрѣшена,
Получить на свое призванье
Небесъ божественный отвѣтъ....
Съ земли увидишь горній свѣтъ!

БАРАТЫНСКІЙ.

* * *

Рука съ рукой. Веселье, горе
Пошли дорогой бытія;
Но что? поссорилися вскорѣ
Во всемъ несходные друзья!
Лишь перекрестокъ улучили,
Другъ другу молвили: прости!
Не долго розно побродили,
Черезъ день сошлись въ концѣ пути!

~~~~~  
\* \* \*

Взгляни на звѣзды: много звѣздъ  
Въ безмолвіи ночью  
Горитъ, блеститъ кругомъ луны,  
На небѣ голубомъ.

Взгляни на звѣзды: между нихъ  
Милѣе всѣхъ одна!

За что же? ранѣе 'встаетъ,  
Ярчѣй горитъ она?

Нѣтъ! утѣшаетъ свѣтъ ея  
Разставшихся друзей:  
Ихъ взоры, въ синей вышинѣ,  
Встрѣчаются на ней.

Она на небѣ чуть видна;  
Но съ думою глядитъ,  
Но взору шлетъ отвѣтный взоръ  
И нѣжностью горитъ.

Съ нее въ лазуревую ночь  
Не сводимъ мы очесъ,  
И провожаемъ мы ее  
На небо и съ небесъ.

Себѣ звѣзду избралъ ли ты?  
Въ безмолвіи nocturno,  
Ихъ много блещетъ и горитъ  
На небѣ голубомъ.

Не первой вставшей сердце ввѣрь,  
И, суетный въ любви,  
Не лучезарнѣйшую всѣхъ  
Своею назови.

Ту назови своей звѣздой,  
Что съ думою глядитъ,

И взору шлетъ отвѣтнѣй взоръ,  
И нѣжностью горить.

~~~~~  
* * *

Когда исчезнетъ омраченье
Души болѣзненной моей?
Когда увижу разрѣшенье
Меня опутавшихъ сѣтей?
Когда сей демонъ наводнящій,
На умъ мой сонъ его мертвящій,
Отыдетъ, гадный, отъ меня
И я увижу лучъ блестящій
Всеозаряющаго дня?
Освобожусь воображеньемъ
И крылья духа подыму
И пробужденнымъ вдохновеньемъ
Природу снова обниму?

Вотщель мольбы? напрасны-ль тѣни?
Увижу-ль снова ваши сѣни,
Сады поэзіи святой?
Увижуль васъ, ея свѣтила?
Вотще! я чувствую: могила
Меня живаго приняла
И легкой даръ мой удушая,

На грудь миѣ дума роковая
Гробою насыплю легла.

* * *

Весна, весна! Какъ воздухъ чистъ!
Какъ ясенъ небосклонъ!
Своей лазурию живой
Слѣпить миѣ очи онъ.

Весна, весна! Какъ высоко
На крыльяхъ вѣтерка,
Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,
Летаютъ облака!

Шумятъ ручьи! блестятъ ручьи!
Взревѣвъ, рѣка несетъ
На торжествующемъ хребтѣ
Поднятый ею ледъ!

Еще древа обнажены,
Но въ роцѣ ветхой листь
Какъ прежде, подъ моей ногой,
И шумень, и душистъ.

Подъ солнце самое взвился
И въ яркой вышинѣ
Незримый, жавронокъ поетъ
Заздравный гимнъ веснѣ.

Что съ нею, что съ моею душою?
 Съ ручьемъ она ручей
 И съ птичкою птичка? съ нимъ журчить,
 Летаетъ въ небѣ съ ней!

За чѣмъ такъ радуеть ее
 И солнце, и весна!
 Ликуеть ли какъ дочь стихій
 На пирѣ ихъ она?

Что нужды! счастливъ, кто на немъ
 Забвенье мысли пьетъ,
 Кого далеко отъ нее
 Онъ дивный унесетъ.

Бывало, отрокъ звонкимъ кликомъ
 Лѣсное эхо я будилъ,
 И вѣрный откликъ въ лѣсѣ дикомъ
 Меня смятенно веселилъ.
 Пора другая наступила
 И рифма юношу плѣнила
 Лѣсное эхо замѣня.
 Игра стиховъ, игра золотая!
 Какъ звуки звукамъ отвѣчая
 Бывало нѣжили меня!

Но все проходить. Остывая
 Я и къ гармоніи стиховъ,
 И какъ дубравъ не окликаю,
 Такъ не ищу созвучныхъ словъ.

 * * *

Чудный градъ порой сольется
 Изъ летучихъ облаковъ;
 Но лишь вѣтръ его коснется,
 Онъ исчезнетъ безъ слѣдовъ.
 Такъ мгновенныя созданья
 Поэтической мечты
 Исчезаютъ отъ дыханья
 Посторонней суеты.

 * * *

Въ дни безграничныхъ увлеченій,
 Въ дни необузданныхъ страстей,
 Со мною жилъ превратный геній
 Наперстникъ юности моеи.
 Онъ жаръ восторговъ несогласныхъ
 Во мнѣ питалъ и раздувалъ;
 Но соразмѣрностей прекрасныхъ
 Въ душѣ носилъ я идеалъ:

Когда лишь праздниковъ смятенья
 Алкаль безуонецъ молодой,
 Поэта мѣрныя творенья
 Блистали стройной красотой.

Страстей порывы утихають,
 Страстей мятежныя мечты
 Передо мной не затмѣвають
 Законовъ вѣчной красоты;
 И поэтическаго міра
 Огромный очеркъ я узрѣлъ,
 И жизни даровать, о лира!
 Твое согласье захотѣлъ.

На смерть Гете.

Предстала, и старецъ великой смѣжилъ
 Орлиныя очи въ покоѣ;
 Почилъ безмятежно, зане совершилъ
 Въ предѣлѣхъ земномъ все земное!
 Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
 Что генія черепъ наслѣдье червей.

Погасъ! но ни что не оставлено имъ
 Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
 На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
 Что просить у сердца отвѣта;

Крылатою мыслію онъ міръ облетѣлъ,
 Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.
 Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
 Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
 Преданья, завѣты миновавшихъ вѣковъ,
 Цвѣтущихъ временъ упованья.
 Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
 И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.
 Съ природою одною онъ жизнью дышалъ:
 Ручья разумѣлъ лепетанье,
 И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
 И чувствовалъ травъ прозябанье,
 Была ему звѣздная книга ясна
 И съ нимъ говорила морская волна.
 Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!
 И ежели жизнью земною
 Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,
 И насъ за могильной доскою,
 За міромъ явленій не ждетъ ничего:
 Творца оправдаетъ могила его.
 И если загробная жизнь намъ дана,
 Онъ здѣшной вполнѣ отдышавшій
 И въ звучныхъ глубокихъ отзывахъ, споина
 Все дальнее долу отдавшій,
 Къ Предвѣчному легкой душой возлетитъ
 И въ небѣ земное его не смутитъ.

БАТЮШКОВЪ.

Э л е г і я.

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
Есть радость на приморскомъ брегѣ
И есть гармонія въ семь говорѣ валовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
Я ближняго люблю — но ты, природа—мать,
Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывагь
И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
И то, чѣмъ нынѣ сталъ подь холодомъ годовъ:
Тобою въ чувствахъ оживаю:
Ихъ выразить душа не знаетъ стройныхъ словъ.
И какъ молчать объ нихъ — не знаю.

Н а д е ж д а.

Мой духъ! довѣренность къ Творцу!
Мужайся, будь въ терпѣнны камень.

Не Онъ ли къ лучшему концу
Меня провелъ сквозь бранный пламень?
На полъ смерти чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови мечъ врага,
И градъ свинцовый отражала?
Кто, кто имъ силу далъ сносить
Труды и гладъ и непогоду,
И силу, въ бѣдствѣ сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто велъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру, стезею потаенной,
И въ бурѣ пламенныхъ страстей
Мой былъ Вожатый неизмѣнный?

Онъ! Онъ! Его все даръ благой!
Онъ есть источникъ чувствъ высокихъ,
Любви къ изящному прямой,
И мыслей чистыхъ и глубокихъ!
Все даръ Его: и краше всѣхъ
Даровъ, Надежда лучшей жизни!
Когдажъ узрю спокойный брегъ,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

Т ъ н ь д р у г а .

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона:
 Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ.
 За кораблемъ вилася Гальціона,
 И тихій гласъ ея пловцевъ увеселялъ.
 Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
 Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,
 И кормчаго на палубѣ зыванье
 Ко стражѣ дремлющей подъ говоромъ валовъ;
 Все сладкую задумчивость питало.
 Какъ очарованный, у мачты я стоялъ,
 И сквозь туманъ и ночи покрывало
 Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
 Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ,
 Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли.
 Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
 На вѣжды томное забвенье навели.
 Мечты смѣнялися мечтами,
 И вдругъ... то былъ-ли сонъ?... предсталъ товарищъ
 мнѣ,
 Погибшій въ роковомъ огнѣ
 Завидной смертію, надъ Плейскими струями.
 Но видъ не страшенъ былъ: чело
 Глубокихъ ранъ не сохранило,
 Какъ утро майское веселіемъ цвѣло,
 И все небесное душѣ напоминало.

Ты ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ дней?
Ты ль это? я вскричалъ, о воинъ вѣчно милой!
Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллиониныхъ огней,
 Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечемъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ,
И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ
 Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣнь незавеннаго! отвѣтствуй, милый братъ!
Или протекшее все было сонъ, мечтанье
Все, все, и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?
О! молви слово мнѣ! пускай знакомый звукъ
 Еще мой жадный слухъ ласкаетъ;
Пускай рука моя, о незабвенный другъ!
 Твою, съ любовію сжимаетъ...»
И я летѣлъ къ нему... Но горній духъ исчезъ
Въ бездонной синевѣ безобразныхъ небесъ
Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ призракъ полуночи,
 Исчезъ, — и сонъ покинулъ очи. —
Все спало вокругъ меня подъ кровомъ тишины;
Стихи грозныя казались безмолвны.
При свѣтѣ облакомъ подернутой луны
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны;
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
 И все душа за призракомъ летѣла,
Все гостя горняго остановить хотѣла:
Тебя, о милый братъ! о лучшій изъ друзей!

Мой гений.

О память сердца! ты сильнѣи
Разсудка памяти печальной,
И часто сладостью своею
Меня въ странѣ плѣняешь дальней.
Я помню голосъ милыхъ словъ,
Я помню очи голубыя,
Я помню локоны златыя
Небрежно вьющихся власовъ.
Моей подруги несравненной
Я помню весь нарядъ простой
И образъ милой, незабвенной,
По всюду царствуетъ со мною.
Хранитель гений мои любовью
Въ угѣху дагь разлукѣ онъ: —
Заснулъ? — приникнетъ къ изголовью
И усладитъ печальный сонъ.

БЕНЕДИКТОВЪ.

Мелочи жизни.

Есть муки непрерывныя: не видно,
Не слышно ихъ; о нихъ не говорятъ.
Скрывать ихъ трудно, открывать ихъ стыдно,
Ихъ люди терпятъ, жмутся и молчатъ.

Зарыты въ мракъ душевнаго ненастья,
Онѣ не входятъ въ пѣснь твою, пѣвецъ.
Ихъ благороднымъ именемъ несчастья
Назвать нельзя: несчастіе вѣнецъ—

Вѣнецъ святой, надѣтый подъ грозою,
По приговору Божьяго суда.
Несчастье—тернъ, обрызнутый слезою
Иль кровію, но грязью никогда.

Оно идетъ, какъ буря въ лучахъ грозныхъ
Съ величьемъ; — тутъ его и тѣни нѣтъ.
Тутъ — пошлое золь и бѣдъ мелко — занозныхъ
Вседневныхъ золь и ежечастныхъ бѣдъ.

Житейскій соръ—едва лишь пережиты
 Одни ушли, тѣ сыплютъ пылью вновь, —
 А на душѣ осадокъ ядовитый
 Отъ нихъ растетъ и проникаетъ въ кровь; —

Они язвятъ подобно насѣкомымъ
 И съ ними тщетна всякая борьба:
 Лишь вихремъ бурнымъ, молніею и громомъ
 Разноситъ ихъ могучая судьба.

✓ К о м е т а .

Взгляни на небеса! Тамъ стройность вѣковая.
 Какъ упительна созвѣздій тишина!
 Какъ вся семья міровъ гармоніи полна
 И какъ расчегиста ихъ пляска круговая!
 Но между ними путь особый пролагая,
 Комета яркая системамъ не вѣрна,
 И, кажется, грозитъ другимъ мірамъ она,
 Блестательнымъ хвостомъ пол-неба застилая.
 Спокоенъ астрономъ: по небу гостя та—
 Онъ видитъ—шествуетъ дорогой соразмѣрной,
 Но страшень новый блескъ для черни суевѣрной.
 Такъ мысль блестящая, высокая мечта—
 Пугаетъ чернь земли во тѣмѣ ея пещерной,
 Но яснымъ разумомъ спокойно принята.

П р и р о д а .

Повсюду прелести, вездѣ живыя краски,
Для всѣхъ природы длань исполнена даровъ.
Зачѣмъ же къ красотѣ безчувственно-суровъ,
Ты ищешь тайнъ ея и жаждешь ихъ огласки?

Любуйся дивною, пей дѣвственныя ласки,
Но цѣломудренно храни ея покровы!
Смирись предъ ней! Не рви таинственныхъ узловъ
И не срывай съ нея застѣнчивой повязки!
Куда ни оглянись—вездѣ гѣроглифъ.
На краски радуги лучъ свѣта раздробивъ,
Намъ—что такое свѣтъ?—не высказала призма.

Есть сердце у тебя: поди, благоговѣй,
И бойся исказить догадкою своей
Сокрытое во тьмѣ святаго мистицизма!

К ъ п о э т у .

Поэты! Не ввѣрайся сердечнымъ тревогамъ!
Не думай, что подвигъ твой—вздохи любви!
Ты призванъ на землю всезидущимъ Богомъ,
Чтобъ пѣть и молиться, и пѣсни свои

Сливать съ безконечной гармоніей міра,
И роковыя въ прахъ сердца потрясать
И маску срывая съ зеленого кумира,
Вънчать добродѣтель, порокъ ужасать.

За истину бейся, страдай, подвизайся!
На торжищѣ міра будь мраченъ и дикъ,
И ежели хочешь быть чистъ и великъ—
До грязнаго счастья земли не касайся,
И если оно тебѣ просится въ грудь—
Найди въ себѣ силу его оттолкнуть!
Пой женъ свѣтлоокихъ и дѣвъ лѣпокудрыхъ,
Но помни, что призракъ—земли красота!
Люби ихъ, но слушай учителей мудрыхъ:
Верховное благо—любовь, да не та.

Когда же ты женщину выше поставилъ
Великой, безмѣрной небесъ высоты,
И славой, Творцу подобающей, славилъ
Земное творенье—накажешься ты.
Накажешься тяжело святымъ правосудьемъ
Черезъ женщину-жъ... Стой! не ронщи на нее:
Ея назначенье—быть только орудьемъ
Сей казни, воздать за безумье твое.
Смирись же! Творецъ тебѣ милость даруетъ
И въ казни: блестя милосердыя лучемъ,
Десница Господня тебя наказуетъ
Тобою же избраннымъ, свѣтымъ бичемъ.

И с к р а.

Дикій камень при дорогѣ
Дремлетъ глыбою нѣмой.
Въ бурный день земля въ тревогѣ:
Онъ недвижимъ подь грозой.
Дни-ль златые улыбнутся—
Всюду жизнь заговорить,
Всюду звуки отольются:
Глыба мертвая молчить;
Все одѣто ризой свѣта,
Все согрѣто, а она—
Сѣрымъ мхомъ полу-одѣта.
И мрачна и холодна.
Но у этой мертвой глыбы
Жизни чудное зерно
Въ сокровенные изгибы
До поры схоронено.
Вотъ—ударъ! Она проснулась,
Звукъ могучій издала,
И, со звукомъ встрепенулась
Брызга свѣта и тепла;
Искра яркая вспрыгнула
Изъ темницы вѣковой,
Свѣжимъ воздухомъ дохнула
Красной звѣдочкой блеснула,

Разгорѣлась красотой.
 Мигъ еще—и дочь удара
 Въ тонкомъ воздухѣ замретъ,
 Иль живымъ зерномъ пожара
 Вдругъ на вѣтку упадетъ
 И дремучій лѣсъ зажжетъ;—
 Обратится искра въ пламень—
 И лежавшій въ тяжкомъ снѣ
 Самъ ее родившій камень
 Разрушается въ огнѣ —

Долго духъ въ оцѣпененьи
 Безотзывенъ и угрюмъ;
 Долго въ хладномъ онѣмѣннѣи
 Дремлетъ сердце, дремлетъ умъ;
 Долго искра золотая
 Въ безднѣ сумрачной души,
 Въ Божій миръ не выступая,
 Спитъ бездѣйственно въ тиши;—
 Но ударъ неожиданный грянетъ—
 Искра прынетъ изъ оковъ
 И блистательно проглянетъ
 Изъ душевныхъ облаковъ,
 И по міру пролагая
 Всепалящей силой путь,
 И пожары развивая,
 Разрушаетъ огневая
 Огне-творческую грудь.

Ц В Ъ Т О Е Ъ.

«Какъ дивно вытканъ онъ изъ красокъ, изъ ээира!
Откуда милый гость? Не прямо-ль съ неба онъ?
Златистою каймой онъ пышно обведёнъ,
На немъ небесъ лазурь, на немъ зари порфира.»—

Нѣтъ! Это—сынъ земли и гость земнаго пира;
Лугъ—родина ему; изъ праха онъ рождёнъ.—
Такъ вѣрно чудный перлъ былъ въ землю пог-
руженъ,
Чтобъ произвестъ его на украшенье міра!»—
О нѣтъ! Чтобъ вознестись головкой золотой—
Изъ чернаго зерна онъ долженъ былъ родиться
И корень свить въ грязи, во мракѣ подъ землей.

«Такъ сѣмя горести во грудь пѣвцу ложится,
И въ сердцѣ водрузивъ тяжелый корень свой,
Цвѣтущей пѣснью изъ устъ его стремится,

Н. БЕРГЪ.

Пѣсня народа.

О, пѣсня, пѣсня, ты ковчегъ
Куда народъ, во дни печали,
Кладеть свой рыцарскій доспѣхъ
И мечъ, и славныхъ дней скрижали!
Ты гласомъ вѣщимъ говоришь,
Изъ вѣка въ вѣкъ переходящимъ,
И чудодѣйственно миришь
Былое наше съ настоящимъ.
Сгараютъ, тлѣютъ письма,
Могучихъ геніевъ творенья,
Лишь ты уходишь отъ забвенья,
Какимъ-то чудомъ спасена.
Всегда жива, одна и та же,
О, пѣсня, ты стоишь на стражѣ
Съ мечемъ хранительнымъ у вратъ
Намъ дорогихъ воспоминаній...

О, пѣсня, ты священный кладъ,
 Ты цвѣтъ народныхъ достояній!
 Когда же суетный народъ,
 Тебя услышавъ, не пойметъ,
 Бѣжишь ты, пѣсня, и хоронишь
 Свою завѣтную красу
 Въ ущельяхъ мрачныхъ и въ лѣсу,
 Или среди развалинъ стонешь....
 Такъ съ крыши, обнятой огнемъ,
 Слетаетъ птичка поневолѣ,
 Покинувъ гнѣздышко и домъ,
 Надъ нимъ взвѣется, и потомъ
 Она летитъ въ лѣса и въ поле,
 И тамъ пріютъ себѣ найдетъ,
 И пѣсни прежнія поетъ,....

Д е р е в н я .

Блаженъ, кто, удалясь отъ суетныхъ заботъ,
 Средь мирныхъ деревень спокойно поселится
 И тамъ, въ поляхъ отцовъ, какъ древній смерт-
 ный родъ,
 За плугомъ ходитъ онъ и весело трудится.

Заутра звукъ трубы его не пробудитъ,
 Не угрожать морей разгнѣванные боги,

И робкая нога его не посятитъ
Надменной знатности высокіе пороги.

Но самъ онъ поутру проснется и пойдетъ
Въ аллеи темныя отеческаго сада
И тополь юную заботливо увьетъ
Зеленой, гибкою лозою винограда;

Засохшіе сучки обрубить онъ ножомъ
И свѣжіе привьетъ; и въ доли, сномъ объаты,
Спѣшить, гдѣ у него, стрегомы пастухомъ,
Пасутся буйволы и рѣзвые ягняты.

Иль станетъ выжимать изъ сога сладкій медъ
Икроткихъ стричь овецъ. Когда-жъ приходитъ лѣто
И осень съ полною кошницею идетъ,
Трясетъ колосьями и ждетъ его привѣта:

Онъ въ садъ уходитъ вновь и, тамъ уединѣнъ,
Плоды поспѣлые рукой срываетъ жадной:
И груши сладкія, и сливы, и лимонъ,
И гроздія съ лозы снимая виноградною,

Тебѣ приносить ихъ, избѣженный Пріапъ:
Потомъ ложится онъ подъ клены вѣковые,
На мягкой муравѣ, минутный нѣги рабъ,
И внемлетъ иволги стенанія живыя;

Когда же зимній хладъ на землю шлетъ Зевесъ
 И снѣгомъ мертвыя долины одѣваетъ
 Ловець, покинувъ домъ, бѣжитъ въ дремучій лѣсъ
 И ярыхъ вепрей тамъ со стаей псовъ гоняетъ.

Свой духъ отважною забавой веселя;
 Не то, къ себѣ дрозда коварной сѣтью манить;
 Иль, взявши крѣпкій лукъ, онъ гостя—журавля
 И зайца робкаго стрѣлою мѣткой ранить.

Душа охотника веселіемъ полна;
 Денницу каждую онъ зреть съ улыбкой ясной,
 Готовясь въ дальній путь; а добрая жена,
 Межъ тѣмъ, какъ мужъ уйдетъ за ловлею опасной,

Въ тревогѣ проведетъ томительную ночь,
 Сабинка кроткая, съ любовью неизмѣнной.
 Иль смуглоликая долинь тубурскихъ дочь,
 Зажжетъ пенатамъ огонь въ тиши уединенной,

И станетъ ихъ молить, чтобъ мужъ издалека
 Пришелъ и здоровъ, и цѣлъ; потомъ рукою нѣ-
 жной

Она сосцы коровъ отъ сладкаго млека
 Осушитъ и вина съ заботою прилежной

Въ сосуды нацѣдитъ, и ждетъ съ закатомъ дня
 Борьбою со звѣрьми истерзаннаго мужа;

Пришелъ онъ къ очагу, садится у огня:
Забуть имъ тяжкій трудъ и яростная стужа,

И кажется ему пріятна и вкусна
Простая трапеза, трудовъ его награда,
И сладокъ острый сокъ янтарнаго вина;
Охотникъ насыщенъ, ему тогда не надо

Лукринской устрицы, ни афрскихъ куликовъ,
Ни жирныхъ рябчиковъ Іоніи счастливой,
Лишь зелень вкусная, дитя родныхъ луговъ,
И мальвы пѣжыня съ домашнею оливой,

Да любящій поля питательный лапаеъ,
За трапезой ножомъ изрѣзанный на части,
И жареный телецъ, питомецъ сельскихъ травъ
У волка жаднаго исхищенный изъ пасти.

Такъ сладко возлежать, свершивъ удачный ловъ,
И вечеромъ глядѣтъ на жизнь полей цвѣтущихъ,
На мирныхъ поселянъ, на медленныхъ воловъ,
Усталое ярмо и борону влекущихъ!....

Родимые лѣса.

Украины дорогой дремучіе лѣса!
Васъ нынѣ вспомнилъ я. Угрюмая краса

И сумракъ чудный вашъ вновь живы предо мною;
Изъ края чуждаго я къ вамъ несусь мечтою,
Лѣса родимые, туда, гдѣ выросъ я,
Гдѣ прокатилася и молодость моя
Игриво, радостно; гдѣ я любилъ когда-то,
Гдѣ чувствъ сокровища разсыпалъ я богато,
Гдѣ пѣсни первыя предъ дѣвами я пѣлъ! —
Воскресъ ты предо мною, отеческій предѣлъ,
Понятенъ снова мнѣ знакомою красою, —
И я помолодѣлъ отжившею душою!
Я вижу милыя Украйны небеса
И величавые, завѣтные лѣса....
Ужель все тѣ-же вы? Все также-ль горделиво
Растете въ небеса, и смертному на диво
Стоите крѣпкіе, съ небесною грозой
И съ бурями земли выдерживая бой?
Все таже ль тишина подъ вашими вѣтвями?
Любимы ль также вы пернатыми пѣвцами?
Поютъ ли такъ они какъ въ прежніе года?
Иль безпощадная прокралася нужда
Въ обитель тихую торжественнаго пира,
И тамъ звенить теперь тяжелая сѣкира
По вѣтвямъ вѣковымъ, гоня пернатыхъ вошь....
Былое предо мной мелькаетъ, будто сонъ.
Лѣса родимые! отеческія сѣни!
О, сколько сладкихъ думъ и чудныхъ сновидѣній
Вы мнѣ навѣяли! Какъ часто отъ друзей
Я въ вашу глушь бѣжаль.... Подъ сумракомъ вѣтвей

Задумывался я, и было мнѣ отрадно,
 Какъ чуткимъ ухомъ я прислушивался жадно
 Къ невнятнымъ голосамъ лепечущимъ листовъ:
 Здѣсь повѣсть чудную, преданія вѣковъ,
 Мнѣ дубъ рассказывалъ, челомъ разрѣзавъ тучи,
 И три столѣтія на рамена могучи
 Поднявъ. Тамъ издали замѣтная едва,
 Береза плакала, какъ скорбная вдова,
 Иль мать нѣжная, утратившая сына.
 Вакханка юная, — румяная рябина
 Стояла близъ нея съ пылающимъ лицомъ,
 А далѣе росла раскидистымъ кустомъ,
 Вся въ перлы убрана, красавица лѣсная —
 Орѣшина, главой кокетливо кивая
 Черешнѣ молодой, которую внизу
 Ужь обнялъ хмѣль, и гибкую лозу
 Забросилъ далѣе, какъ юноша отважный.
 Порою пробѣгалъ надъ нами гулъ протяжный
 И вихорь темныя вершины колебалъ, —
 Казалось: тамъ прошелъ бурливый моря валъ,
 И все стихало вновь. Лишь изрѣдка высоко,
 Въ дубъ дятель клевомъ билъ, и улеталъ далеко....
 Иль вѣкша хитрая качалась на вѣтвяхъ,
 Поднявъ пушистый хвостъ, орѣхъ держа въ зубахъ,
 Вдругъ, гостя чуждаго замѣтивъ зоркимъ окомъ,
 Терялась. Тихо все. Вотъ вѣтви затряслись,
 Чуть слышные шаги по рощѣ раздались,
 И словно, солнца лучъ, иль свѣтлая денница,

Мелькнула вдалекѣ подъ липами дѣвица,
Стыдливая дубравъ родимыхъ красота,
Идя за ягодой, румяной какъ уста....
Вонъ юноша близь ней; предъ дѣвой оробѣлой
Онъ вѣтви крѣпкія рукой сгибаетъ смѣлой....
Чу! рогъ въ дали трубить, и слышенъ топъ ко-
ней;

Собаки залились, почувавши звѣрей.....
Вмигъ дѣва съ юношей, исполнены тревоги,
Исчезли въ глубинѣ, какъ рошей темныхъ боги....
Какъ сладко мнѣ мечтать!—но исчезаетъ вдругъ
Мое прошедшее, когда взгляну вокругъ;
Другія небеса сіяютъ надо мною,
И темный кипарисъ, кивая головою,
Въ сѣнь ароматную манить; во тьмѣ густой
Я вижу, апельсинъ сверкаетъ золотой,
И нѣгой напоенъ тамъ воздухъ благовонный,
И Адриатика волною плещетъ сонной...
Но грустно мнѣ, и вновь лечу моей мечтой
Въ дремучіе лѣса Украйны дорогой.

В. БЕРГЪ.

Не здѣсь, гдѣ вѣчный трескъ и шумъ
Пугаютъ сердце, давятъ умъ,
Не въ нихъ, не въ этихъ своевольныхъ,
Самоувѣренныхъ, довольныхъ,
Безгрѣшныхъ—братьевъ вижу я.
Они меня пугаютъ вѣчно....
Живетъ привольно и безопасно
Счастливецъ гордая семья!
А въ тѣхъ отверженныхъ, опальныхъ,
Пренебрегаемыхъ, печальныхъ—...
Они, смиренные, несутъ
Тяжелый крестъ, тяжелый трудъ;
Ихъ, недоувѣрчивыхъ, — я знаю —
Печаль темна и глубока
И радость бѣдная робка;
Я только съ ними отдыхаю,

Въ нихъ сердцемъ братьевъ признаю,
И руку жаркую мою
Я къ нимъ съ любовью простираю!

Да, братья! къ вамъ иду въ слезахъ,
Да, я и слабъ, и малъ, и грѣшенъ,
И передъ Богомъ о грѣхахъ
Мой плачь сердечный не утѣшенъ;
Болить, изныла грудь моя...
Не осудите, не гоните!
И все что вамъ ни сдѣлалъ я, —
Простите, братья, мнѣ, простите!

В ъ п о л ѣ .

(Ө. М. Достоевскому.)

Дай тебѣ Боже, родная земля,
Мира, свободы, покою!
Какъ эти села, какъ эти поля
Крѣпко сроднились со мною!

Чудное утро за ночью дождливою!
Сѣрая тѣнь переходитъ за нивою,
Тучки плывутъ въ синеви—
И широко по травѣ

Тянется вѣтеръ струей благовонною
Въ рощу зеленую,
Дождичкомъ свѣжимъ омытую,
Солнечнымъ свѣтомъ залитую.

Дай тебѣ Боже, родная земля,
Дождичка, ведра въ поля,
И сохрани ихъ отъ града, отъ голода.
Жара сухаго. да поздняго холода!..

Богъ вамъ на помощь, Христовы работнички!
Глубже вамъ вспахать пашенку черную,
Шире косою размахнуться проворною —
Будеть большой урожай, —
Градъ не побьетъ, саранча не напустится...
Какъ все кругомъ зацвѣтетъ, да распустится!
Знай увози — собирай!

Въ полдень ли жаркій, полуночью-ль тихую
Медомъ потянетъ отъ кашки съ гречихою,
Станутъ хлѣба, что стѣна,
И засквозятся, что золото яркое,
Стебли сухіе на солнышко жаркое,
И зашумятъ, какъ волна.

Пѣсни по селамъ сплуются веселыя,
Стономъ застонутъ телѣги тяжелыя —
Горы сноповъ повезутъ.
Все, чѣмъ поля за труды ни поплотятся, —

Все на току на сухомъ умолотится,
 Все въ закрома покладуть...

Дай тебѣ Боже, родная земля,
 Мудрыхъ вождей и великихъ,
 Чтобы не слышали эти поля
 Криковъ проклятiя дикихъ,
 Чтобы не лилась неповинная кровь,
 Слезъ не утѣшныхъ не лилось,
 Чтобы вѣковѣчно святая любовь
 Въ грѣшныхъ сердцахъ воцарилась!

БОБОРЫКИНЪ.

~~~~~

М е ч т а.

Ночью, въ длинную безсонницу,
Я зимою смотрю на дворъ...
Съ страшною вѣрой сквозь оконницу,
Въ небо свой вперяю взоръ;
Вотъ не явится ль прекрасная,
Грозно яркая звѣзда!
И освѣтитъ небо ясное
Ангель правды и суда!
И падутъ коварства полныя,
Дѣти зла и суеты.....
Но спокойна ночь безмолвная,
Ангель правды, гдѣ же ты?

В А Н Е Н К О.

День рождества Христова.

Для спасенья чловѣка,
Преступившаго Завѣтъ,
Совершается отъ вѣка
Данный Господомъ обѣтъ:

Ангель—пастырямъ вѣщаетъ;
Сильный царь приходитъ въ страхъ;
Дѣва чистая рождаетъ;
Невмѣстимый въ пеленахъ!..

Тихо; ночь; огни угасли;
Но взшла звѣзда горя —
И, предъ родшимся, у яслей
Преклонились три царя!

Такъ, Ты это нашъ желанный
Искупитель Исусъ, —

Царь, ходатай людямъ данный,
Сокрушитель вражьихъ узъ!..

Ты изъ горнихъ селеній
Благодать низшелъ явить.
И Адамово рожденье
Искупить и воскресить...

Но отвергли дѣти тлѣнья
Новый свѣтъ святыхъ чудесъ —
Жизнь, страданья, воскресенье
Бога сшедшаго съ небесъ...

О, тогда лишь родъ лукавый
Въ страхѣ Господа пойметъ, —
Какъ на судъ святой и правый
Онъ со славою придетъ! —

ВЕЛЬТМАНЪ.

І. Свадебная пѣснь.

Изъ драмы «Ратиборъ».

Новобрачные. вѣнчанные,
Въ храмъ Божиємъ водимые,
Идутъ по-полю шелковому,
Златомъ сѣянному,

Провожаютъ ихъ желанные,
Провожаютъ ихъ родимые,
Ко столу бѣлодубовому,
Чудодѣянному.

ІІ. С л а в а.

Дай Богъ вѣкъ жить молодымъ,
Не оглядываться!
Другъ на друга, дай Богъ имъ,
Не нарадоваться!

Слава!

Выкинь счастье молодымъ,
 Зернь перебраная!
 Сошлась со-днемъ золотымъ
 Ночь серебряная!

Слава!

III. Молодой.

Какъ денница появится
 Свѣтоносная, ясная,
 Изъ красавицъ красавица
 Молодая,, прекрасная,
 Вешній цвѣтъ!

Надъ кудрями волнистыми.
 Заплетись косы вѣничкомъ,
 Перевиты монистами,
 Пересыпаны жемчугомъ, —
 Свѣтъ мой свѣтъ!

Красенъ ликъ твой, отрадная,
 Умиленъ добрымъ помысломъ;
 Процвѣтай, ненаглядная,
 Подъ свитымъ Божьимъ Промысломъ
 Много лѣтъ!

ВЕНЕВТИНОВЪ.

П о э т ъ .

Тебѣ знакомъ ли сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья?
Узналъ ли межъ земныхъ сыновъ
Ты рѣчь его, его движенья?
Не вспылчивъ онъ, и строгій умъ
Не блещетъ въ шумномъ разговорѣ,
Но ясный лучъ высокихъ думъ
Невольно свѣтитъ въ ясномъ взорѣ.
Пусть вокругъ него, въ чаду утѣхъ,
Бунтуетъ вѣтренная младость, —
Безумный крикъ, нескромный смѣхъ *)
И необузданная радость:
Все чуждо, дико для него,
На все безмолвно онъ взираетъ;

---

*) Вариантъ -Безумный крикъ, холодный смѣхъ-.

Лишь что-то рѣдко съ устъ его
Улыбку бѣглою срываетъ.
Его богиня—простота
И тихій геній размышленья
Ему поставилъ отъ рожденья
Печать молчанья на уста.
Его мечты, его желанья,
Его боязни, ожиданья,
Все тайна въ немъ, все въ немъ молчить:
Въ душѣ заботливо хранить
Онъ не разгаданныя чувства.
Когдажъ внезапно что-нибудь
Взволнуетъ огненную грудь, —
Душа безъ страха, безъ искусства,
Готова вылиться въ рѣчахъ
И блещетъ въ пламенныхъ очахъ.
И снова тихъ онъ, и стыдливый
Къ землѣ онъ опускаетъ взоръ,
Какъ будто-бъ слышалъ онъ укоръ
За невозвратные порывы.
И если встрѣтишь ты его
Съ раздумьемъ на челѣ суровомъ,
Пройди безъ шума близъ него,
Не нарушай холоднымъ словомъ
Его священныхъ, тихихъ словъ!
Взгляни съ слезой благоговѣнья,
И молви: это сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья!

КЪ ЛЮБИТЕЛЮ МУЗЫКИ.

Молю тебя, не мучь меня:
Твой шумъ, твои рукоплесканья,
Языкъ притворнаго огня,
Безсмысленныя восклицанья
Противны, ненавистны мнѣ.
Повѣрь, привычки рабъ холодный,
Не такъ, не такъ восторгъ свободный
Горитъ въ сердечной глубинѣ.
Когда-бъ ты зналъ, что эти звуки,
Когда бы тайный ихъ языкъ
Ты чувствомъ пламеннымъ проникъ, —
Повѣрь, уста твои и руки
Сковались бы, какъ въ часъ святой,
Благоговѣйной тишиной.
Тогда-бъ ты не желалъ блеснуть
Личиной страсти принужденной,
Но ты-бъ въ углу, уединенный,
Тамъ вселюбящую грудь.
Тебѣ бы люди были братья,
Ты-бъ въ тайнѣ слезы проливалъ
И къ нимъ горячія объятья,
Какъ другъ вселенной, простиралъ.

Пѣснь Грека.

Подъ небомъ Аттики богатой
 Цвѣла счастливая семья.
 Какъ мой отецъ, простой орадай,
 За плугомъ пѣлъ свободу я.
 Но турокъ злыя ополченья
 На наши хлынули владѣнья...
 Погибла мать, отецъ убить,
 Со мной спаслась сестра младая,
 Я съ нею скрылся, повторяя:
 За все мой мечъ вамъ отомститъ.

* * *

Не лилъ я слезъ въ жестокомъ горѣ,
 Но грудь стѣснило и свело;
 Нашъ легкій челнъ помчалъ насъ въ море,
 Пылало бѣдное село,
 И дымъ столбомъ чернѣлъ надъ валомъ.
 Сестра рыдала, —покрываломъ
 Печальный взоръ полузакрываетъ;
 Но слыша тихое моленье,
 Я пригѣвалъ ей въ утѣшенье:
 За все мой мечъ вамъ отомститъ.

* * *

Плывемъ, и при лунѣ сребристой
 Мы видимъ крѣпость надъ скалой.
 Вверху, какъ тѣнь, на башнѣ мшистой
 Шагаль турецкій часовой;
 Чалма` склонилася къ пищали —
 Внезапно волны засверкали,
 И вотъ—въ рукахъ моихъ лежитъ
 Безъ жизни дѣва молодая.
 Я обнялъ тѣло, повторяя:
 За все мой мечъ вамъ отомститъ.

* * *

Востокъ румянился зарею,
 Пристала къ берегу ладья,
 И надъ шумящею волною
 Сестрѣ могилу вырылъ я.
 Не мраморъ съ надписью унылой
 Скрываетъ тѣло дѣвы милой,
 Нѣтъ, подъ скалою групъ зарытъ;
 Но на скалѣ сей неизмѣнной:
 Я начерталъ обѣтъ священной:
 За все мой мечъ вамъ отомститъ.

* * *

Съ тѣхъ поръ меня магометане
 Узнали въ стычкѣ боевой,
 Съ тѣхъ поръ, какъ часто въ шумѣ браней
 Обѣтъ я повторяю свой!

Отчизны гибель, смерть прекрасной,
 Все, все припомню въ часъ ужасный;
 И всякій разъ, какъ мечъ блеститъ.
 И падаетъ глава съ чалмою,
 Я говорю съ улыбкой злою:
 За все мой мечъ вамъ отомстить.

Я чувствую, во мнѣ горитъ
 Святое пламя вдохновенья,
 Но къ темной цѣли духъ парить...
 Кто мнѣ укажетъ путь спасенья?
 Я вижу, жизнь передо мной
 Кипитъ какъ океанъ безбрежной...
 Найду ли я утесъ надежной,
 Гдѣ твердой обопрусь ногой?
 Иль, вѣчнаго сомнѣнья полный,
 Я буду горестно глядѣть
 На перемѣнчивыя волны,
 Не зная, что любить, что нѣтъ?

Открой глаза на всю природу, —
 Мнѣ тайный голосъ отвѣчалъ, —
 Но дай имъ выборъ и свободу.
 Твой часъ еще не наступалъ;

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывной
Отзывной пѣснью отвѣчай!
Когда-жъ минуты удивленья,
Какъ сонъ туманный, пролетятъ,
И тайны вѣчнаго творенья
Яснѣй прочтетъ спокойный взглядъ: —
Смирится гордое желанье, —
Обнять весь міръ въ единый мигъ,
И звуки тихихъ струнъ твоихъ
Сольются въ стройныя созданья.

Не живъ сей голосъ прорицанья,
И струны вѣрныя мои
Съ тѣхъ поръ душѣ не измѣняли.
Пою то радость, то печали,
То пылъ страстей, то жаръ любви,
И бѣглымъ мыслямъ простодушно
Ввѣряю въ пламени стиховъ.
Такъ соловей въ тѣни дубровъ,
Восторгу краткому послушной,
Когда на долы ляжетъ тѣнь,
Уныло вечеръ воспѣваетъ,
А утромъ весело встрѣчаетъ
Въ румяномъ небѣ ясный день.

Поэтъ и другъ.

Другъ.

Ты въ жизни только разцвѣтаешь,
 И ясенъ міръ передъ тобой, —
 За чѣмъ же ты въ душѣ молодой
 Мечту коварную питаешь?
 Кто близь къ двери гробовой,
 Того уста не пламенѣютъ,
 Не такъ душа его пылка,
 Въ привѣтахъ взоры не свѣтлѣютъ,
 И такъ ли жметъ его рука?

Поэтъ.

Мой другъ! слова твои напрасны.
 Не згутъ мнѣ чувства: ихъ языкъ
 Я понимать давно привыкъ,
 И ихъ пророчества мнѣ ясны.
 Душа сказала мнѣ давно:
 Ты въ міръ молніей промчишься!
 Тебѣ все чувствовать дано,
 Но жизнью ты не насладишься.

Другъ.

Не такъ природы строгъ завѣтъ.
 Не призирай ея дарами:

Она на радость юныхъ лѣтъ
Даетъ надежды намъ съ мечтами.
Ты гордо слышалъ ихъ привѣтъ:
Она желаніе святое
Сама зажгла въ твоей крови
И въ грудь для пламенной любви
Вложила сердце молодое.

Поэтъ.

Природа не для всѣхъ очей
Покровъ свой тайный подымаетъ:
Мы всѣ равно читаемъ въ ней,
Но кто, читая, понимаетъ?
Лишь тотъ, кто съ юношескихъ дней
Былъ пламеннымъ жрецомъ искусства,
Кто жизни не щадилъ для чувства,
Вѣнецъ мученьями купилъ,
Надъ суетой вознесся духомъ,
И сердца трепеть жаднымъ слухомъ,
Какъ вѣщій голосъ, изловилъ!
Тому, кто жребій довершилъ,
Потеря жизни не утрата —
Безъ страха міръ покинетъ онъ.
Судьба въ дарахъ своихъ богата,
И не одинъ у ней законъ:
Тому—процвѣсть съ развитой силой
И смертью жизни слѣдъ стереть,

Другому — рано умереть,
Но жить за сумрачной могилой!

Другъ.

Мой другъ! за чѣмъ обманъ питать?
Нѣтъ! дважды жизнь насъ не лелѣеть.
Я то люблю, что сердце грѣеть,
Что я своимъ могу назвать,
Что наслажденье въ полной чашѣ
Намъ предлагаетъ каждый день;
А что за гробомъ, то не наше: —
Пусть величаютъ нашу тѣнь,
Нашъ голый остовъ отрывають,
По волѣ вѣтренной мечты
Даютъ ему лицо, черты,
И призракъ славой называютъ!

Поэтъ.

Нѣтъ, другъ мой! славы не брани:
Душа сроднилася съ мечтою:
Она надеждою благою
Печали озаряла дни.
Мнѣ сладко вѣрить, что со мною
Не все, не все погибнетъ вдругъ,
И что уста мои вѣщали —
Веселья мимолетный звукъ,
Напѣвъ задумчивой печали, —
Еще не помнить обо мнѣ,

И сильный стихъ не разъ встревожить
Умъ пылкій юноши во снѣ,
И старецъ со слезой, быть-можетъ,
Труды неживые прочтетъ; —
Онъ въ нихъ души печать найдетъ
И молвить слово состраданья:
«Какъ я люблю его созданья!
«Онъ дышетъ жаромъ красоты,
«Въ немъ умъ и сердце согласились,
«И мысли полныя носились
«На легкихъ крыліяхъ мечты.
«Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!»

Сбылись пророчества поэта,
И другъ, въ слезахъ, съ началомъ лѣта
Его могилу посѣтилъ.
Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!

X   П о с л ѣ д н і е   с т и х и .

Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ склоняй;

Но въ чистой жадѣ наслажденья
Не каждой арфѣ слухъ вѣбрыя.
Не много истинныхъ пророковъ
Съ печатью тайны на челѣ,
Съ дарами выпренныхъ уроковъ,
Съ глаголомъ неба на землѣ.

ВЕРДЕРЕВСКІЙ.

Юношѣ - Поэту.

Блаженъ ты, поэтъ; ты всю жизнь позлащасяшь
мечтою;

Не видя обмана, доврчиво въ свѣтѣ живешь.

Ты любишь людей потому, что не видишь ихъ
грязи,

Мечтаешь—и счастливъ; но вѣрь мнѣ: счастливѣе
тогъ,

Кто видитъ болѣзни людей, его окружавшихъ,
Страдаетъ,—и все-таки любить и міръ и людей.

Погибшему брату.

Боясь холоднаго безстрастья,
Въ страстяхъ искалъ онъ новизны,
И не хотѣлъ вкусить отъ счастья
Спокойно-свѣтлой тишины....

Такъ чайка бурная: у моря
 Свободенъ, смѣлъ ея полётъ,
 Она живеть, не зная горя,
 Подъ шумомъ грознымъ непогодъ!

Не для нея цвѣтеть мѣръ дольный,
 Пусть онъ спокойствіемъ богатъ:
 Ей нуженъ дикій, но раздольный
 Стихій взволнованныхъ разладъ...

В о з в р а щ е н и е .

(Элегія)

Вотъ знакомая мельница крыльями машеть;
 Вотъ плотина, за нею на выгонѣ лугъ;
 Вотъ съ сынишкой старикъ ниву сочную пашеть:
 Сынъ отцу помогаетъ поддерживать плугъ.
 Сѣдины старика, — долгихъ лѣтъ отпечатокъ, —
 И кудрявая смоль черныхъ сына волосъ
 Такъ другъ къ другу иаутъ, а ихъ нивы участки
 Быстро тонетъ въ рядахъ чернозѣмныхъ полосъ:
 Имъ спорится работа!... «Богъ помочь! Здорово!
 «Молодца ты въ подмогу себѣ возрастил!»
 И улыбкой старикъ встрѣтилъ доброе слово,
 И, съ поклономъ, морщины чела обнажилъ...
 Какъ давно мнѣ вся эта картина знакома!

Вотъ и прудъ... Съ полверсты остается до дома...
За прудомъ слышенъ топотъ бѣгущаго стада,
Пыль столбомъ и сквозь пыль видны купы берѣзъ:
То ровесники мнѣ, дѣти отчаго сада,
То свидѣтели первыхъ восторговъ и слёзъ.
Въ ихъ тѣни.... Какъ давно миновали тѣ годы!
Въ ихъ тѣни я позналъ мѣру данныхъ мнѣ силъ,
Научился дивиться явленьямъ природы,
Научился любить и впервые любилъ...
Здравствуй свѣтлое поприще жизни минувшей!
Здравствуй тихо радушный отеческій край!
Поскорѣй ты въ душѣ моей полужаснувшей
Призракъ дней, юныхъ дней, отжитыхъ, воскрешай,
И пусть всё, что любилъ, но покинулъ давно я,
Встрѣчу снова я въ нѣдрахъ покоя!...

На горахъ.

Лучемъ зиждательной весны
Во мнѣ опять воскрешены
Всѣ силы духа.... Разумъ мой
Забылъ дни долгіе зимы
И, будто узникъ изъ тюрьмы,
Стремится снова въ міръ иной:

Къ горамъ, къ горамъ, подъ облака.
Въ безбрежный воздуха просторъ!
Пусть, въ тихій часъ, мой тлѣнный взоръ
Обниметь все съ вершины горъ,
Что Божья создала рука
Для богача и бѣдняка!

Гляжу.... Вокругъ лазурь небесъ.
И обновленная земля:
Все преисполнено чудесъ,
Повсюду тайна для меня,
И самъ я, гордый, — здѣсь, какъ тля,
Предъ безконечностью исчезъ;

И только слышны мнѣ едва,
Какъ гимнъ молитвенный, слова:
«Дыши свободно грудь моя,
Впивая счастья бытія!
Душа безсмертная, живи
Для всеобъемлющей любви!»

ВОЛКОВЪ.

Б л а г о в ѣ щ е н і е.

Кто Ты, о Дѣва Назарета?
Кто Ты, чье юное чело
Лучемъ божественнаго свѣта
Какъ діадимой обвело?...
Твой взоръ, невинный и прелестный,
Горитъ огнемъ любви небесной;
Твою дѣвическую грудь
Земныя страсти не волнуютъ:
Тебѣ на небо свѣтлый путь
Слова пророчествъ указуютъ.
Въ молитву ты погружена;
Рука съ рукою сложена,
И къ небу взоры устремились;
И слезы какъ жемчугъ катились
Съ твоихъ лазуревыхъ очей,
И кудри вдоль твоихъ плечей
Волной каштановой струились.

Но, часъ насталъ! Егова рекъ.
 И вотъ, во славъ, съ тверди звѣздной
 Архангелъ Гаврилъ потекъ
 Благовѣститъ Невѣсть — Неневаѣстной
 И все надъ спящею землею
 Тогда торжественно и тихо!
 Лишь огневою полосой
 Слѣды стезей Архистратига,
 Въ попространствѣ воздуха лежать;
 Его крыле лазурныя шумятъ:
 Но этотъ шумъ, какъ бы звукъ лирной,
 Въ долину слышится эфирной;
 И предъ посланникомъ Небесъ
 Предъ стражемъ Божіей Невѣсты
 Со страхомъ свѣтъ луны исчезъ,
 И съ трепетомъ померкли звѣзды.

Еще во хранинѣ своей,
 Надъ книгой Ветхаго Завета
 Молилась Дѣва Назарета,
 Когда внезапно передъ Нею
 Посланникъ Божій появился....
 Невинной Дѣвы духъ смутился....
 —«Возрадуйся! Господь съ Тобой!»
 Такъ Гаврилъ благовѣствуетъ,
 «Тебѣ, избранная судьбой,
 Егова благодать даруетъ!
 Духъ на Тебя Святыи найдетъ

И благодатная Марія
 Во чревѣ дѣвственномъ зачнетъ,
 И явится Господь—Мессія!
 Архангелъ рекъ; и передъ нимъ,
 Съ смиреньемъ сердца неземнымъ,
 Невѣста Божія главу свою склонила, —
 И сила Вышняго Марію осѣнила!

Тѣнь высокаго, стараго дуба
 Голосистая птичка любила;
 На вѣтвяхъ, переломленныхъ бурей,
 Она кровь и покой находила....

И, какъ будтобы, старому дубу
 Было внятно ея щебетанье:
 Веселѣй его вѣтви качались
 И слышней было листьевъ шептанье...

Улетѣла-ль веселая птичка,
 Или слабую бурей умчало?
 Только въ листьяхъ высокаго дуба
 Непріютно и холодно стало!

И стоитъ онъ, склоняясь вѣтвями,
Весь наполненъ тоской и истомой,
Вспоминая любимую птичку,
Сиротѣя безъ пѣсни знакомой.

КН. ВЯЗЕМСКІЙ.

На церковное строеніе.

Одною встрѣчей я всегда въ прогулкѣ счастливъ:
Будь лѣтомъ жарокъ день, иль осенью ненастливъ,
Подъ проливнымъ дождемъ, въ морозъ, въ паля-
щій зной,

На перекрёсткѣ онъ, съ открытой головой
И съ книгою въ рукѣ, протянутой къ прохожимъ.
Глядитъ онъ странникомъ и человѣкомъ Божимъ,
Смиренья съ простотою лежитъ на немъ печать:
Свой страннической крестъ пріавъ, какъ благодать,
Изъ дальняго села пришелъ онъ въ городъ чуждый,
Но привели его не собственныя нужды.
Нѣтъ! къ дому Господа усердемъ возгора
И возлюбивъ и блескъ, и святость алтаря,
Онъ благолѣпью ихъ посильный трудъ приноситъ
И именемъ Христа на церковь братій проситъ.
Въ волненьяхъ суеты, среди столичныхъ стѣнъ.

Преданье и урокъ Апостольскихъ временъ,
 Онъ ходитъ между насъ Евангельскою вѣстью
 И праздня сердца въ насъ будить къ благочестью.
 И рѣдко кто пройдетъ, — и больно за того,
 Кто мимо могъ пройти, не одѣливъ его
 Хоть малымъ чѣмъ-нибудь, хоть ласковымъ вни-
 маньемъ,

Сочувствіемъ любви, поклономъ, пожеланьемъ,
 Чтобъ труженика путь Господь благословилъ
 И жатвой доброю жнеца обогатилъ,
 Но болѣе всего люблюсь доброхотомъ,
 Который дастъ свой грошъ, трудомъ и крупнымъ
 потомъ

Добытый, — и себя жъ тутъ осѣнить крестомъ,
 Какъ будто-бъ онъ еще остался съ барышомъ.
 Храня въ душѣ моей отцовъ простую вѣру,
 Я слѣдовать люблю народному примѣру
 И лепту и мою спѣшу въ тотъ сборъ принести.
 Скажу: и моего тутъ меду капля есть;
 Скажу: и моего тутъ будетъ капля масла,
 Чтобъ предъ иконою лампада въ вѣкъ не гасла,
 Чтобъ тихій свѣтъ ея ликъ Спаса озарялъ
 И въ душу скорбную отрадой проникалъ.

И въ этой мысли мнѣ есть сладость упованья,
 Что тутъ и мой кирпичъ нойдетъ въ основу зданья,
 Гдѣ мирная семья смиренныхъ поселянъ
 На благовѣсть любви, сзывающій мірянъ,

Усердною толпой сберется въ день Воскресный.
И молятся они, чтобы Отецъ Небесный
Послалъ имъ свѣшній миръ, чтобы за ихъ труды
Имъ принесла земля обильные плоды;
Чтобъ день былъ совершенъ, святъ, миренъ и
безгрѣшенъ,
Чтобъ исцѣлялъ больной, чтобъ скорбный былъ
утѣшенъ,
Живущимъ вѣрою, хранящимъ Божій страхъ,
Труждающимся всѣмъ, въ молитвѣ и слезахъ,
Всѣмъ странствующимъ, всѣмъ, далече въ морѣ
сущимъ.
Всѣмъ долю тяжкую и тяжкій плѣнь несущимъ —
Господь послалъ свой миръ, любовь и благодать;
Чтобъ въ покаяннѣ имъ дни прочіе скончать,
Чтобъ Ангель. мирный, душъ ихъ и тѣлесъ хра-
нитель,
Берегъ и стадо ихъ, и поле, и обитель;
Чтобъ помянулъ Господь во царствіи своемъ
Отцевъ и братію, почившихъ смертнымъ сномъ,
Святителей церквей, родныхъ, владыкъ держа-
вныхъ
И всѣхъ лежащихъ здѣсь и всюду православныхъ;
И отрѣшая ихъ отъ всѣхъ земныхъ заботъ,
Ко Господу любви душа ихъ вопіеть,
Чтобъ непостыдная и тихая кончина
Предстательствомъ Его возлюбленнаго Сына
Сошла, какъ благодать, даруя имъ покой,

Дружиной бодрою, отважной молодежью,
 Мы рано вышли всѣ въ походъ на волю Божью.
 У каждаго былъ жезлъ фельдмаршальскій въ сумѣ,
 У каждаго—своя побѣда на умѣ,
 У каждаго свои надежды, цѣль и радость;
 Довѣрчиво судьбу спрашивала младость.
 Но скоро ворвалась смерть въ юный нашъ отрядъ.
 Сплошнѣ сомкнули мы разорванный свой рядъ
 И скорбью помянувъ утраченнаго брата,
 Самонадѣянно, удалые ребята,
 И каждый о себѣ безпечный, шли впередъ:
 Бѣгомъ — на крутизну, потокомъ—въ плавъ и въ
 бродь.

Мы пѣснью боевой весь воздухъ оглашали;
 Задачи бытія восторженно рѣшали
 Горячія сердца и смѣлые умы.
 Но полдень наступилъ и оглянулись мы:
 Ужъ многихъ нашихъ нѣтъ и лучшихъ нѣтъ изъ
 братій;
 Смерть выхватила ихъ изъ дружескихъ объятій
 Внезапно въ золотой порѣ цвѣтущихъ силъ,
 Когда ихъ зрѣлый духъ такъ плодороденъ былъ!
 Тутъ робкій взглядъ—впередъ и на себя—печаль-
 ный

Вперили мы: хладѣлъ тотъ пылъ первоначальный,
 Которымъ наша грудь кипѣла, а нашъ умъ
 Насытиться не могъ въ тревогѣ смѣлыхъ думъ.
 Сталъ небосклонъ темнѣй и путь какъ будто уже,

Въ угасшихъ дняхъ друзей и наши гасли вчужѣ;
А все еще рѣдѣлъ, прострѣленный насквозь,
Строй — нѣкогда стѣна, — теперь разбитый врозь.
Когда же зорю мы пробили въ часъ молитвы,
Насъ на-лицо два-три сошлись на полѣ битвы.
Сталь недочетъ и въ тѣхъ, оставшихся... Позднѣй
Оплакивалъ одинъ я всѣхъ моихъ друзей.

М о л и т в а

Чертогъ Твой вижу, Спасе мой!
Онъ блещетъ славою Твоею;
Но я войти въ него не смѣю,
Но я одежды не имѣю,
Дабы предстать мнѣ предъ Тобой.

О, Свѣтодавче, просвѣти
Ты рубище души убогой;
Я нищимъ шель земной дорогой;
Любовью и щедротой многой
Меня къ слугамъ Своимъ причти!

Молитва Ангелу Хранителю.

Научи меня молиться,
Добрый Ангель, научи!
Усть твоихъ благоуханьемъ
Чувства черствыя смягчи;
Да во глубь души проникнутъ
Солнца вѣчнаго лучи,
Да въ груди моей забьются
Благодатныхъ слезъ ключи!

Дай моей молитвѣ крылья!
Дай полеть мнѣ въ высоту!
Дай мнѣ вѣры безусловной
Высоту и теплоту!
Неновинныхъ, безотвѣтныхъ
Дай младенцевъ чистоту
И высокую, святую
Нищихъ духомъ простоту!

Дай стяхнуть земныя узы,
Съ прахомъ странническихъ ногъ,
Дай во мнѣ угаснуть шуму
Битвъ житейскихъ и тревогъ;
Да откроется тобою
Мнѣ молитвенный чертогъ,

Да въ одну сольются думу:
Смерть, безспертіе и Бого!

В е ч е р ь.

Прелестный вечера! въ сладкомъ обаяньи
Душа притихла, словно въ чудномъ снѣ.
И небеса въ бозоблачномъ сіяньи
И вся земля почилъ въ тишинѣ.

Куда бѣ глаза пытливо ни смотрѣли,
Таинственной завѣсой міръ одѣтъ.
Слухъ звука ждетъ,—но звуки онѣмѣли;
Движенья ищеть взоръ—движенья нѣтъ.

Не дрогнетъ листь, не зарябится влага,
Не проскользнетъ воздушная струя;
Все тишь!... какъ будто въ пресыщеніи блага
Жизнь замерла и не слышать ея.

Но въ видимомъ бездѣйственномъ покоѣ,
Не истощенье силъ, не мертвый сонъ;
Присущны здѣсь и таинство живое,
И стройнаго могущества законъ.

И молча жизнь кругомъ благоухаетъ
И въ неподвижной красотѣ своей

Прохладный вечеръ, моча, расточаетъ
Поэзію безъ звуковъ, белъ рѣчей.

И въ этотъ часъ, когда въ тѣни нѣмѣя,
Все, притаясь, глубокой миръ хранитъ
И тихій ангель, крыльями чуть вѣя,
Землей любуясь, медленно паритъ, —

Природа вся цвѣтетъ, красуясь пышно
И насъ склоня къ мечтамъ и забытью,
Передаеть незримо и неслышно
Намъ всю любовь и душу всю свою.

У т ѣ ш е н і е .

Предъ Господомъ Богомъ я грѣшенъ!
И кто же не грѣшенъ предъ Нимъ!
Но тѣмъ я хоть мало утѣшенъ,
Что братъ я всѣмъ братьямъ моимъ;

Что слезы мнѣ всѣ симпатичны,
Что съ плачущимъ плачу и я,
Что въ сердцѣ есть отзывъ привычный
На каждую скорбь бытія;

Что духъ мой окрѣпъ подъ ненастьемъ,
Что въ язвахъ созрѣла душа,

Что жизнь мнѣ не блескомъ, не счастьемъ,
А тайной тоской хороша;

Что въ мѣръ и его обаянья
Не долго вдаваться я могъ,
Но всё его понялъ страданья
И чувства для нихъ уберегъ;

Что тайная есть мнѣ отрада
Внезапно войти въ Божій домъ
И тамъ, гдѣ мерцаетъ лампада,
Съ молитвой поникнуть челомъ;

Что дня не проходитъ и часу,
Чтобъ внутреннимъ слухомъ не вялъ
Я смерти призывному гласу
И слухъ отъ него уклонялъ;

Что въ самой житейской тревогѣ
Сей голосъ не чуждъ для меня
И мыслью стою при порогѣ
Послѣдняго страшнаго дня.

Старое повождѣніе.

Смерть жатву жизни косить, косить
И каждый день, и каждый часъ

Добычи новой жадно просить
И грозно разрываетъ насъ.

Какъ много ужъ именъ прекрасныхъ
Она отторгла у живыхъ,
И сколько лиръ виситъ безгласныхъ
На кипарисахъ молодыхъ!

Какъ много сверстниковъ не стало,
Какъ много младшихъ ужъ сошло,
Которыхъ утро расцвѣтало,
Когда насъ знойнымъ полднемъ жгло....

А мы остались, уцѣлѣли
Изъ этой сѣчи роковой,
По смерти ближнихъ оскудѣли
И ужъ не рвемся въ жизнь, какъ въ бой.

Печально вѣкъ свой доживая,
Мы запоздавшей смѣны ждемъ,
Съ днемъ каждымъ сами умирая,
Пока не вовсе мы умремъ.

Сыны другаго поколѣнья,
Мы въ новомъ—прошлогодній цвѣтъ,
Живыхъ намъ чужды впечатлѣнья,
А нашимъ—въ нихъ сочувствій нѣтъ.

Они, что любимъ—разлюбили,
Страстямъ ихъ—насъ не волновать;

Ихъ не было тамъ, гдѣ мы были,
Гдѣ будутъ—намъ ужъ не бывать!

Нашъ міръ—имъ храмъ опустошенный,
Имъ баснословье —наша быль
И то, что пепель намъ священный—
Для нихъ одна нѣмая пыль.

Такъ, мы развалинамъ подобны
И на распути живыхъ
Стоимъ, какъ памятникъ надгробный
Среди обителѣй людскихъ.

~~~~~

X Вечерняя Звѣзда:

Моя вечерняя звѣзда,
Моя послѣдняя любовь!
На вечерѣющій мой день
Отрады лучъ пролей ты вновь!

Порою невоздержныхъ лѣтъ
Мы любимъ пыль и блескъ страстей,
Но полу-радость, полу-свѣтъ
Намъ на закатѣ дня милѣй.

Одно сокровище.

Одно сокровище, одну святыню
Съ благоговѣньемъ я берегу;

За этимъ кладомъ я ходилъ въ пустыню
И кочевалъ на дальнемъ берегу.

Весь этотъ кладъ—одно воспоминанье;
Но жизнь мою, жизнь мелочныхъ заботъ,
Оно искупить, дать ей смыслъ, благоуханье,
Которое меня переживетъ.

Я помню край, опустошенья полный,
Минувшаго величья прахъ и тлѣнь;
Пожаромъ тамъ прошли столѣтій волны
И выжгли почву, жизнь и слѣдъ племень.

Природа смотритъ дико и несчастно;
Тамъ на землѣ какъ будто казнь лежитъ.
И только небо, скорбямъ непричастно,
Лазурью чудной радостно горитъ.

Тамъ дерево томится тѣнью скудной,
Потокъ безъ волнъ тамъ замеръ и заглохъ
И, словно, слышенъ въ тишинѣ безлюдной
Великой скорби безконечный вздохъ.

Но этотъ край— святая Иудея,
 Но лѣтопись опальной сей земли —
 Евангеліе: свято, не старѣя,
 Сии мѣста преданья сберегли.

Передаютъ днѣмъ бѣглымъ камней груды —
 Глаголы вѣчности и Божій судъ;
 Живые тамъ—порожніе сосуды,
 Но мертвецы хранятъ живой сосудъ.

Текущій день мрачнѣе мертвой ночи,
 Но жизнью дышетъ вѣчное вчера:
 Здѣсь предъ тобой слѣзцу отверзты очи,
 Здѣсь недвижимый возстаетъ съ одра.

Изъ каменнаго гроба Исусомъ
 Здѣсь вызванъ Лазарь; страшный, грозный видъ!
 Его лице обвязано убрусомъ,
 Отъ плечь до ногъ онъ пеленой обвить.

Но онъ возсталъ, мертвецъ четверодневный,
 Забилось сердце, жизнью вспыхнулъ взоръ:
 Услышана молитва, плачь душевный
 О миломъ братѣ плачущихъ сестеръ!

Священныхъ книгъ и лица, и событья
 Живой картиной радуютъ глаза
 И на душѣ, подъ таинствомъ наитья, —
 Любовь и страхъ, улыбка и слеза.

И нѣтъ страны на всей землѣ обширной,
Гдѣ бы душа такъ дома зажила,
Гдѣ-бъ жизнь текла такой струею мирной,
Гдѣ-бъ смерть сама желаннѣе была.

И помню я, паломникъ недостойный,
Святыхъ чудесъ завѣтныя мѣста:
Тотъ сводъ небесъ, безоблачный и знойный,
Тотъ вѣчный градъ безсмертнаго креста.

И память эта не умереть со мною:
Мой биографъ, — быть можетъ: Шевыревъ,
Меня, давно забытаго молвою,
Напомнитъ вновь вниманью земляковъ.

Въ итогъ дней ничтожныхъ пилигрима
Отмѣтитъ онъ одинъ великій день:
Тотъ день, когда со стѣнъ Ерусалима
И на меня легла святая тѣнь.

И скажетъ онъ, что средь живаго храма
На гробъ Господень я главу склонилъ,
Что тихою струею Силоама
Я грѣшныя глаза свои умылъ;

Что въ этотъ край, отчизну всѣхъ скорбящихъ,
Я страждущей души носилъ печаль,
За упокой въ землѣ сырой лежащихъ
Внесъ имена на вѣчную скрижамъ;

Что прокаженнымъ, за стѣнами града
Сидящимъ одалъ, какъ въ евангельскіе дни,
Мнѣ лепту подавать была отрада,
Чтобъ обо мнѣ молились и они;

Что я любилъ на берегу Кедрона
Юсафатовой долины свѣжій міръ,
Что съ высоты божественной Сіона
Внималъ я духомъ пѣснямъ горнихъ лиръ;

Что долго рабъ житейскаго обмана,
Послышалъ разъ я неземной призывъ, —
Когда въ водахъ священныхъ Іордана
Омылся я, молитву сотворивъ.

Вечеромъ на берегу моря.

Плыветъ онъ молодой Царевичъ,
Объятый непробуднымъ сномъ,
И этотъ мѣсяцъ, эти звѣзды
Горятъ надъ Царскимъ кораблемъ.

Но онъ не видитъ ихъ сіянья,
Онъ не любитъся на нихъ:
Въ тѣни и въ тишинѣ молчанья
Прилегъ Царевичъ и притихъ.

Не слышитъ онъ, какъ плескомъ дружнымъ
Волна грохочетъ за волной,
Какъ вѣтерокъ подъ небомъ южнымъ
Играетъ зыбью голубой.

По лону зеркальнаго моря
Пловецъ невидимо скользитъ,
И къ утру золотая зоря
Его лица не озаритъ.

Плыветъ онъ къ берегу родному,
Гдѣ онъ разцвѣлъ и возмужалъ,
Гдѣ втайнѣ подвигу святому
Себя въ грядущемъ обрекалъ,

Гдѣ онъ былъ радостью семейной,
Надеждой царства своего,
Гдѣ мать мольбой благоговѣйной
Молила Промыслъ за него:

Чтобъ лучшихъ благъ хранилъ залогомъ
Онъ въру, мудрость, кроткїи нравъ;
Чтобъ былъ и чистъ онъ передъ Богомъ,
И передъ каждымъ ближнимъ нравъ.

Народъ подъ красотою личной
Любя и сердца благость въ Немъ,
Ждалъ, что сберетъ Онъ плодъ сторичный
Съ броды, засѣянной Отцомъ,

Что будетъ онъ Отцу дотолѣ
Сподвижникъ съ ранняго утра,
Съ нимъ обрабатывая поле,
На жатву пользы и добра.

Гаданья свѣтлыя напрасны!
Имъ сбыться не дано судьбой,
Надеждъ грядущихъ цвѣтъ прекрасный
Сраженъ внезапною грозой.

Изъ странъ далекихъ ожидая
Того, кто въ край родной плыветъ,
Народъ, Царевича встрѣчая,
Не скажетъ: «Се Женихъ грядетъ!»

Не радости, не ликованій
Готовить онъ ему привѣтъ,
А скорби, плача и рыданій,
Какимъ подобныхъ въ мірѣ нѣтъ!

Разрознены судьбиной мрачной
Два бытія родныхъ сердецъ,
И разомъ царственный и брачный
Съ чела младаго палъ вѣнецъ.

И онъ, Царевичъ ненаглядный,
Улада сердца и очей,
Теперь безжизненный и хладный
Пристанетъ къ родинѣ своей.

А волны льются за волнами
Подъ смертоноснымъ кораблемъ,
А мѣсяцъ съ свѣтлыми звѣздами
Блестить на небѣ голубомъ,

И мѣсяцъ равнодушный къ горю,
Корабль сіянемъ обдаетъ,
И не сдается синю морю,
Какую скорбь оно несетъ.

П а л е с т и н а .

Сводъ безоблачно синій
Иудейскихъ небесъ,
Безпредѣльность пустыни,
Одинокихъ древесъ,
Пальмы, маслины скудной
Безпріютная тѣнь,
Позолотою чудной
Ярко блещущій день.

По степи рѣчки ясной
Не бѣжитъ полоса,
По дорогѣ безгласной
Не слышать колеса.

Только съ ношей своею
(Что ему зной и трудъ?)
Длинно вытянувъ шею
Выступаетъ верблюдь.

Ладья и телѣга
Безпромышленныхъ странъ,
Онъ идетъ до ночега.
Вслѣдъ за нимъ караванъ;
Иль бурнусомъ обвитый,
Наверблюдь верхомъ,
Бедуинъ сановитый,
Знойно-смуглый лицомъ.

Словно зыбью качаясь,
Онъ торчитъ и плыветъ,
На ходу подаваясь
То назадъ, то впередъ.
Иль промчитъ кобылица
Шейха съ длиннымъ ружьемъ,
И кружится, какъ птица,
Подъ лихимъ сѣдокомъ.
Помянувъ Магомета,
Всадникъ, встрѣтись съ тобой,
Къ сердцу знакомъ привѣта
Прикоснется рукой.
Полдень жаркій пылаетъ,
Воздухъ словно огонь:

Путникъ жаждой сгораетъ
И томящійся конь.

У гробницы съ чалмою
Кто-то вырылъ родникъ,
Путникъ жадной душою
Къ холодной влагѣ приникъ.
Благодѣтель смиренный!
Онъ тебя отъ души
Помянулъ, освѣженный
Въ опаленной глуши.

Вотъ подъ сѣнью палатокъ
Быть пустынныхъ племенъ:
Женскій складъ—отпечатокъ
Первобытныхъ временъ.
Вотъ библейскаго вѣка
Вѣрный сколокъ: точь-въ-точь
Молодая Ревекка,
Ваеуилова дочь.

Голубой плененою
Станъ красивый сокрытъ;
Взоръ восточной звѣздой
Подъ рѣсницей блеститъ.
Величаво, спокойно
Дѣва сходитъ къ ключу:
Водоносъ держитъ стройно,
Прижимая къ плечу.

Въ полѣ кактусъ иглистый
Распускаетъ свой цвѣтъ.
Въ дальней тѣмѣ—каменистый
Аравійскій хребетъ.
На вершинахъ суровыхъ
Гаснетъ день средь зыбей
То золотыхъ, то лиловыхъ,
То зеленыхъ огней.
Чудно блещутъ картины
Яркихъ красокъ игрой.

Свѣтлый край Палестины!
Упоенный тобой,
Предъ разсвѣтомъ, пустыней,
Я несусь на конѣ
Богомольцемъ къ святынѣ,
Съ дѣтства родственной мнѣ.
Шейхъ съ летучимъ отрядомъ
Мой дозоръ боевой:
Впереди, сзади, рядомъ
Вьется пестрый ихъ рой.
Недовѣрчиво взгляды
Озирають вокругъ:
Хищный врагъ изъ засады:
Не нагрянетъ ли вдругъ?

На пути, чуть пробитомъ
Средь разорванныхъ скалъ,

Конь мой чуткимъ копытомъ
По обломкамъ ступаль.
Сонъ: подъ звѣзднымъ наметомъ
Запылали костры;
Сонъ: тревожить налетомъ
Вой шакаловъ съ горы.
Эпопеи священной
Древній міръ здѣсь разверстъ:
Свитокъ сей неизмѣнной
Начерталъ Божій перстъ.

На Израиль съ завѣтомъ
Здѣсь сошла Божья сѣнь:
Возсіялъ здѣсь съ разсвѣтомъ
Человѣчества день.

Край святой Палестины
Край чудесъ искони!
Горы, дебри, равнины,
Дни и ночи твои,
Вишній міръ, міръ подспудной,
Все, что было, что есть,
Все поэзи чудной
Благодатная вѣсть.
И въ отвѣтъ на призванье,
Жизнь, горъ возлетѣвъ,
Жизнь—одно созерцанье
И молитвы напѣвъ.

Отблескъ свѣтлыхъ видѣній
На душѣ не угасъ:
Дни святыхъ впечатлѣній
Позабуду ли васъ?

ГЕРБЕЛЬ.

Сегодня мнѣ исполнилось 36-ть лѣтъ.

Изъ Байрона.

(Посв. М. Л. Михайлову).

О, сердце, замолчи! пора забыть страданья...
Уже любви ни въ комъ тебѣ не возбудить;
Но если возбуждать ее не въ состояньи,
Все жь я хочу еще любить!

Какъ листья, дни мои поблекли и завяли;
Цвѣты моей любви оборваны грозой,
И вотъ грызущій червь, упреки и печали
Одни остались со мной.

Какъ гибельный вулканъ, средь глади водъ без-
брежной,
Мой внутренній огонь хлопочетъ съ давнихъ поръ;
Не свѣточъ онъ зажжетъ, таинственный и нѣжный,
А погребальный мой костеръ.

Ни страха, ни надеждъ, ни гордаго страданья,
 Ни пламени любви, разстраченной въ борьбѣ,
 Я раздѣлять теперь уже не въ состояннн,
 Неся ихъ цѣпи на себѣ....

Но здѣсь ли и теперь, когда все жаждетъ боя,
 Такая мысль могла возстать въ умѣ моемъ,
 Гдѣ слава лаврами вѣнчаетъ гробъ героя,
 «Или чело его вѣнкомъ.»

И слава Греціи вокругъ меня сіяетъ,
 Съ ея полями битвъ, хоругвью и мечемъ—
 Здѣсь каждый бранный призъ отважному
 «Иль съ нимъ или на немъ!»

Возстань!... (не Греція—она уже возсталала),
 Но ты душа моя, очнися и возстань!
 И, вспомнивъ доблесть тѣхъ, въ комъ кровь моя
 играла,
 Зажгись въ груди моей на браны!

Возстань и раздави могучею пятою
 Воспрянувшихъ страстей отжившія мечты!
 Возстань, чтобъ отвѣчать холодностью одною
 На смѣхъ и слезы красоты!

Къ чему же жить, когда ты юности жалѣешь?
 Земля, гдѣ можетъ смерть быть славной,—предъ
 тобой.

Вперед! и покажи, что ты еще съумѣшь
 Погибнуть въ битвѣ, какъ герой!

Иди, нищѣ того, что часто въ нашей долѣ,
 Не думая найти, находятъ безъ труда—
 Могилу война; найди ее на полѣ,
 И успокойся навсегда!

В ъ К а р п а т а х ъ .

Встаютъ предо мною Карпатскія горы—
 Все выше, синѣй, надъ грядою гряда,—
 Влекутъ за собой изумленные взоры
 Куда-то далеко, куда-то-туда,

Гдѣ вѣтеръ шумить, да гуляютъ мятели,
 Гдѣ съ буйною вьюгою въ вѣчной борьбѣ,
 На скатахъ качаются черныя ели,
 И машутъ вѣтвями и манятъ къ себѣ,

Гдѣ все непривѣтно, пустынно и дико,
 Гдѣ только кружится пернатый владыко—
 Могучій орелъ, да со ската на скать,
 Весь въ пѣнѣ и брызгахъ, гремитъ водопадъ..

Утёсы нависли надъ самой дорогой,
Что въ кручѣ скалистой пробилась съ трудомъ:
Змѣей проползла надъ медвѣжьей берлогой
И лѣпится рядомъ съ орлинымъ гнѣздомъ....

В. Г Л И Н К А.

Банунъ Св. Причастія.

Завтра, завтра въ домъ Закхея
Гость таинственный придетъ,
И блѣднѣя, и нѣмѣя,
Передъ нимъ Закхей падѣтъ.

Мытарь смутенъ, безпокоенъ,
Вскликнетъ въ срѣтенье Его:
«Недостойнъ, недостойнъ
«Посѣщенья Твоего!

«Гость чудесный, гость небесный,
«Ты такъ свѣтѣль и лучистъ!!
«А сердечный домъ мой тѣсенъ
«И неприбранъ, и нечистъ!

«Гдѣ же гостя посажу я?
«Тутъ и тамъ сидѣль порока:

«Тутъ и тамъ,—гдѣ ни гляжу я,—
«Вижу все себѣ упреки! . .

«Чѣмъ же гостя угощу я?
«Добрыхъ дѣлъ въ прошедшихъ дняхъ,
«Все ищу и не сыщу я;
«Весь я въ ранахъ и грѣхахъ!!! —

Былъ отвѣтъ: «Не угощенья,
«Не здоровыхъ Я ищу:
«Завтра къ чашѣ исцѣленья,
«Я болящихъ допущу!

«Завтра, собственной кровью,
«Благодатию Отца,
«Духомъ мира и любовью
«Весь войду Я къ вамъ въ сердца. . .

«И душа, хоть всябъ истлѣла
«Въ знойномъ воздухѣ грѣховъ,
«Моего вкусивши гѣла,
«Возродится къ жизни вновь!»

Такъ надеждой въ душу вѣя,
Кто-то будто говорить:
«Завтра, завтра гость Закхея
«И тебя вѣдь посѣтитъ!»

О придижь, нашъ гость священный!
Съ чашей жизненной Своей:

Ждетъ грѣхами отягченный,
Новый ждетъ Тебя Закхей!!!

× Исканіе Бога.

Я видѣлъ: смерклись небеса;
Земля дала глухіе стоны;
Возсталъ духъ бурь, сломилъ препоны,
Стопой. какъ жатву, смялъ лѣса,
И горы съ мѣсть, и горь обломки
Онъ, мощный, въ дебряхъ разметалъ!
Воззвалъ я Бога гласомъ громкимъ—
Но Бога въ буряхъ невидалъ!

Я видѣлъ: ровныя поля
То гнулись въ долы, то холмились,
И волновалася земля,
И камни съ градомъ съ горь катились,
И грозно небеса дымились....
И, трепетный, звалъ Бога я—
Но въ бурныхъ мятежахъ земныхъ
Не зрѣлъ слѣдовъ Его святыхъ!

Свидѣтель новыхъ я чудесъ:
Отъ молній рдѣетъ сводъ небесъ,
И пышутъ огненные токи,
И на лицѣ полей широкихъ

Все стало пыломъ, все огнемъ—
Но Бога я не видѣть въ немъ!

И въ слѣдъ за бурей—тишина;
Душа предчувствіемъ полна;
Какъ молодой зари мерцанье,
Въ дыму серебряномъ горить
Святое алое сіянье.
На тайный зовъ душа летитъ
И дышетъ жизнью неземною...
Все стало сладкой тишиною,
И я въ дали, какъ въ дивномъ снѣ,
Услышалъ Бога въ тишинѣ!

С л а в о с л о в і е .

Господь поставилъ Свой престолъ на небесахъ
И царственно вселенной править.
Чей умъ изобразить Его въ своихъ словахъ,
И чей языкъ Его прославить?...

Но вы, сыны небесъ, соединяясь въ хоры
И рдѣясь любви огнемъ,
Поднявъ молитвенно къ Нему сердца и взоры
Гремите, пойте всѣ о Немъ!...

И вы, прекрасные, въ торжественномъ убранствѣ,
 По дальнимъ высотамъ,
 Міры—во всемъ небесъ пространствѣ—
 Хвалите Бога здѣсь и тамъ! .

Луна съ своей серебряною славой,
 И звѣзды съ золотомъ сверкающихъ лучей,
 Земля, одѣтая зеленою дубравой
 И голубой повязкою морей!...

Вы всѣ слышите пѣсней волны
 Въ звенящія гармоніи моря:
 Да всѣ единымъ чувствомъ полны,—
 Поютъ Единого Царя!...

~~~~~

В л у д н ы й   с ы н ъ .

Онъ нѣкогда отцу сказалъ:
 «Мнѣ жить съ тобою нѣтъ охоты,
 Мнѣ тяжки сельскія работы:
 Еще я свѣта не видалъ.
 Отдай наслѣдное имѣнье,
 Отдай, отецъ, мою мнѣ часть!
 Я надъ собой имѣю власть
 И въ свѣтѣ жить найду умѣнье...»
 Онъ взялъ и продалъ свой удѣлъ
 И полетѣлъ на берегъ Нила;

И скоро чуждый край узрѣлъ
И неба чуждаго свѣтила.
И сталъ себѣ онъ господинъ:
Мечты и страсти заиграли,
Какъ искры, радости сверкали,
И, мнимый сердца властелинъ,
Онъ въ область ринулся забавы:
И вьется рой друзей лукавыхъ
Кругомъ безпечнаго въ пирахъ.
Онъ сладко дремлетъ на коврахъ;
И тирскія раскинувъ ткани,
Онъ лести собираетъ дани;
Средь ароматовъ и сластей
Въ чертогахъ кедровыхъ, высокихъ.
Онъ снялъ бразды съ своихъ страстей,
И говоритъ: «дни кратки наши,
Какъ сонъ туманный, пролетятъ.
Друзья! смѣлѣй напѣнимъ чаши
И въ благовонный ароматъ
Отъ многоцѣннаго еля
Власы потопимъ! Не жалѣя,
Я угощаю, други васъ!
Намъ розы и свирѣлей звуки.»
Но вотъ, какъ смерть, подкрался часъ,
Какъ тать въ полунощи незримый,
И обнищальный и гонимый,
Бѣжитъ минутной нѣги сынъ
Въ пустыни дикія одинъ...

Весна свѣжитъ природы видъ:
 Растутъ рѣки священной воды,
 И надъ рядами пирамидъ
 Горять безоблачные своды.
 И пальмы клонятся съ холмовъ,
 Какъ дѣвы стройныя рядами;
 И дышетъ и кипитъ любовь
 И въ небесахъ и подъ водами...
 И, какъ женихъ, роскошный Нилъ
 Течеть лобзая свои долины.
 И острозубый крокодилъ,
 Покинувъ тайныя пучины,
 На солнцѣ дремлетъ межъ подругъ.
 Все нѣжитъ взоръ, ласкаетъ слухъ!
 Но грустный гость чужаго берега
 Не зреть красы чужой страны:
 Не для него природы нѣга;
 И радости родной весны
 Въ душѣ проснулись печальной,
 Какъ на долину погребальной
 Съ зарею свѣжіе цвѣты...
 Ужъ буйной юности мечты
 Прошли, какъ слухъ о счастья ложный,
 И онъ, въ надеждахъ осторожный,
 Сказалъ, тоскуя самъ съ собой:
 «Когда гоимый я судьбой,
 Когда отъ жизни оторвуся?»
 Но вдругъ рѣшась: «Я возвращуся!»

Къ тебѣ, Отець, къ тебѣ хочу!
Передъ тобою, другъ почтенный,
Страстями странникъ заблужденный,
Себя въ грѣхахъ я обличу...
Скажу: суди! Но видъ суровый
Смягчивъ, родители! дай оковы:
Мнѣ мило будетъ ихъ носить;
Пускай мои изгложутъ ноги:
Я буду пастырь твой убогій,
Но только дай съ тобою жить!

Ужъ близкій онъ къ мѣстамъ роднымъ
Благословляетъ мысль возврата,
И родины завидѣлъ дымъ:
Онъ слаще нѣги аромата....
Бѣжитъ знакомый ручеекъ,
Какъ юность прежняя свѣтлѣя;
И ласковымъ привѣтомъ вѣя,
Пришельца встрѣтилъ вѣтерокъ...
И странникъ, проясняясь думой,
О счастья прежнемъ замечталъ.
«Но мой отецъ! твой видъ угрюмой...
Боюсь!..» И весь онъ трепеталъ,
И цѣпенѣлъ и колебался....
Но кто надъ нищимъ улыбался,
И сердцу сердцемъ говорилъ?
Кто окропилъ его слезами
И столь знакомыми руками

Въ свои объятія стѣснилъ?
 Отецъ!.. Онъ здѣсь—и все забыто!
 Тиха душа какъ свѣтлый миръ;
 И ожилъ грустию убитый
 И зашумѣлъ веселый пиръ.

Когда жь и я, дитя неволи,
 Изъ знойныхъ жизни сей степей,
 Изъ сей туманныя юдоли,
 Сломивъ кольцо земныхъ цѣпей
 Къ Тебѣ, Небесный, возвращуся;
 И на пути въ Твой свѣтлый домъ,
 Покрытый прахомъ и стыдомъ,
 Передъ Тобою поклонюся,
 Благій Господь мой и Отецъ?
 И грусти не сдержавъ обильной,
 Я здѣсь! воскликну наконецъ:
 Я предъ Тобою, Боже сильный!
 Я блудный сынъ, Ты судія!
 Средь Ангеловъ Твоихъ нѣмѣю
 И повѣсть рассказать не смѣю
 Тебѣ земнаго бытія!
 Но въ царствѣ смерти и порока,
 Средь говорящихъ мертвецовъ,
 Я зрѣлъ душой Твой домъ высокій;
 Я весь былъ грусть и весь любовь,
 И не нашелъ любви взаимной,
 И утомленный отъ тревогъ,

Приюгъ страстей покинувъ дымной,
 Вхожу въ веселый Твой чертогъ.
 Еще въ земной моей печали
 Миѣ о любви Твоей сказали
 Твои святыя небеса!
 Ахъ! повели, Отецъ мой вѣчный!
 Да прирожденный грѣхъ сердечный
 Омоегъ горная роса!
 Да совлекутъ съ меня оковы,
 Что нажилъ я въ житейской мглѣ,
 Да поживу съ Тобой я *новый*
 И позабуду о землѣ!

~~~~~

Гласъ во Господу.

Я мучился..... я исчезалъ,
 Я ложе обливалъ слезами;
 И громко Бога призывалъ,
 И Бога я искалъ руками?
 Онъ внялъ мольбѣ, Онъ близокъ былъ.
 Онъ шелъ, Онъ небо преклонилъ;
 И Самъ убитаго тоскою
 Воздвигъ святой Своей рукою,
 И грѣшнымъ и земнымъ очамъ
 Явилъ красы и тайны неба...
 Увы! давъ власть моимъ мечтамъ,
 Въ смятении ангельскаго хлѣба

Не принялъ я изъ Отчихъ рукъ:
 Мой духъ боялся новыхъ мукъ.
 Но Онъ явилъ святую милость,
 Онъ мнѣ слова любви вѣщалъ,
 И снялъ съ души моей унылость,
 И я предъ Нимъ, какъ новый стагъ!
 О дивный Богъ! о Богъ великій!
 Твориай міры и чудеса!
 Ни Ангеловъ парящихъ лики,
 Ни безпредѣльны небеса
 Твоей не совмѣщаютъ славы!
 Узря Тебя, кипятъ моря!
 Отъ взора мощнаго Царя
 Дрожать вселенныя составы...
 Насталъ тревоги бурный часъ—
 Бездонны бездны дали гласъ,
 И облака отозвалися;
 И съ шумомъ стрѣлы пронеслися,
 И свѣтло молніи Твои
 Въ безмѣрныхъ вышинахъ сіяли
 Кругомъ вертящихся міровъ,
 И, молча, небеса внимали
 Чтò дастъ имъ Правда и Любовь!
 Какъ Ты великъ въ Своей святынѣ,
 О Богъ! Ты жизнь душъ и свѣты!
 И мнѣ забытому въ пустынѣ,
 Ты далъ и крылья и полеть!

Г л а с ъ.

Чей шопоть въ душу проникаеть?
 Кто говоритъ мнѣ: «веселись!
 Година счастья наступаеть,
 Ужъ годы скорби пронеслись.
 Уже грѣховъ истерлись цѣпи
 И расклепались кандалы;
 Одѣнутся дубравой степи,
 И жатвы взыдутъ на скалы.
 Настанеть новыхъ думъ порядокъ;
 Свершится рядъ завѣтныхъ числъ;
 И тайны вѣковыхъ загадокъ,
 И прорицаній темныхъ смыслъ
 Постигнутъ люди,—и мгновенно
 Воспрянетъ всякъ, какъ пробужденный
 Отъ тяжкихъ воспаленныхъ сновъ.
 Пройдетъ пѣяство шумной злобы,
 И въ пяти-чувственные гробы
 Войдетъ вторая жизнь—любовь!
 Повѣсть сладкое прощенье
 Надъ осужденною землею,
 И потечеть благословенье
 На широту земныхъ полей;
 И люди встрѣтятся, какъ братья,
 И—дѣти предъ лицомъ Отца —
 Другъ другу кинутся въ объятья
 И сложать въ длань Его сердца».

Г Н Ъ Д И Ч Ъ.

А м б р а.

Амбра, душистая Амбра, сколькихъ ты и мухъ и
червей

Предохраняешь отъ тлѣнья!

Амбра—поззія: что безъ нея именитость людей?

Блескъ метеора, добыча забвенья!

При погребеніи, Барона А. А. Дельвига.

Другъ, до свиданья! Скоро и я наслажусь моею
частью:

Жилъ я, чтобы умереть; скоро умру, чтобы жить!

Рыбаки.

ИДИЛЛА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ чловѣка.

На островѣ Невскомъ, омытомъ рѣкою и моремъ,
 Подъ кущей одною два рыбаля жили пришельцы:
 Одинъ престарѣлый, другой лишь брадой опушался.
 Гонимые нуждой изъ милаго края роднаго,
 На промыселъ вмѣстѣ пришли земляки на чужбину.
 Лишь честную бѣдность они принесли за спиною,
 И вмѣстѣ товарищи нужду и трудъ раздѣляли.
 Въ печальныхъ трудахъ для убогаго гнѣсни услада;
 И младшій прекрасно игралъ ихъ на звонкой сви-
 рѣли. —
 Есть тайныя чувствіи минуты, когда вдохновенье
 Сердца и простыя природы сыновъ посѣщаетъ:
 Въ часъ утра златаго, какъ день загарается лѣтній,
 И все на землѣ воскресаетъ для счастья жизни;
 Иль въ вечеръ, какъ солнце въ багрянныя волны
 тонуло;
 Иль въ ясныя ночи, когда онъ, смотря, дивовался
 На мѣсяцъ, на звѣзды, на высь безпредѣльную неба:
 Въ такія минуты тѣснились въ грудь юноши чувства

И онъ изливалъ ихъ въ простыхъ, безыскус-
венныхъ звукахъ,
Но чистыхъ, но свѣжихъ, какъ юные листья на
вѣтвяхъ.

Давно онъ окрестность плѣнялъ вдохновенной
свирѣлю;

Онъ, звуками сердца по свѣтлой Невѣ разливаясь,
Не разъ у гребцовъ останавливалъ шумныя весла;
Но, сердцемъ невинный, чудесъ имъ творимыхъ
не вѣдалъ.

Однажды, уставши отъ ловли несчастливой, оба
Сидѣли у кущи, изъ вѣтвей древесныхъ сложенной.
Старѣйшій работалъ изъ гибкія вербы кошницу:
А младшій у берега, главою на руку поникшій,
Уныло смотрѣлъ на бѣгущія, темныя волны.

Шумѣли, бѣжали въ пучину незримую волны:
Такъ юноши думы въ синѣющую даль уносились!
По долгомъ молчаньи къ устамъ поднесъ онъ
цѣвницу

И въ мѣсни унылой излилъ вдохновенное сердце.
Но рыбарь старѣйшій работая, началъ бесѣду:

Рыбакъ старшій.

Любезный товарищъ, вѣдь пѣснями рыбы не ло-
ловятъ!

Ты сладко играешь, и мнѣ твои пѣсни отрадны;
Но вижу, ты часто работу мѣняешь на пѣсни;
Поешь ты до птицъ, для свирѣли и сонъ забы-
ваешь.

Охота—другая неволя; но молвлю я слово:

Нашъ неводъ изорванъ и верша твоя не въ исправѣ.

Не пѣснями ль, милой, ты здѣсь затѣваешь кормиться?

Ты съ голоду сгибнешь, иль съ сумкой воротись къ дому.

Рыбакъ младшій.

Не сгибну, товарищъ: насъ пѣсни до бѣдъ не доводятъ;

Любилъ ихъ, ты помнишь, и дѣдъ мой.

Рыб. ст. Пастухъ горемычный!

Что дѣтямъ оставилъ онъ?

Рыб. мл. Доброе имя!

Рыб. ст. И бѣдность.

Отецъ твой рыбакъ и дѣтей бы не въ скудѣ оставилъ,

Когда-бъ не пришли на семью его черные годы.

Пожаръ за пожаромъ его разорилъ до основы.

Рыб. мл.

А кто же помогъ намъ? и кто на дорогу снабдилъ насъ,

Отдавши послѣднее? Дѣдъ мой, пастухъ горемычный.

Онъ, онъ подарилъ мнѣ и эту пастушью цѣвницу;

Онъ къ пѣснямъ меня заохотилъ.

Рыб. ст. Такъ что же, товарищъ!

Ты хочешь отцовскій наследственный промыселъ кинуть?

Но промыселъ рыбный есть промыселъ чистый и
честный:

Рыбакъ не губитель, своей онъ руки не кровавить;
Рыбакъ не обманщикъ, товаръ продаетъ не под-
дѣльный;

Сямъ промысломъ честнымъ отцы наши хлѣбъ
добывали.

Знать, другъ мой любезный, тяжелъ тебѣ трудъ
рыболова?

Такъ лучше-бъ съ свирѣлью остался ты дома,
при стадѣ.

Тамъ ясное небо, тамъ ясныя души, и пѣсни
Тамъ милы людямъ; а здѣсь, братъ, и люди, какъ
небо,

Суровы: здѣсь хлѣба не выпоешь, выплачешь легче.
Опомнись, землякъ; что скажетъ и мать, какъ
услышитъ?

Рыб. мл.

Услышитъ, любезный, о мнѣ она добрая вѣсти;
А ты понапрасну меня не кори, обижаешь.
Свое ремесло я люблю, и его не чуждаюсь;
Быть можетъ, лѣнивъ я, а больше того безталант-
ливъ;

Но справлюсь, товарищъ. Сулитъ рыболовъ мнѣ
приморскій

Клубъ нитокъ и вершу за выучку пѣсней свирѣль-
ныхъ.

Вотъ, видишь ты, пѣсни любятъ и здѣшніе люди,

Ихъ слушаютъ часто, на шлюбкахъ по взморью
гулая,

Бояре градскіе, ихъ любятъ всѣ добрые люди!
Я помню изъ дѣтства, какъ въ нашемъ селеніи
старецъ,

Захожіи слѣпецъ наигрывалъ пѣсни на струнахъ
Про старыя войны, про воиновъ русскихъ мо-
гучихъ.

Какъ вижу его: и сума за плечами и кобза,
Сѣдая брада и волосы до плечъ сѣдые;
Съ клюкою въ рукахъ проходилъ онъ по нашей
деревиѣ,

И зазванный дѣдомъ, подъ нашею хатой усѣлся.
Онъ долго сперва по струнамъ рокоталъ молча-
ливый,

То важною думой сѣдое чело осѣняя,
То къ небу подъемля незрячія, бѣлыя очи.
Какъ вдругъ просвѣтлѣло сѣдое чело пѣснопѣвца,
И вдругъ по струнамъ залетали костистые пальцы;
Въ рукахъ задрожала стручатая кобза, и пѣсни,
Волшебныя пѣсни изъ старцевыхъ устъ полетѣли!
Мы всѣ, ребяташки, какъ вкопаны въ землю стояли
А дѣдъ мой старикъ, на ладонь опираясь, думный,
На лавкѣ сидѣлъ, и изъ глазъ его капали слезы.
О, кто бы меня изучилъ сладкогласнымъ тѣмъ
пѣснямъ,

Тому-бъ я отдалъ изъ счастливейшихъ всю мою
тоно!

Вонъ тамъ, на Невѣ, подь высокимъ теремомъ
свѣтлымъ,

Изъ камня, гдѣ львы у порога стоятъ, какъ живые,
Подъ теремомъ тѣмъ бояринъ живетъ именитый,
Уже престарѣлый, но знать въ немъ душа молодая:
Подъ теремомъ тѣмъ, ты слыхалъ-ли, какъ въ
лѣтнія ночи

И струны рокочуть и вѣщіе носятя гласы?
Знать, старцы слѣпые боярина пѣснями тѣшатъ.
Землякъ, и свирѣль тамъ слышна: соловьемъ рас-
пѣваетъ!

Всю душу проходитъ, какъ трель поведеть и за-
летсяя!

Ты видишь, землякъ, и бояре разумные любятъ
Свирѣль. Не хули же моей ты сердечной забавы.
Люблю свое ремесло, но и пѣсни люблю я;
А дѣдъ мой говаривалъ: что въ кого Богъ по-
селяеть,

То вѣрно не къ худу. И что же въ пѣсняхъ худаго?
Мнѣ сладко, мнѣ весело, радостно, словно я въ небѣ,
Когда на свирѣли играю! Да самъ ты, товарищъ,
Ты самъ, какъ пою я про сторону нашу родную,
Про рѣки знакомыя, гдѣ мы училися ловлѣ,
Про доли зелеыые, гдѣ мы играли младые,
Зачѣмъ ты, любезный, глаза закрываешь рукою?
Да ты же меня и коришь и сумою стращаешь!
Мнѣ бѣдность знакома издѣтства; ея не боюся.
Поколѣ жъ есть руки, я ихъ не простру за подачей.

Рыб. ст.

Задѣлъ я тебя, да и самъ уже каюсь; рѣчишь ты!
 Но если бы столько въ сей день наловилъ ты и
 рыбы,
 Какъ словъ насказалъ, повѣрнѣе была бъ наша
 прибыльъ.

Рыб. мл.

Что правда, то правда; но день вѣдь еще не
 оконченъ,
 А видишь ли, другъ, надо мною какъ ласточка
 вьется?

Вѣдь это не къ худу; о! ласточка вѣстница счастья!
 Сегодня, сказалъ ты, не станемъ закидывать неводъ,
 У берега рыба гуляетъ. Одинъ попытаюсь;
 Сажуся на лодку, беру я сѣти и уды...

Рыб. ст. Берешь и свирѣль ты, землякъ?

Рыб. мл. Разстаюсь ли я съ нею?

Рыб. ст. Худое предвѣстье!

Рыб. мл. Да, ласточка вѣстница счастья!

Смотри, вѣдь опять надо мной, и щебечеть и
 вьется.

О, ловля, счастливая ловля! лишь день вечерѣеть.
 Лишь солнце садится, и рыба стадами играетъ.
 «Ловися мнѣ рыба, ловися и окунь и щука!»
 И пѣснь рыбакова исчезла у дальняго берега.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Уже надъ Невою сіяетъ беззнойное солнце;
 Уже вечерѣтъ; а рыбаля нѣтъ молодого.
 Вотъ, селнице зашло, загорѣлся безоблачный западъ;
 Съ пылающимъ небомъ слясь, загорѣлося море,
 И пурпуръ и золото залили рощи и дома.
 Шпиць тверди Петровой, возвышенный, вспыхнулъ надъ градомъ,
 Какъ огненный столпъ, на лазури небесной играя
 Угасъ онъ; но пурпуръ на западномъ небѣ не
 гаснетъ;
 Вотъ вечеръ, но сумракъ за нимъ не слетаетъ.
 на землю;
 Вотъ ночь, а свѣтла синевою одѣтая дальность:
 Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца, небо ночное сіяетъ,
 И пурпуръ заката сливается съ златомъ востока;
 Какъ будто денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
 Румяное утро.—Была то година златая,
 Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи;
 Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ плѣняетъ
 Сліянье волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
 Какимъ никогда не украшено небо полудня;
 Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
 Которой глаза голубые и алыя щеки

Едва отѣняются русыми локонамъ волнами.

Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Петрополемъ

видятъ:

Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни;

Какъ будто бы новое видятъ беззвѣздное небо,

На коемъ покоится незаходимый свѣтъ солнца;

Тогда филомела полночныхъ пѣсни лишь кончить,

И пѣсни заводить, привѣтствуя день восходящій.

Но поздно; повѣяла свѣжесть; на Невскія тундры

Роса опустилась; а рыбаля нѣтъ молодаго.

Вотъ полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячею весель

Нева ни колыхнетъ; свѣтла и спокойна, какъ небо;

Развѣхались всѣ городскіе веселые гости.—

Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ, все тихо;

Лишь изрѣдка гулъ отъ мостовъ надъ водой раз-

дается,

Да изрѣдка крикъ изъ деревни, протяжный, пром-

чится,

Гдѣ въ ночь окликается ратная стража со стражей.

Все спитъ; надъ деревнею дымъ ни единый не

вьется.

Огонь лишь дымится предъ кущею рыбаля старца.

Котель у огня стоитъ уже снятый съ тренога:

Старикъ заварилъ въ немъ уху, въ ожиданіи друга;

Уха ужъ остывши, подернулась пѣной янтарной.

Не ужиналъ онъ и скучалъ, земляка ожидая;

Лежалъ у огня, раскинувъ свой кожаный запонъ,

И часто посматривалъ вдоль по Невѣ среброводной.

Но скученъ старикъ, безпокоимый грустью и гла-
домъ,

И въ первый онъ разъ безъ товарища ужинать
думалъ:

Взялъ чашу изъ древа, блестящую лакомъ зла-
тистымъ;

Лишь началъ уху; черезъ край, призадумавшись,
пролилъ

И, въ сердцѣ на друга, прсмолвилъ суровое слово.
Присѣлъ, и лишь руку для крестнаго знаменья
поднялъ,

Шумъ веселья раздался, и крестъ сотворилъ онъ
не къ яствѣ,

Но къ радости сердца: ладья на рѣкѣ показалась,
И голось знакомый ударился въ берегъ отзывный:

Рыб. мл. Ты спишь ли, товарищъ? Вставай,
помогай выгружаться.

Рыб. ст. Люби тебя Богъ, наважденный
свирѣльникъ несчастный!

Не сонъ на глаза, а кручину на сердце навелъ ты.
Пропастъ до полночи! Я, Богъ знаетъ, что пе-
редумалъ.

Рыб. мл. А что же ты думалъ?

Рыб. ст. Что думалъ? Свѣтаетъ, повѣса!

По Новой деревнѣ, ты слышишь, стучать ужъ
телѣги;

И гдѣ развѣзжалъ ты? Свѣтло, всё окольности
видно;

А лодки твоей, просмотрѣлъ я глаза, не завидѣлъ.
 Хожу, окликаю: съ Невы ни отвѣта, ни гласа.
 Палъ на сердце страхъ: до бѣды далеколь человѣку!
 Такихъ, братъ, какъ ты, подцѣпляли не разъ во-
 дяные,

А мать за тебя у кого бы отвѣта спросила,
 Негодный повѣса?... Здорово! дай руку, товарищъ!
 Рыб. мл.

Другъ милый, другъ милый! вѣдь ласточка намъ
 не солгала.

Ты сердцемъ не чуялъ, что я привезу тебѣ радость.
 Рыб. ст.

Что? шуку съ перомъ голубымъ, или лосося жир-
 наго пѣсню

Сманилъ ты на уду? О, рыба вѣдь лакома къ
 пѣснямъ!

Не рыбу, мой другъ, а сердца подгородныхъ
 красавицъ

Ловилъ ты свирѣлю. Удаченъ ли ловъ, призна-
 вайся;

Разсказывай все. Но на чолнѣ, какъ ви-
 дится, неводъ?

Тш невода не бралъ?

Рыб. мл. О неводѣ послѣ, товарищъ!

А эта свирѣль какова? посмотри полюбуйся?

Рыб. ст.

Свирѣль дорогая, сдается; ужели купилъ ты?

Нѣтъ поднялъ у мызъ понадрѣчныхъ; навѣрно

Ее обронилъ: дорогая, заморской работы!
 Изъ пальмова древа, съ слоновою костью и златомъ;
 А скважины въ ней, какъ пчела на сотахъ выль-
 пляеть!

На ней - то, землякъ, соловьиные трели ты-бъ
 вывелъ!

Сознай ты ее, объяви, чтобъ тебя не клепали
 Чужое добро не въ корысть.

Рыб. мл. Не присвою чужаго:
 И эта свирѣль, мой любезный, и неводъ на челиѣ
 Мои!

Рыб. ст. Перестань, молодой, старика ты
 морочишь.

Рыб. мл. Такъ счастью, землякъ, моему и
 не вѣришь ты?

Рыб. ст. Счастью?

Ума приложить не могу, и не знаю, какому?
 Вотъ этой простою, пастушеской дѣда свирѣлью
 И неводъ, что въ лодкѣ, и эту свирѣль дорожок
 Я выигралъ!

Рыб. ст. Что?

Рыб. мл. И за чтобы купилъ я?
 За эту свирѣль рыболовнаго мало снаряда.
 Нѣтъ, Богъ, о товарищъ, мнѣ Богъ даровалъ ихъ
 за пѣсни!

Рыб. ст.

Да молви же, кто? Нетоми, Расскажи мнѣ скорѣе!
 Отъ радости сердце играетъ; пропалъ мой и

На умъ не идетъ мнѣ и ужинъ. Товарищъ, ты
весель?

Скорѣй подѣлися весельемъ, порадуй и друга!

Рыб. мл.

О, радостно будетъ объ этомъ всю жизнь гово-
рить мнѣ.

Но сядемъ мы тамъ, на холмѣ, подъ душистою
липой,

Гдѣ въ ясныя ночи съ тобою рыбу мы удимъ.

Оттолѣ намъ видны далекія рощи и мызы

По берегу Невы среброводной, оттолѣ увидимъ

И домъ о которомъ тебѣ поведу мое слово,

Тотъ теремъ, котораго мнѣ не забыть до могилы! —

Какъ солнце садилось, подѣхалъ я съ удами въ
чолнѣ

Къ противоположному берегу. Рыба какъ день вечерѣетъ,

Тамъ рунами ходитъ; и въ правду стадами металась.

Рука уставала закидывать гибкія уды;

Двухъ щукъ изловилъ, окунямъ и счетъ ужъ те-
рялъ я;

Запасная верша кипѣла серебряной рыбой.

Но скоро, невѣдаю какъ, противъ мызы боярской

Съ ладьей очутился я. Ночь между тѣмъ наступала.

Чудесная ночь! ни единой звѣзды на лазури,

А серебряный свѣтъ разливался по небу ночному!

Все было такъ тихо! не дрогнулъ ни листъ на осинѣ;

Все было безмолвно! И вотъ надъ Нѣвою не-
движной

Понесся изъ терема сладостный гулъ тихострунный.
 Мнѣ радостно стало! и началъ я робкой свирѣлью
 Подыгривать тихо подъ струны; какъ вдругъ межъ
 древами

Почулся мнѣ шорохъ, и слуги боярскіе вышли,
 И съ берега стали меня зазывать въ его теремъ.
 Я сътъ отвязалъ, чтобъ боярину рыбу живую,
 Огромную щуку и окуней несть красноперыхъ.
 «Не съ рыбой, съ свирѣлью!» веселые вскрикну-
 ли слуги:

«Въ свой теремъ высокій тебя призываетъ бояринъ».

Рыб. ст.

Царю мой небесный! идти ты, землякъ, не боялся?

Рыб. мл.

Боялся, товарищъ! въ груди моей дрогнуло сердце;
 Какъ вотъ, и бояринъ изъ теремныхъ оконъ хру-
 стальныхъ

Свой ласковый голосъ мнѣ подалъ; и пролилъ
 онъ въ душу

Веселость и смѣлость! Вступилъ я въ хоромы; но
 страшно

Мнѣ стало опять, какъ я началъ идти по хоромамъ.

Со стѣнъ ихъ лики глядятъ на тебя какъ живые!

Изъ мрамора дѣвы, прелестныя только не дышатъ!

Но диву я дался, увидѣвши теремъ высокій!

Чудесный, прозрачный! какъ въ сказкѣ, землякъ,
 говорится:

Что на небѣ звѣзды и въ теремѣ звѣзды! и мѣсяцъ,

И вся въ терему красота поднебесная видна!
 Въ немъ старецъ—бояринъ сидѣлъ сребровласый
 въ семействѣ
 Цвѣтущихъ дѣтей, средь бояръ и вельможъ име-
 нитыхъ.

Смутился я, другъ; у порога стоялъ полумертвый;
 Но ожило сердце, забилося весельемъ, и слезы
 Изъ глазъ у меня проступили, какъ добрый бояринъ
 Приятно взглянулъ на меня и ласково молвилъ:
 «Люблю я невинныхъ сердець вдохновенья простыя,
 «Люблю я свирѣльные пѣсни, а ты ихъ приятно
 играешь;

«Не разъ и ко мнѣ доходили ихъ сладкіе звуки;
 «Давно я желалъ насладиться твоею свирѣлью;
 «Давно приготовилъ награду, достойную пѣсней:
 «Тебя подарю я прекрасной свирѣлью изъ пальмы.
 «Сыграй намъ, о рыбарь, приятную, сельскую пѣ-
 сню»?

Зачѣмъ ты, товарищъ, подъ теремомъ не былъ
 со мною?

Напомнилъ бы ты мнѣ, какія я пѣсни играю;
 Отъ радости всѣ позабылъ я, стоялъ безотвѣтный;
 Но очи лишь поднялъ и взоры боярина встрѣтилъ,
 Безвѣстная, другъ, обняла меня дивная сила!
 Взыгралъ я, и пѣснь разлилась по зеленому саду!
 И вотъ мнѣ награда.

Рыб. ст. Пстой, товарищъ, ты видишь,
 Досадныя слезы мѣшаютъ мнѣ слушать. — Ну,
 далѣе?

Рыб. мл.

Но лучшей наградой мнѣ было боярское слово:
«Кто былъ твой учитель?» измолвилъ онъ.

Богъ, — отвѣчалъ я.

Бояринъ, изъ рукъ подавая свирѣль дорогую,
«Играй,» мнѣ примолвилъ, «безъ Бога, какъ ты,
не играютъ.

«Но въ промыслѣ ты не лѣнишься ли, рыбарь,
для пѣсней?»

«Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка».
Нашъ промыселъ, — молвилъ я, — промыселъ чи-
стый и честный?»

Твои предъ бояриномъ смѣло я высказалъ рѣчи.
«Разумныя рѣчи», бояринъ мнѣ весело молвилъ:
«За нихъ я тебя дарю еще неведомъ новымъ;
«Ты-жъ лучший твой ловъ продавай для меня на
трапезу»».

Рыб. ст.

Какъ сказку я слышу! правдиво предвѣстіе птицы!

Рыб. мл.

Не птицы, а дѣда правдиво мнѣ вѣщее слово:
Онъ, дѣдъ мой, говаривалъ: что въ кого Богъ
поселяетъ,

То вѣрно не въ худу. — Молчишь ты, любезный!

Рыб. ст. Усталъ я

Отъ радости сердца, скажу я короткое слово:
Отъ дѣда въ наслѣдство ты принялъ цѣвницу
изъ липы,

А внукамъ своимъ передай цѣвницу изъ пальмы.

Рыб. мл.

И имя того, кто почтилъ дарованіе Бога,

Я внукамъ моимъ передамъ съ любовію къ пѣснямъ.

М е д в ѣ д ь.

Медвѣдя по дворамъ цыганъ водилъ плясать.

Въ деревнѣ русскую медвѣдь увидѣвъ пляску,

Самъ захотѣлъ ее, затѣйникъ перенять.

Медвѣди нечего сказать,

Ловки перенимать.

Вотъ разъ, какъ днемъ цыганъ на солнцѣ спалъ
въ растяжку,

Мой мишенька поднялся на дыбки,

Платокъ хозяйскій взялъ онъ въ лапу,

Изъ подъ цыгана вынулъ шляпу,

Набросилъ на бекрень, какъ хваты — ямщики,

И, топнувши ногой, медвѣдь плясать пустился.

«А, каково?» Барбосу онъ сказалъ.

Барбось въблизи на этотъ разъ случился;

Собака умный звѣрь, и пляски онъ видалъ.

«Да плохо!» песь — барбось медвѣдю отвѣчалъ.

«Ты судишь строго, братъ!» собакѣ молвилъ мишка;

«Я чѣмъ не молодецъ пляшу?

•Чѣмъ хуже, какъ вчера плясалъ ямщикъ вашъ

Гришка?

«Гляди, какъ ловко я платкомъ машу,
 «Какъ выступаю важно, плавно!
 «Такого плясуна
 Еще не видала вся наша сторона?
 «Легко ты, какъ цыпленокъ»!
 Такъ крикнулъ мимо тутъ бѣжавшій поросенокъ:
 Порода ихъ, извѣстно, какъ умна!
 Но миша
 Судь поросенка слыша,
 Задумался, вздохнулъ, трудиться пересталъ
 И, съ видомъ скромнымъ, самъ съ собою бормо-
 талъ:
 «Хулить меня собака, то — не чудо;
 «Успѣху самъ не очень вѣрилъ я;
 «Но если хвалить ужъ свинья —
 «Пляшу я вѣрно худо»!
 Быть можетъ и людьми за правило взято
 Медвѣжье слово золотое:
 Какъ умный что хулить, навѣрно худо то;
 А хвалить глупый — хуже вдвое!

ГРЕБЕНКА.

М о л и т в а.

Хочу я молиться; душа моя просить
Бесѣды отрадной съ источникомъ силъ;
Волненіе міра она не выносить,
Ей мало куреній обычныхъ кадилъ,
Ей тусклымъ сіяньемъ горять наши свѣчи,
Безжизненны наши хвалебныя рѣчи,
И слабъ и незвученъ нашъ клиръ.
О, дайте мнѣ волю! гдѣ стени родныя
Слились съ небосклономъ въ безбрежной дали,
Гдѣ чистые своды небесъ, голубые,
Лобзаютъ зеленыя волны земли,
Туда полечу я: въ часъ грозныя бури,
Какъ вѣтеръ взволнуетъ степной океанъ,
И тучи столпятся въ небесной лазури,
Безтрепетно стану на дикій курганъ.
Пусть небо сверкаетъ святыми огнями,
Земля, какъ преступникъ, дрожитъ подъ но-
гами.

Спокойствіе ляжетъ на душу мою,
И тамъ я, внимая громовъ перекаты,
Святую молитву Святому трикраты
Языкомъ достойнымъ спою!

Мотылекъ.

1.

Горитъ и красуется пышное лѣто;
Все въ зелень и въ пурпуръ и въ злато олѣто,
Все полною жизнью роскошно цвѣтетъ
А тамъ, посмотрите, на вѣткѣ крапивной
Уродливый червь, блѣдно желтый, лѣниво
Съ листка на листочекъ ползетъ,
И жадно безвкусные листья съѣдая,
Родимой крапивы своей не бросая,
Спокойно на вѣткѣ живетъ.

2.

Но пролетѣло скоро лѣто,
И осень скучная пришла.
Природа мрачная раздѣта.
На опустѣлыя поля
Повѣялъ вѣтеръ—и мятели
По рощамъ грустно зашумѣли;

Трещать морозы, и сама
 Къ намъ въ гости жалуеть вима.
 Все мертво въ страшную годину;
 И завернувшись въ паутину,
 Примерзъ, укрывшись подъ листокъ,
 Къ родимой вѣткѣ червячекъ.

3.

Вотъ весенній вѣтеръ вѣеть,
 Чистъ и ясенъ сводъ небесъ,
 И душисто зеленѣеть
 Молодой кудрявый лѣсъ;
 Развернулся лугъ цвѣтами,
 Зажурчалъ опять ручей,
 И опять между кустами,
 Будто Пушкина стихами,
 Хвалить Бога соловей.
 Лучъ живительной денницы
 И въ червѣ, въ его темницѣ,
 Жизнь прекрасную зажегъ.
 Часъ насталъ преображенья,
 И изъ мрака заточенья
 Вышелъ свѣтлый мотылекъ.
 Цвѣтомъ радуги сверкая,
 Пышно крылья развернулъ,
 Встрепенулся и порхнулъ,
 Въ синемъ воздухѣ играя....

Какъ оторванный цвѣтокъ,
Онъ несется надъ лугами,
Онъ кружится надъ водами
И прелестень и лежокъ....

П р и з н а н и е .

Порой я мраченъ, печалень, угрюмой,
Съ мечтой одинокой сижу,
И, скованъ какою — то грустною думой,
На югъ ненаглядный гляжу.

Друзей и родимыхъ, и предковъ могилы
Покинулъ на родинѣ я;
Тамъ, полная прелести, дѣвственной силы,
Осталась коханка моя.

Глаза ея смотрять небесной эмалью,
И зелень одежды въ рубинахъ горить,
И поясомъ синимъ, какъ сизую сталью,
Красавицы станъ перевить.

Какъ золото, свѣтло — блестящей волною
Роскошные кудри на плечи бѣгутъ;
Уста ея тихой вечерней порою
Унылую пѣсню поютъ.

И эта чудесная дѣва—не тайна;
Я высказать душу готовъ:
Красавица эта — родная Украина!
Ей все — моя пѣснь и любовь!

Какъ дѣвы прелестной лазурныя очи,
Украины глядятъ небеса;
Какъ поясомъ синимъ, на югъ отъ полночи
Дигъпромъ перевита краса;

Какъ шолкомъ зеленымъ, покрыта стенами,
И стени въ цвѣтахъ, какъ въ рубинахъ горять;
И стелятся нивы, какъ кудри, волнами,
И золотомъ свѣтлымъ шумять.

Какъ тяжкіе вздохи печали глубокой,
Какъ матери вопли надъ гробомъ дѣтей,
Миѣ въ душу запали далеко, далеко
Украины пѣсни моеи.

~ ~ ~ ~ ~
* *
* *

Опять передо мной знакомыя поля
И села мирныя съ цвѣтущими садами,
И рѣки тихія, и пѣсни соловья,
И степи вольныя, покрытыя цвѣтами.

Все также, какъ въ былые дни,
 Безбрежно тянутся зеленыя поляны,
 И степью голою несутся табуны,
 И одинокіе стоятъ курганы.

Вездѣ звучитъ Украины языкъ,
 И пѣсня родины такъ сладостно—уныла...
 Со мной опять все то, къ чему я такъ привыкъ,
 Что сердце такъ тепло изъ дѣтства полюбило.

Р о с а.

Въ часъ ночи безмолвной, въ часъ грозныхъ
 видѣній,
 Когда, засыпая, весь видимый міръ
 Солется въ неясныя, чудныя тѣни,
 И дремлютъ пучины, и дремлетъ эфиръ,
 И тайной, и мракомъ весь свѣтъ обвивая,
 Какъ тяжкая дума, темны небеса,
 Въ тотъ часъ вдохновенный, дочь свѣтлаго рая,
 Нисходитъ на землю роса.

Смотрите — долины подернулись паромъ;
 Повѣялъ прохладой съ полей вѣтерокъ,
 И вспыхнулъ небеснымъ пожаромъ,
 Алтарь міроздаця, далекій востокъ.
 И въ дѣвственной свѣжести, лугъ ароматной,
 Унизанъ перловой росю, горитъ;

И въ каждой росинкѣ — для насъ непонятно
Міръ божій, и небо, и солнце блестить.

Земля пробудилась; поклонникъ корысти,
Народъ—трудолюбецъ къ работѣ спѣшить:
Небесъ брилліанты онъ вмигъ запылить,
Луга онъ притопчетъ стопою нечистой...
Не бойтесь. Вотъ солнце, съ воздушныхъ высотъ,
Пригрѣеть—и гостью на небо возьметъ.

Видишь, тамъ сомкнулись тучи,
Дружно стаею слились,
И на нихъ перунъ гремячій,
Огнебѣжный и летучій,
Грозно надъ землею повисъ.
То, презрѣнная толпою,
Гостя Божія—роса
Улетѣла въ небеса
И грозитъ землѣ войною.
Вотъ идетъ она, идетъ!
Подъ воздушными полками
Затрещала небесный сводъ;
Перекрестными огнями
Тучи молнія сечетъ;
Грома буйные раскаты
Прогремѣли въ небесахъ —
И, боязнію объятый,
Человѣкъ склонился въ прахъ.

ГРЕКОВЪ.

Примѣты осени.

Мелькаетъ желтый листъ на зелени деревъ;
Работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ;
И покраснѣлъ уже вдали коверъ луговъ,
И зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ.

Примѣты осени во всемъ встрѣчаетъ взоръ.
Тамъ тянется, блестя на солнцѣ, паутина,
Тамъ скирдъ виднѣется, а тамъ черезъ заборъ
Кистями красными повиснула рябина;

Тамъ жнива колкая щетинится, а тамъ
Ужъ озимь яркая блеснула изумрудомъ,
И курится оwinъ, и долго по утрамъ,
Какъ бѣлый холстъ, лежитъ туманъ надъ синимъ
прудомъ.

И цѣлый день скрипятъ воза, и далеко
Токъ отзывается подъ дружными цѣпами.
И стая журавлей несется высоко,
Перекликаясь порой подъ небесами.

Прости пора цвѣтовъ и теплыхъ ясныхъ дней!
 Пора блестящихъ зорь, черемухъ благовошнихъ,
 Пора играющихъ зарницъ во тьмѣ почей
 И пѣсенъ, и любви, и грезъ неугомонныхъ!

Но осень я люблю; она мила мнѣ; пусть
 Всѣ чары вешнія она уничтожаетъ;
 Но въ ней какая—то есть вкрадчивая грусть,
 Которую душа и любить и ласкаетъ.

Которой нравятся и клочья сѣрыхъ тучъ,
 И листья, въ воздухѣ кружащіяся шибко,
 И этотъ трепетный и блѣдный солнца лучъ,
 Какъ умирающей красавицы улыбка.

Ночь. Рукою невидимой Бога
 Сонмы яркихъ затеплились звѣздъ.
 Что за тишь! какъ покоя въ ней много...
 Ужь затихла дневная тревога,
 И не такъ давить жизненный крестъ.
 Я молюсь. Слезъ я выплакалъ много;
 Но еще много съ жизнью мнѣ битвъ,
 И до темнаго смерти порога
 Много терній я встрѣчу дорогой,
 У меня много къ небу молитвъ.
 Я молюсь... въ сердцѣ грусть и тревога....

Но любовь озаряетъ мнѣ тьму,
 И я жду милосердья отъ Бога —
 Онъ сказалъ: тотъ, кто любить здѣсь много,
 Много, много простится ему.

* * *

Что за вечеръ печальный и бурный!
 Ставни рвутся, стучать и гремать,
 Въ домѣ ходятъ все грустныя лица
 И вездѣ, свѣчи тускло горятъ!
 И вездѣ и навсемъ замѣчаютъ
 Слѣдъ недавней утраты глаза:
 Въ каждомъ словѣ слышна, въ каждомъ звукѣ
 Затаенная въ сердцѣ слеза.
 Разойдутся по комнатамъ разнымъ,
 А ведутъ разговоръ объ одномъ:
 Какъ онъ былъ и уменъ, и какъ много
 Было чувства горячаго въ немъ.
 И одна только комната въ домѣ
 День и ночь остается пуста,
 Только няня старушка заходить
 Помолиться въ нее иногда.

Двѣ тучки.

Летѣли двѣ тучки по ясной лазури,
Одну догоняла другая;
Одна была яркая бѣлаго цвѣта,
Другая была громовая.
И грозная долго за свѣтлой летѣла,
Какъ будто томилась желаньемъ,
Хотя мимолетомъ, хотя на мгновенье
Ея озариться сіяньемъ.
Напрасно. Все дальше крылатая тучка
Неслась, подымаяся выше,
А та все темнѣла и вдругъ разразилась
Грозой подъ лазурною крышей,
И словно слезами, дождемъ разлилася,
Какъ будто, тоскуя, жалѣла,
Что та, за которой такъ долго гналася,
Отъ ней далеко улетѣла.

Полночная гроза.

Ночь темна. По небу бродятъ
Тучи черныя толпой,
Грозной стражей міръ обходятъ,

И мятежно рѣчь заводять
Съ полуночной тишиной.

Ни клочка лазури чистой;
Всюду мрака пелена;
Лишь порой во мглѣ волнистой
Полосою вдругъ огнистой,
Ночь на мигъ озарена. //

Страшно виснеть тучъ громада;
Вотъ и вѣтеръ вдругъ подулъ,
И съ востока до заката
Громоваго переката
Раздался протяжный гулъ.

Мигъ, — и вспыхнули пожаромъ,
И зардѣлись небеса,
За рушительнымъ ударомъ
Шлетъ ударъ, полна разгаромъ,
Полуночная гроза.

Буря стонеть, молнья вьется
Какъ алмазная змѣя,
То стрѣлою пронесется,
То какъ пламя разольется,
То освѣтитъ блескомъ дня.

Ночь темна. По небу бродятъ
Тучи черныя толпой,

Грозной стражей міръ обходятъ
И мятежно рѣчь заводятъ
Съ пробудившейся землей.

Но слабѣютъ ихъ порывы;
Вотъ вдали уже яснѣй —
И варя на ихъ разливы,
На лѣса, на доль и нивы
Море льетъ своихъ лучей.

Стихла буря. Тучъ громада
Разбрелась по небесамъ,
И съ востока до заката,
Въ блескѣ пурпура и злата,
Улеглась по ихъ краямъ.

~~~~~
* * *

Души неразгаданной чада,
Волшебные звуки изъ сада
Несутся съ дыханіемъ розъ.
Но что же вы значите, звуки?
Вы вѣстники-ль пламенной муки?
Вы вѣстники-ль сладостныхъ грезъ?
Глашатаи жизни кипучей!
Вы рветесь ли роемъ созвучій
Изъ моря глубокаго слезъ?...

Какъ жизнь, вы полны всѣ загадкой;
 Отъ васъ и заплакать бы сладко,
 И въ сладости вашей такъ много тоски.
 Въ васъ все, что душа здѣсь любила;
 Въ васъ слиты и жизнь и могила,
 Вы всѣ, какъ душа, глубоки!
 Но вотъ ужъ подъ сѣнями сада
 Души неразгаданной чада,
 Вы, звуки, замолкли вдали.
 Не долго вы здѣсь прозвучали;
 Но много про жизнь мнѣ сказали
 И въ душу глубоко легли.

*
*
*

Надежда каждая—цвѣтокъ, мой ангелъ нѣжный;
 Самъ Богъ, дитя мое, всѣ наши дни хранить;
 Онъ Самъ ихъ держитъ нить,—и нить ихъ неиз-
 бѣжно
 Здѣсь обрывается и радость въ прахъ летить.
 Увы! таковъ законъ, что съ колыбелью смѣжно
 Всегда здѣсь гробъ стоитъ.

Бывало, милый другъ, въ пылу очарованья
 Мнѣ даль грядущаго являла тьму чудесь;
 Вездѣ мнѣ лилъ цвѣтокъ въ тѣни благоуханья,
 Вездѣ въ лучахъ горѣлъ лазурный сводъ небесь;

Но призракъ этого безумнаго мечтанья

Давно, давно исчезъ.

О если кто-нибудь, съ тоской въ душѣ сокрытой,

Придетъ у ногъ твоихъ съ слезами отдохнуть;

Не спрашивай его о чемъ онѣ пролиты!

Пусть плачетъ онъ: отъ слезъ свободнѣй дышитъ

грудь,

Затѣмъ, что каждая слеза съ души убитой

Смываетъ что-нибудь.

Откуда и куда?

— Скажи мнѣ родная, откуда все это берется,

Что въ мѣрѣ является нашимъ глазамъ:

И эти деревья, и рѣчка, что быстро такъ льется,

И эти плоды и цвѣты по лугамъ,

И птицы, и рыбы подъ влагой серебрянной

пруда,

И все, что стремится, живетъ и цвѣтеть —

Откуда все это берется, скажи мнѣ — откуда?

— Все это отъ Бога, мой ангелъ идетъ.

— Кудажъ исчезаетъ все это, скажи мнѣ

родная:

И запахъ цвѣтка, и сіяніе дня,

И сумракъ ночной, и заря, и волна голубая,

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

* *
*

Тихо спи, измученный борьбою,
И проснися въ лучшемъ и иномъ!
Буди миръ и радость надъ тобою
И покой надъ гробовымъ холмомъ!
Отстрадалъ ты, — вынесъ испытанье,
И борьбой до цѣли ты достигъ,
И тебѣ готова за страданье
Степень свѣта ангеловъ святыхъ.
Онъ ужъ тамъ, въ той дали свѣтозарной,
Тамъ, гдѣ странника безсмертье ждетъ,
Въ той странѣ надзвѣздной лучезарной,
Въ звукахъ сферъ чистѣйшихъ онъ живетъ.
До свиданья, братъ, о! до свиданья!
Да, за гробомъ, за минутой тьмы,
Намъ съ тобой наступитъ часъ свиданья
И тебя въ сіяньи узримъ мы!

* *
* *

Неразрывна цѣпь творенья;
Все что было — будетъ снова;
Все одно лишь измѣненье;
Смерть — бессмысленное слово.
Каждый вечеръ дня свѣтило
Передъ нами исчезаетъ,
А на утро снова свѣтомъ
Міру юному сіяетъ.
Но время круговращенье
Безконечнѣй звѣздъ небесныхъ,
Нынче — кукла въ заключеньи
Завтра — бабочкой порхаетъ.
И повсюду — возрожденье,
И ничто не умираетъ,
А иные только виды
Съ блескомъ новымъ принимаетъ....
Жизнью нашей, краткой срокомъ,
Станемъ жить полнѣй и вдвое, —
Ибо намъ однимъ потокомъ
Льется доброе и злое.....
Жить — но жить не беззаботно;
Пусть насъ вечеръ безъ волненья
Приготовитъ ждать охотно
Часъ великій возрожденья....

Я. ГРОТЪ.

Могу ли я увидѣть Бога.

— «Ахъ, маменька, могу ли я
Когда-нибудь увидѣть Бога
Среди небеснаго чертога?»
— «Но развѣ ты, душа моя,
Его не видишь безпрерывно
Во всемъ, что вокругъ тебя живетъ —
Въ полетѣ птички, въ плескѣ водъ,
Въ цвѣткѣ, во всей природѣ дивной?
Когда, вставая, иль ложась,
Сложивши ручки, ты читаешь
Свою молитву, всякій разъ
Тогда у Бога ты бываешь,
Ты видишь Господа».... — «Но я
Желалъ бы, маменька, глазами
Его увидѣть тамъ, надъ нами,
Гдѣ рай, гдѣ бабушка моя.
Тамъ, няня говорить, въ сіяньѣ,
Въ великолѣпномъ одѣяньѣ,
Въ вѣнцѣ, на тронѣ золотомъ

Непостижимый възсѣдаетъ;
Простертъ хоръ Ангеловъ кругомъ,
И въ гимнахъ Бога восхваляетъ.
Вотъ тамъ бы я когда-нибудь
Желалъ на Господа взглянуть!
— «Мой сынъ, будь добръ и чистъ душою,
Тогда увидишь ты Его
Не подъ одеждою земною, —
О! нѣтъ, прекраснѣе того,
Какимъ ты мнѣ Его представилъ!
Онъ Духъ; Его престолъ — весь міръ,
Которымъ Онъ любовь прославилъ,
Гдѣ вызвалъ жизнь на чудный пиръ!
Любить Его чистосердечно,
Его стараться познавать,
И сходства въ духѣ съ Нимъ искать, —
Есть видѣть Господа, и вѣчно!
Желаешь ли того? Учись,
Добра не оставляй дорогу,
Все совершеннѣй становись;
Тогда ты ближе будешь къ Богу,
Достойнѣй Вышняго Отца;
Тогда ты, сынъ мой, о, блаженство! —
Увидишь свѣтлый ликъ Творца
За тѣмъ, что ликъ сей — Совершенство!

Г У Б Е Р Ъ.

П о с в я щ е н і е.

Когда меня на подвигъ трудный
Ты, улыбаясь, вызывалъ,
Я вѣрилъ силѣ безразсудной
И трудъ могучій обѣщалъ.

Съ тѣхъ поръ одинъ, вдали отъ свѣта,
Отъ празднои нѣги бытія,
Благословеніемъ поэта
Въ ночныхъ трудахъ крѣпился я.

И грозный образъ исполина
Явился пламеннымъ мечтамъ,
И вскрылась дивная картина
Моиѣ испуганнымъ очамъ.

Тогда невѣдомыя муки
Глубоко въ грудь перелились,
И думы въ пламенные звуки,
Въ глаголы жизни облеклись.

Ты разбудилъ нѣмыя силы,
Ты завѣщалъ мнѣ новый свѣтъ —
И я къ дверямъ твоей могилы
Несу незрѣлый, блѣдный цвѣтъ.

Въ нѣмой тоскѣ, вдали отъ свѣта,
Въ своей незнаемой тиши,
Я приношу на гробъ поэта
Смиранный даръ моей души.

Простой листокъ въ вѣнкѣ лавровомъ,
Простая дань души простой,
Не поразить могучимъ словомъ
И не богата красотой.

Нѣтъ, въ грустный часъ томящей муки
Мнѣ громкихъ пѣсенъ не дано!
Мнѣ облекать въ живые звуки
Моей тоски не суждено!

Но надъ могилою кровавой
Я брошу блеклый мой листокъ,

Пока сплететь на гробѣ славы
Другой пѣвецъ — другой вѣнокъ!

Награда поэта.

Въ часы заботъ и скуки хладной
Молчить задумчивый пѣвецъ,
И вольной пѣсни звукъ отраднѣй
Не тронетъ жаждущихъ сердець.
Онъ тоже страждетъ, тоже стонетъ
Подъ ношей горя и страстей;
Но онъ тогда струны не тронетъ,
Онъ все слова не заронитъ
Въ сердца безчувственныхъ людей.
На голосъ черни безотвѣтенъ,
Онъ бурю жизни переждетъ;
И одинокъ и незамѣтенъ,
Онъ громкихъ хвалъ не соберетъ.
За то въ минуту вдохновенья,
Нарушивъ долгій, празднѣй сонъ,
Изъ глубины уединенья
На грозный судъ выходитъ онъ!
И лететь пѣснь живымъ потокомъ,

И въ—явь сходить благодать,
И на челѣ его высокомъ
Пылаеть Божія печать.
И робкій міръ, склоняясь долу,
Глядитъ на страшнаго пѣвца;
И внимають грозному глаголу
Ожесточенныя сердца.
Какъ смѣлый воинъ въ бурной сѣчѣ,
Онъ преступленіе казнить,
И по лицу земли далече
Живое слово прогремитъ.
И то не суетное слово,
Не бесполезное зерно:
Въ сердцахъ людей, свѣжо и ново,
Созрѣетъ жатвою оно.
И этой жатвою богатой
Гордится праведный поэтъ,
И въ ней одной безсмертной платой
Ему заплатитъ грѣшный свѣтъ.

Благовѣсть.

Еще я былъ дитя: изъ хижины родной
Я къ людямъ выходилъ впервые
Извѣдать мой удѣлъ и смѣлою борьбой
Повѣрить силы молодыя.

И шелъ я весело по чуждой сторонѣ
Въ какой-то край обѣтованный,
И пестрыя мечты носили въ тишинѣ
Меня къ обители желанной.

И грудь моя рвалась на праздникъ бытія
По волѣ думъ неуволнимыхъ...
Но мигъ торжественный въ душѣ запомнилъ я
Изъ этихъ дней невозвратимыхъ

На небѣ утреннемъ, надъ спящею страной,
Сіяла ранняя денница,
И златомъ облита лежала предо мной
Первопрестольная столица.

И грудь раздвинулась, и любо стало мнѣ,
Подъ утреннимъ прохладнымъ свѣтомъ,
И праздникъ Господа я встрѣтилъ въ тишинѣ
Благоговѣющимъ привѣтомъ.

Но вдругъ по воздуху раздался дивный звонъ,
Глашатый вѣры простодушной;
И вновь проснулся міръ, нарушивъ краткій сонъ,
Родному вѣстнику послушный.

Душа наполнилась молитвою простой;
Я пролилъ слезы сладкой муки;
А въ тепломъ воздухѣ, въ гармоніи святой,
Вились таинственные звуки.

И долго слушалъ я, какъ вдалекѣ они
Благую вѣсть провозглашали,
Гремѣли, рѣяли, и въ пажити свои —
На небеса перелетали.

О, сколько жизни въ нихъ, высокой и простой,
И сколько музыки чудесной!
То праздникъ возвѣстять, то пѣсню святой
Гласять о благодати небесной.

И сколько силы въ нихъ, когда они гремятъ
Благоговѣніемъ и гнѣвомъ,
Иль успокоять кровь и душу усладять
Своимъ торжественнымъ напѣвомъ!

И сколько горести, когда въ урочный часъ
Они кончину возвѣщаютъ,
И брата милаго, и близкаго для насъ
На путь послѣдній провожаютъ!

Я помню этотъ мигъ, торжественный, святой,
Когда въ слезахъ отрадной муки
Я Бога вѣчнаго молитвою простой
Благодарилъ за эти звуки.

Но ихъ, какъ въ онѣй часъ, и нынѣ помню я,
И тѣ же радости святыя
Приносятъ мнѣ они, глаголы бытія,
Колокола мои родные.

Когда въ урочный часъ волненій и скорбей
Ихъ звонъ ушей моихъ коснется,
Душа моя встаетъ изъ пропасти страстей
И къ небу Божію несется.

Высокомѣрія лукавая мечта
Въ груди задерживаетъ битвы,
И страсть безмолствуетъ и грѣшныя уста
Лепечуть дѣтскія молитвы.

Колыбельная пѣсня.

Сномъ покойнымъ спи, младенецъ,
Чуждый горя и страстей,
Беззаботный поселенецъ
Въ мимолетной жизни сей.

Ангель Божій съ неба сходить,
Тихо ложе стережетъ,
Сны веселые наводитъ
И малютку бережетъ.

Ангель Божій сходить тоже,
На закатъ нашихъ дней,
Къ намъ на старческое ложе,
Въ часъ печали и скорбей.

Онъ въ то время не приноситъ
Ни забавъ, ни сладкихъ грезъ,
Но за то съ души уноситъ
Темный слѣдъ горячихъ слезъ.

Людымъ — Ангелы святыя
Утѣшители въ слезахъ;
Дѣтямъ — спутники родныя,
Братья въ дальнихъ небесахъ.

Спи же! тихо годы придутъ,
Время горе приведетъ,
Слезы кануть, нужды снидутъ, —
И страдалецъ не заснетъ.

Спи-же, спи, малютка милый;
Въ жизни негдѣ отдохнуть.
Съ колыбели до могилы —
Много горя, дологъ путь.

М о л и т в а.

Подъ громомъ бури, въ часъ урочный,
Склонивъ усталую главу,
Тебя молитвою порочной,
О, Боже благости, зову.

Твоя невѣдомая воля
Меня по терніямъ вела;
И тяжело земная доля
На рамена мои легла.

Не попусти въ цѣпяхъ недуга
Остыть тоскѣ въ душѣ нѣмой!
Но озари улыбкой друга
Неотвратимый жребій мой!

Мои мучительныя ночи
Отраднымъ сномъ благослови,
И на заплаканныя очи
Повѣй дыханіемъ любви!

И если грудь въ борьбѣ застонетъ,
И демонъ жизни—ядъ страстей—
Съ насмѣшкой хладною заронитъ
Во глубину души моей:

О Боже, замыселъ кровавый
Отъ мысли грѣшной отжени!
Наставь молитвой умъ лукавый
И душу вѣрой осяни!

Смерть и Время.

СМЕРТЬ.

Все мое—и плодъ, и сѣмя,
Безконечна власть моя.
Покорись, сѣдое время,
Я владычица твоя.

Все мое, я всѣмъ владѣю;
Что родится, то умретъ;
Все подъ властію моею,
Все въ гробахъ моихъ сгниетъ.

Гдѣ слѣды твоихъ дѣяній?
Гдѣ немолчныя дѣла?
Сѣмена твоихъ созданий
Я же жатвой собрала.

Гдѣ твой Римъ? твои державы?
Гдѣ плоды твоихъ трудовъ?
Все легло въ борьбѣ кровавой,
Спать на днѣ моихъ гробовъ.

Все мое—и плодъ, и сѣмя,
Все подъ властію моею!
Покорись, сѣдое время,
Предъ владычицей твоею.

ВРЕМЯ.

Безъ конца и безъ начала,
Я отецъ и сынъ вѣковъ;
А тебя судьба сковала
Мертвымъ тлѣніемъ гробовъ.
Гдѣ лежатъ твои могилы,
Гдѣ гніють твои гробы,
Тамъ мои живыя силы
Строятъ зданіе судьбы.
Изъ твоихъ могилъ беру я
Сѣмена моихъ трудовъ;
Колыбель мою творю я
Изъ досокъ твоихъ гробовъ.
Безъ конца моя дорога;
Цѣпь вѣковъ въ моихъ рукахъ;
Я ношу одежду Бога
На безсмертныхъ раменахъ.
Безъ границъ мое теченье,
Безконечно, какъ судьба;
Ты сама мое рожденье;
Я — владыка, ты — раба.

Д. ДАВИДОВЪ.

ОТВѢТЪ.

Я не поэтъ, я партизанъ, казакъ;
Я иногда бывалъ на Пиндѣ, но наскопомъ,
И беззаботно, кое-какъ,
Раскидывалъ передъ Кастальскимъ токомъ
Мой независимый бивакъ.
Нѣтъ! не наѣзднику пристало
Пѣть, въ креслахъ развалиясь, лѣнь, нѣгу и
ножой...
Пусть грянетъ Русь военною грозой—
Я въ этой пѣсни запѣвало.

Бородинское поле.

Умолкшіе холмы, долъ, нѣкогда кровавый!
Отдайте мнѣ вашъ день, день вѣковѣчной славы,
И шумъ оружія, и сѣчи, и борьбу.
Мой мечъ изъ рукъ моихъ упалъ. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливыцы горделивы
Невольнымъ пахаремъ влекутъ меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты опытный въ бояхъ,
Ты голосомъ своимъ рождающій въ полкахъ
Погибели враговъ предчувственные клики,
Вождь Гомерическій, Багратіонъ великій!
Простри мнѣ длань свою, Раевскій, мой герой!
Ермоловъ! я лечу—веди меня, я твой —
О, обреченный быть побѣдъ любимымъ сыномъ,
Покрой меня, покрой твоихъ перуновъ дымомъ!
Но гдѣ вы?... Слушаю... Нѣтъ отзыва! Съ полемъ
Умчался брани дымъ, не слышенъ стукъ мечей,
И я питомецъ вашъ, склоняя главой у плуга,
Завидую костямъ соратника иль друга.

Море воетъ.

Море воетъ, море стонетъ,
И во мракъ, одинокъ,
Поглощенъ волною, тонетъ
Мой заносчивый челнокъ.

Но, счастливецъ, предъ собою
Вижу звѣздочку мою,
И спокоенъ я душою,
И безопасно я пою.

Молодая, золотая
Предвѣщательница дня!
При тебѣ бѣда земная
Недоступна до меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сіяніе свое, —
И сокроется съ тобою
Провидѣніе мое.

←
Л И С Т О В Ъ .

Листокъ изсохшій, одинокой,
 Пролетный гость степи широкой,
 Куда твой путь, голубчикъ мой? —
 «Какъ знать мнѣ! Налетѣли тучи, —
 И дубъ родимый, дубъ могучій
 Сломил вихремъ и грозой.
 Съ тѣхъ поръ игралище Борея,
 Не сѣтуя и не робѣя,
 Ношусь я, странникъ кочевой,
 Изъ края въ край земли чужой;
 Несусь, куда несетъ суровый,
 Всему неизбѣжимый рокъ,
 Куда летитъ и листъ лавровый,
 И легкій розовый листокъ

←

Вечеръ въ Юнѣ.

Томительный, палящій день
 Сгорѣлъ; полупрозрачна тѣнь
 Нѣмаго сумрака пріосѣняла дали;
 Зарницы бѣгали за синею горой

И, окропленные росой,
Луга и лѣсъ благоухали.
Луна во всей красѣ плыла на высоту,
Тайственнымъ лугамъ мечтанія питая,
И преклонясь къ лавровому кусту,
Дышала роза молодая.

Полусодатъ.

«Нѣтъ, братцы, нѣтъ! полусодатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, подюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой!

«Вы видѣли, я не боюсь
Ни пуль, ни дротика куртинца;
Лечу стремглавъ, не дуя въ усь,
На ножъ и щашку кабардинца.

«Все такъ... Но прекратился бой,
Холмы усыпались огнями,
И хохотъ обуялъ толпой,
И клики вторятся горами.

«И все кипить, и все гремитъ,
А я, межъ вами одинокой,
Нѣмою грустію убитъ,
Душой и мыслию далеко.

«Я не внимаю стуку чашъ
И спорамъ вокругъ солдатской каши;
Улыбки нѣтъ на хохотъ вашъ,
Нѣтъ взгляда на проказы ваши!

«Таковъ ли былъ я въ вѣкъ златой
На буйной Вислѣ, на Балканѣ,
На Эльбѣ, на войнѣ родной,
На льдахъ Торнео, на Секванѣ?

«Бывало, слово: «другъ, явись!»
И ужъ Денисъ съ коня слезаетъ;
Лишь чашей стукнуть, и Денисъ
Какъ тутъ — и чашу осушаетъ!

На скачку, на борьбу готовъ,
И чтимый выродкомъ глупцами,
Онъ расточитель острыхъ словъ,
Имъ хлещетъ прозой и стихами.

«Нѣтъ, братцы, нѣтъ! полусолдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой!»

Такъ говорилъ наѣздникъ нашъ,
Оторванный судьбы вельнѣемъ,
Отъ крова мирнаго, въ шалашъ,
На сѣчи, къ пламеннымъ сраженьямъ.

Араксъ шумить, Араксъ шумить,
Араксу вторить ключъ нагорный,
И Алагезъ, нахмурая, спить,
И тонетъ въ влагѣ доль узорный;
И вѣетъ съ пурпурныхъ садовъ
Зефиръ восточнымъ ароматомъ,
И сквозь сребристыхъ облаковъ
Луна плыветъ надъ Араратомъ.

Но воинъ нашъ не упоенъ
Ночною роскошью полуденнаго края...
Съ Кавказа глазъ не сводитъ онъ,
Гдѣ подпираетъ небосклонъ
Казбека гряда снѣговая...
На немъ знакомый вихрь, на немъ громада
льда,
И надъ челомъ его, въ туманѣ мутномъ,
Какъ Русь святая, недоступномъ,
Горитъ родимая звѣзда.

ДЕЛЬВИГЪ.

Э п и т а ф і я .

Жизнью земною играла она, какъ младенецъ иг-
рушкой.
Скоро разбила ее: вѣрно угѣшилась тамъ.

Мы.

Бѣдные мы! Чтò нашъ умъ? сквозь туманъ озаря-
ющій факелъ
Бурей гонимый нашъ чолнъ по морю бѣдствій и
слезъ;
Счастье наше въ невѣдѣннхъ жалкомъ, въ мечтахъ
и безумствѣхъ:
Свѣчку хватаетъ дитя, юноша ищетъ любви.

× Утѣшеніе.

Смертный, гонимый людьми и судьбой! разстава-
 ясь съ міромъ,
 Злобу людей и судьбы сердцемъ прости и забудь.
 Къ солнцу впослѣднее взоръ обрати, какъ Руссо,
 и утѣшься:
 Въ тернахъ заснувшіе здѣсь, въ миртахъ пробудя-
 дятся тамъ.

Русская Пѣсня.

Пѣла, пѣла пташечка,
 И замочла;
 Знало сердце радости,
 И забыло.

Что, пѣвунья пташечка,
 Замолчала?
 Какъ ты, сердце, свѣдалось
 Съ чернымъ горемъ?

Ахъ! убили пташечку
 Злыя вьюги;

Погубили молодца
Злые толки!

Полетѣть бы пятачекъ
Къ синю морю;
Убѣжать бы молодцу
Въ лѣсъ дремучій!

На морѣ валы шумять,
А не вьюги —
Въ лѣсѣ звѣри лютые,
Да не люди!

Русская Пѣсня.

Ахъ ты ночь ли,
Ноченька!
Ахъ ты ночь ли,
Бурная!
Отъ чего ты
Съ вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звѣздами,
Не сіяешь

Мѣсяцемъ?
Все темнѣешь
Тучами?
И съ тобой, знать,
Ноченька,
Какъ со мною
Молодцемъ,
Грусть злодѣйка
Свѣдалась!
Какъ заляжетъ
Лютая,
Тамъ глубоко
На сердцѣ:
Позабудешь
Дѣвицамъ
Усмѣхаться,
Кланяться;
Позабудешь
Съ вечера
До глубокой
Полночи,
Припѣвая,
Тѣшиться
Хороводной
Пляскою!
Нѣтъ, взрыдаешь,
Всплачешься,
И безродный

Молодецъ, —
 На постелю
 Жесткую,
 Какъ въ могилу
 Кинешься!

Г р у с т ь .

Счастливъ, здоровъ я! Что жь сердце грустить?
 Грустить не о прежнемъ:
 Нѣтъ! не грядущаго страхъ жметъ и волнуеть его.
 Что же? иль въ мигъ сей родная душа разстается
 съ землею?
 Иль мной оплаканный другъ вспомнилъ на небѣ
 меня?

Отставной солдатъ.

(Русская идилля.)

Солдатъ.

Нѣтъ, не звѣзда мнѣ изъ лѣсу свѣтила:
 Какъ звѣздочка, манилъ меня часъ цѣлый

Огонь вашъ, братцы! Кашицу себѣ
Для ужина варите? хлѣбъ да солы!

Пастухи.

Спасибо, служба! хлѣба кушать.

Солдатъ.

Быть такъ,

Благодарю васъ. Я усталъ порядкомъ!
Ну, костыли мои, вамъ роздыхъ! Рядомъ
Я на траву васъ положу, и подлѣ
Присяду самъ. Да, верстъ пятнадцать
Ушелъ я въ вечеръ.

1-й Пастухъ.

А идешь откуда?

Солдатъ.

А изъ Литвы, изъ Виленской больницы.
Вотъ какъ изъ матушки Россіи ладно
Мы выгнали гостей незваныхъ — я
На первой заграничной перестрѣлкѣ,
Бѣда такая! безъ ноги остался!
Товарищи меня стащили въ Вильну;
Съ годъ лекаря и тѣмъ и сѣмъ лечили,
И вотъ какимъ злодѣи отпустили.
Теперь на костыляхъ бреду кой-какъ
На родину, за Курскъ, къ женѣ, къ сестрамъ.

2-й Пастухъ.

На руку, обопрись! Да не сюда,
А на тулупъ раскинутый ложись.

Солдатъ.

Спасибо, другъ, Господь тебѣ заплатитъ.
Ахъ, братцы! что за рай земной у васъ
Подъ Курскомъ! въ этотъ вечеръ, словно чудомъ
Помолодѣлъ я, въ волю надышавшись
Тепломъ и запахомъ цѣлебнымъ! Любо,
Легко мнѣ въ воздухѣ родномъ, какъ рыбкѣ
Въ рѣкѣ студеной! Въ царствахъ многихъ былъ я!
Попробовалъ вездѣ весны и лѣта!
Въ иныхъ краяхъ земля благоухаетъ,
Какъ въ свѣтлый праздникъ русска генеральша.
И дорого и чудно, да не мило,
Не такъ, какъ тутъ! Здѣсь цѣлымъ тѣломъ дышешъ.
Здѣсь всѣ суставчики въ себя впиваютъ
Простой, но сладкій, теплый воздухъ; словомъ,
Здѣсь нѣжишься, какъ въ банѣ старыхъ баръ!
И спать не хочется! Игралъ бы все
До солнышка въ дѣвичьемъ хороводѣ.

3-й Пастухъ.

И мы бѣ, землякѣ, играть не отказались!
Да лихъ нельзя! Село далеко! Стадо жъ
Покинуть безъ присмотра, положившись

Лишь на собакъ, опасно, самъ ты знаешь!
Какъ бытъ! Но вотъ и кашлица поспѣла!
Перекрестяся, примемся за ужинъ.
А послѣ, если къ сну тебя не клонитъ,
То разскажи намъ (говоришь ты складно)
Про старое свое житье-бытье!
Я чай, вездѣ бывалъ ты, все видалъ!
И домовыхъ, и водяныхъ, и лѣшихъ,
И маленькихъ людей, живущихъ тамъ,
Гдѣ край земли сошелся съ краемъ неба,
Гдѣ можно въ облако любое вбить
Крючекъ иль гвоздь, и свой кафтанъ повѣсить.

Солдатъ.

Вздоръ мелешь, малый! Уши вянутъ! Полно!
Старухи врутъ вамъ, грѣясь на печи,
А вы имъ вѣрите! Какіе черти
Крещеному солдату захотятъ
Представиться? Да нынѣ жъ человѣкъ
Лукавѣй бѣса! Нѣтъ, другое чудо
Я видѣлъ, и не въ ночь до пѣтуховъ,
Но днемъ оно предъ нами совершилось!
Вы слышали ль, какъ заступился Богъ
За православную державу нашу,
Какъ сжалился онъ надъ Москвой горящей,
Надъ бѣдною землею, не посявомъ,
А вражьи ватагами покрытой —
И раннюю зиму послалъ намъ въ помощь,

Зиму съ морозами, какіе только
Въ Николинъ день, да около Крещенья
Трещать и за щеки и уши щиплютъ!
Свѣжо намъ стало, а французамъ туго!
И жалко и смѣшно ихъ даже вспомнить!
Окутались отъ стужи, чѣмъ могли,
Кто шитой душегрѣйкой, кто лохмотьемъ,
Кто ризою поповской, кто рогожей,
Убрались всѣ, какъ святочныя хари,
И ну бѣжать скорѣе изъ Москвы!
Не далеко ушли же. На дорогѣ
Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
Дня суднаго на мѣстѣ преступленья:
У Божьей церкви, ими оскверненной,
Въ разграбленномъ амбарѣ, у села,
Сожженного ихъ буйствомъ! — Мы бывало,
Окончивъ трудный переходъ, сидимъ,
Какъ здѣсь, вокругъ огня, и варимъ щи,
А около лежать, какъ это стадо,
Замерзлые французы. Какъ лежать!
Когда бъ не лица ихъ и не молчанье,
Подумалъ бы, живые на бивакѣ
Комедию ломають. Тотъ уткнулся
Въ костерь горящій головой, тотъ лошадь
Взвадилъ какъ шубу, на себя; другой
Ея копыто гложетъ; тѣ жъ, какъ братья,
Обнялись крѣпко, и другъ въ друга зубы
Вонзили какъ враги!

Двѣльвигъ.

Пастухи.

Ухъ! страшно, страшно!

Солдатъ.

А между тѣмъ, курьерскій колокольчикъ,
Вотъ какъ теперь, и тамъ гремитъ, и тамъ
Прозвякнетъ на морозѣ; отсюда
Везутъ извѣстья о побѣдахъ въ Питеръ
И въ обгорѣлую Москву.

1-й Пастухъ.

Э, братцы,

Смотрите, вотъ и къ намъ телѣжка скачетъ,
И офицеръ про что-то ямщику
Кричитъ; ямщикъ ужъ держитъ лошадей:
Не спросятъ ли о чемъ насъ?

Солдатъ.

Помоги

Миѣ встать: солдату вытянуться надо...

Офицеръ (подъѣхавъ).

Огня, ребята, закурить миѣ трубку!

Солдатъ.

Въ минуту, ваше благородье!

Офицеръ.

Ба?

Товарищъ, ты какъ здѣсь?

Солдатъ.

Къ женѣ и сестрамъ
Домой тащуся, ваше благородье!
За рану въ чистую уволенъ!

Офицеръ.

Съ Богомъ!

Снеси жь къ своимъ хорошее извѣстье,
Мы кончили войну въ столицѣ вражьей;
Въ Парижѣ Русскіе отместили честно
Пожаръ Московскій! Ну, прости, товарищъ.

Солдатъ.

Прощенья просимъ, ваше благородье!

(Офицеръ уѣзжаетъ).

Благословеніе Господне съ нами
Отъ нынѣ и во вѣки буди! — Вотъ какъ
Господь утѣшилъ матушку — Россію!
Молитесь, братцы! Божьи чудеса
Не совершаются ль предъ нами явно!

Д Е Р Ж А В Н Н Ъ .

Б о г ъ .

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеніи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все Собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ: — Богъ!

Измѣрить океанъ глубокій,
Сочестъ пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій, —
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!

Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

Хаоса бытность довременну
Изъ безднѣ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ Себѣ Самомъ Ты основалъ.
Себя Собою составляя,
Собою изъ Себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новымъ,
Ты былъ, Ты еси, Ты будешь въ вѣкъ!

Ты цѣпь существъ въ Себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конецъ съ началомъ сопрягаешь,
И смертію животь даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный, ясный день, зимой,
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

Свѣтилъ возженныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ:
Твои они творять законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампы,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтлаци міры —
Передъ Тобой, какъ ночь предъ днемъ.

Какъ капля въ морѣ опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія.
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я? —
Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ — и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною:
А я передъ Тобой — ничто.

Ничто! — Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю

Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаеть,
Вникаеть, мыслить, разсуждаеть:
Я есмь — конечно есь и Ты!

Ты есь — природы чинъ вѣщаеть;
Гласить мое мнѣ сердце то;
Меня мой разумъ увѣряеть:
Ты еси! — и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ,
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества;
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества;
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю;
Я царь—я рабъ;—я червь—я Богъ!
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ произошелъ? — безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я Создатель!
Твоей премудрости я тварь,

Источникъ жизни, благъ Податель,
 Душа души моей и Царь!
 Твоей-то правдѣ нужно было,
 Чтобъ смертну бездну преходило
 Мое безсмертное бытіе;
 Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
 И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
 Отецъ! въ безсмертіе Твое.

Незъяснимый, Непостижный!
 Я знаю, что души моей
 Воображенія безсильны
 И тѣни начертать Твоей!
 Но, если славословить должно,
 То слабымъ смертнымъ невозможно
 Тебя ничѣмъ инымъ почитать,
 Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
 Въ безмѣрной разности теряться
 И—благодарны слезы лить.

Властителямъ и судіямъ.

Возсталъ Всевышній Богъ, да судить
 Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
 «Доколѣ,» рекъ:» доколѣ вамъ будетъ
 Щадить неправедныхъ и злыхъ?

«Вашъ долгъ есть: сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.

«Вашъ долгъ спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ.»

Не внемлютъ!—видятъ и не знаютъ!
Покрыты мздою очеса:
Злодѣйствы землю потрясають,
Неправда зыблетъ небеса.

Цари!—я мнилъ: вы боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я, подобно страстны,
И такъ же смертны, какъ и я.

И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древь увядшій листь падеть!
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умреть!

Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ,
И будь единъ Царемъ земли!—

На смерть кн. Мещерскаго.

Глаголь времени! металла звонъ!
 Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
 Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
 Зоветъ..... и къ гробу приближаетъ.
 Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
 Уже зубами смерть скрежещетъ,
 Какъ молніей косою блещетъ,
 И дни мои, какъ знакъ, сѣчетъ.

Ничто отъ роковыхъ когтей,
 Ни кая тварь не убѣгаетъ;
 Монархъ и узникъ—снѣдь червей;
 Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
 Зіяетъ время славу стерть;
 Какъ въ морѣ льются быстры воды,
 Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
 Глощаетъ царства алчна смерть.

Скользимъ мы бездны на краю,
 Въ которую стремглавъ свалимся;
 Приемлемъ съ жизнью смерть свою;
 На то чтобъ умереть, родимся:
 Безъ жалости все смерть разить:
 И звѣзды ея сокрушатся,

И солнца ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Не мнить лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаеть;
Приходитъ смерть къ нему какъ тать,
И жизнь внезапно похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе:
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышнямъ.

Сынъ роскоши, прохлада и нѣтъ.
Куда Мещерскій! ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ;
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ?—онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?—не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
«О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!»

Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здоровіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣтъ кровь
И духъ мятется отъ печали;
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ...

Глядитъ на всѣхъ,—и на царей,
 Кому въ державу тѣсны міры;
 Глядитъ на пышныхъ богачей,
 Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
 Глядитъ на прелесть и красы,
 Глядитъ на разумъ возвышенный,
 Глядитъ на силы дерзновенны,
 И.... точить лезвее косы.

Смерть, трепеть естества и страхъ!
 Мы—гордость, съ бѣдностью совмѣстна:
 Сегодня Богъ, а завтра прахъ;
 Сегодня льститъ надежда лестна,
 А завтра—гдѣ ты, человѣкъ?
 Едва часы протечь успѣли,—
 Хаоса въ бездну улетѣли,
 И весь какъ сонъ прошелъ твой вѣкъ.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
 Исчезла и моя ужь младость;
 Не сильно нѣжитъ красота,
 Не столько восхищаетъ радость,
 Не столько легкомыслень умъ,
 Не столько я благополучень;
 Желаніемъ честей размучень:
 Зоветъ, я слышу, славы шумъ.

Но такъ и мужество пройдетъ,
 И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье:

Богатствъ стяжаніе минеть
 И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
 Прейдетъ, преидеть въ чреду свою.
 Подите, счастья, прочь, возможны!
 Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны: —
 Я въ дверяхъ вѣчности стою.

Сей день, иль завтра умереть,
 Перфильевъ! должно намъ конечно:
 Почто жь терзаться и скорбѣть,
 Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
 Жизнь есть Небесъ мгновенный даръ;
 Устрой ее себѣ къ покою,
 И съ чистою твоей душою
 Благословляй судьбъ ударъ,

П а м я т н и к ъ .

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный!
 Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
 Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный
 И времени полетъ его не сокрушитъ.
 Такъ! весь я не умру; но часть меня большая,

Отъ тѣна убѣжавъ, по смерти станеть жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.
Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до
Черныхъ,

Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея леть Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ
слогѣ,

О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ,
И истину царямъ съ улыбкой говорить.
О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрять кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

ДМИТРИЕВЪ.

× Размышленіе по случаю грома.

Гремитъ!... благоговѣй, сынъ персти!
Се Ветхій деньми съ небеси
Изъ кроткой благотворной длани
Перуны съѣтъ по земли! —
Всесильный! съ трепетомъ младенца,
Цѣлюю я священный край
Твоей молніецвѣтной ризы,
И исчезаю предъ Тобой!

Что человѣкъ? парить ли къ солнцу,
Смиренно-ль идетъ по землѣ:
Увы! тамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ.
Подъ мракомъ, въ океанѣ жизни,
Пловецъ на утлой ладѣй,

Отдавши руль слѣпому року,
Онъ спитъ и мчится на скалу!

Ты дхнешь — и двигнешь океаны!
Речешь -- и вспять они текутъ!
А мы!... одной волной подъяты,
Одной волной поглощены!
Вся наша жизнь, о Безначальный!
Предъ тайной вѣчностью Твоей -
Едва минутное мечтанье,
Лучъ блѣдный утренней зари.

Л ю д м и л я .

Идиллія.

Старикъ.

Кого мнѣ Богъ послалъ среди уединенья?

Пастушка.

Я, дѣдушка, со стороны;
Иду до ближняго селенья
На праздникъ красныя весны.

Старикъ.

Чего же ищешь ты подъ тѣнію кусточковъ?

Пастушка.

Богатой ленты нѣтъ, такъ я ищу цвѣточковъ,
Чтобъ свить себѣ вѣнокъ и скрасить мой нарядъ:
Тамъ есть красавица, Людмила, говорятъ.

Старикъ.

Но знаешь ли, гдѣ ты, соперница Людмилы?

Пастушка.

Не вѣдаю.....

Старикъ.

Ты рвешь цвѣты съ ея могилы.

Пѣтухъ, вотъ и мышенокъ.

О дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта! —
Мышеночъ, невидавшій свѣта,
Попалъ было въ бѣду, и вотъ какъ онъ объ ней
Разсказывалъ въ семьѣ своей:

«Оставя нашу нору
 И перебравшись чрезъ гору,
 Границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать,
 Какъ молодой мышенокъ,
 Который хочетъ показать,
 Что онъ ужъ не ребенокъ.
 Вдругъ срозмау на двухъ животныхъ набѣжалъ
 Какіе звѣри, самъ не зналъ;
 Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступи-
 палъ,
 Такъ миловиденъ былъ собою!
 Другой нахаль, крикунъ; теперъ лишь будто съ
 бою;
 Весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ;
 Надъ самымъ лбомъ дрожить наростъ
 Какой-то огненнаго цвѣта,
 И будто двѣ руки, служащи для полета;
 Онъ ими такъ махалъ,
 И такъ ужасно горло дралъ,
 Что я, таки не трусъ, а подавай Богъ ноги —
 Скорѣй отъ него съ дороги.
 Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ
 Нашелъ наставника и друга!
 Въ глазахъ его была написана услуга;
 Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ,
 Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,
 Смиранны, кроткіе, но полные огня!
 Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня;

Я всякому изъ нихъ минуты означаю;
 Дѣля и день и ночь, я время измѣряю!»
 Такъ, видя на нее зѣвающій народъ,
     Хвалилась стрѣлка часовая,
 Межъ тѣмъ, какъ бѣдная пружина, продолжая
 Невидимый свой путь, давала стрѣлкѣ ходъ!
 Пружина секретарь, а стрѣлка, между нами...
     Но вы умны: смекайте сами.

Лебедь и гагары.

За то что лебедь такъ и бѣлъ, и величавъ,
 Гагары на него изъ зависти напали,
     И крылья тиной замаравъ,
 Вкругъ лебеда тѣснясь, нарочно отряхали,
     И брызгами его марали!
 Но лебедю вреда не сдѣлали онѣ:
     Онъ въ воду погрузился,
     И въ прежней бѣлизнѣ
     Съ величествомъ явился.
 Гагары въ прозѣ и въ стихахъ!
     Возитесь, какъ хотите,
 Но право, истинный талантъ не помрачите;
     Удѣль его—сіять въ вѣкахъ.

Д в а г о л у б я .

Два голубя друзьями были,

Издавна вмѣстѣ жили

И кушали и пили.

Соскучился одинъ все видѣть тожь, да тожь;
Задумалъ погулять, и другу въ томъ открылся.

Тому вѣсть эта — острый ножъ;

Онъ вздрогнулъ, прослезился

И къ другу возопилъ:

Помилуй, братецъ! чѣмъ меня ты поразилъ?
Легко-ль въ разлукѣ быты!... Тебѣ легко, жестокой!

Я знаю; ахъ! а мнѣ... я, съ горести глубокой,

И дня не проживу... Къ тому же разсуди,

Такая ли пора, чтобъ въ странствіе пускаться?

Хоть до зефировъ ты, голубчикъ, погоди!

Къ чему спѣшить? Еще успѣемъ мы разстаться!

Теперь лишь воронъ прокричалъ,

И безъ сомнѣнія, страшуся я безмѣрно! —

Какой-нибудь изъ птицъ напасть онъ предвѣщалъ,

А сердце въ горести и пуще имовѣрно!

Когда разстануся я съ тобой,

То будетъ каждый день мнѣ угрожать бѣдой:

То ястребомъ лихимъ, то лютыми стрѣлками;

То коршунами, то силками —

Все злое сердце мнѣ на память приведетъ.
 Ахти мнѣ! я скажу, вдохнувши, дождь идетъ!
 Здоровъ ли-то мой другъ? не терпите ли онъ
 холодъ?

Не чувствуетъ ли голодъ?

И мало ли чего не вздумаю тогда!»

Безумцамъ умна рѣчь, какъ въ ручейкѣ вода:

Журчить и мимо протекаетъ.

Затѣйникъ слушаетъ, вздыхаетъ,

А все-таки летѣть желаетъ.

«Нѣтъ, братецъ! такъ и быть, сказалъ онъ, полечу!

Но вѣрь, что я тебя крушить не захочу:

Не плачь; пройдетъ дни три, и буду я съ тобою

Клевать

И ворковать

Опять подъ кровлею одною;

Начну рассказывать тебѣ по вечерамъ, —

Вѣдь все одно да тожь приговорится намъ, —

Что видѣлъ я, гдѣ былъ, гдѣ хорошо, гдѣ худо;

Скажу: я тамъ-то былъ, такое видѣлъ чудо,

А тамъ случилось то со мной

И ты, дружечекъ мой,

Наслушавъ меня, такъ свѣдушь будешь къ лѣту,

Какъ будто бы и самъ гулялъ по бѣлу свѣту.

Простижь!» — При сихъ словахъ,

На мѣсто всѣхъ увы! и ахы!

Друзья взглянулись, поклевались,

Вдохнули и разстались.

Одинъ, носокъ повѣся, сѣлъ;
Другой вспорхнулъ, взвился, летить-летить стрѣ-
лою,
И вѣрно бѣ сгоряча край свѣта залетѣлъ;
Но вдругъ покрылось небо мглою,
И прямо страннику въ глаза
Изъ тучи ливный дождь, градъ, вихрь, сказать
вамъ, словомъ,
Со всею свитою, какъ водится, гроза!
При случаѣ такомъ опасномъ, хоть не новомъ
Голубчикъ поскорѣй садится на сучокъ,
И радъ еще тому, что только лишь измокъ.
Гроза утихнула, голубчикъ обсушился
И въ путь опять пустился;
Летить и видеть съ высока
Разсыпано пшено, а возлѣ голубка!
Садится и въ минуту
Запутался въ сѣти; но сѣть была худа,
Такъ онъ противъ нее носкомъ вооружился;
То имъ, то ножкою тянувъ, тянувъ — пробился
Изъ сѣти безъ вреда,
Съ утратой перьевъ лишь; но это ли бѣда?
Къ прибавленью страха,
Явился вдругъ соколъ, и со всего размаха,
Напалъ на бѣдняка,
Который, какъ злодѣй, опутанъ кандаями,
Тащилъ съ собой снурокъ съ обрывками силка.
Но, къ счастью, тутъ орелъ съ широкими крылами

Для встрѣчи сокола спустился съ облаковъ:

Итакъ, благодаря стеченію воровъ,

Нашъ путникъ соколу въ добычу не достался:

Однако все еще съ бѣдой не развязался:

Летя отъ сокола, отъ страха, или такъ,

Насунулся избы на уголь, какъ дуракъ,

И вывихнулъ крыло; потомъ въ него мальчишка, —

Знать голубиный былъ и въ томъ еще умишка, —

Кирпичъ иль камешекъ лукнулъ,

И такъ его зашибъ, что чуть онъ отдохнулъ;

Потомъ... потомъ, проклявъ себя, судьбу, дорогу,

Рѣшился брестъ назадъ, полмертвый, полхромой,

И прибылъ наконецъ калекою домой,

Таща свое крыло и волочивши ногу.

О вы, которыхъ Богъ любви соединилъ!

Хотите-ль странствовать? Забудьте гордый Нилъ.

И дале ближняго ручья не разлучайтесь.

Чѣмъ любоваться вамъ? другъ другомъ восхищай-
тесь!

Пускай одинъ въ другомъ находитъ каждый часъ

Прекрасный, новый міръ, всегда разнообразный!

Бываетъ ли въ любви хоть мигъ, для сердца
праздный?

Любовь, повѣрьте мнѣ, все замѣнитъ для васъ.

Я самъ любилъ: тогда за лугъ уединенный,

Присутствіемъ моей любезной озаренной,

Я не хотѣлъ бы взять ни мраморныхъ палатъ,

Ни царства въ небесахъ!... Придете-ль вы назадъ,

Минуты радостей, минуты восхищеній?
Иль буду я однимъ воспоминаньемъ жить?
Уже-ль прошла пора столь милыхъ обольщеній,
И полно мнѣ любить?

К а л и ф ъ .

Противъ Калифова огромнаго дворца
Стояла хижина, безъ кровли, безъ крыльца,
Издавна ветхая и близкая къ паденью,
Едва-ль приличная и самому смиренью.
Согбенный старостью ремесленникъ въ ней жилъ;
Однако онъ еще по мѣрѣ силъ трудился,
Ни злылъ, ни совѣсти ни мало не страшился,
И тихимъ вечеромъ своимъ доволенъ былъ.
Но хижиной его визирь сталъ недоволенъ:
«Терпимъ ли, — онъ своимъ разсчитывалъ умомъ, —
Видъ бѣдности передъ дворцомъ?
Но развѣ Государь сломать ее не воленъ?
Подамъ ему докладъ, и хижинѣ не быть».
На этотъ разъ визирь обмануть былъ въ надеждѣ.
Докладъ подписанъ такъ: «Быть по сему; но
прежде
Строенье ветхое купить.»

Послали кадія съ сосѣдомъ торговаться;
Кладутъ предъ нимъ на столъ съ червонными
мѣшокъ.

«Мнѣ въ деньгахъ нѣтъ нужды, сказалъ имъ про-
стачекъ:

А съ домою ни за что не можно мнѣ разстаться;
Я въ немъ родился, въ немъ скончался мой отецъ,
Хочу, чтобъ въ немъ же Богъ послалъ и мнѣ ко-
нецъ.

Калифъ, конечно, самовластенъ,
И каждый подданный къ нему подобострастенъ;

Онъ можетъ при моихъ глазахъ
Развѣять вмигъ гнѣздо мое какъ прахъ;
Но чтожь послѣдуетъ? Нещастнымъ слезы въ
пищу:

Я всякой день приду къ родиму пепелищу;
Возсяду на кирпичъ съ поникшей головой

Небеснаго подъ кровомъ свода,

И буду предъ отцемъ народа

Оплакивать мой жребій злой!»

Отвѣтъ былъ визирю до слова пересказанъ,

А тотъ спѣшитъ объ немъ Калифу донести;

Тебѣ ли, Государь, отказъ такой снести?

Ужель останется рабъ дерзкой не наказанъ?

Калифу говорилъ визирь на-единѣ.

«Да! подхватилъ Калифъ, отвѣтъ угоденъ мнѣ;

И я тебѣ повелѣваю:

Впредь помня навсегда, что въ правдѣ нѣтъ вины,

Исправить хижину на счетъ моей казны;
Я съ нею только жить въ потомкахъ уповаю;
Да скажетъ имъ дворець: такой то пышно жилъ;
А эта хижина — онъ правосуденъ былъ!

Исторія.

Столица роскоши, искусства и наукъ
Предъ мужествомъ и силой пала;
Но пышнымъ зодчествомъ художественныхъ рукъ
Еще она блистала,
И побѣдителя взоръ дикой поражала.
Онъ съ изумленіемъ глядитъ на истуканъ
Съ такою надписью: «блюстителю гражданъ,
Отцу Отечества, утѣхъ смертныхъ рода,
Отъ благодарнаго народа.»
Царь варваръ трунуть былъ
Столь новой для него и благородной данью;
Влекомъ къ невольному вниманью,
Въ молчаньи, долго глазъ онъ съ лика не сводилъ.
Хочу, сказалъ потомъ, узнать его дѣянья, —
И вмигъ толмачъ его, разгнувъ бытописанья,
Читаетъ вслухъ: сей Царь, бичъ подданныхъ
Своихъ,

Родился къ гибели и посрамленью ихъ:

Подъ скипетромъ его желѣзнымъ
 Законъ безмолствовалъ, духъ доблести упалъ,
 Достойный гражданинъ считался бесполезнымъ,
 А рабъ коварствомъ путь къ фортунѣ пролагалъ;
 Ничтожный подъ вѣнцомъ, угодникъ всякой стра-
 сти,
 Онъ сдѣлалъ первый шагъ къ самодержавной
 власти.

Въ такомъ-то образѣ Отечества Отецъ
 Потомству преданъ былъ Исторіей правдивой.
 Чему же вѣрить мнѣ? воскликнулъ наконецъ,
 Смятенный Скифъ: — Монархъ боголюбивой!
 Согнувшись до земли, вельможа далъ отвѣтъ:
 Я, рабъ твой, при Царяхъ полвѣка пресмыкался:
 Сей памятникъ въ моихъ очахъ сооружался,
 Когда еще тиранъ былъ бодръ и въ цвѣтѣ лѣтъ:
 А повѣсть, сколько я могу припомнить нынѣ,
 О немъ и прочемъ вышла въ свѣтъ...
 Гораздо по его кончинѣ.

М. ЕЛЕНЕВЪ.

Мурносицы у гроба Христова.

Спитъ Сіонъ и дремлетъ злоба,
Спитъ во гробъ Царь царей;
За печатью камень гроба,
Всюду стража у дверей.

Ночь нѣмая садъ объемлетъ;
Стража грозная не спитъ;
Чуткій слухъ ея не дремлетъ;
Зорко вдаль она глядитъ.

Ночь прошла. На гробъ Мессіи,
Съ ароматами въ рукахъ,
Шли печальныя Маріи, —
Безпокойство въ ихъ чертахъ.

И тревога ихъ печалитъ:
Кто могучею рукой
Тяжкій камень имъ отвалитъ
Отъ пещеры гробовой?

И глядятъ, дивятся обѣ:
 Камень сдвинуть, гробъ открыть;
 И какъ мертвая при гробѣ
 Стража грозная лежитъ.

А во гробѣ, полномъ свѣта,
 Кто-то чудный, неземной,
 Въ ризы бѣлыя одѣтый,
 Сѣлъ на камень гробовой.

Ярче молніи блистанья
 Блескъ небеснаго лица;
 Въ страхѣ вѣстницы возстанья,
 И трепещутъ ихъ сердца.

«Что вы, робкія, въ смятеньи?»
 Имъ сказалъ пришлецъ святой:
 «Съ вѣстью мира и спасенья
 Возвратитесь домой.»

«Я ниспосланъ небесами,
 Вѣсть я чудную принесъ:
 Нѣтъ Живаго съ мертвецами;
 Гробъ ужь пустъ; воскресъ Христосъ!»

И спѣшать оттуда жены,
 И съ восторгомъ ихъ уста
 Проповѣдуютъ Сіону
 Воскресеніе Христа.

Ю. ЖАДОВСКАЯ,

Лучшій перль таится
Въ глубинѣ морской;
Зрѣетъ мысль святая
Въ глубинѣ души.
Надо сильно бурѣ
Море взволновать,
Чтобъ оно, въ бореньи,
Выбросило перль;
Надо сильно чувству
Душу потрясти,
Чтобъ она, въ восторгѣ,
Выразила мысль.

МИГЪ ОБНОВЛЕНІЯ.

Свѣжесть утра, розъ дыханья,
Говоръ свѣтлыхъ водъ,
Гибкихъ вѣтокъ колыханье,
Ясный неба сводъ, —
Все мнѣ въ душу обаянье
И надежду лить;
Все печальное забыто,
Новый міръ встаетъ,
И о томъ, что ужъ прожито,
Вспомнить не даетъ.
Тайной силой обновленья
Дышетъ грудь моя,
Впредь печали и сомнѣнью
Не отдамся я,
И среди житейской битвы
Твердо сохраню
Вѣру сердца, пылъ молитвы
И любовь мою.

М о л и т в а.

Міра заступница, Матерь всепѣтая!
Я предъ Тобою съ мольбой:
Бѣдную грѣшницу, мракомъ одѣтую,
Ты благодатью прикрой.
Если постигнуть меня испытанія,
Скорби утраты, враги,
Въ трудный часъ жизни, въ минуту стра-
данья,
Ты мнѣ, молю, помоги!
Радость духовную, жажду спасенія
Въ сердце мое положи;
Въ царство Небесное, въ міръ утѣшенія
Путь мнѣ прямой укажи!

М о л и т в а.

Молю Тебя, Создатель мой,
Смири во мнѣ страстей волненье,

Избавь меня отъ искушенья,
Исполни кротости святой!

Отъ грѣшныхъ чувствъ, отъ гордыхъ думъ
Оборони меня, Спаситель,
И озари мнѣ, Искупитель,
Небеснымъ свѣтомъ бѣдный умъ!

Н о ч ь.

Вѣетъ тихо, вѣетъ сладостно
Мнѣ дыханье вѣтерка;
Свѣтять звѣзды въ небѣ радостно;
Отражаетъ ихъ рѣка;
И въ раздумьи наклонились
Вѣтви гибкія деревь;
И какъ звѣзды засвѣтились
Свѣтляки среди кустовъ.
Дышетъ все святой отрадою
На землѣ и въ вышинѣ;
Ночь весенняя прохладою
Освѣжаетъ сердце мнѣ.
Что-то въ душу чудно просится,

Проникаетъ въ глубину,
И невольно мысль уносится
Все туда, все въ вышину!
Вѣетъ тихо, вѣетъ сладостно
Мнѣ дыханье вѣтерка;
Свѣтять звѣзды въ небѣ радостно...
Спать на днѣ души тоска!

* * *

Грустная картина!
Облокомъ густымъ
Вьется изъ овина
За деревней дымъ.
Незавидна мѣстность
Скудная земля,
Плоская окрестность,
Выжаты поля.
Все какъ бы въ туманѣ,
Все какъ будто спать...
Въ худенькомъ кафтанѣ
Мужичекъ стоять,
Головой качаетъ, —
Умолотъ плохой, —

Думаетъ-гадаетъ:
Какъ-то быть зимой!
Такъ вся жизнь проходить
Съ горемъ пополамъ;
Тамъ и смерть приходитъ,
Съ ней конецъ трудамъ.
Причаститъ больного
Деревенскій попъ;
Принесутъ сосновый
Отъ сосѣда гробъ;
Отпоютъ уныло...
И старуха мать
Долго надъ могилой
Будетъ причитать...

Кто мнѣ родня?

Покрытый ранами, поверженный во прахъ,
Лежалъ я при пути въ томлени и слезахъ
И думалъ про себя въ тоскѣ невыразимой:
«О, гдѣ моя родня? Гдѣ близкій, гдѣ любимый?»
И много мимо шло... Но чтожь? Никто изъ нихъ
Не думалъ облегчить тяжелыхъ ранъ моихъ...
Иной бы и желалъ, да вдалъ его манила

Житейской суеты губительная сила;
Иных пугаль видь рань и мой тяжелый стонь.
Ужь мной овладѣвалъ холодной смерти сонь;
Ужь на устахъ моихъ стенанья замирали;
Въ тускнѣющихъ очахъ ужь слезы застывали.
Но вотъ пришелъ одинъ, склонился надо мной
И слезы мнѣ отеръ спасительной рукой.
Онъ былъ невѣдомъ мнѣ, но полнъ святой лю-
бовью,
Текущую изъ ранъ не погнушался кровью.
Онъ взялъ меня съ собой, и помогалъ мнѣ самъ,
И лилъ на раны мнѣ цѣлительный бальзамъ.
И голосъ мнѣ сказалъ, въ душѣ неотразимой:
«Вотъ кто родня тебѣ, кто близкій, кто любимый!»

Н о в т у р н о .

Полночь глухая. Ты думаешь: все ужь уснуло,
Все тихо и мѣръ, какъ кладбище, безмолвень.
Неправда! Прислушайся: шепчуть въ просонкахъ
деревья,
Кузнечикъ въ высокой травѣ распѣваетъ.
Прислушайся къ сердцу: безмолвно-ль оно?

Прислушайся къ думамъ своимъ: молчить ли твой
умъ?

Мой другъ! въ нашей жизни нѣтъ тишины со-
вершенной;

Безмолвна лишь смерть; но и въ этомъ безмолвьи

Отыщешь ты нѣчто такое, что страшно,

И сладко, и чудно душѣ говорить!

Неутоленная жажда.

Въ одно ароматное утро,

Подъ каплями свѣтлой росы,

Прелестный цвѣтокъ распустился

На мягкомъ зеленомъ лугу,

Душистую поднялъ головку,

Съ любовью на небо взглянулъ:

И небо безоблачно было;

Ласкалъ его солнечный лучъ,

Шептала зеленая травка,

Восторженно пѣлъ соловей...

И счастливъ цвѣточекъ — малютка,

И воздухъ живительный пьетъ;

Но солнце все выше восходить,

Все жарче ласкаетъ его....

Ужь высохли свѣтлыя капли
На пестрыхъ и нѣжныхъ листьяхъ;
Онъ полонъ мучительной жаждой,
Онъ соки терять свои;
Сбираетъ послѣднія силы,
Чтобъ снова на небо взглянуть,
И видить по небу несется,
Сердито нахмурыя, туча.
И молить онъ тучу усердно:
«Приблизься, суровая туча!
И съ края свинцовой одежды
Пролей хоть единую каплю,
Прохладную каплю дождя!» —
Но туча проносится мимо,
Ни капли дождя не роняя;
Несетъ ее вѣтеръ могучій
По волѣ капризной своей,
И, мрачно ему покоряясь,
Гуляетъ по небу она.
То ропщетъ раскатами грома,
То сыплетъ перуны порой;
Потомъ надъ песчаною степью
Заплакала крупнымъ дождемъ...
И тихо листки опустивши,
Бѣдняжка — цвѣточекъ завяль...

Н и в а.

Нива, моя нива,
Нива золотая.
Зрѣешь ты на солнцѣ,
Колосъ наливая.
По тебѣ отъ вѣтру,
Словно въ синемъ морѣ,
Волны такъ и ходятъ,
Ходятъ на просторѣ;
Надъ тобою съ пѣсней
Жаворонокъ вьется;
Надъ тобой и туча
Грозно пронесется.
Зрѣешь ты и спѣешь,
Колосъ наливая,
О людскихъ заботахъ
Ничего не зная.
Унеси ты, вѣтеръ,
Тучу градовую,
Сбереги намъ. Боже,
Ниву трудовую!...

В. ЖУКОВСКІЙ.

Царскосельскій лебедь.

Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
Какъ же нелюдимо ты, отшельникъ хилый,
Здѣсь сидишь на лонѣ водъ уединенныхъ;
Спутниковъ давнишнихъ, прежней современныхъ
Жизни, переживши, сѣтуя глубоко,
Ихъ ты поминаешь думой одинокой;
Сумрачный пустынный, изъ уединенья
Ты на молодое смотришь поколѣнье
Грустными очами; прежняго единый
Брошенный обломокъ, въ новый лебединый
Свѣтъ на пиръ веселый гость неприглашенный,
Ты вступишь личишься въ кругъ неблагоклонный
Рѣзвой молодежи. На водахъ широкихъ,
На виду Царевыхъ теремовъ высокихъ,
Предъ Чесменской гордо блещущей колонной

Лебеди молодые голубое лоно
Озера тревожатъ плаваньемъ, плесканьемъ,
Боемъ крылъ могучихъ, бѣлыхъ шей купаньемъ;
День они встрѣчаютъ, звонко окликаясь;
Въ зеркалѣ прозрачной влаги отражаясь,
Длинной вереницей, бѣлымъ флотомъ стройно
Плаваютъ въ сѣни солнца по спокойной
Озера лазури; ночью жь межъ звѣздами
Въ небѣ, повторенномъ тихими водами,
Облакомъ перловымъ, водъ не зыбля, рѣютъ,
Иль двойною тѣнью, дремля, въ нихъ бѣлѣютъ;
А когда гуляетъ мѣсяцъ межъ звѣздами,
Влагу расшибая сильными крылами,
Въ блескѣ волнъ, зажженныхъ мѣсячнымъ сѣннемъ,
Окруженны брызговъ огненныхъ сверканьемъ,
Кажутся волшебныхъ призраковъ явленьемъ —
Племя молодое, полное кипѣньемъ
Жизни своевольной. Ты жь, старикъ печальный;
Молодость ихъ образъ твой монументальный
Рѣзвую пугаетъ; онъ на нихъ наводитъ
Скуку, и въ пріютъ твой ни одинъ не входитъ
Гость изъ молодежи, вѣтрено летящей
Вслѣдъ за быстрымъ мигомъ жизни настоящей.
Но не сѣтуй, старецъ, пращуръ лебединый:
Ты родился въ славный вѣкъ Екатерины,
Былъ ея ласкаемъ Царскою рукою,
Памятниковъ гордыхъ битвѣ подѣ Чесмою,
Битвѣ при Кагулѣ воздвиженъ зрѣлъ ты;

Съ вѣкомъ Александра тихо устарѣлъ ты,
 И, почти столѣтній, въ вѣкъ Николая
 Видишь, угасая, какъ вся Русь святая
 Вкругъ Царевой силы, — вѣковой зеленый
 Плющъ вкругъ силы дуба, — вѣтся подъ короной
 Царской отъ окрестныхъ бурь, ища защиты.

Д р у ж б а.

Скатившись съ горной высоты,
 Лежалъ на прахѣ дубъ, перунами разбитый,
 А съ нимъ и гибкій плющъ, кругомъ его обвитый...
 О Дружба, это ты!

П ѣ в е ц ъ.

Въ тѣни деревь, надъ чистыми водами,
 Дерновыи холмъ вы видите-ль, друзья?
 Чуть слышно тамъ плескаетъ въ брегъ струя;

Чуть вѣтерокъ тамъ дышетъ межъ листьями;
 На вѣтвяхъ лира и вѣнецъ....
 Увы, друзья, сей холмъ — могила;
 Здѣсь прахъ пѣвца земля сокрыла;
 Бѣдный пѣвецъ!

Онъ сердцемъ простъ, онъ нѣженъ былъ душою,
 Но въ мирѣ онъ минутный странникъ былъ;
 Едва разцвѣлъ — и жизнь ужъ разлюбилъ,
 И ждалъ конца съ волненьемъ и тоскою;
 И рано встрѣтилъ онъ конецъ,
 Заснулъ желаннымъ сномъ могилы....
 Твой вѣкъ былъ мигъ, но мигъ унылый;
 Бѣдный пѣвецъ!

Онъ дружбу пѣлъ, давъ другу нѣжну руку,
 Но вѣрный другъ во цвѣтѣ лѣтъ угасъ;
 Онъ пѣлъ любовь, но былъ печалень гласъ;
 Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку.
 Теперь всему, всему конецъ;
 Твоя душа покой вкусила;
 Ты спишь; тиха твоя могила;
 Бѣдный пѣвецъ,

Здѣсь у ручья, вечернею порою,
 Прощальну пѣснь онъ заунывно пѣлъ:
 «О, красный миръ, гдѣ я вотще разцвѣлъ,
 Прости на вѣкъ; съ обманутой душою

Я счастья ждалъ — мечтамъ конецъ;
Погибло все; умолкни лира;
Скорѣй, скорѣй въ обитель мира.
Бѣдный пѣвецъ!

«Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?
Блаженство знать, къ нему летѣть душой,
Но пропасть зрѣть межъ нимъ и межъ собой;
Желать всякъ часъ и трепетать желанья...

О! пристань горестныхъ сердецъ,
Могила, вѣрный путь къ покою,
Когда же будетъ взять тобою
Бѣдный пѣвецъ!

И нѣтъ пѣвца... его не слышно лиры...
Его слѣды исчезли въ сихъ мѣстахъ;
И скорбно все въ долини, на холмахъ;
И все молчить... лишь тихіе зефиры,
Колеля вянущій вѣнецъ,
Порою вѣютъ надъ могилой
И лира вторить имъ уныло:
Бѣдный пѣвецъ!

Сиротка.

Едва она узрѣла свѣтъ,
Ужъ ей печаль знакома стала;
Веселье — спутникъ дѣтскихъ лѣтъ;
А ей судьба въ немъ отказала.
Въ семьѣ томила сиротой;
Ее грядущее страшило...
Но Провидѣніе хранило,
Младенца тайною рукой.

О Ты, святое Провидѣнье!
Въ Твоемъ владѣннѣ нѣтъ сироты!
Боязнь и ропоть — заблужденье;
Всегда къ добру Твой путь ведетъ.
Среди неистовыхъ враговъ
Сиротка матерью забыта;
Сгорѣлъ ея родимый кровъ,
И ей невинность не защита,
Но бѣдный съ нищенской клюкой
Ей Богомъ посланъ во спасенье...
На краѣ бездны Провидѣнье
Сдружило слабость съ нищетой.

О, Промыслъ спутникъ невидимый
И сиротства, и нищеты,
Сколь часто путь непостижимый
Къ спасенью избираешь Ты!

И породившись судьбой,
Сиротка и старикъ убогой,
Безъ трепета, рука съ рукой,
Пошли погибельной дорогой:
Дорога бѣдныхъ привела
Въ гостепріимную обитель....
Имъ былъ Всевышній предводитель;
Ихъ милость въ пристани ждала.

О Ты, святое Провидѣнье,
Сколь намъ Твой безопасенъ слѣды!
Творишь изъ гибели спасенье;
Ведешь къ добру стезею бѣды.

Играй, дитя, гроза прошла;
Ужасный громъ ударилъ мимо:
Тебя мать *добрая* нашла
На мѣсто матери *родимой*:
Дорога жизни предъ тобой
Цвѣтами счастья покрыта....
Молись же, чтобъ Творецъ защита
Былъ той, кто здѣсь хранитель твой.

Услышь младенца, Провидѣнье,
 Прими ее подъ щить любви:
 Она — чужихъ дѣтей спасенье,
 Ея дѣтей благослови.

П л о в е ц ъ .

Вихремъ бѣдствія гонимый,
 Безъ кормила и весла,
 Въ океанъ неисходимый
 Буря челнъ мой занесла.
 Въ тучахъ звѣздочка свѣтилась;
 «Не скрывайся!» я вzywалъ;
 Непреклонная сокрылась;
 Якорь былъ — и тотъ пропалъ.

Все одѣлось черной мглою;
 Всколыхалися валы;
 Бездны въ мракѣ предо мною;
 Вкругъ ужасныя скалы.
 «Нѣтъ надежды на спасенье!»
 Я ропталъ, унывъ душой....
 О безумецъ! Провидѣнье
 Было тайный кормщикъ твой.

Невидимою рукою,
Сквозь ревущіе валы,
Сквозь одѣты бездны мглою
И грозящія скалы,
Мощный велѣ меня хранитель.
Вдругъ — все тихо, мракъ исчезъ;
Вижу райскую обитель....
Въ ней трехъ ангеловъ небесъ.

О Спаситель — Провидѣнье!
Скорбный ропотъ мой утихъ;
На колѣнахъ, въ восхищеньѣ,
Я смотрю на образъ ихъ.
О! кто прелесть ихъ опишетъ?
Кто ихъ силу надъ душой?
Все окрестъ ихъ небожъ дышетъ
И невинностью святой.

Неиспытанная радость —
Ими жить, для нихъ дышать;
Ихъ рѣчей, ихъ взоровъ сладость
Въ душу, въ сердце принимать.
О судьба! одно желанье:
Дай всѣ блага имъ вкусить;
Пусть имъ радость — мнѣ страданье;
Но... не дай ихъ пережить.

В и д ѣ н і е.

Блескомъ утра озаренный,
Свѣтоносный, окриленный,
Ангель встрѣтился со мной;
Взоръ его былъ грустно — ясенъ,
Ликъ задумчиво-прекрасенъ;
Надъ главою молодой
Кудри легкіе летали,
И короною сіяли
Розы бѣлыя на ней;
Снѣга чистаго бѣлѣй,
На плечахъ была одежда;
Онъ былъ свѣтель какъ надежда,
Какъ покорность небу тихъ;
И на крыліяхъ живыхъ —
Какъ съ привѣтственнаго брега
Голубь древняго ковчига
Съ вѣткой мира — онъ летѣлъ....
Съ чѣмъ летѣлъ? куда?... Я знаю!
Добрый пути! благословляю,
Божій ангель, твой удѣлъ.
Ждутъ тебя; твое явленье
Будеть тамъ, какъ Провидѣнье,
Откровенное очамъ;

Сиротство увидишь тамъ,
Младость плачущую встрѣтишь
И скорбящую любовь,
И для нихъ надеждой вновь
Опустѣлый мѣръ освѣтишь....
Съ ними былъ твой чистый братъ;
Срокъ земной его свершился,
Онъ съ землею на вѣкъ протился,
Онъ опять на небо взять;
Ты имъ данъ за ихъ утрату;
Твой чередъ — благотворить,
И отозванному брату
На землѣ замѣной быть.

В о с п о м и н а н і е .

О милахъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ соупутствіемъ для насъ животворили,
Неговори съ тоской: ихъ нѣтъ;
Но съ благодарностію: были.

П Ъ О Н Ъ Б Ъ Д Н Я Е А.

Куда мнѣ голову склонить?
Покинуть я и сирѣ!
Хотѣлъ-бы весело хоть разъ
Взглянуть на Божій міръ.

И я въ семьѣ моихъ родныхъ
Когда-то счастливъ былъ;
Но горе — спутникъ мой съ тѣхъ поръ,
Какъ я ихъ схоронилъ.

Сады веселыхъ богачей
И нивы ихъ кругомъ....
Моя-жь дорога мимо ихъ
Съ заботой и трудомъ.

Но я счастливыхъ не дичусь,
Моя печаль въ тиши;
Я всѣмъ веселымъ радъ сказать
«Богъ помочь!» отъ души.

О щедрый Богъ, не вовсе-жь я
Тобою позабытъ;
Источникъ милости Твоей
Для всѣхъ равно открытъ.

Въ селенѣ каждомъ есть Твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ алтаремъ.

Мнѣ свѣтитъ солнце и луна,
Любуюсь на зарю,
И слыша благовѣсть, съ Тобой,
Создатель, говорю.

И знаю, будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ;
Тамъ буду праздновать и я;
Тамъ мѣсто есть и мнѣ.

Близость весны.

На небѣ тишина:
Таинственно луна
Сквозь тонкій паръ сіяетъ;
Звѣзда любви играетъ
Надъ темною горой;
И въ безднѣ голубой

Безплотные, летая,
Чаруя, оживляя
Ночную тишину,
Привѣтствуютъ весну.

Н о ч ь.

Уже утомившійся день
Склонился въ багряныя воды;
Темнѣютъ лазурные своды,
Прохладная стелется тѣнь.
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дорогѣ эфирной,
И Гесперь летитъ передъ ней
Съ прекрасной звѣздой своей.
Сойди, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ,
Съ цѣлебнымъ забвенья фіаломъ,
Дай мира усталымъ сердцамъ.
Своимъ миротворнымъ явленьемъ,
Своимъ усыпительнымъ пѣньемъ,
Томимую душу тоской,
Какъ мать дитя, успокой.

Русская слава.

Святая Русь, Славянъ могучій родъ,
 Сколь велика, сильна твоя держава!
 Какимъ путемъ пробился твой народъ!
 Въ какихъ бояхъ твоя созрѣла слава!

Призвалъ Варяга Славянинъ;
 Пошли гулять ихъ буйны рати;
 Кругомъ руля полночныхъ братій
 Взревѣлъ испуганный Эвксинъ...
 Но вышелъ Святославовъ сынъ,
 И поднялъ знамя Благодати.

Была пора: губительный раздоръ
 Вездѣ леталъ съ хоругвию кровавой;
 За нимъ во слѣдъ бѣжали гладъ и моръ:
 Разбой, грабежъ и мщенье были славой.

Отъ русскихъ русскихъ кровь текла;
 Губилъ Половчанинъ безъ страха;
 Лежали грады кучей праха;
 И Русь бѣдою поросла...
 Но Русь въ бѣдѣ крѣпка была
 Душой великой Мономаха.

Была пора: Татарипъ злой шагнулъ
 Черезъ рубежъ хранительныя Волги;

Погибло все; народъ, терпя, согнулъ
Главу подъ стыдъ мучительный и долгій!

Безчестнымъ Русь дава ярмомъ,
Баскакъ носился въ край изъ края:
Катилась въ прахъ глава святая
Князей подъ ханскимъ топоромъ....
Но встала Русь передъ врагомъ,
И битва грянула донская!

Была пора: коварный, вражій Ляхъ
На русскій тронъ накликалъ самозванца:
Загребилъ все; и Русь въ его цѣпяхъ,

Въ цари позвать дерзнула чужестранца:
Зачахла русская земля:
Ей Ляхъ напомнилъ плѣнъ Татарскій:
И брошень былъ вѣнецъ нашъ царскій
Къ ногамъ презрѣннымъ короля...
Но крикнулъ Мининъ, и съ Кремля
Ихъ опрокинулъ князь Пожарскій,

Была пора: привелъ къ намъ рати Шведъ:
Предъ горстью ихъ бѣжали мы толпами:
Жестка далась наука намъ побѣдъ;
Купили ихъ мы нашими костями.

То трудная была пора:
Приплелецъ и бунтовщикъ лукавый
Хвалились вырвать знамя славы
Изъ рукъ могучаго Пегра...

Но дало русское «ура»
 Отвѣтъ имъ съ пушками Полтавы.

Была пора: Екатерининъ вѣкъ:
 Въ немъ ожила вся древней Руси слава,
 Тѣ дни, когда громилъ Царьградъ Олегъ,
 И вылъ Дунай подъ лодкой Святослава.
 Римникъ, Чесма, Кагульскій бой,
 Орлы во градъ Леонида,
 Возобновленная Таврида,
 День Измаила роковой,
 И въ Прагѣ, кровью залитой,
 Москвы отмщенная обида

Была пора: была святая брань:
 Отъ Запада узрѣли мы Батюя:
 Народовъ тьмы прорвали нашу грань:
 Пришлось поля отстанвать родныя.
 Дошли къ намъ Царскія слова,
 И стала Русь стѣною трона:
 Была то злая оборона:
 Дрались за жизнь и за права....
 Но загорѣлася Москва,
 И нѣтъ слѣдовъ Наполеона.

Пришла пора: чудясь узрѣли насъ
 И Араратъ, и Тавра великаны;
 И близокъ былъ Стамбула смертный часъ:
 Нашъ богатырь шагнулъ черезъ Балканы.

Знамена развернулъ мятежъ;
 Насъ позвалъ Ляхъ на пиръ кровавый;
 Но пиръ былъ данъ на полѣ славы,
 Гдѣ слѣдъ нашъ памятенъ и свѣжъ...
 И гости пира были тѣ-жь,
 И та-жь была судьба Варшавы.

Трудна пора: война и грозный моръ
 Царя и Русь отвсюду осадили;
 Народъ въ бѣдѣ ударилъ къ бунту сборъ;
 Мятежники знамена посрамили.

Явился Царь: ихъ облилъ страхъ;
 Губители оцѣпенѣли.
 Но гдѣ-жь Онъ самъ, предъ кѣмъ не смѣли
 Они возрѣты и пали въ прахъ? ..
 Новорожденный сынъ въ рукахъ!
 Его несетъ Онъ къ колыбели.

Покойся въ ней, прекрасное дитя,
 Хранимое святыней колыбели:
 Ты Божій даръ: судьбину укрота,
 Въ тебѣ съ небесъ къ намъ ангелы слетѣли.

Подъ грознымъ шумомъ бурныхъ дней
 Сномъ непорочности почія,
 Намъ времена являй иныя
 Святою прелестью своей:
 Отецъ Твой будетъ честь Царей;
 Возблагоденствуетъ Россія.

Изъ поэмы Агасверъ вѣчный жидъ:

Тогда былъ вѣкъ Траяна; въ Римъ
Изъ областей прибывшій императоръ
Въ Веспасіановомъ амфитеатрѣ
Кровавыя готовилъ граду игры:
Бой гладіаторовъ и христіанъ
Преданіе звѣрямъ на растерзанье.
Пронесся слухъ, что будетъ знаменитый
Антіохійской церкви пастырь, старецъ
Игнатій, лъву ливійскому на пищу,
Въ присутствіи Траяна, преданъ. Тренеть
Неизглаголаннѣй при этомъ слухѣ
Меня проникъ. Съ народомъ побѣжалъ я
Въ амфитеатръ и что моимъ очамъ
Представилось, когда я съ самыхъ верхнихъ
Ступеней обозрѣлъ глазами бездну
Людей, тамъ собранныхъ Сквозь яркій пурпуръ
Растянутой надъ зданьемъ легкой ткани,
Которую багрянилъ солнца блескъ,
И зданье, и народъ, и на высокомъ
Сѣдалищѣ отвсюду зримый Кесарь
Казались огненными. Въ это
Мгновеніе послѣдній гладіаторъ,
Народомъ непрощенный, былъ зарѣзанъ

Своимъ противникомъ. Съ окровавленной
Арены мертвый трупъ его тащили,
И стала вдругъ она пуста. Народъ
Умолкъ и ждалъ, какъ будто въ страхѣ, знака
Не подавая нетерпѣнья. Вдругъ
Въ глубокой этой тишинѣ раздался
Изъ подземелья львиный ревъ, и сквозь
Отверстый входъ амфитеатра старецъ
Игнатій и съ нимъ двѣнадцать христіанъ,
Звѣрямъ на растерзанье произвольно
Съ своимъ епископомъ себя предавшихъ,
На страшную арену вышли. Старецъ,
Обратясь къ другимъ, благословилъ ихъ,
Ему съ моленіемъ упавшихъ въ ноги:
Потомъ они, прижавъ ко груди руки:
«Тебя (запѣли тило) Бога хвалимъ,
Тебя едиными устами въ смертный
Часъ исповѣдуемъ»... О! это пѣнье,
Въ Ерусалимѣ слышанное мною
На праздничныхъ собраньяхъ христіанъ,
Съ кипѣньемъ злобы тутъ мою всю душу
Проникнуло внезапнымъ вдоволеньемъ:
Что предо мной открылось въ этотъ мигъ,
Что вдругъ во мнѣ предчувствіемъ чего-то
Невыразимаго затрепетало,
И какъ, въ амфитеатръ ворвавшись, я
Вдругъ посреди дотошъ ненавистныхъ
Мнѣ христіанъ тамъ очутился — я

Не знаю. Пѣнье продолжалось; но
Ужь на противной сторонѣ арены
Желѣзная рѣшетка, ззгремѣвъ, упала,
И ужь въ ея отверстіи стоялъ
Съ цѣпей спущенный левъ и озирался...
И вдругъ завидя вдалькѣ добычу,
Онъ зарыкалъ... и вспыхнули глаза,
И грива стала дыбомъ... Тутъ впередъ
Я кинулся, чтобъ старца заслонить
Отъ звѣря... Онъ уже стремился къ намъ
Прыжками быстрыми черезъ арену;
Но старецъ, кротко въ сторону меня
Рукою отодвинувъ, мнѣ сказалъ:
«Должно пшено Господнее въ зубахъ
Звѣриныхъ измолотъ, чтобъ Господнимъ
Быть чистымъ хлѣбомъ; ты же, другъ, отсель
Поди въ свой путь, смирись, живи и жди»....
Тутъ былъ онъ львомъ обхваченъ... но успѣлъ
Еще меня перекрестить и взоръ
Невыразимый отъ меня на небо
Въ слезахъ возвѣсть, какъ бы меня Ему
Передавая... О, животворящій,
На вѣчность всю присутственный въ душѣ,
Небеснаго блаженства полный взглядъ!
Могуществомъ великаго мгновенья
Сраженный, я безъ памяти упалъ
Къ ногамъ терзаемаго дикимъ звѣремъ
Святителя; когда жъ очнулся, вдругъ

Меня въ крови разбросанные члены
Погибшихъ я увидѣлъ; и, утомлень
Терзаемъ, лежалъ, разинувъ пасть
И быстро грудью жаркою дыша,
Спокойный левъ, вперивъ въ меня свои
Пылающія очи. Но когда
Я на ноги поднялся, онъ вскочилъ
И заревѣлъ, и въ страхѣ отъ меня
Сталъ пятиться, и быстро вдругъ
Черезъ арену побѣжалъ, и скрылся
Въ своемъ заклетѣ. Весь амфитеатръ
Отъ восклицаній задрожалъ, а я
Отъ мѣста крови, плача, удалился
И изъ воротъ амфитеатра вышелъ.
Что послѣ въ оный чудный день случилось,
Не помню я; но въ благодатномъ взглядѣ,
Которымъ мученикъ меня усвоилъ
Въ послѣдній часъ свой небесамъ, опять
Блеснула свѣтлая звѣзда, мгновенно
Мнѣ нѣкогда блеснувшая съ Голговы,
Въ то время безотрадно, а теперь
Какъ лучъ спасенія. Какъ будто что-то
Мнѣ говорило, что моя судьба
Переломилась надвое. Стремленье
Къ чему-то неиспытанному мною
Глубоко мнѣ втѣснилось въ грудь, и знакомъ
Такого измѣненія было то,
Что проклинаніе моимъ устамъ

Произносить уже противно стало,
Что злоба сердца моего въ унылость,
Безмолвно плачущую, обратилась,
Что наконецъ страданія мои
Внезапная отрада посѣтила.
Хотя еще къ моей груди усталой,
Попрежнему, во мракѣ ночи, сонѣ.
Не прикасался; но уже во тьмѣ
Не ужасы минувшаго, какъ злыя
Страшилища, передо мной стояли,
Въ меня вонзая рѣжущіе душу
Глаза, а что-то тихое и мнѣ
Еще неоткровенное, какъ свѣжій,
Предутренній, благоуханный воздухъ,
Вливалось въ меня и умирало
Мою борьбу съ собой. О! этотъ взглядъ...
Онъ мнѣ напомнилъ взглядъ прискорбно-кроткій,
Съ какимъ былъ въ оный день мой приговоръ
Произнесенъ... Но я уже не злобой
Наполненъ былъ при томъ воспоминаньи,
А скорбію раскаянья глубокой.
Я чувствовалъ стремленье пасть на землю,
Зарыть лице во прахъ и горько плакать.
То были первыя минуты тайной,
Будящей душу благодати; первый
Еще неясно слышный, безотвѣтный,
Но усладительный призывъ къ смиренью
И къ покаянью. Въ языкѣ нѣтъ слова,

Чтобъ имя дать подобному мгновенью,
Когда съ очей души вдругъ слѣпота
Начнетъ спадать, и Божій свѣтлый міръ,
Внутри и виѣ ея, какъ изъ могилы,
Начнетъ съ ней вмѣстѣ воскресать. Такое
Движеніе въ моей окаменѣлой
Душѣ незапно началось... Было
Оно подобно зыби послѣ бури,
Когда нѣтъ вѣтра, небеса свѣтлѣютъ
А волны долго въ дикомъ безпорядкѣ
Бросаются, кипятъ и стоңутъ. Въ этой
Борьбѣ души межъ тьмой и свѣтомъ я
Неодолимое влеченье въ край
Отечества почувствовалъ, къ горамъ
Ерусалима.....

ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

* *
*

Восторгомъ святымъ пламенѣя,
На все, что свершается въ мірѣ,
Порой я взираю ясніе,
И мыслю свободнѣй и шире.

Я братъ на землѣ всѣмъ живущимъ
И въ жизнь отошедшимъ иную,
И полонъ мгновеньемъ бѣгущимъ,
Присутствіе вѣчности чую.

И слышны мнѣ ангеловъ хоры,
И стону людскому я внемлю,
И къ небу возносятся взоры,
И падаютъ слезы на землю....

На кладбищѣ.

Сквозь деревья освѣщаются гробницы,
 По плитамъ скользить узорчатая тѣнь,
 Въ знойномъ воздухѣ поютъ и рѣютъ птицы,
 Надъ усопшимъ ликуеть красный день.

Разрослись деревья, избытокъ силы
 Дышать въ каждой жилкѣ влажнаго листка,
 И кругомъ, куда ни взглянешь на могилы,
 И цвѣты нарядны, и трава густа.

И сидѣлъ я долго на плитѣ гробницы...
 Отъ вѣтвей узоромъ колебалась тѣнь,
 Воздухъ знойнымъ пѣньемъ оглашали птицы,
 Надъ могилами сіялъ веселый день.

И мгновенной жизнью пользовался безопасно,
 Проходили люди шумною толпой;
 А во храмѣ пѣли радость жизни вѣчной,
 Грустно пѣли: «со святыми упокой».

А. ИЗМАЙЛОВЪ.

Дряхлый левъ.

Когда левъ силенъ былъ и царствовалъ въ лѣсахъ,
Какъ всѣ его боялись!

А едѣлся левъ старъ, всѣ звѣри взбунтовались.

На злыхъ одна узда — лишь страхъ.

Клятвопреступники присягу позабыли,

И своего царя ко смерти осудили, —

Царя, который былъ для нихъ всегда отцомъ.

Въ пещерѣ дряхлый левъ лежалъ передъ концомъ

Одинъ, всѣхъ силъ лишенный,

Болезнью, голодомъ и жаждой изнуренный;

Отъ слабости едва-едва ужъ онъ стоналъ,

И прежнее свое величье вспоминалъ.

Вдругъ съ бѣшенствомъ къ нему убійцы прибли-
жили,

На полумертваго напали:

Огромный, страшный быкъ

Кололъ его рогами:

Конь билъ копытами, а волкъ кусалъ зубами.
 Скрѣпился бѣдный левъ-старикъ,
 Молчалъ, хотя страдалъ чрезъ мѣру,
 Но видя, что осель бѣжить къ нему въ пещеру,
 Затрясся и взревѣлъ:
 «О боги! умереть я съ твердостью хотѣлъ
 И терпѣливо всѣ переносилъ мученья;
 А отъ осла снести не въ силахъ посрамленья!»

О р е л ь и с о р о к а .

«Что ты себя не бережешь?»
 Спросила разъ орла сорока,
 Болтуня бѣлобока:
 «И змѣй безъ милости клюешь?
 За что, скажи, ихъ ненавидишь?
 Летаешь ты близь солнца въ облакахъ
 И лишь змѣю увидишь,
 Ужь глядь и на землѣ — змѣя въ твоихъ когтяхъ,
 Кольцомъ такъ бѣдная и вьется.
 Смотри, когда-нибудь вѣдь и въ тебя вопьется,
 Ужалитъ, такъ пеняй самъ на себя.
 Петрогай змѣй». — Не слушаю тебя,

Трещотка и оракулъ лѣса,
А слушаю Зевеса.

Онъ зрѣнье острое, полетъ мнѣ мощный далъ
И силу не на то чтобъ ихъ употреблять
Для дѣлъ ничтожныхъ и напрасныхъ,
Но чтобы гадовъ сихъ опасныхъ
Съ лица земли я истреблять.

Пускай глупцы зовутъ меня излишне строгимъ,
Неосторожнымъ, дерзкимъ, злымъ.

Всѣмъ пагуба отъ змѣй. Природный врагъ я имъ.
И истребляя ихъ, я спасъ чрезъ то жизнь мно-
гимъ.

Водопадъ и рѣка.

Съ ужаснымъ шумомъ низвергался
Ручей кристальною стѣной
Съ горы высокой и крутой,
О камни съ пѣной раздроблялся,
Кипѣлъ, крутилъ песокъ, ревѣлъ,
И въ берегахъ стрѣлой летѣлъ;
Ни птица, ниже звѣрь, къ нему не приближались,
И ноги смертнаго въ него не опускались.

Нашелся наконецъ
Одинъ отважнѣй молодецъ,
Который на конѣ черезъ него пустился:
Онъ отъ разбойниковъ бѣжалъ,
И смѣлымъ отъ боязни сталъ.
До бедръ конь только замочился,
И вынесъ на берегъ противный сѣдока.
Разбойники за нимъ. Онъ лошадь погоняетъ;
Скакалъ, скакалъ и видитъ, что рѣка
Ему дорогу пресѣкаетъ. —
Рѣка была не широка;
Притомъ весьма тиха, какъ зеркало гладка:
И такъ онъ смѣло въѣхалъ въ воду.
Но чтожь? въ мгновеніе одно
Пошелъ съ конемъ на дно,
И на съѣденіе иѣмыхъ достался роду. —
Иной угрюмъ, суровъ, сердитъ;
Шумить, но только не вредить!
Другой такъ смиренъ, тихъ и на рѣчахъ пре-
красенъ;
Но онъ-то и опасенъ.

Ворона и кувшинъ.

Во всѣхъ почти дѣлахъ догадка намъ нужна.

Ворона бѣдная отъ жажды умирала

И гдѣ-то на полѣ она

Кувшинъ съ водой съискала;

Но вотъ бѣда:

Низка была для ней въ колодець томъ вода;

Какъ станешь пить? не можно влѣзть туда:

Кувшинъ великъ, нельзя его воронѣ сдвинуть,

Не только опрокинуть,

А надобно воды достать.

Вотъ стала камушки она въ него бросать;

Съ краями наравнѣ вода приподнялася,

И тугъ уже моя ворона напилася.

Н. КАРАМЗИНЪ.

Отрывокъ изъ опытной Соломоновой мудрости.

Не будь ни въ чемъ излишне строгъ;
Щади безумцевъ горделивыхъ,
Щади невѣждъ самолюбивыхъ;
Безъ гнѣва обличай пороки;
Добро всегда собой прекрасно,
А зло и гнусно, и ужасно.
Прощая слабости другимъ,
Ты будешь слабыми любимъ;
Любовь же есть святой учитель,
И кто не падалъ никогда?
Мудрецъ, народовъ просвѣтитель,
Бывалъ ли мудръ и твердъ всегда?
Въ какихъ странахъ благословенныхъ
Сіяетъ вѣчно солнца лучъ?
И гдѣ не видимъ бурныхъ тучъ,
Огнями молній воспаленныхъ?

Ахъ! самыи лучший изъ людей
Бывалъ игралищемъ страстей.
Не только для благихъ, будь добръ и для ко-
варныхъ,
Подобно, какъ Творецъ на всѣхъ дары лиеть.
Прекрасно другомъ быть сердце неблагодар-
ныхъ!

Награды никогда великій мужъ не ждетъ;
(Безуміе и злость всегда враги уму:
Вниманія его ихъ стрѣлы недостойны;
Онъ ими не язвимъ: премудрость щитъ ему.)
Сіяютъ передъ нимъ безсмертія свѣтилы;
Божественный огонь блеститъ въ его очалъ;
Ему не страшенъ видъ отверзтыя могилы:
Онъ тѣлохъ на землѣ, но сердцемъ въ небесахъ.

Н. К Е Л Ъ Ш Ъ.

Д е р е в н я.

І.

Разсвѣтаетъ. Рѣдѣетъ туманная мгла,
Еле брезжетъ заря на востокѣ;
Все яснѣй и поля, и потоки,
Свѣтлый день настаетъ; ночь за горы ушла,
И на встрѣчу румяной денницѣ
Встрепенулись лѣсныя пѣвицы —
И теряются съ пѣснями тамъ, въ синевѣ
Необъятно-безбрежнаго неба.
Вотъ поля колосистаго хлѣба,
Изумрудами блещетъ роса на травѣ,
Надъ зеркальною гладью залива
Густо вѣтви раскинула ива.
Тихо, тихо вездѣ: въ полѣ нѣтъ ни души,
Еще спятъ православные люди;
Какъ привольно и взору, и груди:
Заревой вѣгерокъ, шевеля камыши,

Дышетъ нѣгой такой ароматной
И прохладу чудесную, сладкую леть;
А кругомъ все растеть, все цвѣтеть, все живетъ,
    Полно силы такой благодатной.
Въ поле, въ поле! толпой поспѣвайте дружиѣй:
    Тамъ на лонѣ роскошной природы
    Забываются горе и годы;
Тамъ нѣтъ думамъ границъ, тамъ живется полнѣй.
    Тамъ мы свѣтлое солнышко встрѣтимъ, —
    И отрадно намъ будетъ, какъ дѣтямъ
На груди дорогой у родимой своей.

II.

Пѣтухи ужъ кричатъ. На деревнѣ встаютъ,
    Мужички за серпы и за дѣло:
    Въ полѣ рожь налилась и поспѣла, —
Земледѣльцу теперь и забота и трудъ
— Вишь какое румяное ведро
Намъ Господь-то послалъ! селянинъ говоритъ, —
И на поле родное, крестясь, спѣшитъ
    И безъ усталы трудится бодро.
Онъ счастливъ, если хлѣбъ уродила земля:
    Богъ хранилъ отъ червя и отъ града, —
    Ему бѣльшаго счастья не надо....

III.

Ужъ палитъ нестерпимо полуденный зной:
Неподвижны лазурныя воды

И древесные, темные своды
 Не шелохнутъ—стоятъ... Тамъ за синей рѣкой
 Вьется змѣйкой пустая дорога,
 Да торчатъ два зеленые стога.
 Нѣтъ ни облачка на небѣ: чисто кругомъ,
 Солнце прямо стоитъ надъ землею,
 Все объято нѣмой тишиною,
 Лишь волнуются стены сѣдымъ ковылемъ.
 Ребятишки въ водѣ у плотины,
 За деревней скирды и овины, —
 И опять безконечная даль. Подъ горой
 Разбрелся лѣнивое стадо;
 Ни откуда не вѣетъ прохлада,
 И палить нестерпимо полуденный зной.

IV.

По дорогѣ вдали пыль столбами взвилась,
 Зазвенѣлъ колокольчикъ такъ бойко, —
 И лихая почтовая тройка
 Вольной птицы быстрѣи по селу понеслась.
 Не сведешь съ нея глазъ поневолѣ —
 Сънашей тройки размашистой, тройки родной...
 На лашадокъ прикрикнулъ ямщикъ удалой:
 «Эй! потѣшьте, соколики, что-ли!...»
 Не кнутомъ, лишь возжами надъ ними махнулъ,
 И какую-то пѣсню потомъ затянулъ,
 Заунывную, полную страсти,
 Про злодѣйку-тоску, про напасти.

Съ коромысломъ по улицѣ дѣвица шла
 И заслушалась пѣсни невольно, —
 Этой пѣсни тоскливо-раздольной.
 Вѣрно горе она ямщика поняла,
 Сердце что-ли въ ней робкое сжалось, —
 И вода изъ ведра проливалась;
 Иль была эта дума о прошломъ, печаль —
 Богъ вѣсты!... Тройка давно ужь пропала,
 А она все въ раздумьѣ стояла,
 Устремляя глаза въ запыленную даль.

V.

Вечерь. Сосны длиннѣй отбросили тѣнь:
 По селу заплелись хороводы;
 Золота и деревья и воды,
 Солнце тихо садится на дальнѣй плетенъ;
 Послѣ зноя настала прохлада
 И повѣяла сладкой отрадой. . .
 Вьется рѣчка вдали и блеститъ серебромъ;
 Тамъ мелькаютъ скирды за скирдами;
 Дальше мельница машетъ крылами,
 И зеленая роща шумитъ за селомъ.
 Стихло все: по домамъ разбѣжалась
 Молодежь съ хороводовъ; погасла заря;
 Гуртовщикъ задремалъ, смолкла пѣснь косаря
 И въ безбрежной степи затерялась.

VI.

Спать спокойно деревня. Вотъ мѣсяць съ небесъ
Освѣтилъ полосатыя нивы,
Закачались прибрежныя ивы,
Зашумѣлъ отдаленный синѣющій лѣсъ;
Что за свѣжесть въ ночи, что за влага,
Тихо вѣется ручей вдоль оврага,
Широко развернулась зеленая степь,
Въ необъятную даль убѣгая,
А надъ ней неба твердь голубая
И безчисленныхъ звѣздъ непревѣтная цѣпь.
Въ тишинѣ ухо чуткое слышитъ,
Какъ кузнечикъ немолчно въ бурьянѣ трещитъ,
Какъ засохшій тростникъ у рѣки шелеститъ,
Какъ природа уснувшая дышитъ.
Въ голубыхъ небесахъ и свѣтло и темно:
Селянинъ отъ трудовъ отдыхаетъ давно:
Конченъ день его черно-рабочій.
Вся деревня тиха. Группы липъ и березъ —
Все въ неясныя тѣни волшебна слилось
Въ упоительномъ сумракѣ ночи.

З и м н е е у т р о .

Морозить. Кони дышать паромъ
И быстро мчатъ черезъ село;
Востокъ пурпуровымъ пожаромъ
Свѣтило дня уже зажгло.
Визжать полозья подъ санями,
На небѣ яркіе столбы,
И дымъ широкими клубами
Изъ каждой стелется трубы.

Я ф ф а .

Заходящее солнце горить
На созрѣвшихъ кистяхъ винограда,
Вѣтерокъ по листьямъ шелеститъ
И прохладою вѣетъ изъ сада.
Опустѣлъ моголюдный базаръ,
Муэдзина замолякъ голосъ мѣрный,
Полонъ сладкихъ видѣній и чаръ,
Задремать на коврѣ правовѣрный.

Смолкъ и говоръ и гуль,
Городъ тихо уснулъ.
И овца, и верблюдь улеглись,
Ароматами вѣтъ въ садахъ,
И далекія звѣзды зажглись
Надъ уснувшей землей въ небесахъ.
Средиземное море спокойно,
Какъ дитя во колыбели лежитъ,
Вѣтерокъ что-то съ пальмою стройной
Потихоньку въ ночи говоритъ.
Хороша эта ночь на чужбинѣ,
Но я думой на сѣверъ лечу:
Я хочу нашей снѣжной пустыни,
Я лѣсовъ нашихъ темныхъ хочу;
Я хочу этой ночи холодной,
Этой полной и блѣдной луны;
Колокольчика, пѣсни народной,
Нашей русской, родной стороны.

КЛЮЧНИКОВЪ.

Мой гений.

Когда земныя наслажденья,
Разсчеты грязной суеты,
Игры страстей и заблужденья,
Своекорыстныя мечты,
Меня измучили, — тоскою
Душа наполнилась моя,
Миѣ міръ казался пустотою:
Я въ міръ видѣлъ лишь себя.
Запала къ счастью дорога,
Исчезъ блаженства идеаль,
И, Танталъ новый, я на Бога
Томимый жаждою ропталъ....
Въ часы грѣховныхъ сновидѣній
Тогда, свидѣтель лучшихъ дней,
Ко миѣ являлся свѣтлый гений
Святой невинности моеи.

Онъ на меня взираль съ тоскою,
 Какъ юной дѣвы идеадъ,
 Сіяя вѣчной красотою,
 Онъ вѣчной благодатью сіялъ.
 И озарялъ онъ сумракъ ночи, —
 И, сознавая благодать,
 Стыдомъ окованныя очи
 Не смѣлъ я на него поднять.
 Я падалъ ницъ предъ нимъ со мольбою,
 Я заблужденья проклиналъ....
 А онъ молился надо мною,
 И въ новый путь благословлялъ.

Ж и з н ь.

Даръ мгновенный, даръ прекрасный,
 Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?...
 Умъ молчить, а сердцу ясно:
 Жизнь для жизни мнѣ дана.

Все прекрасно въ Божьемъ мірѣ:
 Сотворивый міръ въ немъ скрытъ....
 Но Онъ въ чувствѣ, но Онъ въ лирѣ,
 Но Онъ въ разумѣ открытъ.

Познавать Его въ твореньѣ,

Видѣть духомъ, сердцемъ чтить —
Вотъ въ чемъ жизни назначенье,
Вотъ что значить въ Богѣ жить!

С т а р а я п е ч а л ь .

О чемъ, безумецъ, я тоскую?
О чемъ души моей печаль?
Зачѣмъ я помню жизнь былую?
Что позади? Чего мнѣ жаль?
Гдѣ слѣдъ горячаго участья?
Любилъ-ли я когда-нибудь?
Нѣтъ! я не зналъ людскаго счастья...
Мнѣ нечѣмъ юность помянуть!
Какъ очарованный — въ туманѣ
Земныхъ желаній и страстей —
Я плылъ въ житейскомъ океанѣ
Съ толпой мнѣ чуждыхъ кораблей...
И я сберегъ остатокъ чувства,
Я жилъ, я мучился вдвойнѣ:
Въ день — рабъ сомнѣнья и бузумства,
Я плакалъ о погибшемъ днѣ.
Душа алкала просвѣтленья, —
И онъ насталъ священный мигъ...

Я сердцемъ благодѣнья Провидѣнья
И тайну бытія постигъ.

Я въ пристани... Былое горе,
Былая радость бурныхъ дней,
Простите!... Но зачѣмъ же море
Такъ памятно душѣ моей?

Зачѣмъ въ міръ новый и прекрасный
Занесъ я старую печаль?...
Сквозь слезъ гляжу на полдень ясный,
А утра мрачнаго миѣ жаль.

Ночная молитва.

Давно, давно, въ грязи земныхъ страстей
Я затонилъ святыя побужденья,
И рѣдко видятся миѣ свѣтлыя видѣнья
Дней свѣтлыхъ юности моей.

Душа болитъ.... Порокомъ и сомнѣньемъ
Омрачена святыня красоты....
Я не молюсь, съ расчетомъ и съ презрѣньемъ
Влача ярмо житейской суеты.

Но иногда, въ часы безмолвной ночи,
Былаго призраки окрестъ меня встають,
И ангелъ первыхъ дней глядитъ миѣ грустно въ очи,
И голосъ совѣсти зоветъ меня на судъ...

И мнитъ мнѣ, святыня недоступна,
Мои мольбы противны небесамъ;
Вся жизнь моя позорна и преступна, —
Я обреченъ страданью и грѣхамъ.

Тамъ адъ грозитъ ужасною картиной,
Здѣсь совѣсть — истищъ вѣчная скрижаль, —
И я въ слезахъ паду предъ Магдалиной,
И выплачу души моей печаль!

И оживутъ молитвы чудной силой
Въ душѣ любовь, и вѣра, и покой; —
И чистъ, и свѣтелъ образъ неземной
Горитъ во мнѣ, и голосъ милой
Звучитъ отрадно надо мной,
Какъ панихида падъ могилой, —
И я мирюсь и съ небомъ и землей.

КОЛЬЦОВЪ.

Послѣдняя борьба.

Надо мною буря выла,
Громъ по небу грохоталъ,
Слабый умъ судьба страшила,
Холодъ въ душу проникалъ.

Но не палъ я отъ страданья,
Гордо выдержалъ ударъ,
Сохранилъ въ душѣ желанья,
Въ тѣлѣ — силу, въ сердцѣ — жаръ!

Что погибель! что спасенье!
Будь, что будетъ — все равно!
На святое Провидѣнье
Положился я давно!

Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Ею жизнь моя полна!

Безконечно въ ней стремленье....
Въ ней покой и тишина...

Не грози жь ты мнѣ бѣдою,
Не зови, судьба, на бой:
Готовъ биться я съ тобою,
Но не сладишь ты со мной!

У меня въ душѣ есть сила,
У меня есть въ сердцѣ кровь.
Подъ крестомъ — моя могила;
На крестѣ — моя любовь!

У р о ж а й.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелится;

Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горь:

Нагустилъ его
Въ тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась, —
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго...

Ополчается
Грономъ бурюю
Огнемъ, молніей,
Дугой-радугой;

Ополчилась,
И расширилась,
И ударила.
И пролилася

Слезой крупною —
Противнымъ дождемъ
На земную грудь,
На широкую.

И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля досыта.

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся;

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.

За-одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя:

Дума первая —
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.

А вторая ихъ
Была думушка: —
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать

Третью думушку
Какъ задумали, —
Богу — Господу
Помолился.

Чѣмъ — свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкойю.

Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать.

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремлетъ колосомъ
Почти до земли.

Словно Божій гость,
На всѣ стороны,
Дню веселому
Улыбается.

Вѣтерокъ по ней
Плыветъ — лоснится.
Золотой волной
Разбѣгается...

Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.

Въ конны чистыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрыпнуть музыка.

На гумнахъ, вездѣ,
Какъ князя, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.

Видитъ солнышко —
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени.

Но жарка свѣча
Поселяпина
Предъ иконою
Божьей Матери.

Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большова лѣса
Солнышко выходитъ.

Весело на пашнѣ;
Ну! тащися сивка!
Я самъ — другъ съ тобою.
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху,

Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю...
Ну! тащися сивка!

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоить, вскормить
Мать земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка —
Ну! тащися сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка —
Выростеть и колось,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!

Ну! тащися сивка!
Накормлю до-сыта,

Наною водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вснашу, посью:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство!

Что ты спишь, мужичокъ?

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ? и что сталъ?
И что есть у тебя?

На гумнѣ — ни снопа:
Въ закромахъ — ни зерна:
На дворѣ, по травѣ —
Хоть шаромъ покати.

Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развелъ.

И подъ лавкой сундукъ
Опрокинуть лежить;
И погнувшись изба,
Какъ старушка, стоитъ.

Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ,
Золотою рѣкой!

Со двора и гумна,
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!

И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углѣ
Было мѣсто твое!

А теперь, подъ окномъ,
Ты съ нуждою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.

А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ.
Вѣтеръ точить зерно!
Птица клюетъ его!

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.

Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошить,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

Л ъ с ъ.

(Памяти А. С. Пушкина).

Что дремучій лѣсъ
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?

Что, Бова — силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою, —

Ты стоишь-понижъ,
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею.

Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ —
И развѣялъ въ прахъ.

Плащъ упалъ къ ногамъ
И рассыпался...

Ты стоишь-понижь
И не ратуешь:

Гдѣ-жь дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

Утебя-ль — было
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная...

Утебя-ль — было
Дни — роскошество,
Другъ и не другъ твой
Прохлаждаются....

Утебя-ль — было —
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурейю
Разговоръ пойдетъ:

Распазнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ — холодомъ.

И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:

«Вороти назадъ!
«Держи око.ю!»

Закружить она,
Разыграется....
Дрогнетъ грудь твоя, —
Зашатаешься;

Встрепенувшись,
Разбушуешься.
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ....

Буря всплечется
Лѣшимъ, вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море.

Гдѣ жь теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился....

Одичалъ, замолкъ...
Только, въ непогодъ,
Воешь жалобу
На безвременье....

Такъ-то, темный лѣсъ,
Богатырь Бова!

Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень черная.

Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражія
Понахлынули.

Съ богатырскихъ плечь
Сняли голову —
Небольшой горой,
А соломенкой....

Раздумье селянина.

Сяду я за столъ —
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Нѣтъ у молодца
Молодой жены,
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнаго,

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны — сохи,
Коня — пахаря....

Вмѣстѣ съ бѣдностью,
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ таланъ —
Силу крѣпкую;

Да и ту, какъ разъ,
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю истратила.

Сяду я за столъ
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Товарищу.

Что ты ходишь съ нуждой,
По чужимъ по людямъ?
Вѣруй силамъ души,
Да могучимъ плечамъ.

На заботы жь свои,
Чуть заря, поднимись
И одинъ во весь день,
Что есть мочи, трудись.

Неудачи, бѣда —
Съ грустью дома сиди,
А съ зарею опять
Къ новымъ нуждамъ иди.

И такъ бейся, пока
Случай счастье найдетъ,
И на славу твою
Жить съ тобою начнетъ.

Та же сила тогда
Другой голосъ возьметъ,
И чудно, и смѣшно,
Всѣхъ къ себѣ прикуетъ.

И тѣ жь люди враги,
Что чуждались тебя,
Богъ ужь вѣдаетъ какъ,
Назовутся въ друзья.

Ты не сердись на нихъ,
Но спокойно, въ тиши,
Жизнь горою пируй,
По желаньямъ души.

Размышленіе поселянина.

На восьмой десятокъ
Пять лѣтъ перегнулось,
Какъ одну я пѣсню,
• Пѣсню молодую,
Пою, запѣваю,
Старою погудкой;
Какъ одну я лямку
Тяну безъ подмоги!
Ровесникамъ дѣтки
Давно помогаютъ,
Только мнѣ на свѣтѣ

Переѣны нѣту.
 Сынъ пошелъ на службу,
 А другой въ могилу;
 Двѣ вдовы невѣстки:
 У нихъ дѣтей кучи —
 Все малъ-мала меньше;
 Задной головою
 Ничего не знаютъ,
 Гдѣ пахать, что сѣять
 Позабыли думать.
 Богу, знать, угодно
 Наказать подъ старость
 Меня горемыку
 Такой тяготою.
 Сбыть съ двора невѣстокъ,
 Пустить сиротъ въ люди —
 Старики на сходкѣ
 Про Кузьму что скажутъ?
 Нѣтъ, мой згадъ, ужъ лучше,
 Доколь мочь и сила,
 Доколь душа въ тѣлѣ,
 Буду я трудиться;
 Кто у Бога просить,
 Да работать любить,
 Тому невидимо
 Господь посылаетъ.
 Посмотришь, одинъ я —
 Батракъ и хозяинъ;

А живу чѣмъ хуже
Людей семьянистыхъ?
Лиха-бѣда, въ землю
Кормилицу ржицу
Мужичку закинуть;
А тамъ Богъ уродитъ,
Микола подсобитъ,
Собрать хлѣбецъ съ поля;
Такъ его достанетъ
Годъ семью пробавитъ,
Посбытъ подать съ шен
И нужды поправитъ,
И лишней копейкой
Божій праздникъ встрѣтитъ.

И. КОЗЛОВЪ.

На погребеніе.

Англійскаго генерала Сира Джона Мура.

Не билъ барабанъ предъ смутнымъ полкомъ,
Когда мы вождя хоронили,
И трупъ не съ ружейнымъ прощальнымъ огнёмъ
Мы въ нѣдра земли опустили.

И бѣдная почестъ въ ночи отдана;
Штыками могилу копали;
Намъ тускло свѣтила въ туманѣ луна,
И факелы дымно сверкали.

На немъ не усоншихъ покровъ гробовой,
Лежить не въ досчатой неволѣ:
Обёрнуть въ широкій свой плащъ боевой,
Уснуть онъ, какъ ратники въ полѣ.

Не долго, но жарко молилась Творцу
Дружина его удалая,
И молча смотрѣла въ лицо мертвецу,
О завтрашнемъ днѣ помышляя.

Быть-можетъ, на утро внезапно явсь.
Врагъ дерзкій, надмѣнности полный,
Тебя не уважить, товарищъ, а насъ
Умчатъ невозвратныя волны.

О нѣтъ, не коснется въ таинственномъ снѣ
До храбраго дума печали!
Твой одръ одинокій въ чужой сторонѣ
Родимыя руки постлали.

Еще не свершёнъ былъ обрядъ роковой,
И часъ наступилъ разлученья;
И съ валу ударилъ перунъ вѣстовой,
И намъ онъ не вѣстникъ сраженья.

Прости же, товарищъ! Здѣсь нѣтъ ничего
На память могилы кровавой;
И мы оставляемъ тебя одного
Съ твоею безсмертною славой.

Еврейская мелодія.

Безсоннаго солнце, въ туманѣ луна!
Горишь ты далёко, грустна и блѣдна.
При тускломъ мерцаньѣ мракъ ночи страшнѣй,
Какъ въ памяти радость утраченныхъ дней.
Минувшее блещетъ межъ горестныхъ тучъ;
Но сердца не грѣетъ томительнѣй лучъ,
И радость былая, какъ ночью луна,
Видна, но далёко, ярка, но хладна.

Раззореніе Рима

и распространеніе Христіанства.

(А. П. Тургеневу.)

Изъ мрачныхъ сѣверныхъ лѣсовъ,
Съ восточныхъ дальнихъ береговъ,
Сыны отваги и свободы,
Стремятся дикіе народы

Съ двойной сѣкирою, пѣшкомъ,
Въ звѣриной кожѣ, съ булавами,
И на коняхъ съ копьемъ, съ стрѣлами,
И черепъ вражій за сѣдломъ.
Дошли, рассыпались удары,
Клубится дымъ, горять пожары,
Сонъ тяжкій битвы заглушалъ,
И Римъ, колоссъ державный, палъ;
Порочный, палъ онъ, жертва мщенья, —
И шумно вѣтры разнесли
Ужасный громъ его паденья
Въ концы испуганной земли.
Но туча грозная народовъ
Съ небеснымъ гнѣвомъ пронеслась,
И пыль отъ буйныхъ переходовъ
Въ поляхъ кровавыхъ улеглась.
Навѣки мертвое молчанье
Смѣнило вопли и стенанье.
Уже паденья страшный гулъ
Въ пустынь горестной уснулъ;
Въ туманъ зарево не рѣдетъ
И черный дымъ уже рѣдетъ;
Яснѣетъ мгла; съ печальныхъ мѣстъ
Вдали сталъ видѣнъ свѣтлый крестъ.
Другіе люди, вѣра, нравы,
Иной языкъ, права, уставы,
Чистѣйшій міръ, рожденный имъ,
Явился вдругъ чудесно съ нимъ, —

И проповѣдники святыя
 На пепелища роковыя
 Пришли съ Евангеліемъ въ рукахъ,
 И межъ развалинъ на могилы
 Возсѣли, полны тайной силы;
 Горѣла истина въ очахъ;
 Гласъ тихій, скорбныхъ утѣшитель,
 Небесной воли возвѣститель,
 Вселенной жизнь другую далъ;
 Такъ ихъ Божественный Учитель
 По вѣрѣ мертвыхъ воскрешалъ.

М о л и т в а.

Прости мнѣ, Боже, прегрѣшенья
 И духъ мой томный обнови,
 Дай мнѣ терпѣть мои мученья
 Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви.

Не страшны мнѣ мои страданья,
 Они — залогъ любви святой;
 Но дай, чтобъ пламенной душой
 Я могъ лить слезы покаянья.

Взгляни на сердца нищету,
Дай Магдалины жаръ священный,
Дай Юанна чистоту,

Дай мнѣ донести вѣнецъ мой тѣнный,
Подъ игомъ тяжкаго креста,
Къ ногамъ Спасителя Христа.

× С т а н с ы .

Настала тѣнь осенней длинной ночи,
Крушился я, страдаемъ утомленъ,
Искали сна мои печальны очи,
Но ихъ давно покинулъ сладкій сонъ.

И я леталъ въ дали, душою зримой,
Младые дни мелькали предо мной,
Во всей красѣ своей невозвратимой
И съ мрачной ихъ внезапною грозой.

Но сердце вдругъ, мечтою возвышенной,
Въ груди моей кипитъ, оживлено,
Съ тревогой думъ надеждой примиренной,
Подумалъ я: — несчастье.... что оно?

Оно гигантъ, кругомъ себя бросая
По всюду страхъ, и ноги изъ свинца, —
Но ярче звѣздъ горитъ глава золотая
И дивный блескъ отъ свѣтлаго лица.

Подавленъ тотъ свинцовыми ногами,
Предъ грознымъ кто отъ ужаса падеть,
Но озаренъ, блеститъ его огнями
Кто смѣло взоръ на призракъ возведетъ.

За тяжкій крестъ получить онъ замѣну:
Забытый гость счастливыми земли
Душой пойметъ священной дружбы цѣну,
И жаръ святой, таинственной любви.

Его удѣлъ — живыя впечатлѣнья,
Житейскимъ сномъ ужъ грудь не стѣснена,
Въ слезахъ своихъ найдетъ онъ наслажденья,
Страдальца жизнь высокаго полна.

Такъ пылъ мечты въ грозѣ красу намъ кажетъ,
Быстрѣе путь въ часъ бури по волнамъ,
И сколько тайнъ прекрасныхъ горе скажетъ
Тому, чей духъ стремится къ небесамъ.

Въ его душѣ звукъ совѣсти ясиѣ,
Лучъ правды чистъ и блѣденъ страхъ людской,
Онъ думаетъ, онъ чувствуетъ сильнѣе,
Не узникомъ онъ прихоти мѣрской.

Летучій вихрь равно въ поляхъ разноситъ
Ковыль-траву и розовый листокъ,
И якоря, увы! никто не броситъ
Въ сіяющій, но бурный жизни токъ.

О жизни! теки, не страшень мракъ могилы
Тому, кто здѣсь молился и страдалъ,
Кто, противъ бѣдъ стремя душевны силы,
Не смѣлъ роптать, любилъ и уповалъ.

Д р у ж б а

Святѣ дружбы чувства нѣтъ,
И Тотъ, Кто жертвою чудесной
Спасаетъ міръ и льетъ намъ свѣтъ,
Даетъ тому примѣръ небесной.

Онъ исцѣлялъ, благотворилъ,
И Богъ — извѣдалъ сердца нужды,
Но величайшее для дружбы
Свое онъ чудо сотворилъ.

Н а с ь с е м е р о .

Радужное дитя,

Легко привыкшее дышать,
Здоровьемъ, жизнью цвѣтя,
Какъ можетъ смерть понять.

На встрѣчу дѣвочка мнѣ шла:

Лѣтъ восемь было ей;
Ея головку облегла
Струя густыхъ кудрей.

И дикъ былъ видъ ея степной,

И дикъ простой нарядъ,
И радовалъ меня красой
Малютки милый взглядъ.

«Всѣхъ сколько васъ! ей молвилъ я,

«И братьевъ и сестеръ?»
Всего? — насъ семь;» — и на меня,
Дивясь, бросаетъ взоръ.

«А гдѣ-жъ они?» — «Насъ семь всего,»

Въ отвѣтъ малютка мнѣ:
Насъ двое жить пошли въ село
И два на корабль;

«И на кладбищѣ братъ съ сестрой
Лежать изъ семерыхъ,
А за кладбищемъ я съ родной,
Живемъ мы подлѣ нихъ.»

— Какъ? двое жить въ село пошли.
Пустились двое плыть,
А все васъ семь! Дружокъ скажи.
Какъ это можетъ быть?»

— «Насъ семь, насъ семь;» она тотчасъ
Опять сказала мнѣ:
«Здѣсь на кладбищѣ двое насъ
Подъ ивою въ землѣ.»

— «Ты бѣгаешь вокругъ нее.
Ты, видно, что жива;
Но васъ лишь пять, дитя мое.
Когда подъ ивой два.»

«На ихъ гробахъ земля въ цвѣтахъ,
И десяти шаговъ
Нѣтъ отъ дверей родной моей
До милыхъ намъ гробовъ.»

«Я часто здѣсь чулки вяжу,
Платокъ мой здѣсь рублю,
И подлѣ ихъ могилъ сижу, —
И пѣсни имъ пою.»

«И если позднею порой
Свѣтло горитъ заря;
То взявъ мой сыръ и хлѣбъ съ собой,
Здѣсь ужинаю я.

«Малютка Дженни день и ночь
Томилася больна;
Но Богъ ей не забылъ помочь, —
И спряталась она.

Когда-жь ее мы погребли,
И разцвѣла земля;
Къ ней на могилу мы пришли
Рѣзвиться, Джонъ и я.

«Но только дождалась зимой
Коньковъ я и саней,
Ушелъ и Джонъ, братишка мой,
И легъ онъ рядою съ ней.»

«Такъ сколько-жь васъ? былъ мой отвѣтъ;
«На небѣ двое, вѣры! —
Васъ только пять.» — «О, баринъ, нѣтъ!
Сочти — насъ семь теперь »

«Да нѣтъ ужъ двухъ, — они въ землѣ,
А души въ небесахъ!»
Но былъ ли прокъ въ моихъ словахъ?
Все дѣвочка твердила мнѣ:
«О нѣтъ, насъ семь, насъ семь!»

X Вечерній звонъ.

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ,
И какъ я, съ нимъ на вѣкъ простясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ!

Уже не зрѣть мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моеи!
И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ, молодыхъ!
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ;
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.

Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!
Напѣвъ унывный надо мной
Въ долину вѣтеръ разнесетъ;
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ,
И ужь не я, а будетъ онъ
Въ раздумьѣ пѣть вечерній звонъ!

Сельская сиротка.

Э л л г і я.

Разсталась я съ тяжелымъ сномъ,
 Не встрѣтясь съ радостной мечтою;
 Я вмѣстѣ съ утренней зарею
 Была на холмѣ луговомъ.

Запѣла птичка тамъ подь свѣжими кустами;
 Въ душистой рощицѣ привольно ей летать;
 Вдругъ съ кормомъ нѣжно къ ней стремится ...
 вѣрно мать —

И залилася я слезами.

Ахъ! Мнѣ не суждено, какъ птичкѣ молодой,
 Въ тиши безвѣстной жить у матери родной!
 Дубъ мирное гнѣздо отъ бури укрываетъ;
 Привѣтнѣй вѣтерокъ его тамъ колыхаетъ;
 А я, бѣдняжка, что имѣю на земли?

И колыбели я не знала;

У храма сельскаго когда меня нашли,
 На камнѣ голомъ я лежала.

Покинутая здѣсь, далеко отъ своихъ,
 Не улыбалась я родимой ласкѣ ихъ,
 Скитаюся одна! вездѣ чужія лица:
 Слыву въ деревнѣ сиротой.

Подружки лѣтъ моихъ, окружныхъ сель дѣвицы,
Стыдятся звать меня сестрой.

И люди добрые сиротку не пускаютъ,
На вечеринкахъ ихъ нѣтъ мѣста мнѣ одной;
Со мною, бѣдной, не играютъ
Вкругъ яркаго огня семейною игрой.
Украдкой пѣснямъ я приманчивымъ внимаю.
И передъ сладкимъ сномъ, въ ту пору какъ дѣтей
Отецъ, благословя, прижметъ къ груди своей,
Вечерній поцѣлуй я издали выдаю.

И тихо, тихо въ храмъ святой
Иду я съ горькими слезами;
Лишь онъ сироткѣ не чужой,
Лишь онъ одинъ передо мной
Всегда съ отверстыми дверями.

И часто я ищу на камнѣ роковомъ
Слѣда сердечныхъ слезъ, которыя на немъ,
Быть-можетъ, мать моя роняла,
Когда она меня въ чужбинѣ оставляла,
Одна между кустовъ, въ тѣни березъ густыхъ,
Гдѣ спятъ покойники подъ свѣжею травою,

Брожу я съ тягостной тоскою;
Мнѣ плакать не о комъ изъ нихъ —
И между мертвыхъ, и живыхъ
Вездѣ, вездѣ я сиротою.
Уже пятнадцать разъ весна
Въ слезахъ сиротку здѣсь встрѣчаетъ;

Цвѣтокъ безрадостный, она

Отъ непогоды увядаетъ.

Родная, гдѣ же ты! Увидимся ль съ тобой?

Приди; я жду тебя все также сиротою,

И все на камнѣ томъ, и все у церкви той,

Гдѣ я покинута тобою!

Моя молитва.

О Ты, Кого хвалить не смѣю,

Творецъ всего, Спаситель мой!

Но Ты, къ Кому я пламенѣю

Моимъ всѣмъ сердцемъ, всей душой. —

Кто по Своей небесной волѣ

Грѣхи любовью превозмогъ,

Приникъ страдальцевъ къ бѣдной долѣ

Какъ другъ и братъ, Отецъ и Богъ.

Кто солнца яркими лучами

Сіяетъ мнѣ въ красѣ денной,

И огневѣздными зарями

Всегда горитъ въ тиши ночной;

Крушитель зла, Судья верховный, —

Кто насъ спасаетъ отъ сѣтей,

И ставитъ противъ тьмы грѣховной
Всю бездну благодати Своей.

Услышь, Христоръ, мое моленье.
Мой духъ Собою озари,
И сердца бурнаго волненье,
Какъ зыбь морскую, умири;
Прими меня въ Свою обитель,
Я блудный сынъ, — Отецъ Ты мой;
И какъ надъ Лазаремъ, Спаситель,
О, прослезися надо мной!

Меня не крестъ мой ужасаетъ,
Страданье вѣрою цвѣтетъ;
Самъ Богъ кресты намъ посылаетъ,
А крестъ нашъ Бога намъ даетъ.
Тебѣ во слѣдъ идти готовый,
Молю, чтобъ духъ мой подкрѣпилъ;
Хочу носить вѣнецъ терновый.
Ты самъ, Христоръ, его носилъ.

Но въ мрачномъ, горестномъ удѣлѣ,
Хоть я безъ ногъ и безъ очей,
Еще горитъ въ убитомъ тѣлѣ
Пожаръ бунтующихъ страстей.
Въ Тебѣ одномъ моя надежда,
Ты радость, свѣтъ и тишина;
Да будетъ брачная одежда
Рабу строптивому дана.

Тревожной совѣсти угрозы,
 О, Милосердый, успокой;
 Ты видишь покаянья слезы,
 Молю, не вниди въ судъ со мной.
 Ты всемогущъ, а я безсильный;
 Ты царь міровъ, а я убогъ;
 Безсмертенъ Ты, — я прахъ могильный
 Я здѣсь на мигъ, — Ты вѣчный Богъ!!

О, дай, чтобъ вѣрою святою
 Разсѣялъ я туманъ страстей, —
 И чтобъ безоблачной душою
 Прощалъ врагамъ, любилъ друзей;
 Чтобъ лучъ отраднѣй упованья
 Всегда мнѣ въ сердце проникалъ,
 Чтобъ помнилъ я благодѣянья,
 Чтобы обиды забывалъ.

И на Тебя я уповаю,
 Какъ сладко мнѣ любить Тебя!
 Твоей я благи вѣрною
 Жену, дѣтей, всего себя!
 О, искупя невинной кровью
 Виновный, грѣшный міръ земной,
 Пребудь Божественной любовью,
 Вездѣ, всегда, во мнѣ, со мной!

Отрывокъ изъ поэмы: — Чернецъ.

Гдѣ сердце любить, гдѣ страдаетъ,
И милосердый Богъ нашъ тамъ:
Онъ крестъ даетъ, и онъ же намъ
Въ крестѣ надежду посылаетъ.
Черезъ семь тяжелыхъ, грозныхъ лѣтъ
Блеснулъ и мнѣ отрадный свѣтъ.
Однажды я ночной порою,
Сидѣлъ уныло надъ рѣкою:
И неба огневзвѣздный сводъ,
И тихое луны мерцанье,
И говоръ листьевъ, и плесканье
Луной осеребренныхъ водъ
Невольно душу все плѣняло,
Все въ міръ блаженства увлекало
Своей таинственной красой.
Проснулся духъ мой сокрушенной:
«Творецъ всего! младенецъ мой
«Съ моею подругой незабвенной
«Живуть въ странѣ Твоей святой:
«И, можетъ-быть, я буду съ ними,
И тамъ они на вѣкъ — мои!»
Любви понятны чудеса:
Съ какимъ-то тайнымъ ожиданьемъ

Дрожало сердце упаваньемъ;
Я поднялъ взоръ на небеса,
Дерзая ихъ вопрошать слезами...
И мнилось, мнѣ въ отвѣтъ былъ данъ
Сей безмятежный океанъ
Съ его нетлѣнными звѣздами.
Съ тѣхъ поръ я въ бѣдствіи самомъ
Нашелъ, Отецъ мой, утѣшенье,
И тяжкимъ уновалъ крестомъ
Съ ней выстрадать соединенье.
Еще, бывало, слезы лью,
Но ихъ надежда услаждала,
И горестъ тихая смѣняла
Печаль суровую мою.
Забылъ я, вѣрой пламенѣя,
Мое несчастье и злодѣя:
Она съ младенцемъ въ небесахъ
Мечталась сердцу въ райскихъ снахъ.
Я къ ней душою возносілся, —
И мысль однимъ была полна:
Желалъ быть чистымъ, какъ она,
И съ жизнью радостно простился;
Но умереть хотѣлось мнѣ
Въ моей родимой сторонѣ.
Я сталъ скучать въ горахъ чужбины.
На рощи наши, на долины
Хотѣлъ послѣдній бросить взглядъ,
Увидѣть край, весь ею полный,

И сельскій домикъ нашъ, и садъ,
И синія Днѣпровски волны,
И церковь на холмѣ, гдѣ спитъ
Въ тѣни березъ ихъ пепелъ милой,
И какъ надъ тихою могилой
Заря вечерняя горитъ.

В. И. КРАСОВЪ.

С т е п ь .

Какъ мчался ты, конь добрый мой!
Изъ душныхъ городовъ
Ты выносилъ меня стрѣлой
На свѣжій злакъ луговъ!
И вотъ далеко отъ людей
Какъ бурно я воскресъ!
Взоръ быстрый обнялъ даль степей,
Весь синій сводъ небесъ,
И кто, мой конь, догонитъ насъ,
Кто мчится насъ быстрѣй?
О! кто-бъ постигнулъ въ этотъ часъ
Восторгъ души моей?
Она была утомлена
Страдала долго такъ...
Но вотъ — могуча и вольна,
Ей сладостно въ степяхъ!

Ахъ! еслибъ вѣчно мчаться могъ
Въ ту даль, гдѣ взоръ исчезъ,
Туда, туда, гдѣ только Богъ,
Да стень, да сводъ небесъ!

М о л и т в а.

Хвала тебѣ, Творецъ, хвала благодаренью!
Ты сердце пламенное далъ!
Какъ я любилъ Твое прекрасное творенье,
Съ какой слезой Тебя благословлялъ.
Я плачу: слезы эти святы;
То дань Творцу отъ сердца моего
За радости мои, за горе и утраты,
По гласу вѣчному закона Твоего.
Какъ я любилъ въ Твоемъ прекрасномъ мірѣ, —
Какія чувства испыталъ!
Я ликовалъ на свѣтломъ жизни пирѣ,
Тебя незримаго въ твореньѣ созерцалъ;
И падалъ я, зналъ слезы и волненья...
Плоть брешна; но душой парю!
Къ Тебѣ любовь моя, къ Тебѣ мои моленья.
Благодарю Творецъ, за все благодарю.

В е ч е р ь .

Я каждый разъ невесело встрѣчаю
Заботы мелкія и шумъ докучный дня,
И только съ сумракомъ я снова оживаю: —
Въ ночи есть тайная отрада для меня.
Люблю я часъ, какъ тихо надъ зарею
Звѣзда вечерняя на западѣ горитъ,
И быстро облако — подъ твердью голубою
Куда-то въ даль отъ сѣвера летитъ,
Когда въ тиши свѣтъ робкое сіянье,
И неба полусвѣтъ, и все — на сердце вдругъ
Навѣтъ долгое, глубокое мечтанье....
Порою задрожитъ слеза воспоминанья, —
И книга падаетъ изъ рукъ.

А в е М а р і а .

Колѣнопреклоненъ, съ смятеннымъ сердцемъ я
Привѣтствую Тебя, Владычица моя!
Къ святымъ отшельникамъ въ печальныя пустыни
Являлась, Матерь, Ты во время ихъ кончины;

И схимникъ въ трепетѣ блаженства умираю,
И мертвый ликъ его невѣдомымъ сіялъ...
Небесъ Владычица! Услышь мое моленье:
Да загоритъ и мнѣ звѣзда преображенья,
Да духомъ скорбнымъ я возстану, укрѣплюсь,
Да предъ Тобою вновь и плачу, и молюсь,
Вдали отъ пристани, средь новыхъ тревоженій
Я сердце сохраню отъ ранъ и заблужденій.
Привѣтствую Тебя — на свѣтлыхъ небесахъ,
Съ душой измученной, съ слезами на очахъ!

КРЕСТОВСКІЙ.

И н в а л и д ъ.

Былъ морозъ трескучій. У дверей церковныхъ,
Между нищей брати, межъ колѣкъ безкровныхъ,
Инвалидъ увѣчный дряхлою рукою
Крестится, моляся съ жаркою слезою.

Изрѣдка прохожій, тронувшись бѣднягой,
Дастъ ему конейку, — и тотчасъ ватагой
Нищія старухи тарантятъ укоры:
«Хлѣбъ, моль, отбиваешь» — и поднимають споры

А старикъ на вѣтрѣ, съ голой головою,
Подъ одной шинелью ветхой и худою
Дрогнетъ, взоръ потухшій къ образу вперяя —
И изъ устъ дрожащихъ льется рѣчь простая.

По міру побрелъ онъ сиротиной жалкой,
Весь въ рубцахъ, да ранахъ, лишь съ сумой, да съ
палкой

Брошенной конфѣйкой сытъ, хоть понемногу....
За кого жъ такъ жарко молится онъ Богу?

И. КРЫЛОВЪ.

Г р е б е н ь .

Дитяти маменька расчесывать головку
    Купила частый гребешокъ.
Не выпускаетъ вонъ дитя изъ рукъ обновку:
Играетъ, иль твердитъ изъ азбуки урокъ:
    Свои все кудри золотыя,
    Волнистыя, барашкомъ завитыя
    И мягкія, какъ тонкій ленъ,
Любуясь, гребешкомъ расчесываетъ онъ.
И что за гребешокъ? Не только не тербитъ,
    Нигдѣ онъ даже не зацѣпнеть:
    Такъ плавець, гладокъ въ волосахъ.
Нѣтъ гребню и цѣны у мальчика въ глазахъ
Случись, однако же, что гребень затерялся,
    Зарѣзвился мой мальчикъ, заигрался,
    Всклокотилъ волосы конной.
Лишь няня къ волосамъ, дитя подыметъ вой.
    «Гдѣ гребень мой?»
    И гребень отыскался,

Да только въ головѣ ни взадъ онъ, ни впередъ,
Лишь волосы до слезъ дереть.

«Какой ты злой гребнишка!»

Кричитъ мальчишка.

А гребень говоритъ: «Мой другъ, все тотъ же я;
Да голова всклокочена твоя.»

Однако-жь мальчикъ мой отъ злости и досады
Закинулъ гребень свой въ рѣку:
Теперь имъ чешутся наяды.

Видалъ я на своемъ вѣку,

Что также съ правдой поступаютъ.

Поколѣ совѣсть въ насъ чиста,

То правда намъ мила, и правда намъ свята,

Ее и слушаютъ, и принимаютъ:

Но только сталъ кривить душой,

То правду далъ отъ ушей.

И всякой, какъ дитя, чесать волосъ не лочетъ,

Когда ихъ склочетъ.

Б о ч к а.

Пріятель своего пріятеля просилъ,
Чтобъ бочкою его дни на три онъ ссудилъ.
Услуга въ дружбѣ вещь святая!
Вотъ, если бъ дѣло шло о деньгахъ, рѣчь иная:
Тутъ дружба въ сторону, и можно бъ отказать;
А бочку для чего не дать?
Какъ возвратилася она, тогда опять
Возить въ ней стали воду.
И все бы хорошо, да худо только въ томъ:
Та бочка для вина брана откупщикомъ,
И настоялася такъ въ два дни она виномъ,
Что винный духъ пошелъ отъ ней во всемъ:
Квасъ, пиво ли сварять, ну даже и въ съѣстномъ.
Хозяинъ бился съ ней близъ году:
То выпарить, то ей провѣтриться даетъ;
Но чѣмъ ту бочку ни нальетъ,
А винный духъ все вонъ нейдетъ.
И съ бочкой наконецъ онъ принужденъ разстаться.

Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей:
Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Намъ стоитъ разъ лишь напитаться;

А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
 Каковъ ни будь ты на словахъ,
 А все имъ будешь отзываться.

Крестьянинъ и змѣя.

Когда почтенъ быть хочешь у людей,
 Съ разборомъ заводи знакомство и друзей!

Мужикъ съ змѣею подружился.

Извѣстно что змѣя умна:

Такъ вкралась къ мужику она,

Что ею только онъ и клялся, и божился.

Съ-тѣхъ-поръ всѣ прежніе пріатели, родня,

Никто къ нему ногой не побываетъ.

«Помилуйте,» мужикъ пеняетъ:

«За что вы всѣ покинули меня!

Иль угостить жена васъ не умѣла?

Или хлѣбъ-соль моя вамъ надоѣла?»

— «Нѣтъ,» кумъ, Матвѣй сказалъ ему въ отвѣтъ:

Къ тебѣ бы рады мы, сосѣдъ:

И никогда ты насъ (объ этомъ слова нѣтъ)

Не огорчилъ ничѣмъ, не опечалилъ:

Но что за радость, разсуди,

Коль сидя у тебя, того лишь и гляди,

Чтобы твой другъ кого, подползши, не ужалилъ?»

Левъ и волкъ.

Левъ убиралъ за завтракомъ ягнѣнка;
А собаченка,
Вертясь вокругъ царскаго стола,
У льва изъ-подъ когтей кусочекъ урвала;
И царь звѣрей то снесъ, не огорчась ни мало:
Она глупа еще и молода была.
Увидя то, на мысли волку вспало,
Что левъ, конечно, не силенъ,
Коль такъ смиренъ:
И лапу протянулъ къ ягнѣнку также онъ.
Анъ вышло съ волкомъ худо:
Онъ самъ ко льву попалъ на блюдо.
Левъ растерзалъ его, примолвя такъ: «дружокъ,
Напрасно, смотря на сабачку,
Ты вздумалъ, что тебѣ я также дамъ потачку:
Она еще глупа, а ты ужъ не щенокъ!»

Ч е р в о н е ц ъ .

Полезно ль просвѣщенье?
 Полезно, слова нѣтъ о томъ.
 Но просвѣщеніемъ зовемъ
 Мы часто роскоши прельщенье,
 И даже нравовъ развращенье:
 Такъ надобно гораздо разбирать,
 Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
 Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не ра-
 стерять,
 Чтобъ неослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
 Не разлучить ихъ съ простотой,
 И, давши только блескъ пустой,
 Безславья не навлечь имъ вмѣсто славы.
 Объ этой истинѣ святой
 Преважныхъ бы рѣчей на цѣлу книгу стало;
 Да важно говорить не всякому пристало:
 Такъ съ шуткой по-поламъ
 Я басней доказать ее намѣренъ вамъ.

Мужикъ простакъ, какихъ вездѣ не мало,
 Нашелъ червонецъ на зем.и.
 Червонецъ былъ запачканъ и въ пыли;

Однако жь пягаковъ пригоршни трои
Червонца на обмѣнъ крестьянину даютъ.
«Постой-же,» думаетъ мужикъ: «дадутъ мнѣ вдвое;
Придумалъ кой-что я такое,
Что у меня его съ руками оторвутъ».
Тутъ, взявъ песку, дресвы и мѣлу,
И натолокши кирпича,
Мужикъ мой приступаетъ къ дѣлу.
И со всего плеча
Червонецъ о кирпичъ онъ точить.
Дресвой деретъ;
Пескомъ и мѣломъ третъ;
Ну, словомъ, такъ какъ жаръ его поставить хочеть.
И подлинно, какъ жаръ червонецъ заигралъ:
Да только стало
Въ немъ вѣсу мало,
И цѣну прежнюю червонецъ потерялъ.

Разбойникъ и извощикъ.

Въ кустарникъ залегши у дороги,
Разбойникъ подвѣчеръ добычи наживалъ,
И, какъ медвѣдь голодный изъ берлоги,
Угрюмо даль онъ озираетъ.

Посмотрить, грузный возъ катить какъ валъ.
 Ого! разбойникъ мой тутъ шепчетъ: знать съ
 товаромъ

На ярмарку; чай все сукно, камки, парчи.
 Кручина, не зѣвай — тутъ будетъ на харчи:
 Не пропадетъ сегодня день мой даромъ.
 Межь-тѣмъ подъѣхалъ возъ — кричить разбой-
 никъ: стой!

И на извозчика бросается съ дубиной;
 Да лихъ схватился онъ не съ олухомъ — дѣтиной.

Извозчикъ малый — удалой;
 Злодѣя встрѣтилъ мостовиной,
 Сталъ за добро свое горою
 И моему герою

Пришлось брать поживу съ бою.
 И дологъ и жестокъ былъ бой на этотъ разъ.
 Разбойникъ съ дюжины зубовъ не досчитался,
 Да перешиблена рука, да выбить глазъ;
 Но побѣдителемъ однакожь онъ остался,
 Убилъ извозчика злодѣй.
 Убилъ и къ добычѣ скорѣй.
 Чтò жь онъ завоевалъ? — Возъ цѣлый пузырьей?

Какъ много изъ пустаго
 На свѣтѣ дѣлаютъ преступнаго и злаго.

Б ѣ л к а.

Въ деревнѣ, въ праздникъ, подъ окномъ

Помѣщичьихъ хорѣмъ,

Народъ толпился.

На бѣлку въ колесѣ зѣвалъ онъ и дивился.

Вблизи съ березы ей дивился тоже дроздъ:

Такъ бѣгала она, что лапки лишь мелькали.

И раздувался пышный хвостъ.

— «Землячка старая,» спросилъ тутъ дроздъ:

«нельзя ли

Сказать, что дѣлаешь ты здѣсь?»

— «Охъ, милый другъ! тружусь день весь:

Я по дѣламъ гонцомъ у барина большаго;

Ну, некогда ни пить, ни ѣсть,

Ни даже духу перевести».

И бѣлка въ колесѣ бѣжать пустилась снова.

— «Да», улетая, дроздъ сказалъ: «то ясно мнѣ,

Что ты бѣжишь — а все на томъ же ты
оки!».

Посмотришь на дѣльца инаго:

Хлопочетъ, мечется, ему дивятся всѣ:

Онъ, кажется, изъ кожи рвется,
 Да только все впередъ не подается,
 Какъ бѣлка въ колесѣ.

Прудъ и рѣка.

— «Что это, говорилъ рѣкѣ сосѣдній прудъ:
 «Какъ на тебя ни взгнянешь,
 А воды всё твои текутъ!
 Неужели таки ты, сестрица, не устанешь?
 Притомъ же вижу я почти всегда,
 То съ грузомъ тяжкія суда,
 То долговязые плоты ты носишь,
 Ужь я не говорю про лодки, челноки:
 Имъ счету нѣтъ! Когда такую жизнь ты бросишь?
 Я, право, высохъ бы съ тоски.
 Въ сравненіи съ твоимъ, какъ жребій мой пріятель!
 Конечно я не знатень,
 По картѣ не тянусь я черезъ цѣлый листъ:
 Миѣ не брэнчить похвалъ какой-нибудь гуслисть:
 Да это, право, все пустое!
 За то я въ илистыхъ и мягкихъ берегахъ,
 Какъ барыня въ пуховикахъ,
 Лежу и въ нѣгѣ, и въ покоѣ:

Не только что судовъ,
 Или плотовъ,
 Мнѣ здѣсь не для чего страшиться;
 Не знаю даже я, каковъ тяжелъ челнокъ;
 И много ежели случится,
 Что по водѣ моей чуть зыблется листокъ,
 Когда его ко мнѣ заброситъ вѣтерокъ.
 Что беззаботную замѣнить жизнь такую?
 За вѣтрами со всѣхъ сторонъ,
 Не движась, я смотрю на суету мірскую,
 И философствую сквозь сонъ».

— «А, философствуя, ты помнишь ли законъ»,
 Рѣка на это отвѣчаетъ:
 «Что свѣжестъ лишь вода движеньемъ сохраняетъ.
 И если стала я великою рѣкой,
 Такъ это отъ того, что кинувши покой,
 Послѣдую сему уставу.
 За то по всякій годъ,
 Обиліемъ и чистотою водъ,
 И пользу приношу, и въ честь вхожу и въ славу.
 И буду, можетъ-быть, еще я вѣки течь,
 Когда уже тебя не будетъ и въ поминѣ,
 И о тебѣ совсѣмъ исчезнетъ рѣчь.»

Слова ея сбылись: она течетъ понынѣ;
 А бѣдный прудъ годъ отъ году все глохъ,
 Заволоченъ весь тиною глубокой,

Зацвѣтъ, заросъ осокой,
И наконецъ совсѣмъ изсохъ.

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣеть лѣнь
И оживлять его дѣятельность не станеть.

Котъ и Поварь.

Какой-то поварь, грамотѣй,
Съ поварни побѣждалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ),
А дома стеречи сѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.

Но что же, возвратясь, онъ видитъ? На полу
Обѣдки пирога; а васька-котъ въ углу,
Припавъ за укуснымъ боченкомъ,
Мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ
«Ахъ, ты, обжора! ахъ злодѣй!»
Тутъ ваську поварь укоряетъ:
«Не стыдно-ль стѣнъ тебѣ, не только-что людей?
(А васька все-таки курченка убираетъ).

Какъ! бывъ честнымъ котомъ до этихъ поръ,
 Бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ —
     А ты... ахти, какой позоръ!
     Теперь всѣ сосѣди скажутъ:
     Котъ-васька плутъ! Котъ-васька воръ!
 И ваську-де, не только что въ поварню,
     Пускать не надо и на дворъ,
     Какъ волка жаднаго въ овчарню:
 Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!
     (А васька слушаетъ, да ѣстъ).
 Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью,
 Не находилъ конца нравоученью.
     Но что жъ? Пока его онъ пѣлъ,
     Котъ-васька все жаркое съѣлъ.

    А я бы повару иному
     Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить:
 Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по-пустому,
     Гдѣ нужно власть употребить.

Л и с а.

Зимой, ранехонько, близъ жила,
 Лиса у проруби пила въ большой морозъ.
 Межь-тѣмъ оплошность ли, судьба-ль (не въ этомъ
 сила);

Но, кончикъ хвостика лисица замочила,
 И ко льду онъ примерзъ.
 Бѣда не велика, легко бъ ее поправить:
 Рвануться только по-сильнѣй
 И волосковъ хотя десятка два оставить,

Но до людей
 Домой обратиться по скорѣй.
 Да какъ испортить хвостъ? А хвостъ такой пу-
 шистый,

Раскидистый и золотистый!
 Нѣтъ, лучше подождать — вѣдь спитъ еще народъ,
 А между-тѣмъ, авось и оттепель придетъ,
 Такъ хвостъ отъ проруби оттаетъ.
 Вотъ ждетъ пождетъ, а хвостъ лишь болѣ при-
 мерзаетъ.

Глядитъ — и день свѣтаетъ,
 Народъ шевелится, и слышны голоса,
 Тутъ, бѣдная моя лиса
 Туда-сюда метаться, —
 Но ужъ отъ проруби не можетъ оторваться.

По счастью, волкъ бѣжитъ. — «Другъ милый!
кумъ! отецъ!»

Кричитъ лиса: «спаси! Пришелъ совсѣмъ ко-
нецъ!» —

Вотъ кумъ остановился —

И въ спасенье лисы вступился.

Пріемъ его былъ очень простъ:

Онъ на-чисто отгрызъ ей хвостъ.

Тутъ, безъ хвоста, домой моя пустилась дура.

Ужъ рада, что на ней цѣла осталась шкура.

Мнѣ кажется, что смыслъ не тѣмень басни сей.

Щепотки волосовъ лиса не пожалѣй

Остался бѣ хвостъ у ней.

О р а в у л ь .

Въ какомъ-то капищѣ быть деревянный богъ.

И сталъ онъ говорить пророчески отвѣты,

И мудрые давать совѣты.

За то отъ головы до ногъ.

Обвѣшанъ и сребромъ и златомъ.

Стоялъ въ нарядѣ пребогатомъ.

Заваленъ жертвами, мольбами заглушенъ,

И еиміагомъ задушенъ.

Въ оракула всѣ вѣрятъ слѣпо:

Какъ-вдругъ, — о чудо, о позоръ! —

Заговорилъ оракулъ вздоръ:

Сталъ отвѣчать нескладно и нелѣпо;

И кто къ нему зачѣмъ ни подойдетъ,

Оракулъ нашъ что молвить, то совретъ;

Ну такъ, что всякій дивовался!

Куда пророческій въ немъ даръ дѣвался!

А дѣло въ томъ,

Что идолъ былъ пустой, и саживались въ немъ

Жрецы вѣщать мірянамъ.

И такъ,

Пока былъ умный жрецъ, кумирь не путалъ вракъ;

А какъ засѣлъ въ него дуракъ,

То идолъ сталъ болванъ болваномъ.

Я слышалъ — правдаль? — будто встарь

Судей такихъ видали,

Которые весьма умны бывали,

Пока у нихъ былъ умный секретарь.

Орелъ и Бротъ.

Не презирай совѣта ничьего,
Но прежде разсмотри его.

Со стороны прибывъ далекой
Въ дремучій лѣсъ, орелъ съ орлицею вдвоємъ,
Задумали на вѣкъ остаться въ немъ,
И, выбравши вѣгвистый дубъ, высокою,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить,
Надѣясь и дѣтей тутъ вывести на лѣто.
Услыша кротъ про это,
Орлу взялъ смѣлость доложить,
Что этотъ дубъ для ихъ жилища не годится,
Что весь почти онъ въ корнѣ сгнилъ
И скоро, можетъ-быть, свалится;
Такъ чтобъ орелъ гнѣзда на немъ не вилъ.
Но кстати ли орлу принять совѣтъ изъ норки,
И отъ крота! А гдѣ же похвала,
Что у орла
Глаза такъ зорки?
И что за стать кротамъ мѣшаться смѣть въ дѣла
Царь-птицы!
Такъ, многого съ кротомъ не говоря,
Къ работѣ поскорѣй, совѣтчика презря,

И новоселье у царя
 Пospѣло скоро для царицы.
 Все счастливо: ужь есть и дѣти у орлицы.
 Но что-жь? — Однажды, какъ зарей,
 Орелъ изъ подъ небесъ къ семьѣ своей
 Съ богатымъ завтракомъ съ охоты торопился,
 Онъ видитъ: дубъ его свалился.
 И подавило имъ орлицу и дѣтей.
 Отъ горести не взвидя свѣту
 «Несчастный!» онъ сказалъ:
 «За гордость рокъ меня такъ люто наказалъ,
 Что не послушался я умнаго совѣту.
 Но можно-ль было ожидать;
 Чтобы ничтожный кротъ совѣтъ могъ добрый
 дать?»
 — «Когда бы ты не презрѣлъ мною.»
 Изъ норки кротъ сказалъ: «то вспомнилъ бы
 что рою
 Свои я норы подъ землей,
 И что, случаясь близъ корней,
 Здорово-ль дерево, я знать могу вѣрнѣй.

Г у с е й.

Предлинной хворостиной
 Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать:

И, правду истинну сказать,
 Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной:
 На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню,—дню

А гдѣ до прибыли коснется,
 Не только тамъ гусямъ и людямъ достается.

Я мужика и не виню;
 Но гуси иначе объ этомъ толковали.

И, встрѣтятся съ прохожимъ на пути,
 Вотъ какъ на мужика пеняли:
 «Гдѣ можно насъ, гусей, несчастіе найти?»

Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
 И насъ, какъ-будтобы простыхъ гусей, гоняетъ
 А этого не смыслить неучъ сей,

Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
 Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
 Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:
 Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!
 — «А вы хотите быть за что отличены?»
 Спросилъ прохожій ихъ. — Да наши предки...

«Знаю,

И все читалъ; но вѣдать я желаю,
 Вы сколько пользы принесли?»
 — «Да наши предки Римъ спасли!
 — «Все такъ, да вы что сдѣлали такое?»
 — «Мы? Ничего!» — «Такъ что-жь и добраго
 въ васъ есть?»

Оставьте предковъ вы въ покоѣ:

Имъ подѣломъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.*

Баснь эту можно бы и болѣе пояснить —
Да чтобъ гусей не раздражить.

Собачья дружба.

У кухни подъ окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ лежа грѣлись.
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣ-бъ стеречь имъ было домъ;
Но какъ они ужь понаѣлись,
И вѣжливые-жь псы притомъ
Ни на кого ни лаютъ днемъ —
Такъ разсуждать они пустилися вдвоемъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ и наконецъ о дружбѣ.
— «Что можетъ», говоритъ Полканъ: пріятнѣй
быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;
Во всемъ оказывать взаимную услугу;
Не спать безъ друга и не съѣсть,

Стоять горой за дружную шерсть,
 И, наконецъ, въ глаза глядѣть другъ другу,
 Чтобъ только улучшить счастливый часъ,
 Нельзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
 И въ дружномъ счастьѣ все свое блаженство ста-
 вить!

Вотъ еслибъ, напримѣръ, съ тобой у насъ

Такая дружба завелась: —

Скажу я смѣло,

Мы бъ и не видѣли, какъ время бы летѣло.»

— «А что же? это дѣло.»

Барбось отвѣтствуетъ ему:

«Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,

Что, бывши одного двора съ тобой собака,

Мы дня не проживемъ безъ драки:

И изъ чего? Спасибо господамъ —

Ни голодно, ни тѣсно намъ!

Притомъ же, право, стыдно:

Песь дружества слыветь примѣромъ съ давнихъ
 дней;

А дружбы между псовъ, какъ будто межъ людей,

Почти совсѣмъ не видно.»

-- «Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши вре-
 мена,»

Вскричалъ Полканъ: «дай лапу!» — «Вотъ она!»

И новые друзья ну обниматься,

Ну цѣловаться;

Не знаютъ съ радости къ кому и прировняться:

«Орестъ мой! Мой Пиладъ!» Прочь свары, зависть,
злости!
 Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.
 Вотъ новые друзья къ ней взапуски несутся:
 Гдѣ дѣлся и совѣтъ и ладъ?
 Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся,
 Лишь только клочья вверхъ летятъ:
 Насилу наконецъ ихъ разлили водою.

Свѣтъ полонъ дружбою такою.
 Про нынѣшнихъ друзей лъзя молвить, не грѣша,
 Что въ дружбѣ всѣ они едва-ль не одинаки:
 Послушать, кажется одна у нихъ душа, —
 А только кинь имъ кость, такъ что твои собаки!

Прохожіе и Собаки.

Шли два пріятели вечернею порой,
 И дѣльный разговоръ вели между собой,
 Какъ вдругъ изъ подворотни
 Дворяшка тякнула на нихъ;
 За ней другая, тамъ еще двѣ-три, и вмигъ
 Со всѣхъ дворовъ собакъ сбѣжалоса съ полсотни.

Одинъ было уже прохожій камень взялъ;
— «И, полно, братецъ!» тутъ другой ему сказалъ:
«Собакъ ты не уймешь отъ лаю,
Лишь пуще всю раздражишь стаю;
Пойдемъ впередъ: я ихъ натуру лучше знаю». —
И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять,
Собаки начали по-малу затихать,
И стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слышать.

Завистники, на что ни взглянуть,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ, да отстанутъ.

Слонъ и моська.

По улицамъ слона водили,
Какъ видно, на показъ, —
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ,
Такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ нивозьмись на встрѣчу моська имъ.
Увидѣвши слона, пу на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,

Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
 «Сосѣдка, перестань срамиться»,
 Ей шавка говоритъ: тебѣ-ль съ слономъ возиться?
 Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
 Впередъ,
 И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.
 — «Эхъ, эхъ!» ей моська отвѣчаетъ:
 Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
 Что я, совсѣмъ безъ драки,
 Могу попасть въ большія забіяки.
 Пускай же говорятъ собаки:
 «Ай, моська! знать она сильна,
 Что лаеъ на слона!»

Вельможа.

Какой-то въ древности вельможа,
 Съ богато-убраннаго ложа,
 Отправился зъ страну, гдѣ царствуетъ Плутонъ.
 Сказать простѣе, умеръ онъ;
 И, такъ, какъ встарь велось, въ аду на судъ явился.
 Тотчасъ допросъ ему: — «Чѣмъ былъ ты? гдѣ
 родился?»
 «Родился въ Персіи, а чиномъ былъ сатрапъ;

Но такъ какъ, живучи, я было здоровьемъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ,
А всё дѣла секретарю оставилъ.

— «Что-жь дѣлалъ ты? — «Пилъ, ѣлъ и
спалъ,

Да все подписывалъ, что онъ ни подавалъ».

— «Скорѣй же въ рай его!» — «Какъ! гдѣ же спра-
ведливость?»

Меркурій тутъ вскричалъ, забывши всю учтивость.

— «Эхъ, братецъ!» отвѣчалъ Эакъ:

«Не знаешь дѣла ты никакъ.

Не видишь, развѣ, ты? Покойникъ былъ дуракъ!

Что еслибы съ такою властью

Взялся онъ за дѣла, къ несчастью?

Вѣдь погубилъ бы цѣлый край!..

И ты-бъ тамъ слезъ не обобрался!

Затѣмъ-то и попалъ онъ въ рай,

Что за дѣла не принимался.

Вчера я былъ въ судѣ, и видѣлъ тамъ судью:

Ну такъ и кажется, что быть ему въ рай!

Бритвы.

Съ знакомцемъ съѣхавшись однажды я въ дорогѣ,
Съ нимъ вмѣстѣ на одномъ почлегѣ ночевалъ.

Поутру, чуть лишь я глаза продралъ,
И что же узнаю? — Пріятель мой въ тревогѣ:
Вчера заснули мы межъ шутокъ, безъ заботъ;
Теперь я слушаю — пріятель сталъ не тотъ.

То вскрикнетъ онъ, то охнетъ, то вздохнетъ.
«Что сдѣлалась съ тобой? мой милый!.. Я надѣюсь,

Не боленъ ты. — «Охъ! ничего: я брѣюсь.»
— «Какъ, только?» Тутъ я всталъ — гляжу: про-
казникъ мой

У зеркала сквозь слезъ такъ кисло морщитъ рожу,
Какъ будто бы съ него содрать собирались кожу.
Узнавши наконецъ вину бѣды такой,
«Что дива? я сказалъ: «ты самъ себя тиранишь.

Пожалуй, посмотри:

Вѣдь у тебя не бритвы — косари;
Не бриться — мучиться ты только съ ними ста-
нешь.»

— «Охъ, братецъ признаюсь,

Что бритвы очень тупы!

Какъ этого не знать? Вѣдь мы не такъ ужь глупы!
Да острыми-то я порѣзаться боюсь».

— «А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,
 Что бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
 А острою обрѣдешься вѣрнѣй:
 Умѣй владѣть лишь ею».

Вамъ пояснить разсказъ мой я готовъ:
 Не такъ ли многіе, хоть стыдно имъ признаться,
 Съ умомъ людей боятся,
 И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ!

Богачъ и поэтъ.

Съ великимъ богачемъ поэтъ затѣялъ судъ
 И Зевса умоляя онъ за себя вступиться.
 Обоимъ велѣно на судъ явиться
 Пришли: одинъ и тощъ, и худъ,
 Едва одѣтъ, едва обутъ;
 Другой весь въ золотѣ и спѣсью весь раздутъ.
 — «Умилосердися, Олимпа самодержецъ!
 Тучегонитель, громовержецъ!»
 Кричитъ поэтъ: «чѣмъ я виновенъ предъ тобой,
 Что съ юности терплю фортуны злой гоненье.
 Ни ложки, ни угла: и все мое имѣнье
 Въ одномъ воображеньѣ;
 Межъ тѣмъ, когда соперникъ мой,

Безъ выслугъ, безъ ума, равно съ твоимъ куми-
ромъ,

Въ палатахъ окруженъ поклонниковъ толпой,

Отъ роскоши и нѣги заплылъ жиромъ».

«А это развѣ ничего,

Что въ позднѣй вѣкъ твоей достигнуть лиры звуки?»

Юпитеръ отвѣчалъ: «а про него

Не только правнуки, не будутъ помнить внуки.

Не самъ ли славу ты въ удѣлъ себѣ избралъ?

Ему-жь въ пожизненность я блага міра далъ.

Но вѣрь, коль вещи бы онъ болѣ понималъ,

И еслибы съ его умомъ была возможность

Почувствовать свою предъ тобой ничтожность,—

Онъ болѣе-бъ тебя на жребій свой ропталъ».

Н. КУКОЛЬНИКЪ.

Жаворонокъ.

Между небомъ и землей
Пѣсня раздается,
Неисходною струей
Громче, громче, льется.
Невидать пѣвца полей!
Гдѣ поеть такъ громко
Надъ подруженькой своей
Жаворонокъ звонкой.
Вѣтеръ пѣсенку несетъ,
А кому, — не знаетъ.
Та, къ кому она, пойметъ,
Отъ кого, — узнаетъ.
Лейся жь, пѣсенка моя,
Пѣснь надежды сладкой....
Кто-то вспомнить про меня,
И вздохнетъ украдкой.

В. КУРОЧКИНЪ.

У р о в ъ.

На лужайкѣ дѣтскій крикъ:
Учить грамотѣ ребятъ,
Весь сѣдой, ворчунъ старикъ,
Отставной солдатъ.

— Я согнулся, я ужь слабъ,
А виды видалъ!
Унтеръ не былъ бы, когда-бъ
Грамотѣ не зналъ!
Дружно дѣти! всѣ за-разъ:
Буки-азы! Буки-азы!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

У меня-ль въ саду цвѣтокъ
Насадилъ я каждый самъ,
И изъ тѣхъ цвѣтовъ вѣнокъ
Грамотному далъ.

Битый, правду говорить
 Молвь людей простыхъ,
 Стоить двухъ, кто не былъ битъ:
 Грамотный — троихъ.
 Дружно, дѣти! всѣ за-разъ:
 Буки-азы! Буки-азы!
 Счастье въ грамотѣ для васъ.

Мнѣ, видишь карандашъ?
 За моею слѣди рукой.
 Это нже, а не нашъ;
 Экой срамъ какой!
 Да, прислушайте: съ полкомъ
 Въ Греціи я былъ,
 Въ двадцать, значить... а въ какомъ,
 Значить, позабылъ.
 Дружно, дѣти! всѣ за-разъ:
 Буки-азы! Буки-азы!
 Счастье въ грамотѣ для васъ.

Отстояли мы друзей!
 Разъ иду себѣ одинъ,
 Вижу — школа для дѣтей
 У воротъ Авинь.
 Въ школѣ учится морякъ
 Дѣтямъ не подстать;
 Я взглянулъ — и какъ дуракъ
 Началъ хохотать.

Дружно дѣти! всѣ за разъ:
 Буки-азы! Буки-азы!
 Счастье въ грамотѣ для васъ!

Но учитель мнѣ сказалъ:
 «Ты глупѣй ребенка самъ:
 Ты героя осмѣялъ
 Страшнаго врагамъ.
 Онъ за грековъ мстилъ, — предъ нимъ
 Трепеталъ султанъ,
 И упалъ, сожженъ живымъ,
 Вражій капитанъ.»
 Дружно, дѣти! всѣ за-разъ:
 Буки-азы! Буки-азы!
 Счастье въ грамотѣ для васъ.

«Гордость края моего —
 Онъ Канари — да!
 Въ мѣрѣ встрѣтили его
 Горе и нужда;
 Онъ, умѣя побѣждать,
 Сѣлъ букварь учить.
 Все за тѣмъ, чтобы опять
 Греціи служить!»
 Дружно, дѣти! всѣ за-разъ:
 Буки-азы! Буки-азы!
 Счастье въ грамотѣ для васъ.

Весь зардѣвшись, въ сторонѣ.
Я въ смущеніи стоялъ;
Но герой сжалъ руку мнѣ,
Слово мнѣ сказалъ....
Мнѣ послышался завѣтъ
Бога самого:
«Знанье — вольность, знанье — свѣтъ;
Рабство безъ него!»
Дружно, дѣти! всѣ за-разъ:
Буки-азы! Буки-азы!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Пѣснь труда.

Слава святому труду!
Бѣдность и трудъ
Честно живутъ,
Съ дружбой, съ любовью въ ладу.
Слава святому труду!

На неподкупленной лирѣ
Громкую славу споемъ
Тѣмъ кто живетъ въ этомъ мѣрѣ
Честнымъ трудовъ.

Слава святому труду!
 Бѣдность и трудъ
 Честно живутъ,
 Съ дружбой, съ любовью въ ладу.
 Слава святому труду!

Жизни веселой наука
 Не тяжела для простыхъ....
 Братья мои, вамъ порука —
 Въ пѣсняхъ моихъ.

Слава святому труду!
 Бѣдность и трудъ
 Честно живутъ,
 Съ дружбой, съ любовью въ ладу.
 Слава святому труду!

Бѣдность несла для примѣра
 Въ древности мудрость сама;
 Вызвали пѣсни Гомера —
 Посохъ, сума.

Богъ легкокрылый порхаетъ
 Тамъ, гдѣ не видитъ оковъ:
 Полной хозяйкой влетаетъ
 Къ бѣднымъ любовь.

Слава святому труду!
 Бѣдность и трудъ
 Честно живутъ,
 Съ дружбой, съ любовью въ ладу.
 Слава святому труду!

ЛАЖЕЧНИКОВЪ.

Сладко пѣлъ душа соловушко.

Сладко пѣлъ душа соловушко
Въ зеленомъ моемъ саду;
Много, много зналъ онъ пѣсенокъ,
Слаще не было одной.

Ахъ! та пѣснь была завѣтная,
Рвала бѣлу грудь тоской,
А все слушать бы хотѣлося,
Не разсталась бы ввѣкъ съ ней.

Вдругъ подулъ со полуночи,
Будто на сердце легла,
Снѣговая непогодушка,
И мой садикъ занесла.

Со того ли со безвременья
Опустѣлъ зеленый садъ:

Много пташекъ, много пѣсень въ немъ,
Только милой не слышать.

Слышите-ль, мои подруженки,
Въ зеленомъ моемъ саду
Не поетъ ли мой соловушко
Пѣснь завѣтную свою?

«Гдѣ ужъ помнить перелетному»,
Мнѣ подружки говорятъ,
«Пѣсню, можетъ-быть, посылую
Для него въ чужомъ краю:

Нѣтъ! забылъ душа соловушко:
Въ чужедальной сторонѣ
Онъ все горькій сиратинушка, —
Онъ все тотъ же что и былъ.

Не забылъ онъ пѣснь завѣтную,
Все про край родной поетъ,
Все поетъ въ тоскѣ про милую:
Съ этой пѣснью и умереть.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

С п о р ъ.

Какъ-то разъ передъ толпою
Соплеменныхъ горъ
У Казбека съ Шатъ-горою
Былъ великій споръ.
«Берегись! сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроить дымныхъ келіи
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущеліи
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лоната
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.

Ужь проходить караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари орлы.
Люди хитры! хотъ и труденъ
Первый былъ скачекъ,
Берегися! многолюденъ
И могучъ Востокъ!»
Не боюся я Востока!
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужь девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ Грузинъ:
И склоняся въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моегъ желтый Нилъ
Раскаленные ступени
Царственныхъ могиль.

Бедуинъ забылъ наѣзды
 Для цвѣтныхъ шатровъ,
 И поеть, считая звѣзды,
 Про дѣла отцовъ.
 Все что здѣсь доступно оку,
 Спать, покой цѣня.
 Нѣтъ! не дряхлому Востоку
 Покорить меня! —
 — «Не хвались еще заранѣ!»
 Молвилъ старый Шатъ.
 «Вонъ на Сѣверѣ въ туманѣ
 Что-то видно, братья!» —

Тайно былъ Казбекъ огромный
 Вѣстью той смущенъ;
 И смутясь, на Сѣверъ темный
 Взоры кинулъ онъ;
 И туда въ недоумѣнн
 Смотрить, полный думъ:
 Видитъ странное движенье,
 Слышитъ звонъ и шумъ.
 Отъ Урала до Дуная,
 До большой рѣки,
 Кольхаясь и сверкая
 Движутся полки;
 Вѣютъ бѣлые султаны,
 Какъ степной ковыль,

Мчатся пестрые уланы,
    Подымая пыль;
Боевые батальоны
    Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамены,
    Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
    Скачутъ и гремятъ,
И дымясь, какъ передъ боемъ,
    Фитили горятъ,
И испытанный трудами
    Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
    Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки могучи,
    Шумны какъ потокъ,
Страшно-медленны какъ тучи
    Прямо на Востокъ.

И томимъ злобѣщей думой,
    Полный черныхъ словъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый,
    И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
    Племя горъ своихъ,
Шанку на брови надвинулъ
    И навѣкъ затихъ.

Кавачья колыбельная пѣсня.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты-жь дреми, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой Чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой — старый воинъ,
Закаленъ въ бою;
Спи малютка, будь спокоенъ.
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь, — будетъ время, —
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шолкомъ разошью...

Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...

Спи-жь, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой,
Да готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

А н г е л ъ .

Но небу полуночи Ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;

И мѣсяць, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣсни святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

Душа поселилась въ твореньи земномъ,
Но чуждъ былъ ей міръ. Объ одномъ
Она все мечтала, о звукахъ святыхъ,
Не помня значенія ихъ.

И долго на свѣтѣ томилась она.
Желаніемъ чуднымъ полна;
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

М о л и т в а.

Я, мать Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,

Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью иль покаяніемъ,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго, —
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой заступницѣ міра холоднаго.

Окружи счастіемъ душу достойную,
Дай ей спутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному міръ упованія.

Срокъ ли приблизится часу прощальному,
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела душу прекрасную.

---

* * *

Ребенка милаго рожденье
Привѣтствуетъ мой запоздалый стихъ.
Да будетъ съ нимъ благословенье
Всѣхъ ангеловъ небесныхъ и земныхъ!
Да будетъ онъ отца достоинъ,

Какъ мать его прекрасенъ и любимъ;
Да будетъ духъ его спокоенъ
И въ правдѣ твердъ, какъ Божій херувимъ!
Пускай не знаетъ онъ до срока
Ни мукъ любви, ни славы жадныхъ думъ;
Пускай глядитъ онъ безъ упрека
На ложный блескъ и ложный міра шумъ;
Пускай не ищетъ онъ причины
Чужимъ страстямъ и радостямъ своимъ,
И выйдетъ онъ изъ свѣтской тины
Душою бѣлъ и сердцемъ невредимъ!

---

* *
*

Есть рѣчи, — значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Какъ полны ихъ звуки
Тоскою желанья!
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепеть свиданья....

Ихъ краткимъ привѣтомъ
Едва онъ домыслится,
Какъ Божиимъ свѣтомъ
Душа озарится.

Средь шума мірскова,
И гдѣ я ни буду,
Я сердцемъ то слово
Узнаю повсюду;

Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу,
И брошусь изъ битвы
Ему я на встрѣчу.

Три пальмы.

(ВОСТОЧНОЕ СКАЗАНІЕ).

Въ печальныхъ степяхъ Аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался воіною холодной,
Хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,

Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.
И многіе годы неслышно прошли,
Но странникъ усталый изъ чуждой земли
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подѣ кущей зеленой.
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.
И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то-ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колелемы вихремъ и зноемъ палимы.
Ни чей благосклонный не радуя взоръ?...
Не правъ твой, о Небо, святой приговоръ!»
И только замолкли, — вдали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые выюки,
И шелъ, колыхаясь какъ въ морѣ челнокъ.
Верблюды за верблюдомъ, взрывая песокъ.
Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И станъ худощавый къ лукъ наклона,
Арабъ горячилъ вороного коня.
И конь на дыбы подымался порой.
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженной стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки

По плечамъ фариса вились въ беспорядкѣ;
И съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.
Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шума, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поить ихъ студеныи ручей.
Но только-что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ,
И пали безъ жизни питомцы столбтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.
Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ:
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ бесплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодной:
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.
И нынѣ все дико и пусто кругомъ,
Не шепчутся листья съ гремячимъ ключомъ:
Напрасно пророка о тѣни онъ просить
Его лишь песокъ раскаленный заносить,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

Молитва.

Въ минуту жизни трудную
Тѣснится-ль въ сердце грусть;
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышетъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко,
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

Изъ Гёте.

Горныя вершины
Спятъ въ тѣмѣ ночной;
Тихія долины
Полны свѣжей мглой;

Не пылить дорога,
 Не дрожать листы...
 Подожди немного,
 Отдохнешь и ты.

Умирающій Гладіаторъ.

Ликуетъ буйный Римъ... торжественно гремитъ
 Рукуплесканьями широкая арена,
 А онъ, пронзенный въ грудь, безмолвно онъ ле-
 жить,
 Во прахъ и крови скользятъ его колѣна...
 И молить жалости напрасно мутный взоръ:
 Надменный временщикъ и льстецъ его сенаторъ
 Вѣнчаютъ похвалою побѣду и позоръ...
 Что яростной толпѣ сраженный гладіаторъ?
 Онъ презрѣнъ и забытъ... освищенный актеръ!
 И кровь его течетъ, послѣднія мгновенья
 Мелькаютъ, близокъ часъ.... Вотъ лучъ вообра-
 женья
 Сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шумитъ
 Дунай...
 И родина цвѣтетъ, — свободный жизни край;
 Онъ видитъ кругъ семьи, оставленный для брани,

Отца, простершаго нѣмѣющія длани,
Зовущаго къ себѣ опоры дряхлыхъ дней...
Дѣтей играющихъ — возлюбленныхъ дѣтей!
Всѣ ждуть его назадъ съ добычею и славой...
Напрасно; жалкій рабъ, онъ, палъ, какъ звѣрь
лѣсной,
Безчувственной толпы минутною забавой...
«Прости, развратный Римъ, — прости, о край
родной!»

Сосна.

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.
И снится ей все, что, въ пустынь далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горячемъ
Прекрасная пальма растетъ.

Воздушный корабль.

(ИЗЪ ЗЕЙДИЦА).

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И, молча, въ открытые люки,
Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему нипочемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ.

Лежить на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаеъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника сына,
И старую гвардію онъ.

И только что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещеть
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,

Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но сиять усачи-гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумить,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходить,
И снова онъ громко зоветъ:

Зоветъ онъ любезнаго сына,
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему общаетъ полміра,
А Францію только — себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ;
И долго его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ;

Стоитъ онъ и тяжело вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ.

И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь,

---

* * *

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумить при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, или утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой:

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ: —

Тогда смирятся души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

ЛОМОНОСОВЪ.

Утреннее размышленіе о Божиємъ величествѣ.

Уже прекрасное свѣтло
Простерло блескъ свой по земли
И Божія дѣла открыло.
Мой духъ съ веселіемъ внемли!
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Знждитель самъ!
Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу брешю наше око
Могло, приблизившись, возрѣть:
Тогда-бъ со всѣхъ открылся странъ
Горяцій вѣчно океанъ.
Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутятся,

Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумять.

Сія ужасная громада

Какъ искра предъ Тобой одна:
О коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что ты творить намъ повелѣлъ!

Отъ мрачной ночи свободились

Поля, бугры, моря и лѣсъ
И взору нашему открылись
Исполнены Твоихъ чудесъ.

Тамъ всякая взываетъ плоть:

Великъ Зиждитель нашъ Господь!

Свѣтило дневное блистаетъ

Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ Твой въ бездну проникаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.

Отъ свѣтлости Твоихъ очей

Ліется радость твари всей.

Творецъ! покрытому мнѣ тьмою

Простри премудрости лучи, —

И, что угодно предъ Тобою,

Всегда творити научи

И, на твою взирая тварь,

Хвалить Тебя безсмертный Царь!

Вечернее размышленіе о Божиѣмъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыва мрачна ночь;
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь;
Открылась бездна, звѣздъ полна,
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.
Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ.
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ:
Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь мыслями утомленъ!
Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнцы тамъ горятъ;
Народы тамъ и кругъ вѣковъ;
Для общей славы Божества,
Тамъ равна сила естества.
Но гдѣ-жь натура, твой законъ?
Съ полныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце-ль ставитъ тамъ свой тронъ?

Не льдисты-ль мещуть огонь моря?
 Се хладный пламень насъ покрылъ!
 Се въ ночь на землю день вступилъ!
 О вы, которыхъ быстрый зракъ
 Пронзаеть въ книгу вѣчныхъ правъ,
 Которымъ малый вѣщи знакъ
 Являетъ естества уставъ, —
 Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ:
 Скажите, что насъ такъ мятеть?
 Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
 Что тонкій пламень въ твердь разить?
 Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
 Стремится отъ земли въ зенить?
 Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый наръ
 Среди зимы рождалъ пожаръ!
 Тамъ спорить жирна мгла съ водой;
 Иль солнечны лучи блестятъ,
 Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
 Иль тучныхъ водъ верхи горятъ;
 Иль въ морѣ дуть престалъ эфиръ,
 И гладки волны бьютъ въ эфиръ.
 Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
 О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ;
 Скажите-жь, коль пространенъ свѣтъ?
 И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
 Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ:
 Скажите-жь, коль великъ Творецъ!

Подражаніе Іову.

О ты, что въ горести напрасно
 На Бога ропщешь человѣкъ!
 Внимай, коль въ ревности ужасно
 Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
 Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ
 блистая

И гласомъ грома прерывая.
 Словами небо колебалъ
 И такъ его на распрію звалъ:
 Сбери свои всѣ силы нынѣ;
 Мужайся, стой и дай отвѣтъ:
 Гдѣ былъ ты, какъ Я въ стройномъ чинѣ
 Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
 Когда Я твердь земли поставилъ,
 И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
 Величество и власть Мою?
 Яви премудрость ты свою!
 Гдѣ былъ ты, какъ передо Мною
 Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,
 Моей возженныхъ вдругъ рукою,
 Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,
 Мое величество вѣщали;
 Когда отъ солнца возсіяли

Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?
Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не Я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ
И съ суши сдвинулъ океанъ?
Возмогъ-ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть
И нивы, въ день томящей жажды,
Дождемъ прохладнымъ напоить, —
Пловцу способный вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть?
Стремнинами путей ты разныхъ
Прошелъ-ли моря глубину
И счелъ-ли чудъ многообразныхъ
Стада, ходящія по дну?
Отверзлись-ли передъ тобою
Всегдашнею покрыты тьмою
Со страхомъ смертныя врата?
Ты стеръ-ли адовы уста?
Сгѣсня вихремъ облакъ мрачный
Ты солнце можешь ли закрыть,

И воздухъ огустить прозрачный,
И молнію въ дождѣ родить,
И вдругъ быстротекущимъ блескомъ
И горь сердца трясущимъ трескомъ
Концы вселенной колебать
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?
Твоей-ли хитростью взлетаетъ
Орелъ, на высоту паря,
По вѣтру крила простираетъ
И смотреть въ рѣки и моря?
Отъ облакъ видитъ онъ высокихъ,
Въ водахъ и пропастьхъ глубокихъ,
Что Я ему на пищу дагъ:
То быстро око ты-ль создалъ?
Возри въ лѣса на бегемота,
Что Мною сотворенъ съ тобой:
Колючій тернъ его охота
Безвредно попирать ногой;
Какъ верви сплетены въ немъ жилы;
Отвѣдай ты своей съ нимъ силы!
Въ немъ ребра какъ литая мѣдь:
Кто можетъ рогъ его сотреть?
Ты можешь-ли левіаѳана
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ срединѣ самой океана
Онъ быстрый простираетъ бѣгъ;
Свѣтящимися чешуями
Покрываетъ какъ мѣдными щитами;

Копье, и мечь, и молотъ твой
 Считаетъ за тростникъ гнилой.
 Какъ жерновъ сердце онъ имѣетъ,
 И зубы — странный рядъ серповъ.
 Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?
 Всегда къ сраженью онъ готовъ;
 На острыхъ камняхъ возлегаютъ
 И твердость оныхъ презираетъ:
 Для крѣпости великихъ силъ,
 Считаетъ ихъ за мягкій илъ.

Когда ко брани устремится,
 То море какъ котелъ кипитъ;
 Какъ печь гортань его дымится;
 Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
 Сверкаютъ очи раздраженны,
 Какъ уголь въ горнилѣ раскаленный;
 Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ, гоня:
 Кто можетъ стать противъ Меня?

Обширнаго громаду свѣта
 Когда устроить Я хотѣлъ,
 Просилъ ли твоего совѣта
 Для множества толикихъ дѣлъ?
 Какъ персть Я взялъ въ началѣ вѣка,
 Дабы создати челоуѣка,
 Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
 Чтобъ видъ иной тебѣ Я далъ?
 Сие, о смертный, разсуждая,
 Представь Зиждителю власть!

Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терѣбныи часть.
Онъ все на пользу нашу стронть,
Казнить кого или поконть;
Въ надеждѣ тяготу сноси
И безъ роптанія проси.

МАЙКОВЪ.

---

* * *

Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты,
Блестящій нѣкогда, но нынѣ сномъ объятый,
Пріютъ державныхъ думъ и царственныхъ забавъ.
Все пусто. Времени губительный уставъ
Во всемъ величїи здѣсь блещетъ: все мертвъѣтъ!
Въ аркадахъ мраморныхъ молчанье цѣпенѣтъ;
Вкругъ гордыхъ колонадъ съ старинною рѣзбой
Ель пышно разрослась, и въ зелени густой,
Подъ сѣнью древнихъ липъ и золотыхъ акацій,
Блѣбуютъ кое-гдѣ статуи нимфъ и грацій.
Гремѣвшій водометъ изъ пасти мѣдныхъ львовъ
Замолкъ; широкій листъ виситъ съ нагихъ стол-
бовъ,
Качаясь по-вѣтру.... О, гдѣ въ аллеяхъ спящихъ
Красавицъ легкій рой, звонъ колесницъ блестя-
щихъ?

Не слышно ужь литавръ бряцанья; пирный звукъ
Умолкъ, и стихъ давно оружья бранный стукъ;
Но миръ, волшебный сонъ въ забытые чертоги
Вселились новые, невѣдомые боги!

Зимнее утро.

Морозить. Снѣгъ хруститъ. Туманы надъ полями.
Изъ лижинъ ранній дымъ разносится клубами
Въ янтарномъ заревѣ пылающихъ небесъ.
Въ раздуміи глядитъ на обнаженный лѣсъ,
На дома, крытые ковромъ младаго снѣга,
На зеркало рѣки, застынувшей у брега,
Свѣтила дневнаго кровавое ядро.
Отливомъ пурпурнымъ блеститъ снѣговъ сребро;
Иглистымъ инеемъ, какъ-будто пухомъ бѣлымъ,
Унизана кора по вѣтвямъ помертвѣлымъ.
Люблю я, сквозь стекла блистательный узоръ,
Картиной новою увеселять свой взоръ;
Люблю въ тиши смотрѣть, какъ раннею порою
Деревня весело встрѣчается съ зимою.
Тамъ, по льду гладкому и скользкому рѣки,
Свистятъ и искрятся визгливые коньки:

На лыжахъ звѣроловъ спѣшитъ къ лѣсамъ дре-
мучимъ;
Тамъ въ хижинѣ рыбакъ, предъ пламенемъ трес-
кучимъ

Сухаго хвороста, худую сѣть чинить,
И сладостно ему вспомнить прежній бытъ,
Взирая на стекло окованной пучины —
Про зори утренни и клики лебедины,
Про бури ярья и волнъ мятежный взрывъ,
И свой хранительный подъ ивами заливъ,
И про счастливый ловъ въ часы безмолвной ночи,
Когда лишь мѣсяца задумчивыя очи
Проглянуть, озлатятъ пучины спящей гладь,
И свѣтять рыбаку свой неводъ подымать.

Н и в а.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая!
Иду — съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной,
И колятъ мнѣ лицо.... Иду я наклонясь,

Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
 Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
 Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный
 день.

О Божья благодать!... о, какъ прилечь отрадно
 Миѣ въ тѣнь высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
 Заботы полные, колосья надо мной
 Бесѣду важную ведутъ между собой.
 Имъ внемя, вижу я—на всемъ полей просторѣ—
 И жницы, и жнецы, нырля точно въ морѣ,
 Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
 Вонъ по зарѣ стучать проворные цѣпы;
 Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и меда;
 Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
 На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
 Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
 Нагнувши головы, плечами напирая,
 И длинной бичевой по влагѣ ударяя....

О Боже! Ты даешь для родины моей
 Тепло и урожай — дары святые неба;
 Но хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
 Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
 Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
 Тобой насажены, повѣяла весна,
 И непогодами несгубленные зерна
 Пустили свѣжіе ростки свои проворно;
 О, дай намъ солнышка! пошли Ты ведра намъ,
 Чтобъ вырѣлѣ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!

Чтобъ намъ, хоть, опершись на внуковъ, стариками,
Прійти на тучныя ихъ нивы подышать,
И позабывъ, что ихъ мы полили слезами,
Промолвить: «Господи! какая благодать!»

С ъ н о ж о с ъ .

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами...
Въ пѣсняхъ душу веселя,
Бабы съ граблями рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.

Тамъ — сухое убираютъ:
Мужички его кругомъ
На возъ вилами кидаютъ...
Возъ растеть, растеть какъ домъ...

Въ ожиданьи конь убогій
Точно вкопанный стоитъ...
Уши врозь, дугою ноги,
И, какъ будто стоя, спитъ...

Только жучка удалая
 Въ рыхломъ снѣгѣ, какъ въ волнахъ,
 То взлетая, то ныряя,
 Скачетъ, лая въ попыхахъ.

---

* * *

× Голубенькій, чистый,
 Подснѣжникъ цвѣтокъ!
 А подлѣ сквозистый
 Послѣдній снѣжокъ....

Послѣднія слезы
 О горѣ быломъ,
 И первыя грезы
 О счастья иномъ....

Д а с т о ч к и .

Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ;
 Память онъ, поломанъ и пусть,

Хоть пышно еще доцвѣтаетъ
Настурцій въ немъ огненный кустъ ..

Мнѣ грустно! меня раздражаетъ
И солнца осеняго блескъ,
И листь, что съ березы спадаетъ,
И позднихъ кузнечиковъ трескъ.

Взгляну-ль по привычкѣ подъ крышу —
Пустое гнѣздо надъ окномъ;
Въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу;
Солома обвѣтрилась въ немъ...

А помню я, какъ хлопотали
Двѣ ласточки, строя его!
Какъ прутики глиной скрѣпляли,
И пуху таскали въ него!

Какъ веселъ былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ
Какъ любо имъ было, когда
Пять маленькихъ, быстрыхъ головокъ
Выглядывать стали съ гнѣзда!

И цѣлой-то день говоруньи,
Какъ дѣти, вели разговоръ...
Потомъ полетѣли, летуньи!
Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ!

И вотъ — ихъ гнѣздо одиноко!
Онѣ ужъ въ иной сторонѣ —
Далеко, далеко, далеко....
О, если-бы крылья и мнѣ!

В е с н а.

Весна! выставляется первая рама!
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣсть ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.

Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей:
Вонъ — даль голубая видна...
И хочется въ поле, въ широкое поле,
Гдѣ, шествуя, сыплеть цвѣтами весна!

Послѣдніе язычники.

Когда въ челѣ своихъ дружинъ
• Увидѣлъ крестъ животворящій

Изъ царской ставки Константинъ
И палъ предъ Господомъ, молящій, —

Смутились старые вожди,
Столпы языческаго міра...
Они съ отчаяньемъ въ груди,
Встаютъ съ одра, встаютъ отъ пира,

Бѣгутъ къ царю, вопятъ: «о цари!
Ты губишь все, свою державу,
И государство, и алтарь,
И вѣчный Римъ, и предковъ славу!...

«Предъ кѣмъ ты палъ? вѣдь то рабы!
И ихъ ты слушаешь, владыко!
И утверждаешь царствъ судьбы
На ихъ ты проповѣди дикой!

«Вѣрь прозорливости отцовъ!
Ихъ распинать и жечь ихъ надо!
Не медли, царь, скорѣй оковъ!
Безумна милость и пощада!»

Но не внималъ имъ Константинъ,
Видѣнъ емъ свыше озаренный,
И поднялъ стягъ своихъ дружинъ,
Крестомъ Господнимъ осѣненный.

Въ негодованьи цѣпь съ орломъ
Трибуны съ плечъ своихъ сорвали,

И шумно въ груди предъ царемъ
Свое оружье побросали —

И разошлись....

Побѣдилъ

Къ Христу прибѣгшій Императоръ!
И предъ Распятымъ преклонилъ
Свои знамена триумфаторъ.

И повелѣлъ по городамъ
Съ сыновъ Христа снимать оковы,
И строить сталъ за храмомъ храмъ,
И слова читать Христовы.

Трибуны старые въ домахъ
Сидѣли, злобно ожидая,
Какъ, потрясенная, во прахъ
Падеть имперія родная.

Они собирались въ древній храмъ
Со всѣхъ концовъ на годовщину
Молиться дѣдовскимъ богамъ,
Пророча гибель Константину.

Но время шло. Ихъ кругъ рѣдѣлъ,
И гасли старцы другъ за другомъ....
А надъ вселенной крестъ горѣлъ,
Какъ солнца лучъ надъ вешнимъ лугомъ.

Осталось двое только ихъ.
Храня обътъ другъ другу дашный,

Они во храмъ боговъ своихъ
Сошлись, розами вѣнчанны.

Зарось и треснулъ старій храмъ;
Кумиръ поверженный валялся;
Изъ оконъ храма ихъ очамъ
Константинополь открывался:

Синѣль Эвксинъ, блестяль Босфоръ;
Вздымались куполы цвѣтные;
Тамъ — на вселенскій шли соборъ
Ерархи, иноки святыя;

Тамъ — колесницы, корабли...
Подъ твердью неба голубою
Сливался благовѣсть вдали
Съ побѣдной воинской трубою...

Смотрѣли молча старики
На эту роскошь новой славы,
Полны завистливой тоски,
Стыдясь промолвить: «мы неправы.»

Давно ужъ въ мѣрѣ безъ угѣхъ
Свой вѣкъ они влачили оба;
Давно смѣшна была для всѣхъ
Туная, старческая злоба...

Они глядятъ — и ждетъ ихъ взоръ —
Эвксинъ на городъ не прорвется-ль?
Изъ-за морей пойдетъ ли моръ?
Кругомъ земля не пошатнется-ль?

Глядятъ, не встанетъ ли кумиръ...
Но Олимпіецъ, грудью въ прахъ,
Лежитъ недвижимъ, нѣмъ и сиръ,
Какъ трупъ предъ палачемъ на плахъ.

Проклятыя самыя мертвы
У нихъ въ устахъ... лишь льются слезы,
И старцы съ дряхлой головы
Снимаютъ молча плющъ и розы...

Ушли.... Распятіе въ пути
На перекресткѣ ихъ встрѣчаетъ....
Но нѣтъ! не поняли они,
Что Божій Сынъ и ихъ прощаетъ

П ѣ в е ц ъ .

(Изъ Шамиссо).

Грозепъ ликомъ, съ смѣлой лирой,
Передъ юностью цвѣтущей,
Пѣлъ старикъ худой и сирой:
«Я — въ пустынѣ вопіющій!»
Возглашалъ онъ: «все прійдетъ!
Тише, вѣтренное племя!

Созидающее время
Все съ собою принесеть!

«Полно, дѣти, въ тщетномъ гнѣвѣ
Древо жизни потрясать!
Лишь цвѣты еще на дровѣ!
Дайте плодъ имъ завязать!
Недозрѣвъ — онъ полнъ отравы,
А созрѣетъ — самъ спадетъ,
И довольства вамъ и славы
Въ ваши дома принесетъ.»

Юность вокругъ толкуетъ важно,
На пѣвца какъ звѣрь ярься:
«Что онъ лирою продажной
Останавливаетъ насъ?
Подымайте камни, братья!
Лжепророка заклеимъ!
Пусть народныя проклятыя
Всюду слѣдуютъ за нимъ.»

Во дворецъ съ своею лирой
Онъ пришелъ къ царю зовущій;
Громко пѣлъ, худой и сирой:
«Я — въ пустынѣ вошющій!
Царь! впередъ иди, впередъ!
Вѣкъ зоветь! созрѣло сѣмя!
Созидающее время
Не прощаетъ и не ждетъ!

Гонить вѣтеръ, мчитъ теченье!
Смѣло парусъ расправляй!
Божьей мысли откровенье
Въ шумъ бури угадай!
Просіи передъ народомъ
Этой мысли торжествомъ, —
И пойдетъ спокойнымъ ходомъ
Онъ за царственнымъ вождемъ!»

Внялъ владыко... опѣмѣли
Царедворцы, и съ тоской,
Шепчуть: «какъ не досмотрѣли!
Какъ онъ смѣлъ! Кто онъ такой?
Что за бредни онъ городить!
Соблазняетъ лишь людей
И царя въ сомнѣнье вводитъ...
На цѣпь дерзкаго скорѣй!»

И въ тюрьмѣ, съ спокойной лирой,
Тихъ предъ силою гнетущей,
Пѣлъ старикъ худой и сирой:
«Я — въ пустынь вопіющій!»
Долгъ свершенъ Пророкъ молчить.
Честно снесъ онъ жизни бремя...
Созидающее время
Остальное довершить.»

М а т ь.

Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ,
    Все ему не ловко!
Лягъ на плечико ко мнѣ,
    Прислонись головкой!
Я съ тобою похожу.
    Подремли, мой мальчикъ!
Хочешь, сказочку скажу:
    «Жилъ былъ мальчикъ съ пальчикъ...
Нѣтъ! не хочешь?... сказки вздоръ?
    Пѣсня лучше будетъ...
«Зашумѣлъ сырѣ-темный боръ
    Лисъ лисичку будить
Во сыромъ-темномъ бору»...
    Задремалъ мой крошка....
«Я малинки наберу
    Полное лукошко....
Во сыромъ темномъ бору»...
    Тише! засыпаетъ...
Словно птенчикъ все въ жару
    Губки открываетъ....
«Во сыромъ бору» поетъ
    Мать, и ходитъ ходитъ....
Тихо, долго ночь идетъ....

Ночь ужъ день выводить, --
Мать поеть... рука у ней
Затекла, устала,
И не разъ слезу съ очей
Бѣдная роняла ...
И едва дитя, въ жару,
Вздогнетъ, встрепенется —
«Во темномъ-сыромъ бору»
Снова раздается....
Отклони ударъ, уйди,
Смерть съ своей косою!
Мать дитя съ своею груди
Не отдасть безъ бою!
Заслонить средь всѣхъ тревогъ,
Всей душой своею,
Жизни чудный огонекъ,
Что затепленъ ею, —
И едва онъ засвѣтилъ, —
Вдругъ ей ясно стало
Что любви, что чудныхъ силъ
Сердце въ ней скрывало!

Упраздненный монастырь.

Давно въ туманѣ предо мной
Блестящей точкою горя,
То надъ лѣскомъ, то надъ горой
Свѣтился крестъ монастыря.

И вдругъ — обрывъ! и вотъ — рѣка
Въ тѣни высокихъ береговъ
Бѣжитъ, подернута слегка
Отливомъ красныхъ облаковъ.

И на откосѣ мѣловомъ
Открылась старая стѣна,
Съ безглавой башней, какъ огнемъ,
Закатомъ дня озарена.

Прохлада вѣетъ надъ рѣкой,
Струясь за рѣзвымъ вѣтеркомъ,
И тихо движется со мной
Неповоротливый паромъ.

Вотъ монастырь... Слѣды-ль осадъ,
Пищалей, приступовъ къ стѣнамъ,
Въ кирпичныхъ грудахъ, что лежатъ,
Поросши лѣсомъ, здѣсь и тамъ?...

Лампада у воротъ горить
 Предъ полинялымъ образкомъ;
 Монахъ, сѣдой старикъ, сидитъ
 У кружки подъ двойнымъ замкомъ;

Сидитъ и смотреть, какъ ползуть
 Мои лошадки по горѣ...
 — «Что, отче честный, есть ли тутъ
 Что посмотрѣть въ монастырѣ?»

— «А посмотри! Запрету нѣтъ!
 Что есть — увидишь,» молвилъ онъ,
 «Да что смотрѣть-то! Сколько лѣтъ
 Какъ монастырь ужъ упраздненъ.

«Святыню вывели... Живемъ
 Одни въ привратникахъ мы тутъ
 Съ отцомъ Пансіемъ и ждемъ,
 Аль насъ куда переведутъ,

Аль здѣсь поремъ... Я, вотъ, съ ногой
 Изнылъ. Ломота извела.
 Лѣчился лѣтось у одной
 Старушки: нѣтъ, не помогла!

«Войди въ калитку-то, смотри!» —
 Мнѣ указалъ на дверь старикъ;
 А самъ спѣшилъ въ лучалъ зари
 Еще погрѣться лишній мигъ.

Бѣднякъ! едва ли не правъ былъ онъ!
Смотрѣть немного было, нѣтъ!
Кой-гдѣ слѣды витыхъ колоннъ,
Письма и позолоты слѣдъ.

Всѣ церкви въ землю повросли,
Кругомъ забиты двери ихъ...
За то—что кудри до земли
Висѣли вѣтви ивъ густыхъ....

А домъ, гдѣ кельи, какъ скелеть
За блѣдной зеленью стоитъ,
И въ острыхъ окнахъ стеколъ нѣтъ,
И грустно мракъ изъ нихъ глядитъ....

Лишь бродить вкругъ голодный котъ;
Надъ нимъ, носясь стрѣлы быстрѣй,
Кружатся ласточки, въ разбродъ
Гуляеть стая голубей....

Все тихо валится кругомъ.
Еще пройдетъ немного лѣтъ,
И стѣны продадутъ на сломъ,
И старины пройдетъ и слѣдъ...

Смотрѣть немного... Что жъ изъ нихъ,
Изъ этихъ камней, говоритъ
Моей душѣ, и шагъ мой тихъ,
И сердце такъ въ груди стучить?

Святыню вывезли... Но нѣтъ,
Не всю!.... Нѣтъ, чувствую, живутъ
Мольбы и слезы столько лѣтъ
Отъ сердца лившіяся тутъ!

Я живо вижу, какъ сюда
Пришелъ спастись мужъ святой,
Въ тѣ времена еще, когда
Кругомъ шумѣлъ здѣсь боръ гуетой,

И вѣковымъ объята сномъ;
Вся эта дикая страна
Казалась людямъ — волшебствомъ
И чародѣйствами полна...

И келью самъ въ горѣ изсѣкъ,
И жилъ пустыннымъ житіемъ
Въ той кельѣ Божій человекъ,
На козни бѣса глухъ и нѣмъ.

И что свѣча въ ночи горить,
Онъ въ этомъ мракѣ просіялъ,
Училъ народъ, устроилъ скитъ,
И утѣшалъ, и просвѣщалъ...

И вотъ — вдругъ валятся лѣса!
И монастырь здѣсь возстаетъ...
Надъ гробомъ старца чуда
Пошли твориться... и растеть

За храмомъ храмъ, встаетъ стѣна,
Встаетъ гостинницъ длинный рядъ;
И въ пограба течетъ казна,
И всюду трудъ, и всюду ладъ!

Идутъ обозы вдоль горы;
Хлопочетъ келарь, казначей...
Варятъ меды, творятъ пиры,
Всечасно братья ждетъ гостей...

А эти гости-то князья,
Въ орду идущіе съ казною...
То ихъ княгини, ихъ семья,
Въ разлукъ плачуція злой...

И черный людъ, безвѣстный людъ,,
Со всей Руси идетъ, бредеть...
Въ грѣхахъ всѣ каются идутъ —
Да страшный гнѣвъ свой Богъ уйметъ...

Идутъ — съ пожарищъ, съ поля битвъ,
Ища исходу хоть слезамъ —
Подъ чтенье сладостныхъ молитвъ,
Подъ пѣнье ангельское тамъ....

И въ темныхъ, маленькихъ церквахъ
Душистый воскъ горитъ, какъ жаръ
Предъ образами въ жемчугахъ —
Сердце скорбящихъ чистый даръ....

Вотъ ѣдетъ новый караванъ,
Полумонашеская рать....
И раззолоченный рыдванъ
Съ крестами клиръ идетъ встрѣчать.

Съ потухшимъ окомъ, блѣдень, худъ,
Выходить, думой обуянъ,
Здѣсь панихидой кончить судъ,
Кровавый судъ свой царь Иванъ....

Ударилъ колоколъ большой, —
И двери царскія въ алтарь
Предъ нимъ раскрылись, и больной,
Повергшись ницъ, рыдаетъ царь...

И глядя, плачутъ всѣ вокругъ....
Но многолѣтье кончилъ клиръ,
И ждетъ царя и царскихъ слугъ
Въ большой трапезной свѣтлый пиръ....

Но царь на свѣтлый пиръ неидетъ.
Одинъ онъ въ кельѣ заперся..
Онъ ѣстъ лишь хлѣбъ, онъ воду пьетъ,
И весь онъ Богу отдался...

Вотъ на обитель сходить сонъ;
Одинъ лишь царь не знаетъ сна. ..
Все ходитъ онъ, все пишетъ онъ
Имъ побѣнныхъ имена...

Все кровь.... А тутъ покой кругомъ!
Главу обитель вознесла,
Что тихій островъ на мірскомъ
Многомятежномъ морѣ зла...

Принять бы схиму здѣсь... лежать
Живымъ въ гробу — а надъ тобой
Монахи будутъ возглашать:
Раба Ивана упокой...

Все суета!... И какъ видна
Она изъ гроба-то!... А тутъ —
Что въ царствѣ будетъ? Вся страна
Взликуеть! Скажутъ: царь былъ люты!

Измѣна встанеть! зашумятъ
Опять бояре, города....
Найдется царскій братъ иль свать,
Мой родъ зарѣжетъ... Что тогда?

И духъ его, какъ воронъ злой,
По всей Руси витать пошелъ
И ищетъ: гдѣ онъ недругъ мой?
Гдѣ смута? гдѣ гнѣздо крамоль?

Зоветь на судъ онъ города,
Живыхъ и мертвыхъ онъ зоветъ
И, вновь для грознаго суда
Готовый, мысль въ душѣ куетъ —

Куетъ онъ мысль — какъ бы сплотить
 Всю Русь въ одно, чтобъ ничего
 Не смѣло въ ней дышать и жить
 Безъ изволенія его...

А ночь, межъ тѣмъ, надъ Русью шла..
 И не одна душа, томясь,
 Теперь гадала и ждала:
 Что царь замыслить въ этотъ часъ?...

И чуть звонятъ — народъ во храмъ!
 Вопить, какъ жаждущій въ степи:
 «Когда жъ, Господь, конецъ бѣдамъ?»
 И клиръ въ отвѣтъ ему: «терпи!»

Терпи!... и вытерпѣла ты,
 Святая Русь, что посылалъ
 Тебѣ Господь — всѣ тяготы
 Насильствъ, и казней, и опалъ....

Тяжелый млатъ ковалъ тебя
 Въ одинъ народъ, ковалъ вѣка —
 Но вѣришь ты, что Богъ, любя
 Тебя, каралъ, — и тѣмъ крѣпка!

И вотъ — теперь.... «Что?» спросилъ
 Меня монашекъ у воротъ.
 — «Нѣтъ, ничего.... я говорилъ....»
 — «А знатный былъ, молва идетъ,

Нашъ монастырь-то въ старину! ..»

— «А упраздненъ-то онъ зачѣмъ?»

— «Да стало братья мало... Ну...

И оскудѣли житіемъ!

«Ужъ противъ прежняго гдѣ намъ!»

И вдругъ, какъ будто спохватясь:

— «Да ты по службѣ тутъ, аль самъ?»

— «Самъ, самъ!» — «Ну, то-то, въ доб-
рый часъ!»

К а р т и н а.

Посмотри: въ избѣ, мерца,

Свѣтитъ огонекъ;

Возлѣ дѣвочки малютки

Собрался кружокъ;

И съ трудомъ, отъ слова къ слову

Пальчикомъ вода,

По печатному читаетъ

Мужичкамъ дитя.

Мужички въ глубокой думѣ

Слушаютъ, молчатъ,

Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.

Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хотъ краемъ уха
Слышать что-нибудь.

Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хотъ не слышитъ. дѣдъ.

Что жъ такъ слушаютъ малютку, —
Аль ужъ такъ умна?...
Нѣтъ одна въ семьѣ умѣтъ
Грамотѣ она.

И пришлось ей, младенцу,
Старикамъ прѣчьсть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть!

Самой вѣсти смыслъ покажѣтъ
Темень имъ и ей:
Но всѣ чуютъ надъ тобою
Зорю новыхъ дней. —

Вспыхнетъ, братцы, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!

Ваши дѣтки ужь увидягь
Свѣтъ лицомъ къ лицу!

Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучь!
Вѣщимъ окомъ я ужь вижу
Первый свѣтлый лучь.

Онъ горитъ ужь на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы малютки
Съ книжкою въ рукахъ!

Воля братцы, это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день.

Л. М Е Й.

Отойди отъ меня, сатана!

На горѣ первозданной стояли они,
И надъ ними, бездонны и сини,
Поднялись небосводы пустыни,
А подъ ними земля — вся въ туманѣ и тѣни.
И Одинъ былъ блистательнѣй неба:
Благодать изливалась изъ кроткихъ очей
И сиялъ надъ главою вѣнецъ изъ лучей,
А другой былъ мрачнѣе Эреба:

Изъ глубокихъ зеницъ выметали огни;
На челѣ его злоба пылала
И подъ нимъ вся гора трепетала.
И Мессіи сказалъ сатана:

«Раввунни!

Отъ заката свѣтилъ до востока,
Землю всю, во мгновеніе ока,
Покажу я Тебѣ...»

И десницу простеръ...

Прояснилася даль... Изъ тумана
 Засинѣлася зыбь океана,
 Поднялися громады маститыя горъ,
 И земли необъятной равнина.
 Вся въ свѣту и въ тѣни, подъ небеснымъ
 шатромъ,
 Разостдалася круглымъ, цвѣтистымъ ковромъ.

Каменная степь... Палестина. .
 Вотъ сѣдой Арраратъ; вотъ угрюмый Синай;
 Почернѣлые кедры Ливана,
 Серебристая нить Иордана;
 И Десницей карающей выжженный край,
 И возлюбленный градъ Саваоа:
 Здѣсь Сіонъ въ тощей зелени маслинъ, а тамъ
 Купы низкихъ домовъ. съ плоской кровлею
 храмъ,
 Холмъ и крестъ на немъ праздный—Голгова...

Къ югу — степь безъ границъ. Перекатной
 волной

Ураганы песокъ поднимаютъ,
 А на немъ оазисы мелькаютъ,
 Какъ зеленый узоръ на парчѣ золотой.
 Красной пылью одѣты, деревья
 Клонятъ книзу вершины подъ гнетомъ плода;
 Разбрелись табуны кобылицъ и стада

Вкругъ убогихъ наметовъ кочевья;
 Смугло-ликихъ наѣздниковъ рыщутъ толпы;
 Воздухъ пламенемъ встрѣчу имъ пышетъ,
 А по воздуху марево пишеть
 Стѣны, башни, палаты, мосты и столпы.
 Мимо...

Сърой, гремучей змѣею,
 Безконечныя кольца влача черезъ иль,
 Въ тростникахъ густолиственныхъ тянется
 Ниль.

Города многочленной семьею
 Улеглись на злачныхъ его берегахъ.
 Блещутъ синія воды Мерида;
 Пирамида, еще пирамида,
 И еще, и еще, — на широкихъ стопахъ
 Опершись, поднялись высоко,
 Обелисковъ идетъ непрерывная цѣпь;
 Полногрудые сфинксы раскинулись, въ степь
 Устремляя гранитное око...
 Мимо...

Индъ и Гангесъ, среброводной четой,
 Катятъ волны въ далекое море;
 Вѣковые лѣса на просторѣ
 Разрослися вездѣ непроглядной стѣной;
 Мелкой сѣтью заткали лианы
 Всѣ просвѣты съ верхушекъ деревъ до корней;
 Понугай порхаютъ; съ тяжелыхъ вѣтвей

Съ визгомъ прыгають внизъ обезьяны;
 Полосатую матку тигренокъ сосеть;
 Птичекъ носится яркая стая;
 Осторожно сучки раздвигая,
 Слонь тяжелою поступью мѣрно бредеть:
 На коврахъ изъ цвѣтовъ и изъ ягодъ,
 Змѣи нѣжатся, свившись упругимъ кольцомъ,
 И сквозь темную зелень зубчатымъ вѣнцемъ
 Выдвигаются куполы пагодъ.
 Подъ нависшимъ ихъ сводомъ во мракѣ бле-
 стить

Въ драгоценныхъ каменьяхъ божница;
 Безобразныя идоловъ лица
 Лучъ священной лампы слегка золотить;
 Предъ богами жрецы - изувѣры,
 Преклоняясь во прахъ, благовонія жгутъ,
 И, въ неистовой пляскѣ кружася, поютъ
 Свой молитвенный гимнъ баядеры.
 Мимо...

Сѣверь... Теряясь въ безвѣстной дали,
 Разметались широко поляны;
 Смурой шапкой нависли туманы
 Надъ челомъ побѣлѣлымъ холодной земли.
 Нечѣмъ тѣшить пытливые взоры:
 Снѣгъ, да снѣгъ, все одинъ, вѣчно-дѣйстви-
 тельный снѣгъ,
 Да узоры лиловые скованныхъ рѣкъ,

Да сосновые темные боры.
Съверъ спить: усыпилъ его крѣпкій морозъ,
Уложила сѣдая подруга,
Убаюкала буйная вьюга...
Не проспится во вѣкъ — задремавшій колоссъ,
Или къ небу отчизны морозной
Приодниметь главу, отягченную сномъ,
Зорко глянетъ очами во мракъ ночномъ
И воспрянетъ громадою грозной.
Онъ воспрянетъ и, долгій нарушивши миръ,
Глыбы снѣга свои вѣковыя
И оковы свои ледяныя
Съ мощныхъ плечъ отряхнетъ на испуган-
ный міръ?

Мимо...

Словно младая наяда,
Въ свѣтлоструйномъ хитонѣ, съ вѣчанной
главой,
Изъ подводныхъ чертоговъ, изъ бездны
морской,

Выплываетъ небрежно Эллада.
Прорѣзные ряды величавыхъ холмовъ,
Острова, голубые заливы,
Виноградники, спѣлыя нивы,
Сладкозвучная сѣнь кипарисныхъ лѣсовъ,
Рощей пальмовыхъ темные своды —
Созданы для любви, наслажденій и негъ.

Чудесами искусствъ увѣнчалъ человекъ
 Вѣковѣчныя дива природы:
 Вдохновеннымъ напѣвамъ слѣпаго пѣвца
 Вторять струны чарующей лиры;
 Въ красотѣ первобытной кумиры
 Возникаютъ подъ творческимъ взмахомъ рѣзца;
 Взоръ дивятъ восковыя картины
 Смѣлымъ очеркомъ лицъ, сочетаньемъ цвѣтовъ,
 Горделивой красой храмовъ, стѣнъ и домовъ
 Спорятъ Фивы, Коринѣ и Аѳины.
 Мимо...

Римъ. Семихолмный, раскидистый Римъ,
 Со своей нерушимой стѣной,
 Со своею Тарпейской скалою,
 Съ Капитоліемъ, съ пѣнистымъ Тибромъ
 своимъ...

Груды зданій надъ грудями зданій:
 Термы, портики, кровли домовъ и палатъ,
 Триумфальныя арки, дворцы и сенатъ —
 Въ коронадахъ нагихъ изваяній
 И въ тройномъ ожерельи гранитныхъ столповъ.
 Вдоль по стогнамъ всесвѣтной столицы
 Скачутъ кони, гремятъ колесницы,
 И блестя подвижной чешуею щитовъ,
 За когортой проходитъ когорта.
 Мачты стройныхъ галеръ поднялись, какъ

И, какъ чайки, трепещутъ крыломъ паруса
 На зыбяхъ отдаленнаго порта.
 Форумъ стелется пестрою массою головъ;
 Въ циркѣ зрителей тѣсныя группы
 Обнизали крутые уступы;
 Слышенъ смѣшанный говоръ и гулъ голосовъ:
 Обитателей Рима арена
 Созвала на позорище смертной борьбы. —
 Здѣсь съ рабами сразятся другіе рабы,
 Въ искупленіе позорнаго плѣна;
 Здѣсь боецъ-побѣдитель, слабѣя отъ ранъ,
 Юной жизнью заплатитъ народу
 За лавровый вѣнокъ и свободу;
 Здѣсь, при радостныхъ кликахъ суровыхъ
 гражданъ,
 Возрожденцевъ желѣзнаго вѣка,
 Подъ вестальскою ложей отворится дверь,
 На арену ворвется некормленный звѣрь
 И въ куски изорветъ человѣка.
 Мимо...

Полной кошницею свѣжихъ цвѣтовъ,
 На лазурныхъ волнахъ Тирриней
 Поднимаются скалы Капрей.
 Посрединѣ густыхъ, благовонныхъ садовъ,
 Вознеслася надменно обитель —
 Перлъ искусства и верхъ человѣческихъ силъ:
 Словно камни расплавилъ и снова отлілъ

Въ благолѣпныя формы строитель.
 Въ темныхъ нишахъ, подъ вязами лилій ирозъ,
 Передъ мраморнымъ входомъ въ чертоги,
 На сторожѣ — хранители-боги
 И трехглавый, изъ золота вылитый пестъ.
 Купы миртъ, и оливъ, и алоэ
 Водометы жемчужною пылью кропать...
 Скоморохи въ личинахъ наполнили садъ,
 Какъ собраніе статуй живое:

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

Вкругъ чертоговъ хвалебныя оды
 Воспѣваетъ согласный, невидимый клиръ,
 Призывая съ небесъ благоденственный миръ
 На текущіе Кесаря годы,
 Прорицая безсмертье ему впереди.
 И подъ стройные клирные звуки,
 Опершись на изсохшія руки,
 Старець, въ пурпурной тогѣ, съ змѣей на
 груди,
 Среди сонма Лансъ и Глицерій,
 Задремалъ на одрѣ золотомъ... Это самъ,
 Сопрестольный, соравный безсмертнымъ бо-
 гамъ,
 Властелинъ полусвѣта — Тиверій.

«Падши ницъ, поклонись, и отдамъ всесполна
Я Тебѣ...» говорить искушитель.
Отвѣщаетъ небесный Учитель:
— «Отойди, отойди отъ меня, сатана!»

З а п ѣ в к а.

Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская,
Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
Погородная, поселная, попольная,
Непогодою-невзгодою повитая,
Во крови, въ слезахъ крещеная-омытая!
Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская!
Не сама-собой ты спѣлася-сложилася:
Съ пустырей тебя намыло снѣгомъ-дождикомъ,
Нанесло тебя съ пожарищъ дымомъ-копотью,
Намело тебя съ сырыхъ могилъ метелицей...

МЕРЗЛЯКОВЪ.

Тоска въ одиночествѣ.

Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ,
Цвѣтеть, расти высокій дубъ въ могучей красотѣ.
Высокій дубъ развѣсистый, одинъ у всѣхъ въ гла-
захъ.

Одинъ, одинъ, бѣдняжка, какъ рекрутъ на ча-
сахъ.

Взойдетъ-ли красно солнышко, — кого подъ тѣнь
принять?

Ударить-ли погодушка, — кто будетъ защищать?

Ни сосенки кудрявыя, ни ивки близъ него,

Ни кустики зеленые не вьются вокругъ него.

Ахъ, скучно одинокому и дереву расти,

Ахъ, горько, горько молодцу безъ друга жизнь
вести!

Есть много серебра, золота, — кого имъ подарить?

Есть много славы, почестей, — но съ кѣмъ ихъ
раздѣлить? —

Встрѣчаюсь-ли съ знакомыми; — поклонъ, да былъ
таковъ.

Встрѣчаюсь ли съ пригожими, — поклонъ да пара
словъ. —

Однихъ я самъ пугаюся, другой бѣжить меня;
Всѣ други, всѣ пріатели до чернаго лишь дня!
Гдѣ съ сердцемъ отдохнуть могу, когда гроза
взойдетъ?

Другъ нѣжный спитъ въ сырой землѣ, на помощь
не прійдетъ!

Ни роду нѣтъ, ни племени въ чужой мнѣ сто-
ронѣ,

Не ластится любезная подружечка ко мнѣ!

Не плачется отъ радости старикъ, смотря на насъ!

Не выются вокругъ малюточки, тихохонько-рѣзвятся! —

Возьмите же все золото, всѣ почести назадъ;

Мнѣ родину, мнѣ милую, мнѣ милой дайте взгляды!

В е л и с а р і й.

Малютка, шлемъ нося, просилъ

Для Бога, пищи лишь дневныя

Слѣпцу, котораго водилъ, —
Кѣмъ славны Римъ и Византія.

«Тронитесь жертвою судьбы!
(Онъ такъ прохожихъ умоляетъ),
Подайте мальчику на хлѣбъ:
Онъ Велисарія питаетъ!

Вотъ шлемъ того, который былъ
Для Готѣовъ, Вандаловъ грозою;
Враговъ отечества сразилъ,
Но самъ сраженъ былъ клеветою.

Тиранъ лишилъ его очей, —
И міръ хранителя лишился.
Увы! свѣтъ солнечныхъ лучей
Для Велисарія закрылся!

Несчастный, — за кого въ слезахъ
Одинъ вознесъ я гласъ смиренной, —
Водилъ царей земныхъ въ цѣпяхъ,
Законы подавалъ вселенной;

Но въ счастья своемъ равно
Онъ не былъ гордымъ, лютымъ, дикимъ;
И нынѣ мнѣ твердитъ одно:
Не называй меня великимъ!

Не видя свѣта и людей,
Паритъ онъ мыслью въ царствѣ славы,
И видитъ въ памяти своей
Народы, вѣки и державы.

Вотъ постоянство здѣшнихъ благъ!
Сколь чуденъ промыслъ Твой, Содѣтель!
И я, сиротка, въ юныхъ дняхъ
Сталъ Велисарью благодѣтель!....»

МИЛЛЕРЪ.

Сонетъ.

(Изъ Гейне.)

Я родился съ упрямой головою,
Высоко я чело держать привыкъ;
И еслибъ самъ король стоялъ предо мною,
Я и тогда бы взоромъ не поникъ.

Но отъ тебя, о мать моя! не скрою,
Хотя во мнѣ духъ гордости великъ,
Смирился я всегда передъ тобою,
Взглянувъ на твой привѣтный, кроткій ликъ.

Не духъ ли твой, великій, благородный,
Меня, стремясь къ высокому свободно,
Благоговѣть невольно побуждалъ?
Иль было то тяжелое сознанье,
Что для тебя я былъ виной страданья,
И любящее сердце огорчалъ.

Русская пѣсня.

Облака надъ лѣсомъ, сны надъ головою,
Свѣтлые, несутся легкою грядою;
Лѣсъ зашевелится, сердце встрепенется,
Пролетать — и слѣда ихъ не остается!

Сладко по долинь ранній вѣтеръ вѣетъ;
На той на долинь яворъ зеленѣетъ;
Съ шумомъ по песочку ручеекъ струится,
Къ ручейку приходитъ красная дѣвица.

Кованымъ ведерцемъ воду зачерпнула,
Воду зачерпнула, тяжело вздохнула,
Къ явору присѣла, голову склонила,
Къ своему сердечку такъ проговорила:

«Не одна-то въ полѣ такъ растетъ былинка,
Какъ одна живу я въ людяхъ сиротинка!
Нѣтъ со мною брата, нѣтъ сестрицы милой!
Батюшка съ родимой взять давно могилой!
Милый другъ далеко: въ сторону чужую
Отъ меня ушелъ онъ въ сѣчу роковую!»

Дѣвицѣ не снятся пышныя палаты,
Снятся ей въ долинь двѣ простыя хаты;

Въ одной проживаютъ старички родные,
 Въ другой виѣсть съ милымъ они молодые;
 Снятся ей съ садами подлѣ хатъ два сада,
 Тамъ весной отрада, въ лѣтній зной прохлада!
 И любви, и счастья въ тѣхъ привѣтныхъ хатахъ
 Больше, чѣмъ порою въ княжескихъ палатахъ.

Но пронесся вѣтеръ бурей надъ долиной;
 Дѣвица проснулась съ прежнею кручиной:
 Гдѣ родныя хаты? гдѣ сады съ цвѣтами?
 Знать умчалъ ихъ вѣтеръ бурными крылами!

В о д о п а д ъ .

Потокъ величавый! краса ароматной долины!
 Ты, бурно летящій съ своей неприступной вер-
 шины!
 Дрожить предъ тобою отъ страха земное творенье.
 Кто слышалъ изъ смертныхъ твой лепетъ въ ми-
 нуту рожденья?
 О, какъ ты прекрасенъ въ одеждѣ изъ звѣздъ и
 брилльянтовъ!
 О, какъ ты ужасенъ, гремящій среди горныхъ
 гигантовъ!

Какъ царь на престоли, сидишь на скамьѣ ты
кремнистой,
И сыплются искры съ порфиры твоей серебрян-
стой;
И облако пыли жемчужной у ногъ твоихъ вьется,
И гласъ твой могучій далеко въ горахъ раздается.
Сосналь вѣковая посмѣетъ возстать предъ тобою, —
Ее ты кидаешь въ пучину сердитой волною.
Гранитныя ль скалы преградою себѣ повстрѣ-
чаешь, —
Въ кипящія бездны съ собою ты ихъ увлекаешь.
Куда же летишь ты съ своей неприступной твер-
дыни,
Ты, грозный, какъ буря, свободный, какъ вѣтеръ
пустыни?
Ужели усталъ ты гремѣть среди скалъ молчаливыхъ?
Ужель тебѣ скучно подъ сѣнью дубовъ гордели-
выхъ?
Тебя привлекаютъ картины цвѣтущей природы, —
Долины и рощи, и озера тихія воды.
Да, край тотъ прекрасенъ, — но часто тамъ стра-
сти бушуютъ;
Спокойны тѣ воды, — но часто ихъ бури волнуютъ!

* *
*

Готовилось неслыханное дѣло:
Злодѣй грозилъ сразить Царя Отца, —
Сразить Того, Кто преданъ намъ всецѣло,
Кѣмъ полны наши думы и сердца.

Но блажь Господы! Ему благодаренье:

Не удалось крамолѣ одолѣть!

Не допустило Провидѣнье

Семьѣ Царя и намъ осиротѣть...

Онъ намъ спасень!...

Не духъ ли милый сына,

Хранительно витавшій надъ отцемъ,

Отсторонилъ рукою селянина

Другую руку съ гибельнымъ свинцомъ?

Его душѣ близка была Россія.

Какъ нѣжный сынъ, онъ преданъ былъ
отцу, —

Такъ не его ль мольбы святыя

Дошли къ Предвѣчному Творцу?

О Государы! какое огорченье

Нанесено благой душѣ Твоей,

Что за любовь Твою, за попеченья

Такъ отплатить дерзнулъ Тебѣ злодѣй!...

Но не скорби, Монархъ великодушный!
Мы скорбь твою любовью исцѣлимъ!
Сомкнемся вокругъ Тебя въ оплотъ едино-
душный,
И дни Твои святые сохранимъ!...

МИРОНОВЪ.

---

* *
*

Тебя, о край родимый мой!
Тебя я вспомнилъ на чужбинѣ...
И вспомнилъ твой зеленый боръ,
Твои луга, поля, долины,
Деревню, избы, косогоръ,
Гумно, усадьбы и овины,
И вспомнилъ нашихъ молодежи,
Здоровыхъ, полныхъ и румяныхъ,
Красавицъ, розовыхъ дѣвицъ,
Удалыхъ молодцовъ....

И вспомнилъ

Отца и мать — родныхъ, семью
Съ ихъ прежней горькою нуждою, —
И больно мнѣ, что я душою
Ихъ горе вмѣстѣ не дѣлю!

•
* *
*

Солнышко сокрылось
Въ тучу громовую, —
Загубила доля
Силу молодую.

Крылья золотыя
Волюшкѣ связала:
Грусть-тоска-кручина
Сердце засосала.

За плечами камнемъ
Горюшко засѣло
И нужда-невзгодье
Себѣ подоспѣло.

Посѣдѣли кудри.
Красота пропала.
Въ буйную головку
Думушка запаала.

Еслибъ да изъ тучи
Солнышко взглянуло,
То опять бы лѣто
Къ намъ зимой вернулось.

Гдѣ-бъ взялась и удаля,
Сила молодая..
Еслибъ не сгубила
Доля нелюдская!

А. МУРАВЬЕВЪ.

Монастырь Валаамъ.

Моря житейскаго шумныя волны
Мы протекли:
Пристань надежную утлые челны
Здѣсь обрѣли,
Здѣсь, невечернею радостью полны,
Слышимъ вдали
Моря житейскаго шумныя волны.

Н. НЕКРАСОВЪ.

---

* * *

Не громка моя лира, въ ней пѣтъ
Величавыхъ торжественныхъ пѣсенъ;
Но прійдетъ, народится поэтъ,
Вдохновенъемъ могучъ и чудесенъ.

Онъ великую пѣсню споетъ,
И героями пѣсни той чудной
Будутъ: Царь, что стезей многотрудной
Царство Русское къ счастью ведетъ, —

Царь, покончившій рабскіе стоны,
Вѣковую безправность людей,
И свободныхъ сыновъ миллионы
Даровавшій отчизнѣ своей, —

И крестьянинъ, кого возрастилъ
Въ нѣдрахъ Руси народъ православный,

Чтобъ въ себѣ весь народъ онъ явилъ
Охранителемъ жизни державной...

Сынъ народа! Тебя я пою!
Будешь славенъ ты много и много,
Ты великъ, какъ орудіе Бога,
Направлявшаго руку твою....

В л а с ь .

Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ,
Съ обнаженной головой,
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Власъ — старикъ сѣдой.

На груди икона мѣдная:
Просить онъ на Божій храмъ,
Весь въ веригахъ, обувь бѣдная,
На щекѣ глубокой шрамъ!

Да съ желѣзнымъ наконешникомъ
Палка длинная въ рукѣ ...
Говорятъ, великимъ грѣшникомъ
Былъ онъ прежде. Въ мужикѣ

Бога не было; побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ:
Промышляющихъ разбоями,
Конокрадовъ укрывалъ;

У всего сосѣдства бѣднаго
Скупить хлѣбъ, а въ черный годъ
Не повѣритъ гроша мѣднаго,
Втрое съ нищаго сдеретъ!

Бралъ съ роднаго, бралъ съ убогаго,
Слылъ кощесемъ-мужикомъ,
Права былъ крутаго, строгаго ...
Наконецъ и грянулъ громъ!

Власу худо; кличетъ знахаря —
Да поможешь ли тому,
Кто снималъ рубашку съ пахаря,
Кралъ у нищаго суму?

Только пуще все неможется.
Годъ прошелъ, а Власъ лежитъ
И построить церковь божится,
Если смерти избѣжить.

Говорятъ, ему видѣніе
Все мерещилось въ бреду:
Видѣлъ свѣта преставленіе,
Видѣлъ грѣшниковъ въ аду:

Мучать бѣсы ихъ проворные,
Жалить вѣдьма-егоза,
Ефіопы — видомъ черные
И какъ угліе глаза,

Крокодилы, змій, скорпіи
Припекають, рѣжутъ, жгутъ...
Воютъ грѣшники въ прискорбіи,
Цѣпи ржавыя грызутъ.

Громъ глушитъ ихъ вѣчнымъ грохотомъ,
Удушаетъ лютой смрадъ,
И кружитъ надъ ними съ хохотомъ
Черный тигръ-шестокрылатъ.

Тѣ на длинный шесть нанизаны,
Тѣ горячій лижутъ полъ...
Тамъ, на хартіяхъ написаны,
Власть грѣхи свои прочель:

Сочтены дѣла безумныя.
Но всего не описать!
Богомолки, бабы умныя,
Могутъ лучше рассказать.

Власть увидѣлъ тьму кромѣшную
И послѣдній далъ объѣтъ...
Внялъ Господь — и душу грѣшную
Воротилъ на вольный свѣтъ.

Роздалъ Власть свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ,
И собирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ

Съ той поры мужикъ скитается
Вотъ ужъ скоро тридцать лѣтъ,
Подаяніемъ питается —
Строго держитъ свой обѣтъ.

Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была....

Полонъ скорбью неутѣшною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходитъ онъ стопой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ.

Нѣтъ ему пути далекаго:
Былъ у матушки-Москвы,
И у Каспія широкаго,
И у царственной Невы

Словомъ истины евангельской
Собирая Богу дань,
Побываетъ и въ Архангельской,
Пробретется и въ Рязань...

Ходить съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собою все говорить,
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенить.

Ходить въ зимушку студеную,
Ходить въ лѣтніе жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары.

И дають, дають прохожіе...,
Такъ изъ лепты трудовой
Вырастаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной....

ШКОЛЬНИКЪ.

— Ну, пошелъ же, ради Бога!
Небо, ельникъ и песокъ —
Невеселая дорога....
Эй! садись ко мнѣ, дружокъ!

Ноги босы, грязно тѣло
И едва прикрыта грудь....
Не стыдися! что за дѣло?
Это многихъ славныхъ путь.

Вижу я въ котомкѣ книжку.
Такъ, учиться ты идешь...
Знаю, батька на сынишку
Издержалъ послѣдній грошъ.

Знаю, старая дьячиха
Отдала четвертачекъ,
Что проѣзжая купчиха
Подарила на чаёкъ.

Или, можетъ, ты дворовый,
Изъ отпущенныхъ?... Ну, чтожы!
Случай тоже ужъ не новый —
Не робѣй, не пропадешы!

Скоро самъ узнаешь въ школѣ,
Какъ архангельскій мужикъ
По своей и Божьей волѣ
Сталъ разумень и великъ.

Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ —
Кто нибудь свезетъ въ Москву,
Будешь въ университетѣ —
Сонъ свершится на яву!

Тамъ ужъ поприще широко,
Знай работай да не трусь...
Вотъ за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ то-и-знай, —

Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой,
Посреди тупыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой!

З а б ы т а я   д е р е в н я .

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лѣсу попросила.
Отвѣчалъ: нѣтъ лѣсу, и не жди — не будетъ!
«Вотъ пріѣдетъ баринъ — баринъ насъ разсудить,
Баринъ самъ увидитъ, что плоха избушка,
И велитъ дать лѣсу» — думаетъ старушка.

Кто-то по сосѣдству, лихоимецъ жадный,
У крестьянъ землицы косячекъ изрядный
Оттягалъ, отрѣзалъ плутовскимъ манеромъ —
«Вотъ пріѣдетъ баринъ: будетъ землемѣрамъ!»
Думаютъ крестьяне: «скажетъ баринъ слово —
И землю нашу отдадутъ намъ снова.»

Полюбилъ Наташу хлѣбопашецъ вольный,
Да перечить дѣвкѣ нѣмецъ сердобольный,
Главный управитель. «Погодимъ, Игнаша,
Вотъ пріѣдетъ баринъ!» говоритъ Наташа.
Малые, большіе — дѣло чуть за споромъ —
«Вотъ пріѣдетъ баринъ!» повторяютъ хоромъ...

Умерла Ненила; на чужой землицѣ,
У сосѣда-плута — урожай сторицей;
Прежніе парнишки ходятъ бородаты;
Хлѣбопашецъ вольный угодилъ въ солдаты,
И сама Наташа свадьбой ужь не бредитъ...,
Барина все нѣту... баринъ все не ѣдетъ!

Наконецъ однажды среди дороги
Шестернею цугомъ показались дроги:
На дорогахъ высокихъ гробъ стоитъ дубовый,
А въ гробу-то баринъ, а за гробомъ — новый.
Старого отпѣли, новый слезы вытеръ,
Сѣлъ въ свою карету — и уѣхалъ въ Питеръ.

НЕЛЕДИНСКІЙ — МЕЛЕЦКІЙ.

М о л и т в а.

Предвѣчный и неизъяснимый!
Всѣмъ славимый, непостижимый
Существовъ премудрѣйшихъ Творецъ!

Величіе Твое мой разумъ ужасаетъ;
Но сердцу нѣкій гласъ всечасно повторяетъ;
Не бойся, но люби: твой Богъ — тебѣ отецъ!

Сей гласъ есть Твой, міровъ Создатель!
Сей гласъ, о щедрый благъ Податель,
Начало къ намъ Твоихъ щедротъ.

Мы, въ немощи своей симъ гласомъ ободренны,
Имъ отъ презрѣнія самихъ себя спасенны,
Невкусный безъ того, чтимъ сладкимъ жизни плодъ.

Къ Тебѣ-ль въ надеждѣ оскудѣю!
Тебя-ль о чемъ просить посмѣю!
Тебя! мнѣ давшій бытіе

Безъ просьбы, безъ заслугъ, по благотворной
волѣ!

Весь, Боже, Твой я есмь; и жду во всякой долѣ,
Что давшій жизнь свершитъ и счастье мое.

Ты, Господи, мой путь исправишь,
Отъ гибели меня избавишь,
Спасешь созданіе Свое!

Ты-ль сына Своего, мой Отче, Ты-ль отринешь?
Ты-ль дѣло рукъ Твоихъ во бездну золь низринешь?
Залогъ щедротъ Твоихъ мнѣ — бытіе мое.

Ты благъ, когда я существую;
Отдаться въ власть Твою святую
И умъ и сердце мнѣ велить.

Несвѣдущъ я, Ты мудръ. Я слабъ, а Ты всемогущъ.
Я нуждами стѣсненъ, Ты милостью обилень.
Подверженъ я страстямъ, Ты противъ ихъ мнѣ
щитъ.

Достойное тебя служенье,
Мой долгъ, удѣлъ и наслажденье —
Тебя душою всей любить,

Во всемъ Тебѣ, Творецъ, съ надеждой покоряться,
Подъ сильною Твоей десницею смиряться
И сердцемъ пламеннымъ Тебя благодарить.

НИКИТИНЪ.

* * *

Медленно движется время.
Вѣруй, надѣйся и жди...
Зрѣй наше юное племя,
Путь твой широкъ впереди.
Молніи насъ освѣтили,
Мы на распутьи стоимъ....
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Сѣялось сѣмя вѣками,
Корни въ землѣ глубоко;
Срубись лѣса топорами, —
Зло вырывать не легко:
Намъ его въ дѣтствѣ привили,
Дѣды сроднились съ нимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Стыдъ — кто бессмысленно тужить,
 Листья зашепчутъ — онъ нѣмъ!
 Слава — кто истинѣ служить,
 Истинѣ жертвуетъ всѣмъ!
 Поздно глаза мы открыли,
 Дружно на трудъ поспѣшимъ...
 Мертвые въ мирѣ почили,
 Дѣло настало живымъ.

Рыхлая почва готова,
 Сѣйте — покуда весна:
 Добраго дѣла и слова
 Не пропадутъ сѣмена.
 Гдѣ мы и какъ ихъ добыли —
 Внукамъ отчетъ отдадимъ...
 Мертвые въ мирѣ почили,
 Дѣло настало живымъ.

Д ѣ д у ш к а .

Лысый, съ бѣлой бородою,
 Дѣдушка сидитъ;
 Чашка съ хлѣбомъ и водою
 Передъ нимъ стоитъ.

Бѣлъ какъ лунь, на лбу морщины,
Съ испытымъ лицомъ, —
Много видѣлъ онъ кручины
На вѣку своемъ.

Все прошло: пропала сила,
Притупился взглядъ;
Смерть въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучатъ.

Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой
Котъ одинъ живетъ.
Старъ и онъ, и спитъ день цѣлый,
Съ печки не спрыгнетъ.

Старику немного надо:
Лапти сплестъ, да сбыть —
Вотъ и сытъ. Его отрада —
Въ Божій храмъ ходить.

Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, кряхтя,
И за скорби славить Бога.
Боже дитя!

Радъ онъ жить, непрочъ въ могилу, —
Въ темный уголокъ...
Гдѣ ты черпалъ эту силу,
Бѣдный мужичокъ?

Зимняя ночь въ деревнѣ.

Весело сіяетъ
Мѣсяцъ надъ селомъ;
Бѣлый снѣгъ сверкаетъ
Синимъ огонькомъ.
Мѣсяца лучами
Божій храмъ облить;
Крестъ подъ облаками,
Какъ свѣча горитъ.
Пусто, одиноко
Сонное село;
Вьюгами глубоко
Избы занесло;
Тишина нѣмая
Въ улицахъ пустыхъ,
И неслышно лая
Псовъ сторожевыхъ.
Помоляся Богу,
Спитъ крестьянскій людъ,
Позабывъ тревогу
И тяжелый трудъ.
Лишь въ одной избушкѣ
Огонекъ горитъ:
Бѣдная старушка

Тамъ больна лежитъ;
Думаетъ гадаетъ
Про своихъ сиротъ:
Кто ихъ приласкаетъ,
Какъ она умретъ!
Горемыки дѣтки!
Долго-ли до бѣды!
Оба малолѣтки,
Разуму въ нихъ нѣтъ;
Какъ начнутъ шататься
По дворамъ чужимъ, —
Мудрено-ль связаться
Съ человѣкомъ злымъ....
А ужь тутъ дорога
Не къ добру лежитъ:
Позабудутъ Бога,
Потеряютъ стыдъ.
Господи помилуй
Горемыкъ — сиротъ!
Дай имъ разумъ — силу,
Будь Ты имъ въ оплотъ!...
И въ лампадкѣ мѣдной
Теплится огонь,
Освѣщая блѣдно
Ликъ святыхъ иконъ
И черты старушки,
Полныя заботъ,
И въ углу избушки

Дремлющихъ сиротъ.
 Вотъ пѣтухъ безсонный
 Гдѣ-то закричалъ;
 Полночи спокойной
 Долгій часъ насталъ.
 И Богъ вѣсть, отколѣ,
 Цѣсенникъ лихой
 Вдругъ промчался въ поле
 Съ тройкой удалой,
 И въ морозной дали
 Тихо потонулъ
 И напѣвъ печали,
 И тоски разгулъ.

Молитва дитяти.

Молись дитя: сомнѣнья камень
 Твоей груди не тяготить;
 Твоей молитвы чистый пламень
 Святой любовію горить.

Молись дитя: тебѣ внимаеть
 Творецъ безчисленныхъ міровъ,
 И капли слезъ твоихъ считаетъ,
 И отвѣчать тебѣ готовъ.

Быть-можетъ, ангелъ, твой хранитель,
Всѣ эти слезы соберетъ
И ихъ въ надзвѣздную обитель,
Къ престолу Бога отнесетъ.

Молись дитя, мужай съ лѣтами!
И дай Богъ, въ пору позднихъ лѣтъ,
Таковыми-жъ свѣтлыми очами
Тебѣ глядѣть на Божіи свѣтъ!

Но если жизнь тебя измучить,
И умъ и сердце возмутить,
Но если жизнь роптать научить,
Любовь и вѣру погасить, —

Приникни съ жаркими слезами,
Креста подножье обойми:
Ты примиришься съ небесами,
Съ самимъ собою и съ людьми,

И вновь тогда изъ райской сѣни
Хранитель-ангелъ твой сойдетъ,
И за тебя, склонивъ колѣни,
Молитву къ Богу вознесетъ.

Жена ямщика.

Жгучь морозъ трескучій,
На дворѣ темно;
Серебристый иней
Запустилъ окно.

Тяжело и скучно,
Тишина въ избѣ,
Только вѣтеръ воетъ
Жалобно въ трубѣ.

И горитъ лучина,
Издавая трескъ,
На палаты, стѣны,
Разливая блескъ.

Дремлетъ подлѣ печки,
Прислонясь къ стѣнѣ,
Мальчуганъ курчавый
Въ старомъ зипунѣ.

Слабо освѣщаетъ
Блѣдный огонекъ
Дѣтскую головку
И румянецъ щекъ.

Тѣнь его головки
На стѣнѣ лежитъ;
На скамьѣ за прялкой,
Мать его сидитъ.

Ей не даромъ снился
Страшный сонъ вчера:
Вся душа изныла
Съ ранняго утра.

Пятая недѣля
Вотъ къ концу идетъ,
Мужъ что въ воду канулъ,
Вѣсточки не шлетъ.

«Ну, Господь помилуй,
Если съ мужикомъ
Грѣхъ какой случился
На пути глухомъ...»

Дѣло мое бабье,
Цѣлый вѣкъ болить,
Что я буду дѣлать
Одиной — одна!

Сынъ еще ребенокъ,
Скоро ль подростетъ!
Бѣдный!... все гостинца
Отъ отца онъ ждетъ!..»

И глядитъ на сына
 Горемыка мать.
 «Ты бы легъ, касатикъ,
 Перестань дремать!»

— «А зачѣмъ же, мама,
 Ты сама не спишь,
 И вѣчоръ все пряла,
 И теперь сидишь?»

«Ахъ, мой ненаглядный,
 Прясть-то нѣтъ ужъ силъ:
 Что-то такъ мнѣ грустно,
 Божій свѣтъ не милъ!»

— «Полно плакать, мама!» —
 Мальчуганъ сказалъ
 И къ плечу родимой
 Головой припалъ.

«Я не стану плакать:
 Лягъ, усни, дружокъ:
 Я тебѣ соломки
 Принесу снопокъ,

Постелю постельку,
 А Господь пошлетъ —
 Твой отецъ гостинецъ
 Скоро привезетъ;

«Новыя салазки
Сдѣлаеть опять:
Будеть въ нихъ сыночка
По двору катать...»

И дитя забылось.
Ночь длинна, длинна....
Мѣрно раздаётся,
Звукъ веретена.

Дымная лучина
Чуть въ свѣтцѣ горить,
Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй шумить.

Мнится будто стонетъ
Кто-то у крыльца,
Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца....

И на память пряхѣ
Молодость пришла:
Вотъ и мать старушка,
Мнится, ожила,

Сѣла на лежанку
И на дочь глядить:
«Сохнешь ты, родная,
Сохнешь, говорить:

Гдѣ тебѣ, голубкѣ,
Замужемъ-то жить,
Трудъ, порой рабочей,
Въ полѣ выносить!

«И въ кого родилась
Ты съ такимъ лицомъ?
Старшій-то сестры
Кровь вѣдь съ молокомъ!

«И разгульны, правда,
Нечего сказать,
Да за то имъ шутка
Молотить и жать.

«А тебя за разумъ
Хвалить вся семья,
Да любить-то любить
Только мать твоя.»

Вотъ въ сѣняхъ избушки
Кто-то застучалъ.
«Батюшка пріѣхалъ!»
Мальчуганъ сказалъ

И вскочилъ съ постели,
Щечки ярче розъ.
«Батюшка пріѣхалъ
Калачей привезъ!...»

«Вишь морозъ какъ крѣпко
Дверь-то прихватилъ!» —
Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ....

И мужикъ плечистый
Сильно дверь рванулъ,
На порогъ съ шапки
Иней отряхнулъ,

Осѣнилъ три раза
Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:

— «Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?
Экая погода,
Въ полѣ слѣду пѣтъ!

Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
Я лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ». —

«А мой мужъ?» спросила
Ямщика жена,
И бѣлѣ снѣга
Сдѣлалась она.

«Да въ Москву прїѣхавъ,
 Вдругъ онъ захворалъ,
 И Господь бѣднягѣ
 По душу послалъ.» —

Вѣсть, какъ громъ, ушала...
 И, едва жива,
 Перевестъ дыханья
 Не могла вдова.

Опустивъ ручонки,
 Сынъ дрожитъ, какъ листъ...
 За стѣной избушки
 Былъ и плачь, и свистъ .:

— «Вишь какая притча!»
 Разсуждалъ мужикъ:
 «Вѣрно я не въ пору
 Развязалъ языкъ.

А вѣдь жалко бабу,
 Что и говорить!
 Скоро ей придется
 По міру ходить.

«Полю горевать-то,
 Онъ вдовѣ сказалъ:
 Стало неча дѣлать,
 Богъ знать наказатъ!

«Ну! прощай покуда,
Мнѣ домой пора;
Лошади-то ваши
Тутъ вотъ у двора.

«Да!... вѣдь эка память,
Все сталъ забывать:
Вотъ отецъ сынишкѣ
Крестъ велѣлъ отдать.

Самъ онъ черезъ силу
Съ шен его снялъ,
Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
Въ руки и сказалъ:

«Вотъ благословенье
Сыну моему;
Пусть не забываетъ
Мать, скажи ему.

«А тебя-то, видно,
Крѣпко онъ любилъ:
По смерть твое имя,
Бѣдный, онъ твердилъ.»

Удаль и забота.

Таеъ забота, какъ свѣчка,
Вѣкъ отъ тоски пропадаетъ;
Удали горе, не горе,
Въ цѣпи закуй — распѣваетъ.

Ляжетъ забота — не спится,
Спать ли, пройди — встрепенется:
Спать молодецкая удалъ,
Громомъ ударъ — не проснется.

Клонится колось отъ вѣтра,
Вѣтеръ заботу наклонить:
Встрѣтится удалъ съ грозой —
На-ухо шапку заломить.

Всѣхъ-то забота бонится,
Топнуть ногой — поблѣднѣеть:
Топнуть ногою на удалъ —
Лѣзетъ на ножъ, не робѣеть.

По-смерть забота скупится,
Поздно и рано хлопочетъ:
Удалъ, не думавъ, добудетъ.

Кинетъ на вѣтеръ —

Пѣсня заботы не пѣсня:
 Слушать — тоска одолѣеть:
 Удадь присвистнегъ, притопнегъ —
 Горе и думу развѣгъ.

Явится въ гости забота,
 Въ домѣ и скука, и холодъ:
 Удадь влетитъ, да обниметъ, —
 Станешь и веселъ, и молодъ.

Ночлегъ въ деревнѣ.

Душный воздухъ, дымъ лучины,
 Подъ ногами соръ,
 Соръ на лавкахъ, паутины,
 По угламъ узоръ:
 Закоптѣлыя палаты,
 Черствый хлѣбъ, вода,
 Кашель пряхи, плачь дитяти....
 О, нужда, нужда!
 Мыкать горе, вѣкъ трудиться,
 Нищимъ умереть....
 Вотъ гдѣ нужно бы учиться
 Вѣрить и терпѣть.

Н. ОГАРЕВЪ.

* * *

Когда тревогою безплодной
Моя душа утомлена,
И я брожу въ тоскъ холодной,
И жизнь мнѣ кажется скучна,
И мнѣ случится не парочно
Увидѣть, какъ въ безпечномъ снѣ
Лежитъ младенецъ непорочный,
Какъ Ангель Божій — легче мнѣ.
Гляжу я долго на ребенка:
Какъ хорошо, невинно онъ
Раскинулъ ножки и ручонки!
Какой онъ грезить свѣтлый сонъ!
Легко улыбка сохранилась
На чуть растворенныхъ устахъ,
И тихо мать надъ нимъ склонилась
Съ такою пѣжностью въ очахъ.

Мнѣ легче, да! и въ умиленіи
Я такъ глубоко вѣрю вновь,
Что на землѣ есть наслажденіе,
Есть чистота и есть любовь.

П у т н и к ъ .

Долъ туманенъ, воздухъ сыръ,
Туча небо кроетъ,
Грустно смотритъ тусклый міръ,
Грустно вѣтеръ воетъ.
Не страшися, путникъ мой,
На землѣ все битва;
Но въ тебѣ живетъ покой,
Сила да молитва.

Деревенскій сторожъ.

Ночь темна, на небѣ тучи,
Бѣлый снѣгъ кругомъ,

И разлитъ морозъ трескучій
Въ воздухѣ ночномъ.
Вдоль по улицѣ широкой
Избы мужиковъ —
Ходитъ сторожъ одинокій,
Слышенъ скрипъ шаговъ.
Зябнетъ сторожъ, вьюга смѣло
Злится вокругъ него,
На морозъ побѣдила
Борода его.
Скучно! радость измѣнила,
Скучно одному,
Пѣснь его звучить уныло
Сквозь мятежь и тьму.
Ходитъ онъ въ ночи безлунной,
Бѣла утра ждетъ,
И въ края доски чугуновой
Съ тайной грустью бьетъ;
И качаясь завываетъ
Звонкая доска...
Пуще сердце замираетъ,
Тяжелѣй тоска!

И з б а.

Небо въ часъ дозора
Обходя, луна
Свѣтитъ сквозь узора
Мерзлаго окна.
Вечерь зимній длится,
Дѣдушка въ избѣ
На печи ложится,
И ужь спитъ себѣ.
Помоляся Богу
Улеглася мать;
Дѣти понемногу
Стали засыпать.
Только, за работой,
Молодая дочь
Борется съ дремотой
Во всю долгу ночь,
И лучина блѣдно
Передъ ней горитъ.
Все въ избушкѣ бѣдной
Тишиной томить;
Лишь звучитъ докучно
Болтовня одна

Прялки однозвучной
Да веретена.

В е ч е р ь.

Когда настанетъ вечеръ ясный,
Люблю на берегу пруда [!]
Смотрѣть, какъ гаснетъ день прекрасный
И загорается звѣзда;
Какъ ласточка неуловимо
По лону водъ скользя крыломъ,
Несется быстро, быстро мимо —
И исчезаетъ... Смутнымъ сномъ
Тогда душа полна бываетъ —
Ей какъ-то грустно и легко,
Воспоминанье увлекаетъ
Ее куда-то далеко.
Мнѣ грезятся иные годы,
Такой-же вечеръ у пруда,
И тихо дремящія воды,
И одинокая звѣзда,
И ласточка, и все, что было,
Что сладко сердце разбудило
И промелькнуло навсегда.

На сонъ грядущій.

Ночная тьма безмолвіе приноситъ
И къ отдыху зоветъ меня.
Пора, пора! покоя тѣло просить,
Душа устала въ вихрѣ дня.
Молю тебя, предъ сномъ грядущимъ, Боже:
Дай людямъ миръ, благослови
Младенца сонъ, и нищенское ложе,
И слезы тихія любви!
Прости грѣху, на жгучее страданье
Успокоительно дохни,
И всѣ твои печальныя созданья
Хоть сновидѣньемъ обмани!

Д. ОЗНОБИШИНЪ.

К ю в ь е .

Таинственный, безмолвный и великій
Былъ край, куда онъ, смѣлый, нисходилъ:
На зовъ его являлись мертвыхъ лики,
И съ ними онъ безстрашный говорилъ.
Въ скупой землѣ онъ не искалъ стяжаній:
Онъ жизнь искалъ, гдѣ жизни слѣдъ погасъ, —
И дивный міръ предъ силой обаяній
Затрениталъ, услыша вѣщій гласъ.
Раскрылись предвѣчныя скрижали....
Вотще потопъ горами ихъ облекъ:
Предъ мыслию во прахъ граниты пали, —
Минувшее разоблачилъ пророкъ....
Онъ міръ прозрѣлъ, но чуждый намъ и дальный,
Гдѣ мамонтъ жилъ, драконъ и кракенъ злой,
Въ столѣтьяхъ бурь, гдѣ каменѣли пальмы,
И человѣкъ надъ всѣмъ парилъ главой;

Созданій всѣхъ предъ нимъ мелькнули тѣни,
Забытыя въ преданьяхъ на землѣ,
И онъ прошелъ подземныя ступени,
Не утомясь и съ думой на челѣ.
Былъ кратокъ путь его отъ колыбели;
Но въ этотъ путь какъ много онъ вмѣстилъ!
Вѣка предъ нимъ въ хаосѣ пролетѣли,
И мрачность ихъ онъ свѣтомъ озарилъ.
Какъ Прометей, обнявши всѣ сказанья,
Онъ древній міръ въ обломкахъ разгадалъ,
И чудныя, погибшія созданья
Изъ персти взялъ и къ жизни возсоздалъ.

Е. ПАВЛОВА.

Читала часто, съ грустью дѣтской,
Сказаніе святое я,
Какъ ночью въ край Геннисаретской
Неслась апостоловъ ладья.

И въ переливы мглы ненастной
Смотря, они узрѣли вдругъ,
Какъ шелъ къ нимъ моремъ образъ ясной,
И ихъ сердца стѣснилъ испугъ.

И надъ волной неугомонной
Къ нимъ гласъ божественный проникъ:
То Я! дерзайте — и смущенной
Тогда отвѣтилъ ученикъ:

«Коль это Ты, мнѣ сердце нынѣ,
«Учитель, ободри въ груди:

«Вели идти мнѣ по пучинѣ»
И рекъ Господь ему: — иди!

И онъ пошелъ, — и бездны влага
Въ сплошной сливалася кристаллъ,
И тяжесть твердаго онъ шага
На зыбки воды упиралъ.

Но бурный вѣтръ взорвалъ пучину;
И въ немочи душевныхъ силъ
Онъ, погибая, Дѣвы къ Сыну
Молящимъ гласомъ возопилъ.

И мы, младыя, вѣры полны.
По морю бытія пойдемъ;
Но скоро почернѣютъ волны,
И дальній загрохочетъ громъ.

И усомнимся мы душою,
И средь грозящей ночи тьмы
Къ Тебѣ, съ трепещущей мольбою,
Взываемъ, Господи, и мы.

Не намъ до Божьяго примѣра
Достигнуть силою святой!
Не наша уцѣлѣть вѣра
Въ грозѣ, надъ глубио роковой!

Кто жизни злое испытанье
Могучимъ духомъ встрѣтитъ могъ!

Кто жаръ любви и упованье,
Или хоть грусть въ душѣ сберечь?

Всѣ чувства вянуть въ насъ незримо;
Всѣ слезы сохнуть, какъ роса;
Земля и небо идутъ мимо:
Его лишь вѣчны словеса.

---

* * *

Не гордою возьмемъ борьбою
Мы верхъ надъ бѣдствіемъ мірскимъ:
Лишь къ Богу всей взносясь душою,
Смирясь всѣмъ сердцемъ передъ нимъ,
Пройдемъ чрезъ горе и невзгоды
Мы, племя брнное земли,
Какъ чрезъ морскія злыя воды
Евреи некогда прошли!
И какъ оплотомъ было море
Нмъ въ оный день, стѣной спрямясь,
Такъ роковое будетъ горе
Святой опорю для насъ!

Разговоръ въ Трианонѣ.

Ночь лѣтнюю смѣняло утро;
Отливомъ блѣднымъ перломутра
Востокъ во мракѣ просіялъ;
Погась рой звѣздъ на небосклонѣ; —
Не унимался въ Трианонѣ
Веселый шумъ и длился балъ.

И въ свѣжемъ сумракѣ боскетовъ
Вездѣ вопросовъ и отвѣтовъ
Живые шопоты неслись,
И въ толкахъ о своихъ затѣяхъ
Гуляли въ стриженныхъ аллеяхъ
Толпы напудренныхъ маркизъ.

Но гдѣ въ глуби, сквозь зелень парка,
Огни не такъ сверкали ярко. —
Шли, избѣгая шумныхъ встрѣчъ,
Въ тотъ часъ, подѣ липами густыми,
Два гостя тихо, и межъ ними
Иная продолжалась рѣчь.

Не походили другъ на друга
Они: одинъ былъ сыномъ юга,

По виду странный человекъ:
 Высокій станъ, какъ шпага гибкой,
 Уста съ холодною улыбкой,
 Взоръ мѣткій изъ подъ быстрыхъ вѣкъ.

Другой, рябой и безобразный,
 Казался чуждъ толпѣ той празднои,
 Хоть съ ней мѣшался не впервой;
 И шедши, полонъ думой злою.
 Съ повадкой львиной онъ порою
 Качалъ огромной головой.

Онъ говорилъ: — приходитъ время!
 Пусть тѣшится слѣное племя;
 Внезапно средь его утѣхъ
 Прогрянетъ черни ревъ голодный,
 И предъ анаемой народной
 Умолкнетъ наглый этотъ смѣхъ.

Да, молвилъ тотъ, всегда такъ было,
 Влечетъ ихъ рѣковая сила,
 Свой старый долгъ они спѣшатъ
 Довести до старшаго итога;
 Онъ взыщется сполна и строго,
 И близокъ тяжкій день уплатъ.

Свергая древніе законы,
 Народа встануть миллионы.
 Кровавый наступаетъ срокъ;

Но мнѣ извѣстны бури эти,
И четырехъ тысячелѣтій
Я помню горестный урокъ.

И нынѣшняго поколѣнья
Утихнутъ грозныя броженья.
Людской толпѣ, повѣрьте, графъ,
Опять понадобятся узы,
И бросагъ эти же Французы,
Наслѣдство вырученныхъ правъ.

— Нѣтъ! не сойдуся я въ этомъ съ вами,
Воскликнулъ графъ, сверкнувъ глазами,
Нѣтъ! лжи не вѣчно торжество!
Я — сынъ скептическаго вѣка,
Я твердо вѣрю въ человѣка
И не боюся за него.

Народъ окрѣпнетъ для свободы,
Созрѣютъ медленные всходы,
Дождется новыхъ онъ началъ;
Вѣка считая скорбнымъ счетомъ,
Своею кровью онъ и потомъ
Не даромъ почву утучнялъ....

Умолкъ онъ, взрывъ смиряя тщетный;
А тотъ улыбкой чуть замѣтной
На страстную отвѣтилъ рѣчь;
Потомъ, взглянувъ на графа остро:

— Нельзя, сказалъ онъ, Калиостро
Словами громкими увлечь.

Своей не терпишь ты неволи,
Свои ты вспоминаешь боли,
И противъ жизненнаго зла
Идешь съ неотразимымъ жаромъ;
Въ себя ты вѣришь и, не даромъ,
Графъ Мирабо, въ свои дѣла.

Ты знаешь, что въ тебѣ есть сила,
Какъ путеводное свѣтило,
Встать средь гражданскихъ непогодъ;
Что въ увлеченьи вѣчно юномъ
Своимъ любимцемъ и трибуномъ
Провозгласить тебя народъ.

Да, и пойдетъ онъ за тобою,
И кости онъ твои съ мольбою,
Внесетъ, быть можетъ, въ Пантеонъ;
И новымъ оцѣнѣвъ успѣхомъ,
Съ проклятьемъ, можетъ-быть, и смѣхомъ
По вѣтру ихъ размечетъ онъ.

Всегда, въ его тревогѣ страстной,
Являлся, въ слѣдъ за мыслью ясной,
Слѣпой и дикій произволь;
Всегда любовь его бесплодна,

Всегда онъ былъ, поочередно
Иль лютый тигръ, иль смиренный волъ.

Толпу я знаю не отнынѣ;
Шелъ съ Моисеемъ я въ пустынѣ;
Покуда онъ, моля Творца,
Народу несъ скрижалъ закона,
Народъ кричалъ вокругъ Аарона
И лилъ въ безуміи тельца

Я видѣлъ грознаго пророка,
Какъ онъ, разбивъ кумиръ порока,
Сталъ средь трепещущихъ людей,
И повелѣлъ имъ, полонъ гнѣва,
Направо рѣзать и налѣво,
Отцовъ, и братій, и дѣтей.
Я въ циркѣ зрѣлъ забавы Рима;
На встрѣчу гибели шелъ мимо
Рабовъ покорныхъ длинный строй,
Всемирной кляпясь державѣ:
И громкое звучало «Ave!»
Передъ несмѣтною толпой.

Стоялъ жрецомъ я Аполлона
Вблизи у Кесарева трона;
Сливались клики въ буйный хоръ;
Я тщетно ждалъ пощады знака,
И умирающаго Дака
Я взоромъ встрѣтилъ грустный взоръ.

Я былъ въ далекой Галлилеи,
 Я видѣлъ, какъ сошлись Евреи
 Судить Мессію своего;
 Въ награду за слова спасенья,
 Я слышалъ вопли изступленья:
 Распни Его! Распни Его!

Стоялъ величественъ и нѣмъ Онъ,
 Когда блѣднѣющій игемонъ
 Спросилъ у черни, оробѣвъ:
 — Кого-жь пуцу вамъ по уставу?
 — «Пусти разбойника Варавву!»
 Взгремѣлъ толпы безумный ревъ.

Я видѣлъ праздники Нерона.
 Одѣтъ въ броню центуріона,
 День памятный провелъ я съ нимъ;
 Ему вино лила Пoppея, —
 Онъ пѣлъ стихи въ хвалу Энея, —
 И вылъ кругомъ зажженный Римъ.

Смотрѣлъ я на бѣду народа.
 Безъ силъ искать себѣ исхода,
 Съ тупымъ желаніемъ конца,
 Ложась средь огненнаго града.
 Людское умирало стало
 Въ глазахъ безпечнаго пѣвца.

Прошли вѣка надъ этимъ Римомъ;
Опять я прибылъ пилигримомъ
Къ вратамъ знакомымъ съ давнихъ поръ;
На площади былъ шумъ великій:
Всходилъ, къ веселью черни дикой,
Ея заступникъ на кастеръ.

И горькихъ встрѣчъ я помню много;
Была и здѣсь моя дорога:
Я помню, какъ сбылось при мнѣ,
Убийство злое войновъ храма, —
Весь этотъ судъ грѣха и срама.
Я помню гимны ихъ въ огнѣ.

Сто лѣтъ потомъ стоялъ я снова,
Въ Руанѣ, у костра другаго;
Позорно умереть на немъ
Шла избавительница края;
И бѣшено ее ругая,
Народъ опять ревѣлъ кругомъ.

Она шла тихо, безъ боязни,
Не содрагаясь, къ мѣсту казни,
Среди проклятій безъ числа;
И разъ при взрывѣ злаго гула,
На свой народъ она взглянула,
Главой поникла и прошла.

Я прожилъ ночь Вареолюмел;
Чрезъ груды труповъ, свирѣпѣя,
Неслась толпа передо мной;
И новому предлогу рада,
Съ рыканьемъ звѣрскимъ, до упада
Безумной тѣпилась рѣзней.

Узналъ я вопли черни жадной;
Въ ея побѣдѣ безпощадной
Я вновь увидѣлъ большинство;
При мнѣ ватага угощала
Другъ друга мясомъ адмирала
И сердце жарила его.

И въ Англии провелъ я годы;
Во имя вѣры и свободы,
Я видѣлъ, какъ игралъ Кромвель
Всевластно массою слѣпою,
И смѣлой ухватилъ рукою
Свою достигнутую цѣль.

Я видѣлъ этотъ споръ кровавый,
И судъ народа надъ державой,
Я видѣлъ плаху короля;
И гдѣ отецъ погибъ наирасно,
Сидѣлъ я съ сыномъ безопасно,
Развратный пиръ его дѣля.

И этотъ вѣкъ стоитъ готовый
Къ перевороту бури новой,
И грозный плодъ его созрѣлъ;
И много здѣсь опоръ разбитыхъ,
И тщетныхъ жертвъ, и силъ сердитыхъ,
И темныхъ пронесется дѣлъ.

И дѣву, можетъ быть, иную,
Карая доблесть въ ней святую,
Присудить къ смерти грѣшный судъ;
И, за свои сразившись вѣры,
Иные, можетъ, тампліеры
Свой гимнъ на плахѣ запоютъ.

И вашимъ внукамъ расскажу я,
Что, возставая и враждуя,
Вы обрѣли въ своей борьбѣ,
Къ чему васъ привела свобода,
И какъ отъ этого народа,
Пришлось отречься и тебѣ.

Онъ замолчалъ. — И вдоль востока
Лучи зари, блеснувъ широко,
Свѣтлѣй всходили и свѣтлѣй.
Взглянулъ, въ опроверженъе рѣчи,
На солнца ясные предтечи
Надменно будущій плебей.

Объятый мыслью роковою,
Махнулъ онъ дерзко головою, —
И оба молча разошлись.
А въ толкахъ о своихъ затѣяхъ.
Гуляли въ стриженныхъ аллеяхъ
Толпы напудренныхъ маркизъ.

Р и м ъ.

Мы ѣдемъ долиною голой,
Не встрѣтась съ живою душой;
Вдали, изъ подъ тучи тяжелой,
Виднѣется городъ большой.

И, будто бъ его называя,
'Чрезъ мертвый пустыни предѣль
Отъ неба стемнѣвшаго края
Отрывистый громъ прогремѣль.

Кругомъ все сурово и дико;
Одинъ онъ въ пространствѣ нѣмомъ
Стоитъ многогрѣшный владыка,
Развѣчанный Божимъ судомъ.

Стоить беззащитный, недужный,
И смотреть съдой исполинъ
Угрюмо въ угрюмый окружный
Просторъ молчаливыхъ равнинъ,

Гдѣ вѣсти и казнь, и законы
Гонцы его міру несли,
Гдѣ тѣсные шли легіоны,
Гдѣ били челомъ короли.

Онъ смотритъ, какъ вѣтеръ поляны
Песокъ по пустынѣ мететь
И сѣрые всходятъ туманы
Изъ топи тлетворныхъ болотъ.

Неаполь.

На палубѣ въ утренней часѣ я стояла, —
Мы къ южной неслися роскошной странѣ;
Въ раздольной, шумливой морской ширинѣ
Смирялися брызги задорныя вала.

Мы быстро неслися; отбѣгала свѣтло
Съ боковъ порохода струистая пѣна;

Ждала я: — въ заливъ выдавалась Мизена,
Везувія тихо дымилось жерло.

И съ лѣвой руки разстилаясь, и съ правой,
Видѣлись берега благодатной земли;
И взоромъ я града искала вдали,
Облитаго моремъ, мощаго лавой.

И тамъ, гдѣ эфирный сіяющій сводъ
Касался съ любовью земнаго предѣла,
Неаполь блеснулъ, и раскинулся бѣло
Межъ яхонтомъ неба и яхонтомъ водъ.

Праздникъ Рима.

Врагъ побѣжденъ; взять островъ Мона;
Со славой рать пришла назадъ;
Блестить въ огняхъ дворець Нерона,
Пируетъ семихолмный градъ.

Весь день въ аренахъ длились игры,
Умолкъ недавно цирка ревъ;
Спать, пересытись, львы и тигры
На искаженныхъ трупахъ дѣвъ.

Въ прозрачномъ свѣтитя туманѣ
Палать и храмовъ длинный рядъ;
Вдоль пышныхъ улицъ христіане
Смолой облитые горять.

Безъ устали несутся мимо
Толпы веселой крикъ и смѣхъ, —
Великолѣпенъ праздникъ Рима,
И грозенъ гулъ его утѣхъ.

Средь бурнаго людскаго вала
Стоялъ на шумной площади
Одинъ пришлецъ у пьедестала
Волчихи, вылитой въ мѣди.

Угрюмый, не дѣля ихъ пира,
Презрѣнный варваръ, онъ глядѣлъ,
Какъ тѣшилась столица міра,
Взявъ властно міръ себѣ въ удѣлъ.

Онъ слушалъ оргіи дикій грохотъ,
И съ буйнымъ кликомъ праздника
Его сливался злобный хохотъ,
И полувнятыя слова:

— Ты правъ! Воздвигнулъ градъ свой вѣчный
«Не даромъ ты: дай волѣ ходъ,

«Ликуй въ свирѣпости безнечной, —
 «Ты правъ, неистовый народъ!

«Да, требуй крови ты, какъ хлѣба,
 «Свершай съ безстрашной жаждой зла,
 «Въ виду поруганнаго неба,
 «Свои ты звѣрскія дѣла.

«Свой лютой пиръ купилъ ты златомъ,
 «Тебѣ и завтра онъ готовъ;
 «Ликуй, смѣняй развратъ развратомъ,
 «Въ лазури этой иѣтъ боговъ!....»

И звѣздъ безмятежныхъ проносится хоръ,
 И смотритъ на Рима блестящій позоръ,
 И смотритъ, свой путь продолжая,
 На темную степь, на безбрежный просторъ,
 На дебри далекаго края.

Тамъ странныя рати куда-то спѣшатъ,
 На тощихъ коняхъ, безъ щита и безъ латъ,
 Проходятъ чрезъ глушь и тѣснины,
 Проходятъ чрезъ доли, средь тоней и блатъ,
 Плывають чрезъ рѣчныя стремнины.

Идетъ въ неизвѣстный, кровавый походъ,
 Уродливый, злой, безыменный народъ.
 Несется онъ, куча за кучей,
 Въ предѣлъ изъ предѣла впередъ и впередъ,
 Густой, безконечною тучей.

— Блаженствуй Римъ! пируй по праву
Ты отъ зари и до зари,
Со всей земли, себѣ въ забаву,
Дань безпощадную бери;

И въ буйствѣ власти безъ предѣла
Бросай рабовъ когтямъ звѣрей;
Пируй! — тебѣ какое дѣло
До тѣхъ безвѣстныхъ дикарей!...

ПА Н Ю Т И Н Ъ.

Ж н и ц а.

Надъ полемъ легкій паръ струится;
Готово солнце опуститься
Въ зеркальную равнину водъ....
Уныло молодая жница
Въ степи поетъ.

Поетъ она печаль разлуки,
Любви отчаянной и муки,
Тоску по милой сторонѣ....
И слышать этой пѣсни звуки
Такъ скучно мнѣ.

Я вспоминаю, безразсудный,
О бѣдствіяхъ години трудной,
О мукахъ юныхъ дней моихъ....
Все громче, громче голосъ чудный —
И вдругъ затихъ.

Затихъ, — и лишь колосья нивы
Качаетъ вѣтерокъ игривый —
Но смущена душа моя,
И звучной пѣсни переливы
Все слышу я.

Падающая звѣзда.

(ИЗЪ БЕРАНЖЕ).

«Пастухъ! ты говоришь, звѣзда,
Сіяя въ небѣ, править нами.»
— Да, сынъ мсѣ! но она всегда
Отъ насъ закрыта облаками.
— «Пастухъ! сводъ неба не закрыть
Предъ тѣмъ, кто въ небесахъ читаетъ.
Что это за звѣзда летитъ,
Летитъ, летитъ и исчезаетъ?»

— Мой сынъ! жизнь каждаго изъ насъ
Угаснетъ со своей звѣздой.
Одинъ счастливецъ въ этотъ часъ
Уснулъ за чашей круговою.
Онъ мертвъ среди друзей лежитъ.
Внезапно пѣсня умолкаетъ,...

— «А вонъ еще звѣзда летитъ,
Летитъ, летитъ и исчезаетъ.»

— О сынъ мой, какъ свѣтла она!
Съ ней гаснетъ чистое созданье.
Красавица обручена,
И наступаетъ день вѣнчанья.
Цвѣтами ликъ ея обвить;
Алтарь невѣсту ожидаетъ....

— «А вонъ еще звѣзда летитъ,
Летитъ, летитъ и исчезаетъ.»

— Мой сынъ! то быстрая звѣзда
Новорожденного вельможи.
Онъ свѣтъ покинулъ навсегда,
И пусто золотое ложе.
Льстецами бѣ не былъ онъ забыть:
Ядъ лести знатнаго питаетъ....

— «А вонъ еще звѣзда летитъ.
Летитъ, летитъ и исчезаетъ.»

— Мой сынъ! звѣзда временщика
То страшно такъ блеститъ надъ нами.
Онъ издѣвался свысока
Надъ нашей родины бѣдами;
Но всякъ забыть его спѣшитъ;
Скорѣй портретъ его скрываетъ....

— «А вонъ еще звѣзда летитъ,
Летитъ, летитъ и исчезаетъ.»

— Плачь, сынъ мой! Источенъ навѣкъ
Источникъ милостей для многихъ:
То умеръ щедрый человекъ,
Отецъ всѣхъ нищихъ и убогихъ.
Еще сегодня былъ открытъ.
Приютъ, гдѣ бѣдный отдыхаетъ....
— «А вонъ еще звѣзда летитъ,
Летитъ, летитъ и исчезаетъ.»

— То меркнетъ царская звѣзда...
Иди мой сынъ — будь чистъ душою,
Да, не тускнѣя никогда,
Звѣзда сіяетъ надъ тобою!
Но съ пользою будь знаменитъ,
Чтобъ не сказали: онъ блистаетъ,
Но быстро, какъ звѣзда, летитъ,
Летитъ, летитъ и исчезаетъ.

П Л Е Щ Е Е В Ъ.

Двѣ дороги.

(Посв. И. С. Аксакову).

1.

Двѣ легли дороги, братья, передъ нами,
А какая лучше, разсудите сами.
Первая дорога — широка, привольна,
Всякаго народу ходить тутъ довольно,
Глаже, веселѣе не сыскать дороги;
Не изрѣжутъ камни пѣшеходу ноги:
По бокамъ все рощи съ темною листвою:
Есть, гдѣ пріютиться отъ дождя и зною.
И въ садахъ роскошныхъ недостатка нѣту,
И гулять въ нихъ можетъ всякій безъ запрету;
Тамъ плоды на солнцѣ, наливаясь, зрѣютъ,
Тамъ цвѣты въ зеленой муравѣ нестрѣютъ,
Какъ богатой ткани яркіе узоры;

Любоваться ими не устанутъ взоры!
И ведетъ не къ горю, не къ нуждѣ гнетущей.
А къ счастливой долѣ этотъ путь цвѣтущій.
Въ роскоши да въ нѣгѣ, весело, богато
Заживетъ счастливецъ въ росписныхъ палатахъ;
Передъ нимъ холопы будутъ изгибаться,
Отъ него подачки жадно добиваться...
Золотомъ пресыщенъ и пресыщенъ властью,
Попривыкнувъ къ лести и къ подобострастью,
Онъ совсѣмъ забудетъ, что на бѣломъ свѣтѣ
Есть нужды и горя страждущія дѣти,
Что они не знаютъ счастья до могилы,
А чела не клонятъ рабски передъ силой.
Славная дорога! Хоть кого заманить,
Околдуетъ сердце, разумъ отуманить!

2.

Но другой есть путь, кремнистый,
По горамъ крутымъ идетъ;
Не шумитъ здѣсь садъ тѣнистый
И не зрѣетъ сочный плодъ.
Только острые каменя
Чья-то щедрая рука
Разбросала на мученье
Пѣшехода бѣдняка.
Тернъ колючій то и дѣло
Вырастаетъ изъ земли
И ему вонзаетъ въ тѣло

Иглы острыя свон.
Раскаляются отъ зною
Безконечные пески
И съ зловонною водою
Здѣсь сочатся родники.
Бездны — черныхъ тучь мрачнѣе —
Взоры путника страшатъ,
Съ ядовитымъ жаломъ змѣи
Между камнями кишатъ....
И идущимъ по такому
Безоградному пути —
Въ золоченые хоромы,
Къ наслажденью, не придти!
И не ждуть они веселья!
На пирахъ имъ мѣста нѣтъ:
Въ путь они пустились съ цѣлюю
Проложить въ пустынѣ слѣдъ.
Хоть угрюма та дорога
И не къ радостямъ ведетъ,
Но по ней — за ними много
Новыхъ путниковъ пойдетъ
Съ упованьемъ, что желанный
Чась придетъ когда-нибудь,
Что на край обѣтованный
Будетъ имъ дано взглянуть.
И съ душою умиленной,
Въ этотъ часъ съ крутыхъ высотъ,
Солнца правды надъ вселенной

Встрѣтятъ путники восходъ!..
Такъ-то, братья! Передъ нами
Пролегають два пути:
Разсудите же вы сами —
По какому намъ идти?

Птичка.

Для чего пѣвунья птичка,
Птичка рѣзвая моя,
Ты такъ рано прилетѣла
Въ наши дальніе края?

Заслонили солнце тучи,
Небо все заволокли,
И тростникъ сухой и желтый
Клонить вѣтеръ до земли.

Вотъ и дождикъ, посмотри-ка,
Хлынулъ словно изъ ведра,
Скучно, холодно, какъ будто
Не весенняя пора!

— Не для солнца, не для неба
Прилетѣла я сюда,

Въ камыпахъ сухихъ и желтыхъ
Не совью себѣ гнѣзда.

Я совью его подѣ кровлей
Горемыки бѣдняка,
Богомъ я ему въ отраду
Послана издалека.

Въ часть, какъ онъ, вернувшись съ поля
Въ хату ветхую свою,
Ляжетъ, грустный, на солому, —
Пѣсню я ему спою.

Для него я эту пѣсню
Принесла изъ-за морей;
Никогда ее не пѣла
Для счастливыхъ я людей.

Въ ней повѣдаю я много
Про иной, чудесный свѣтъ.
Гдѣ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,
Ни нужды, ни горя нѣтъ.

Эта пѣсня примиренье
Въ грудь усталую прольетъ;
И съ надеждою на Бога
Бѣдный труженикъ заснетъ,

---

* * *

О еслибъ знали вы, друзья моей весны,
Прекрасныхъ грезъ моихъ, порывовъ благород-
ныхъ,

Какой мучительной тоской отравлены
Проходятъ дни мои въ волненіяхъ бесплодныхъ!

Былое предо мной какъ призракъ возстаетъ,
И тайный голосъ мнѣ твердитъ укоръ правдивый:
Чего убить не могъ суровый жизни гнетъ,
Зарылъ я въ землю самъ! зарылъ какъ рабъ лѣ-
нивый.

Душѣ была дана любовь отъ Бога въ даръ,
И отличать дано добро отъ зла умѣнье;
На что же тратилъ я священный сердца жаръ?
Упорно-ль къ цѣли шелъ во имя убѣжденья?

Я заключалъ не разъ со зломъ постыдный миръ
И пренебрегъ труда спасительной дорогой,
Не простиралъ руки тому, кто нагъ и сиръ,
И оставался глухъ къ призывамъ правды строгой.

О больно, больно мнѣ!.. Скорбитъ душа моя.
Казнить меня палачъ неумолимый — совѣсть,

И въ книгѣ прошлаго съ стыдомъ читаю я
Погибшей безъ слѣда, безплодной жизни повѣсть.

В е с н а.

Въ старый садъ выхожу я, росинки,
Какъ алмазы, на листьяхъ горять:
И цвѣты мнѣ головкой киваютъ.
Разливая кругомъ аромать.

Все влечетъ, веселитъ мои взоры:
Золотая пчела на цвѣткѣ,
Разноцвѣтныя бабочки крылья,
И прыжки воробья на пескѣ.

Какъ ярка эта зелень деревьевъ!
Куполь неба такъ чистъ и глубокъ!
И брожу я восторгомъ объятый,
И слеза застилаетъ зрачокъ.

За оградой садовой чернѣетъ
Полоса взбороненной земли,
И покрытыя соснами горы
Поднимаются къ небу вдали.

Какъ любовью и радостью льщеть.
Вся природа подъ вешнимъ лучомъ,
И душа благодарная чуетъ
Здѣсь присутствіе Бога во всемъ!

Снова крѣпнуть дремавшія силы;
Новой жизни приходитъ пора,
И становится все такъ возможнымъ,
Что мечтою казалось вчера!

Здѣсь при взглядѣ на праздникъ созданья
Затихаетъ вражда и печаль...
И того, кто не любить, не вѣрить,
Непритворно становится жаль.

Поневоля дивишься, что люди
Часто злобы другъ къ другу полны:
Иль не всѣмъ одинаково свѣтитъ
Это теплое солнце весны?

Какъ прекрасна весна! Милліоны
Ей на встрѣчу звучать голосовъ,
И въ моемъ воскресающемъ сердцѣ
Ей привѣтъ вдохновенный готовъ!

О б л а к а.

Вотъ и гроза прошла, и небо просвѣтлѣло.
Привѣтно солнышко на Божій мѣрь глядитъ.
Вся степь, какъ раннею весной, зазеленѣла;
И воздухъ свѣжъ и чистъ, и птичка въ немъ зве-
нить.

И на сердцѣ давно такъ ясно не бывало;
Въ немъ тихой радостью смѣнилася тоска:
Все, чѣмъ оно томилось и страдало,
Какъ будто унесли съ собою облака.

Но отчего жъ порой боязнью тайной мучимъ,
Все устремляю вдаль я свой несмѣлый взглядъ
И думаю, слѣдя за облакомъ летучимъ,
Что старую печаль несетъ оно назадъ.

---

* * *

Здѣсь дни мои текутъ спокойно;
Здѣсь хлѣба вдоволь и цвѣтовъ;

И вечеркомъ пріятель добрый
Потолковать со мной готовъ.

Средь яблонь, грушъ и дубовъ старыхъ,
Отраднo въ этой мнѣ тиши.
Еще одно бы только благо,
Одно: — спокойствіе души.

О люди-братья! помолитесь
За брата бѣднаго порой,
Чтобы остылъ тревожной мысли
Жаръ въ головѣ моей больной:

Чтобы мечтамъ моимъ крылатымъ
Разсудокъ воли не давалъ.
Чтобъ о всеобщемъ, вѣчномъ счастьи,
Безумный, я не помышлялъ!

—
* *
*

Передъ ветхою избенкой
Старичокъ сидитъ сѣдой,
И кудряваго ребенка
Онъ морщинистой рукой
Охватилъ. Въ свой полшубокъ

Завернулъ его теплѣй;
Съ пухлыхъ щокъ и алыхъ губокъ,
Не спускаетъ онъ очей.
«Охъ! недолго, внучекъ милый,
«Мнѣ понянчиться съ тобой,
Говорить старикъ: — въ могилу
«Мнѣ пора ужь — на покой.
«Долго маялся я, много
«Вынесъ горя на плечахъ;
«Не легка была дорога, —
Да Господь помогъ. Онъ благъ.
«Хоть во многомъ былъ я грѣшенъ,
«И хоть часто я ропталъ;
«Но подъ старость имъ утѣшенъ —
«Мнѣ онъ радость ниспослалъ:
«Знаю я, мой свѣтикъ Саша,
«Веселѣй твой будетъ вѣкъ;
«Доля ждетъ тебя не наша:
«Будешь — вольный человѣкъ!»

Мой садикъ.

Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ!
Распустилась въ немъ сирень;

Отъ черемухи душистой,
И отъ липъ кудрявыхъ тѣнь....

Правда, нѣтъ въ немъ блѣдныхъ лилій,
Горделивыхъ георгинъ;
И лишь пестрыя головки
Возвышаетъ макъ одинъ,

Да подсолнечникъ у входа,
Словно вѣрный часовой,
Сторожитъ себѣ дорожку,
Всю поросшую травой...

Но люблю я садикъ скромный:
Онъ душѣ моей милѣй
Городскихъ садовъ унылыхъ,
Съ сѣтью правильныхъ аллей.

И весь день въ травѣ высокой,
Лежа слушать бы я радъ,
Какъ заботливыя пчелы
Вкругъ черемухи жужжать,

А когда на садикъ сыплетъ
Блескъ лучей своихъ луна,
Я сажусь въ раздумѣ тихомъ
У открытаго окна.

Посребренныхъ и дрожащихъ
Листьевъ я внимаю шумъ,

И, одна другой смѣняясь,
Грезы мнѣ волнують умъ,

И несутъ на крыльяхъ легкихъ
Въ мѣръ иной меня онѣ...
Какъ сіяетъ ярко солнце
Въ той невѣдомой странѣ.

Нѣтъ вражды подъ этимъ солнцемъ,
Нашей жи вседневной нѣтъ;
Человѣка озарлетъ
Тамъ любви и правды свѣтъ!

Все, что истины пророки
Объщаютъ намъ вдали,
Люди въ братствѣ неразрывномъ
Навсегда тамъ обрѣли....

О, какъ сладки эти грезы!
Разростайся-жь, разцвѣтай,
Ты, мой садикъ! и почаще
На меня ихъ навѣвай.

---

* *
*

Передъ тобой лежитъ широкій, новый путь.
Прими же мой привѣтъ, не громкій, но сердечный:
Да будетъ, какъ была, твоя согрѣта грудь
Любовью къ ближнему, любовью къ правдѣ вѣчной.

Да не утратишь ты въ борьбѣ со зломъ упорной,
Всего, чѣмъ нынѣ такъ душа твоя полна,
И вѣры и любви свѣгильникъ животворный
Да не зальетъ въ тебѣ житейская волна.

Подъявъ чело, иди безтрепетной стопою;
Иди, храня въ душѣ свой чистый идеалъ,
На слезы страждущихъ отвѣтствуя слезою,
И ободряя тѣмъ, въ борьбѣ кто духомъ палъ.

И если въ старости, въ раздумья часъ печальный,
Ты скажешь: въ мѣрѣ я оставилъ добрый слѣдъ,
И встрѣтить я могу спокойно мигъ прощальный...
Ты будешь счастливъ, другъ: инаго счастья нѣтъ!

Когда мнѣ встрѣтится истерзанный борьбою,
Подъ гнетомъ опыта поникшіи человѣкъ,
И рѣчью горькой онъ, насмѣшливой и злою,
Позору предаеть во лжи погрязшіи вѣкъ;

И вѣра въ родъ людской въ груди его угасла;
И духъ, что нѣкогда былъ полонъ мощныхъ силъ,
Подобно ночнику, потухшему безъ масла,
Безъ вѣры и любви сталъ немощенъ и лилъ;

И правды лучъ, сверкающій за далью
Грядущихъ дней, очамъ его незримъ:
Какъ больно мнѣ! глубокою печалью
При встрѣчѣ той бываю я томимъ.

И говорю тогда: явись, явись къ намъ снова,
Господь, въ нашъ бѣдный міръ, гдѣ горе и разладъ!
Да прозвучитъ еще божественное слово
И къ жизни воззоветъ твоихъ отпадшихъ чадъ.

О нѣтъ, не всякому дано
Святое право обличенья.
Кто не взростилъ въ себѣ зерно
Любви живой и отреченья —
И бесполезно и грѣшно
На мѣръ его ожесточенье.

Но если пламенная рѣчь
Изъ сердца чистаго стремится,
Она разить, какъ Божій мечъ;
Дрожить, блѣднѣть и стыдится
Предъ нею тотъ, кого обречь
Она проклятью не страшится.

Но гдѣ тотъ вѣка проводникъ,
Что скупъ на рѣчи, щедръ на дѣло?
Что, заглушивъ страстей языкъ,
Идя на подвигъ честно, смѣло,
Благой примѣръ являть привыкъ
Толпѣ, въ неправдѣ закоснѣлой?

Гдѣ оцъ? Насъ къ безднѣ привела
Стезя безвѣрья и порока;

Рабамъ позорной лжи и зла
 Пошли, пошли Господь пророка,
 Чтобъ рѣчь его намъ сердце жгла.
 И содрогнулись мы глубоко,...

М о л и т в а.

О Боже мой, возстанови
 Мой падшій духъ, мой духъ унылый,
 Я жажду вѣры и любви,
 Для новыхъ битвъ я жажду силы.

Запуганъ мракомъ ночи я,
 И въ немъ я оцѣнью блуждаю;
 Ищу въ свѣтильникъ свой огня,
 Но гдѣ обрѣсть его — незнаю.

Въ изнеможенъя скорбный часъ
 Простри спасительныя руки, —
 Да упадетъ завѣса съ глазъ,
 Да прочь идутъ сомнѣнья муки.

Внезапнымъ свѣтомъ озаренъ,
 Отъ лжи мой умъ да отрѣшится,

И вмѣстѣ съ сердцемъ да стремится
Постигнуть истины законъ.

Услышь, о Боже, голосъ мой!
Да возлюбивъ всѣмъ сердцемъ брата,
Во тѣмъ затерянной тропой
Пойду я вновь — и безъ возврата.

А. ПОДОЛИНСКІЙ.

И з б р а н н о м у.

Въ тебѣ горитъ огонь святой,
Ты вѣку новое свѣтило.
Зачѣмъ же праздности пустой
Творящей жертвуешь ты силой?

Самоубійцею не будь:
Души лѣнивое забвенье
Погаситъ пламенную грудь.
Его не тернить вдохновенье!

Пускай тяжелъ тебѣ вѣнецъ,
Ты развѣнчать себя не въ правѣ:
На землю генія Творецъ
Послалъ хвалою Своей державѣ;

И духъ завистникъ сторожить
Его повсюду зоркимъ окомъ.

Его прельщаетъ и томить
То искушеньемъ, то порокомъ;

На мысль его наводитъ лѣнь,
Нечистой страстью чувство дразнить.
Пока въ безсиліе и тѣнь
Созданье лучшее погрязнетъ...

Но духа право побори,
Возстань во всемъ величьи строгомъ;
И міръ, тебѣ открытый Богомъ,
Намъ укажи и озари!

Первыя слезы.

Пламенѣла и блистала
Мірозданія весна.
Землю юную ласкала
Дней безбурныхъ тишина.

Свѣтлымъ сонмомъ, звучнымъ хоромъ
Звѣзды яркія текли
И безплотные соборомъ
Облетѣли кругъ земли.

Всюду жизнь и ликованья!
 Звученъ плескъ морей и рѣкъ, —
 Но одинъ среди созданья
 Тихъ и грустенъ человѣкъ!

Съ ихъ музыкой звонкой, стройной
 Гимна слить не смѣгъ онъ,
 Онъ въ минувшемъ безпокойной
 Думой грустно погруженъ.

Все въ мечтахъ возобновилось
 Утро жизни, грѣхъ и казнь;
 Сердце горестно стѣснилось,
 Въ сердцѣ тяжкая боязнь.

Все погибло, нѣтъ спасенья!
 Неизбѣженъ вѣчный сонъ.....
 Вдругъ — обѣтовъ искупленья
 Озарился мыслью онъ.

Эта мысль, какъ лучъ среди ночи,
 Блескъ дала его очамъ,
 Онъ возвелъ невольно очи,
 Благодарный, къ небесамъ.

Слезъ врачующую силу
 Праотецъ благословилъ,
 И въ возмездье за могилу
 Внука плакать научилъ.

Съ той поры, когда украдкой
Слезы льются въ тишинѣ, —
Такъ отъ нихъ легко и сладко,
Такъ врачуютъ грусть онѣ!...

XXXI.

Отгрянуло въ безднахъ творящее Слово.
Стихи, какъ волны кипятъ,
Сошлись, раздѣлились, — и жизнью новой
Въ несчетныхъ свѣтилахъ горять....
Все къ цѣли стремится; одинъ въ непрерывномъ
Волненьи, безъ цѣли гонимъ.
Одинъ, безпріютный въ созданіи дивномъ
Отпадшій летитъ серафимъ,
Куда бы смущенныхъ ни кинулъ онъ взоровъ —
Повсюду предъ нимъ чудеса;
Вотъ катятся звѣзды безчисленнымъ хоромъ,
Осыпавъ кругомъ небеса;
Вотъ солнце стремится — онъ бросился мимо —
Другое на встрѣчу летитъ,
И сонмъ изъ блестящій ему нестерпимой
Создателя славой звучитъ

Къ землѣ опустилъ онъ съ отчаяньемъ взоры —
Весну торжествуетъ земля,
Цвѣтами пахнули долины и горы,
Цвѣтами сверкнули поля!
И желчныя слезы съ ланить его блѣдныхъ
Въ цвѣты мимолетомъ скользятъ —
Тѣ слезы и нынѣ въ цвѣтахъ этихъ бѣдныхъ
Отравой смертельной горятъ!

XLIX.

Когда на душѣ твоей смутно,
Какъ холодъ тѣснить твою грудь,
Волнуется мысль безпріютно,
И не на чемъ ей отдохнуть;
Когда безъ любви и привѣта
Восходить томительный день
И будущность грустно одѣта
Въ одну безотрадную тѣнь:
Съ своимъ настоящимъ борьбою
Усталой души не томи,
Не спорь безразсудно съ судьбою,
Но даръ ея лучшій прійми.
Прійми дорогое наслѣдство,

Что каждому рокъ завѣщалъ:
Вѣдь зналъ ты безпечное дѣтство,
Ты страстную молодость зналъ.
Что въ памяти сердца таится,
На темный зови небосклонъ,
Пусть сонъ тебѣ только приснится:
Но сладостенъ будетъ тотъ сонъ,
Душѣ на мгновенье блеснувши,
Онъ мрачный твой день озарить,
И прелестью жизни миновавшей
Онъ съ жизнью тебя примирить.

А. ПОЛЕЖАЕВЪ.

Г р ѣ ш и ц а.

И говорятъ ему: «она
Была въ грѣхѣ уличена
На самомъ мѣстѣ преступленья:
А по закону мы ее
Должны казнить безъ сожалѣнья;
Скажи намъ мнѣніе свое».
И на лукавое воззванье,
Храня глубокое молчанье,
Онъ нѣчто — грустенъ и уныль —
Перстомъ божественнымъ чертилъ
И наконецъ сказалъ народу:
«Даю вамъ полную свободу
Исполнить праотцевъ законъ:
Но гдѣ тотъ праведный, гдѣ онъ,
Который первый на блудницу

Подниметь тяжкую десницу?» --
И вновь писалъ онъ на землѣ...
Тогда съ печатью поношенья
На обезславленномъ челѣ,
Сокрылись дѣти ухищренья —
И предъ лицомъ его одна
Стояла грѣшная жена.
И онъ съ улыбкой благотворной,
Сказалъ: «покинь твою боязнь.
Гдѣ твой синедрионъ упорной?
Кто осудилъ тебя на казнь?»
Она въ отвѣтъ: — никто, Учитель! —
«И такъ и Я твоей души
Не осужу» — сказалъ Спаситель, —
«Иди въ свой домъ и не грѣши».

В а л т а с а р ь .

Царь на тронѣ сидить:
Передъ нимъ и за нимъ,
Съ раболѣпствомъ пѣвымъ,
Рядъ сатраповъ стоять.
Драгоценный чертогъ
И блеститъ, и горитъ.

И земной полубогъ
Пиръ устроить велить.
Золотая волна
Дорогаго вина
Нѣжить чувства и кровь;
Звуки лиръ, юныхъ дѣвъ
Сладострастный напѣвъ
Возжигаютъ любовь.
Упоенъ, восхищенъ,
Царь на тронѣ сидитъ
И торжественный тронъ
И блеститъ, и горитъ....
Вдругъ — невѣдомый страхъ
У царя на челѣ.
И унынье въ очахъ,
Обращенныхъ къ стѣнѣ.
Умолкаетъ звукъ лиръ
И веселыхъ рѣчей,
И разстроенный пиръ
Видитъ — ужась очей! —
Огневая рука
Исполинскимъ перстомъ
На стѣнѣ предъ царемъ
Начертила слова.

И никто изъ мужей,
И царевыхъ гостей,
И искусныхъ волхвовъ

Силы огненныхъ словъ
Изъяснить не возмогъ.
И земной полубогъ
Омрачился тоской....
И Еврей молодой
Къ Вальтасару предсталъ
И слова прочиталъ!
«Мани, фекель, фаресь, —
Вотъ слова на стѣнѣ:
Волю Бога небесъ
Возвѣщаютъ онѣ.
Мани значить: монархъ,
Кончилъ царствовать ты!
Градъ у Персовъ въ рукахъ —
Смыслъ средней черты;
Фаресь — третье — гласить:
Нынѣ будешь убитъ!»

Рекъ — исчезъ.... Изумленъ,
Царь не вѣрять мечтѣ;
Но чертогъ окруженъ
И... онъ мертвъ на щитѣ.

X В О Д О П А Д Ъ,

Между стремнинъ, съ горы высокой,
Ручьи прозрачные журчатъ
И вдругъ, сливаясь въ токъ широкой,
Являютъ грозный водопадъ.
Громады волнъ буграми хлещутъ
Въ паденьи быстромъ и крутомъ
И, разлетѣвшись, ярко блещутъ
Вокругъ серебрянымъ дождемъ;
Реветь и стонеть гулъ протяжной
По разорвавшейся рѣкѣ
И, исчезая съ пѣной влажной,
Смолкаетъ глухо въ далекѣ.
Вотъ наша жизнь! Вотъ образъ вѣрной
Погибшей юности моей!
Она въ красѣ нелицемѣрной
Сперва катилась, какъ ручей;
Потомъ, въ пылу страстей безумныхъ,
Быстра, какъ горный водопадъ,
Исчезла вдругъ при плескахъ шумныхъ,
Какъ эха дальняго раскатъ.
Шуми, шуми, о сынъ природы!
Ты безотрадною порой
Цѣвцу напомнишь блескъ свободы
Своей свободною игрой!

Я. ПОЛОНСКІЙ.

Солнце и мѣсяць.

Въ колыбель младенца ночью
Мѣсяць лучь свой заронилъ.
«Отчего такъ свѣтитъ мѣсяць?»
Робко онъ меня спросилъ.

Въ день-деньской устало солнце,
И сказалъ ему Господь:
«Лягъ, засни! и за тобою
«Все задремлетъ, все заснетъ.»

И взмолилось солнце брату:
«Братъ мой, мѣсяць золотой!
«Ты зажги фонарь, и ночью
«Обойди ты край земной!

«Кто тамъ молится, кто плачетъ,
«Кто мѣшаетъ людямъ спать —

«Все развѣдай, и по-утру
«Приходи и дай мнѣ знать!»

Солнце спить; а мѣсяцъ ходитъ.
Сторожить земной покой....
Завтра-жь рано-рано къ брату
Постучится братъ меньшей.

Стукъ-стукъ-стукъ!... Отворять двери.
«Солнце, встань! Грачи летять,
«Пѣтухи давно пропѣли,
«И къ заутрени звонять.»

Солнце встанеть, солнце спросить:
»Что, голубчикъ, братецъ мой.
«Какъ тебя Господь Богъ носить?
«Что ты блѣдень? что съ тобой?»

И начнетъ рассказъ свой мѣсяцъ —
Кто и какъ себя ведетъ....
Если ночь была спокойна —
Солнце весело взойдетъ.

Если жъ нѣтъ — взойдетъ въ туманѣ;
Вѣтеръ дунеть, дождь пойдетъ,
Въ садъ гулять не выйдетъ няня
И дитя не поведетъ.

И задумался младенецъ:
Долго на небо глядѣль,

Долго онъ молчалъ и няню
Онъ позвать къ себѣ велѣлъ.

И велѣлъ старушкѣ нянѣ
Богородицу читать,
И за ней, сложа рученки,
Сталъ молитву повторять.

У Аспазіи.

Гость.

Чтобъ это значило? — вижу, сегодня ты
Домъ свой, какъ храмъ убрала,
Между колоннъ занавѣсы приподняты,
    Благоухаетъ смола;
Цитра настроена, свитки разбросаны;
    У посыпающихъ полъ
Смуглыхъ рабынь твоихъ косы расчѣсаны;
    Ставятъ амфоры на столъ.
Ты же блѣдна, — словно всѣми забытая,
    Молча, стоишь у дверей?

Аспазія.

Площадь отсюда видна мнѣ, покрытая
Тѣнью сквозныхъ галлерей.

Шумъ ея замеръ, и это молчаніе
 Въ полдень такъ странно, что вновь
 Сердце мнѣ мучить тоска ожиданія,
 Радость, тревога, любовь.
 Буйныхъ Аѳинъ тишину изучила я:
 Это — Перикльъ говоритъ....
 Если блѣдна и молчитъ его милая,
 Значить — весь городъ молчитъ!...
 Чу! шумъ на площади... рукоплесканія. .
 Друга вѣнчаетъ народъ!...
 Но и въ лавровомъ вѣнкѣ изъ собранія
 Онъ въ эти двери войдетъ.

---

* * *

✧ О подними свое чело!
 Не вѣрь тяжелымъ сновидѣньямъ;
 Не предавайся сожалѣньямъ
 О томъ, что было и прошло,
 О томъ, что спитъ въ сырыхъ могилахъ,
 Чего мы воротить не въ силахъ.

Зачѣмъ такъ рано погребать
 Певозможалыя надежды

И, съ простодушіемъ невѣжды,
Во всеуслышанье роптать?
Чтобъ жизнь была тебѣ понятна —
Иди впередъ и невозвратно.

Не бойся душу предавать
Потоку чувствъ и мыслей новыхъ,
Своимъ стремленіемъ готовыхъ
Тебя невольно увлечь
Туда, гдѣ впереди такъ много
Сокровищъ спрятано у Бога!

Для созерцающихъ очей
И для внимающаго слуха
Доступенъ тайный образъ духа
И внятень смыслъ его рѣчей —
Глаголь, въ пустынь воиющій,
Неумолкаемо-звущій.

Вечеръ.

Зари догорающей пламя
Разсыпало по небу искры;
Сквозить лучезарное море;
Затихъ по дорогѣ прибрежной

Бубенчиковъ говоръ нестройный;
 Погонщиковъ звонкая пѣсня
 Въ дремучемъ лѣсу затерялась;
 Въ прозрачномъ туманѣ мелькнула
 И скрылась крикливая чайка;
 Качается бѣлая пѣна
 У сѣраго камня, какъ въ люлькѣ
 Заснувшій ребенокъ; какъ перлы,
 Росы освѣжительной капли
 Повисли на листьяхъ каштана —
 И въ каждой росинкѣ трепещетъ
 Зари догорающей пламя.

Бѣда проповѣдникъ.

Былъ вечеръ. Въ одеждѣ, измятой вѣтрами,
 Пустынной тропою шелъ Бѣда слѣпой;
 На мальчика онъ опирался рукой,
 По камнямъ ступая босыми ногами.
 И было все глухо и дико кругомъ;
 Одни только сосны росли вѣковья,
 Одни только скалы торчали сѣдыя,
 Косматымъ и влажнымъ одѣтыя мхомъ.

Но мальчикъ усталъ: ягодъ свѣжихъ отвѣдать
 Иль просто слѣпца онъ хотѣлъ обмануть:
 «Старикъ!» онъ сказалъ: «я пойду отдохнуть;
 «А ты, если хочешь, начни проповѣдать —
 «Съ вершинъ увидали тебя пастухи;
 «Какіе-то старцы стоятъ на дорогѣ;
 «Вонъ жены съ дѣтьми! Говори имъ о Богѣ,
 «О Сынѣ, распятомъ за наши грѣхи!»

И старца лицо просіяло мгновенно,
 Какъ ключъ, пробивающій каменный слой;
 Изъ устъ его блѣдныхъ живою волной
 Высокая рѣчь потекла вдохновенно...
 Безъ вѣры такихъ не бываетъ рѣчей!
 Казалось, слѣпцу въ славѣ небо являлось;
 Дрожащая къ небу рука поднималась
 И слезы текли изъ потухшихъ очей!

Но вотъ, ужъ сгорѣла заря золотая,
 И мѣсяца лучъ блѣдный въ горы проникъ:
 Въ ущелье повѣяла сырость ночная...
 И вотъ, проповѣдуя, слышитъ старикъ,
 Зоветь его мальчикъ, смѣясь и толкая;
 «Довольно, пойдемъ! Никого уже нѣтъ...»
 Замокъ грустно старецъ, главою поникая;
 Но только замокъ онъ — отъ края до края:
 «Аминь!» ему грянули камни въ отвѣтъ.

С т а т у я .

Въ часъ заката, съ послѣднимъ лучомъ,
Покидалъ я въ Локридѣ мой домъ;
Въ часъ мерцанія вѣчныхъ свѣтилъ
Отдыхать я на камнѣ любилъ,
Возлѣ моря Коринѣскаго — тамъ,
Гдѣ почиетъ разрушенный храмъ.

Помню я, какъ летучій песокъ
Знойный вѣтеръ крутя подымалъ
Тамъ, гдѣ прежде священный потокъ
Подъ оливами звонко журчалъ,
Гдѣ, бывало, по яснымъ зарямъ
Отражало живое стекло
Вѣчно-юное нимфы чело,
И кипѣла живая волна
Подъ навѣсомъ пахучихъ листовъ,
Когда ночью купалась она,
На траву сброся бѣлый покровъ,
И въ таинственномъ мракѣ звончѣй
На шиповникѣ пѣлъ соловей...
О Эллада! Эллада!

Тамъ, гдѣ прежде въ четыре ряда
Подпирали колонны карнизъ,

Помню я, какъ бродили стада,
И зеленою плетью вились,
То взбѣгая, то падая внизъ,
По руинамъ живые листы
Павилики, и мохъ выступалъ,
И на сѣромъ обломкѣ плиты
Желтый змѣй чешуею сверкалъ...
О Элада! Элада!

Но надъ пепельной грудой камней,
Изъ-за темнозеленыхъ вѣтвей
Поднималась статуя. Вѣка
На лицѣ пощадилы черты
Первобытной ея красоты.
И была лишь отбита рука,
Да обтесаны складки одеждъ
Безпощадной рукою невѣждъ...
И была обвита вся кругомъ
Та статуя зеленымъ плющемъ.

Помню ночь — ночь была
Упоительной нѣги полна;
Въ облака погружаясь, луна,
И изъ нихъ выплывая, была
Такъ тепла, такъ волшебю свѣтла,
Что, казалось, въ заливѣ морскомъ,
Золотымъ подвигаясь столбомъ,
Ея лучъ волны моря зажжетъ,
Что ей гимнъ гдѣ-то нимфа поетъ!

Чей-то парусъ блѣлся вдали;
Кто-то правилъ, чуть видный, рулемъ;
Темный руль догоняли струи,
Отливаясь вдали серебромъ...
И, колеблясь, прозрачно-густой
Отъ земли къ небесамъ паръ ночной
Поднимался — какъ будто богамъ
Безъ огня, самъ собой, омиамъ
Воскурялся..,

Въ эту ночь на холмѣ я стоялъ,
Я къ статуѣ мой взоръ приковалъ,
И ея блѣдно-мраморный ликъ,
Съ томно-яснымъ челомъ, съ высоты
Мнѣ на встрѣчу глядѣлъ, и въ тайникъ
Моей юной души всѣ черты
Я хотѣлъ уловить и съ собою
До утра унести ихъ домой,
Чтобы съ утреннимъ первымъ лучомъ
Въ мертвый мраморъ ударить рѣзцомъ,
Благороднымъ и рѣзкимъ чертамъ
Уловленную мысль передать,
И чредою грядущимъ вѣкамъ
Все, что было завѣщено намъ,
Въ первобытной красѣ завѣщать.

А. ПУШКИНЪ.

Э х о.

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубить ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ —

На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Ты внимаешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскимъ пастуховъ —
И слышишь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва.... Таковъ
И ты, поэтъ.

П о э т ъ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчить его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ;
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ погамъ народнаго кумира
Не клонить гордой головы:
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...

П о э т у.

(Сонетъ).

Поэтъ, не дорожи любовію народноі!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя награды за подвиговъ благородной.

Онъ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранить
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

С т а н с ы.

Въ часы забавъ или праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моеи
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавой
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ неожиданныхъ
И ранамъ совѣсти моеи
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Пророкъ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустыпѣ мрачной я влачился,
И шестокрылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами, легкими какъ сонъ,
Моихъ зеницъ коснулся онъ;
Отверзлись вѣщія зеницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,

И угля, пылающій огнемъ,
 Во грудь отверстую водвинулъ.
 Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
 И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
 «Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
 И, обходя моря и земли,
 Глаголомъ жги сердца людей!»

Блѣветникамъ Россіи.

О чемъ шумите вы, народныя витіи?
 Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
 Что возмутило васъ? Волненія Литвы?
 Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
 Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
 Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою

Враждуютъ эти племена;

Не разъ клонилась подъ грозною

То ихъ, то наша сторона.

Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:

Кичливый Ляль, или вѣрный Россъ?

Славянскіе-ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ,
Оно-ль изсякнетъ — вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага!
Безмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ...
За что жь? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, предъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
Иль Русскаго Царя уже бессильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново? .
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Черми до Тавриды,

Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Кол-
хиды,

Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, вити,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

М о л и т в а.

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплятъ его средь дольнихъ бурь и битвъ.
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня ни умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные Великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста —
И падшаго свѣжитъ невѣдомою сплой:
«Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,

Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже! прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви,
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.

---

* * *

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ,
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ;
Такъ ревомъ яростнымъ пустыню оглашая,
Взметая гривой пыль и гриву потрясая,
И ноздри пыльные уткнувъ въ песокъ зыбучій,
Голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ паучій.

Воспоминаніе.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на вѣтые стогны града

Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
 И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
 Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
 Часы томительнаго бдѣнья:
 Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горять во мнѣ
 Зѣбы сердечной угрызенья;
 Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
 Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
 Воспоминаніе безмолвно предо мной
 Свой длинный развиваетъ свитокъ.
 И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
 Я трепещу и проклинаю,
 И горько жалуясь, и горько слезы лью,
 Но строкъ печальныхъ не смываю.

Т р и к л ю ч а .

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
 Таинственно пробились три ключа:
 Ключъ юности—ключъ быстрый и мятежный,—
 Кипитъ, бѣжитъ, сверкая и журча;
 Кастальскій ключъ водою вдохновенья
 Въ степи мірской изгнанниковъ поить;

Послѣдній ключъ — холодный ключъ забвенья,
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолить.

---

* * *

*

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье;
Но какъ вино — печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но нехочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать.
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и тревоженья;
Порой опять гормоніей упоюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

---

* * *

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись:
Въ день унынія смирись,
День веселья, вѣрь, настанетъ.

Сердце въ будущемъ живетъ.
Настоящее уныло;
Все мгновенно, все пройдетъ,
Что пройдетъ, то будетъ мило.

* * *

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумно предаваться!
Спокойствіе мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.
Нѣтъ, полно мнѣ любить! Но почему-жь порой
Не погружуся я въ минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдетъ передо мной
Младое, чистое, небесное созданье?

Пройдетъ и скроется!... Ужель не можно мнѣ,
. . . . . ,
Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей:
Веселье, миръ души, безпечные досуги,
Все.. даже счастье того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги.

К а в к а з ъ

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины;
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселъ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь шумятъ водопады:
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
 И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
 И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
 Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ берегахъ,
 И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
 Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи,

Играетъ и воеетъ, какъ звѣрь молодой,
 Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
 И бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной
 И лижетъ утесы голодной волной....
 Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
 Тѣснить его грозно нѣмая громады.

Странникъ.

(изъ буняна).

I

Однажды, странствуя среди долины дикой
 Незапно былъ объять я скорбію великой
 И тяжкимъ бременемъ подавленъ и согбенъ,
 Какъ тотъ, кто на судѣ въ убійствѣ уличенъ.
 Потупя голову, въ тоскѣ ломая руки,
 Я въ вопляхъ изливалъ души пронзенной муки,

И горько повторялъ, метаясь какъ больной:
Что дѣлать буду я? что станетъ со мной?

II.

И такъ я, сѣтуя, въ свой домъ пришелъ обратно.
Уныніе мое всѣмъ было непонятно.
При дѣтяхъ и женѣ сначала я былъ тихъ,
И мысли мрачныя хотѣлъ таить отъ нихъ;
Но скорбь часъ отъ часу меня стѣсняла болѣ —
И сердце наконецъ открылъ я поневолѣ.

«О горе, горе намъ! Вы, дѣти, ты, жена,
Сказалъ я, вѣдайте: моя душа полна
Тоской и ужасомъ; мучительное бремя
Тягчить меня. Идетъ!... Ужъ близко, близко время:
Нашъ городъ пламени и вѣтрамъ обреченъ;
Онъ въ угли и золу вдругъ будетъ обращенъ —
И мы погибнемъ всѣ, коль не успѣемъ вскорѣ
Обрѣсть убѣжище — а гдѣ?... О горе, горе!»

III.

Мои домашніе въ смущеніе пришли
И здравый умъ во мнѣ разстроенымъ почли.
Но думали, что ночь и сна покой цѣлебный
Охолодятъ во мнѣ болѣзни жаръ враждебный.
Я легъ, но во всю ночь все плакалъ и вздыхалъ
И ни на мигъ очей тяжелыхъ не смыкалъ.

Поутру я одинъ сидѣлъ, оставя ложе.
 Они пришли ко мнѣ; на ихъ вопросъ я тоже,
 Что прежде говорилъ. Тутъ ближніе мои,
 Не довѣря мнѣ, за должное почли
 Прибѣгнуть къ строгости. Они съ ожесточеньемъ
 Меня на правый путь и бранью, и презрѣньемъ
 Старались обратить Но я, не внемля имъ,
 Все плакалъ и вздыхалъ, уныніемъ тѣсимъ.
 И наконецъ они отъ крика утомились,
 И отъ меня, махнувъ рукою, отступились
 Какъ отъ безумнаго, чья рѣчь и дикій плачь
 Докучны, и кому суровый нуженъ врачъ.

IV.

Попелъ я вновь бродить, уныньемъ изнывая
 И взоры вкругъ себя со страхомъ обращаю,
 Какъ рабъ, замыслившій отчаянный побѣгъ,
 Иль путникъ, до дождя спѣшащій на почлегъ.
 Безсонный труженикъ, влача свою веригу,
 Я встрѣтилъ юношу, читающаго книгу,
 Онъ тихо поднялъ взоръ и спросилъ меня,
 О чемъ, бродя одинъ, такъ горько плачу я?
 И я въ отвѣтъ ему: познай мой жребій злосный!
 Я осужденъ на смерть и позванъ въ судъ загроб-
 ный —
 И вотъ о чемъ крушусь: къ суду я не готовъ,
 И смерть меня страшитъ. «Коль жребій твой та-
 ковъ,

Онъ возразилъ, и ты такъ жалою въ самомъ дѣлѣ,
Чего жъ ты ждешь? зачѣмъ не убѣжишь отсель?»
И я: куда жъ бѣжать? Какой мнѣ выбрать путь?
Тогда: «не видишь ли твой взоръ чего-нибудь?»
Сказалъ мнѣ юноша, вдаль указуя перстомъ.
Я окомъ сталъ глядѣть, болѣзненно отверстымъ.
Какъ отъ бѣльма врачомъ избавленный слѣпецъ:
Я вижу нѣкій свѣтъ — сказалъ я наконецъ.
«Иди жъ — онъ продолжалъ: держись сего ты
свѣта;

Пусть будетъ онъ тебѣ единственная мѣта.
Доколѣ оныхъ вратъ еще ты не достигъ;
Ступай!» И я бѣжать пустился въ тотъ же мигъ.
Побѣгъ мой произвелъ въ семьѣ моей тревогу:
И дѣти, и жена кричали мнѣ съ порогу,
Чтобъ воротился я скорѣе. Крики ихъ
На площадь привлекли пріятелей моихъ.
Одинъ бранилъ меня, другой моею супругѣ
Совѣты подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ;
Кто поносилъ меня, кто на смѣхъ подымалъ,
Кто силой воротить сосѣдямъ предлагалъ;
Иные ужъ за мной гнались — но я тѣмъ болѣ
Смѣшилъ перебѣжать городовое поле,
Дабы скорѣй войти, оставя тѣ мѣста,
Спасенія путемъ въ таинственны врата!...

О с е н ь .

I.

Октябрь уж наступилъ; ужь роща отряхаетъ
 Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
 Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
 Журча, еще бѣжитъ за мельницу ручей,
 Но прудъ уже застылъ. Сосѣдъ мой поспѣшаетъ
 Въ отъѣзжія поля съ охотою своей —
 И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
 И будить лай собакъ уснувшія дубравы.

II.

Теперь моя пора: я не люблю весны,
 Скучна мнѣ оттепель — вонь, грязь; весной я бо-
 лень:
 Кровь бродитъ, чувства, умъ тоскою стѣснены;
 Суровою зимой я болѣе доволенъ;
 Люблю и я снѣга: въ присутствіи луны
 Какъ легкой бѣгъ саней съ подругой быстръ и
 воленъ,
 Когда подъ соболекъ согрѣта и свѣжа,
 Она вамъ руку жметъ, пылая и дрожа!

Ш.

Какъ весело, обувъ жёлѣзомъ острымъ ноги,
Скользить по зеркалу стоячихъ, ровныхъ водъ!
А зимнихъ праздниковъ блестящія тревоги?...
Но надо знать и честь; полгода снѣгъ да снѣгъ,
Вѣдь это наконецъ и жителю берлоги —
Медвѣдю, надоѣсть. Нельзя же цѣлый вѣкъ
Кататься намъ въ саняхъ съ Армидами молодыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV.

Охъ, лѣто красное! любилъ бы я тебя,
Когда бъ не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, всѣ душевныя способности губя,
Насъ мучишь; какъ поля, мы страждемъ отъ за-
сухи:
Лишь какъ бы напоить, да освѣжить себя —
Иной въ насъ мысли нѣтъ; и жаль зимы старухи,
И, проводивъ ее блинами и виномъ,
Поминки ей творимъ мороженымъ и льдомъ.

V.

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно;
Но мнѣ она мила, читатель дорогой:

Красою тихою, блистающей смиренно,
 Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
 Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно, —
 Изъ годовыхъ времени я радъ лишь ей одной.
 Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславной,
 Умѣлъ я отыскать мечтою своенравной.

VI.

Какъ это объяснить? Миѣ правится она,
 Какъ, вѣроятно, вамъ чаюточная дѣва
 Порою правится. На смерть осуждена,
 Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва,
 Улыбка на устахъ увянувшихъ видна:
 Могильной пропасти она не слышитъ зѣва,
 Играетъ на лицѣ еще багровый цвѣтъ,
 Она жива еще сегодня — завтра нѣтъ.

VII.

Унылая пора, очей очарованье,
 Пріятна миѣ твоя прощальная краса!
 Люблю я пышное природы увиданье,
 Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,
 Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
 И мглой волнистою покрыты небеса,
 И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
 И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

VIII.

И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
Здоровью моему полезенъ русскій холодъ;
Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь:
Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ;
Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипятъ; я снова счастливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ: таковъ мой организмъ.
(Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ).

IX.

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздоліи открытомъ,
Махая гривой, онъ всадника несетъ —
И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенить промерзлый долъ и трескается ледъ.
Но гаснетъ краткій день; и въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ, то яркій свѣтъ ліетъ,
То тлѣетъ медленно; а я надъ нимъ читаю,
Иль думы долгиа въ душѣ моей питаю.

X.

И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко уснулъ мнѣ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:

Душа стѣсняется лирическимъ волненъемъ,
 Трепещеть и звучитъ, и ищетъ какъ во снѣ
 Излиться наконецъ свободнымъ проявленъемъ, —
 И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
 Знакомцы давніе, плоды мечты моеѣ.

XI.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
 И рифмы легкія на встрѣчу имъ бѣгутъ,
 И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
 Минута — и стихи свободно потекутъ.
 Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной
влагѣ;
 Но чу... матросы вдругъ кидаются, ползутъ
 Вверхъ, внизъ — и паруса надулись вѣтра полны,
 Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

XII.

Шыветъ.... Куда жъ намъ плыть!

. . . . .

В. П У Ш К И Н Ъ.

Кузнечикъ.

Кузнечикъ, въ муравѣ густой
Скрываясь, мотылькомъ прельщался,
Который съ одного цвѣточка на другой
Порхалъ, рѣвился, любовался
И майскимъ утромъ, и собой.
Лазурь и золото блистали
На крыльяхъ мотылька, и взоры привлекали.
«Какъ не завидовать судьбинѣ мнѣ его!
Кузнечикъ разсуждаетъ: «природа для него
«Даровъ своихъ не пощадила;
«А я забыть — и ничего
«Въ удѣлъ отъ мачихи-природы не имѣю;
«Кому извѣстенъ я? Собою не красивъ;
«Прельщать и нравиться ничѣмъ я не умѣю!
«Ахъ жить на что тому, кто въ жизни несчастливъ!»
Межъ тѣмъ, какъ тяжело вздыхая,

Кузнечикъ горевалъ объ участи свсѣй,
 Толпа веселая дѣтей,
 На лугъ зеленый прибѣгая,
 Пустилась вслѣдъ за мотылькомъ.
 На воздухъ и платки и шляпы полетѣли!
 Мальчишки рѣзвые красавцемъ овладѣли,
 И онъ поиманъ подъ платкомъ.
 Одинъ ему крыло, другой теревитъ ногу,
 А третій и совсѣмъ бѣдняжку раздавилъ.
 «Какую видѣлъ я тревогу!
 Кузнечикъ, притаясь, себѣ проговорилъ:
 «Я, право, мотыльку завидовалъ напрасно,
 «И вижу, что блистать на свѣтѣ семъ опасно!»
 Всего полезнѣе, чтобъ счастливо прожить,
 Скрывать свой уголокъ и неизвѣстнымъ быть.

С м о к о в н и ц а .

На берегу пруда смоковница стояла
 И берегъ украшала.
 Пернатые пѣвцы слетались къ ней подъ тѣнь:
 Тамъ цѣлый майскій день
 Они любовь свою и счастье воспѣвали:
 По прочнаго блаженства пѣть!

Нерѣдко радость есть предвѣстникомъ печали
И будущихъ залогомъ бѣдъ.
Ужасная гроза внезапно наступаетъ;
Хоръ птичекъ, скрывшись, умолкаетъ;
Пылаетъ сводъ небесъ, несется пыль столбомъ,
И страшный, сильный громъ
Смоковницу разить и бѣдную лишаетъ
И листьевъ и плодовъ.
Но солнце тучи прогоняетъ;
Слетаются пѣвцы подъ свой любимый кровъ,
И что жъ представилось имъ взору? Разрушенье!
О ужасы! чижъ вскричать: лечу отсель прочь!
Я немогу ничѣмъ смоковницѣ помочь,
А видѣть мнѣ ее — нестерпимое мученье.
Летите все за мной!
Здѣсь дѣлать нечего. — И я съ тобой,
Примолвили скворецъ, щегленокъ и овсянка,
Вся здѣшняя страна раззорена кругомъ,
И болѣе теперь для пѣсень не приманка;
Веселіе насъ ждетъ въ убѣжищѣ другомъ
Я здѣсь любовь узнала,
Сказала горлица: и здѣсь я буду жить;
Смоковница меня счастливою видала,
И съ нею я хочу несчастье дѣлить. —
И я любить умѣю,
Воскликнулъ соловей;
Хочу сюда гармоніей своею
Со всехъ сторонъ привлечь людей;

Хотя смоковница не та ужь стала нынѣ,
Но все любезна мнѣ и въ горестной судьбинѣ.
Въ несчастьи признаемъ мы истинныхъ друзей.

Волкъ и лисица.

Волкъ хищный занемогъ. Раскаянне съ недугомъ
Приходить часто и къ звѣрямъ.
Нѣтъ, такъ онъ рассуждалъ съ кумой своей и дру-
гомъ,
Нѣтъ, полно рыскать мнѣ по рощамъ и лугамъ!
Довольно подушилъ овечекъ я невинныхъ;
Не лучше-ль смирно жить, питаться мнѣ травой?
Мы, кумушка, съ тобой
Забудемъ о дѣлахъ безчинныхъ!
Ты грѣшнику повѣрь: въ прожорствѣ нѣтъ добра!
И намъ опомниться пора.
Совѣтую тебѣ оставить куръ въ покоѣ;
Смиренье дѣло золотое,
Увидишь, я всею съ ягненкомъ буду схожъ —
И если не лицомъ — обычаемъ хорошъ.
Лисица удивилась:
Волкъ, думала она, не даромъ слезы льетъ,
И злость свою клянетъ;

Онъ вѣрно завтра же умереть, —
Съ почтеньемъ молча поклонилась.
Но къ счастью, у волковъ
Не знаютъ докторовъ:
Больной оправился. Курятница лисица
Въ политикѣ, какъ всѣмъ извѣстно мастерица,
Пустилась волка поздравлять.
Не худо иногда зубастымъ угождать!
И такъ угодница является въ пещеру,
Къ правоучителю, иль лучше къ лицемеру.
Чтожь видить тамъ она? Покойно волкъ сидить
И кушаетъ барана;
Овца несчастная полмертвая лежитъ,
Такой же участи ждетъ скоро отъ тирана.
— Прекрасно, куманекъ! Лисица говоритъ:
Ты каялся въ грѣхахъ и плакалъ, какъ ребенокъ,
Но видно, что въ тебѣ гласъ совѣсти умолкъ! —
Такъ чтожь? вскричалъ злодѣй; въ болѣзни я
ягненокъ,
Когда здоровъ — я волкъ.

М. РОЗЕНГЕЙМЪ.

С л о в о.

Быль темень міръ. И Греція и Римъ
Послѣднее свое сказали слово,
Свершили все назначенное имъ —
И древній міръ преданіемъ былого,
Лохмотьемъ и тряпьемъ повѣрїи прожитыхъ,
Дряхлѣя, доживалъ, не вѣря больше въ нихъ.

Быль темень міръ. На смерть поражено
Въ немъ было все и Богъ-вѣсть, чѣмъ держалось,
Какъ механизмъ, въ которомъ все давно
Отъ времени ослабло, расшаталось,
Своею ветхостью страшить невольно насъ,
И мнится каждый мигъ, что рухнетъ онъ сейчасъ.

А между-тѣмъ потертый, ржавый ходъ,
Былою силой двинутый когда-то,
Порывисто — но все идетъ, идетъ,

Хоть сила та изсякла безъ возврата.
 Таковъ былъ онъ, отжившій этотъ міръ,
 Гдѣ Августу былъ храмъ, Тиверію — кумиръ.

Насилья духъ царилъ вездѣ одинъ
 Надъ міромъ тѣмъ, гдѣ были только двое,
 Два смертныя врага: былъ рабъ, да господинъ,
 Нль явный гнетъ и мщенье потайное;
 Игрушка прихоти, покорна и слаба,
 Томимая средь нихъ не женщина — раба.

Да это былъ тяжелый, страшный вѣкъ:
 Онъ произвелъ Нерона и Комода —
 Вѣкъ распаденія; томился человекъ,
 Не находя ни въ чемъ себѣ исхода.
 Покрытый рубищемъ нль пурпуромъ одетъ,
 Міръ жилъ день-изо-дня, безъ вѣры, безъ надеждъ.

И вдругъ между горъ Палестины далекой
 Отгрянуло слово: и было оно
 Такою любовью святой и глубокой,
 Такъ истины вѣчной и свѣта полно!
 Невѣдая гнѣва, невѣдая страха,
 Проникнуто мощью святой правоты,
 Оно воздвигало смиренныхъ изъ праха
 И гордыхъ сводило во прахъ съ высоты!
 И чуждое злобы, угрозъ и проклятья.

Оно проникало до глуби сердець;
Оно говорило, что люди всѣ братья,
Что царству вражды и насилья конецъ.
Не съ консульскихъ кресель, не съ кесарей трона
Сошло это слово, его произнесь
Не мудрый философъ, не риторъ ученый,
Не жрецъ толкователь пиѳическихъ грёзь,
Не онъ, Аарона великіи намѣстникъ,
Не онъ, Іеговы угрюмый пророкъ, —
Нѣтъ, дряхлому міру иной благовѣстникъ
Глаголъ обновленья и правды изрекъ.
Не сильнымъ и знатнымъ пришелъ онъ въ угоду:
Но все человѣчество жарко любя,
Онъ былъ отъ народа, пришелъ онъ къ народу
И «Сынъ человѣческой» звалъ Онъ себя.
Не страшнои надъ міромъ грозой обличенья
Чудесное слово гремѣло — о, нѣтъ!
То былъ примиренья, любви и прощенья
Отца согрѣшившему сыну привѣтъ.
И было то слово для міра такъ ново,
И страхъ наводило на сильныхъ земли!
Ни сынъ Эпикура, ни стоикъ суровый
Чудеснаго смысла понять не могли.
Но дѣти юдоли, земные скитальцы
Сбиралися жадно то слово внимать;
И первый разъ въ жизни дерзнули страдальцы
Согбенное къ праху чело приподнять,
Забывъ униженъе и гнетъ вѣковые,

Осмѣлились взоры вознестъ въ небеса
И сильному міра, быть можетъ, впервые
Безъ злобы и страха, взглянули въ глаза.
И дивное слово помчало воззванье
По ветхому міру живою струей,
И міръ озарился зарей упованья,
И вѣра, какъ солнце, возшла надъ землею.

И выбралъ Онъ изъ множества людей,
Ему внимать пришедшихъ отовсюду,
Немногихъ лишь, и въ этотъ сонмъ мужей
Включилъ Петра и допустилъ Іуду.
И всѣмъ Онъ имъ сказалъ: «Идите звать на пирь
«Свободы и любви и правды темный міръ».

Но подвигъ тотъ избранниковъ смутилъ,
Они рекли: «Учитель, мы готовы;
Но кто намъ дастъ и крѣпости и силъ
Воздвигнуть міръ, снять съ надшаго оковы
И зло сразить въ его опорахъ вѣковыхъ?
Кто насъ послушаетъ безвѣстныхъ и простыхъ?»

И молвилъ Онъ: «Васъ правда поведеть,
Духъ Бога силъ, во истинѣ живущій,
И голосъ вашъ надъ міромъ не пройдетъ
Вотще, какъ гласъ въ пустынѣ вопіющій.

Одинъ вамъ Мой завѣтъ: прощенье и любовь,
И правда вашихъ дѣлъ въ опору правды словъ.

«Пускай свирѣпствуетъ сѣкира палача:
Она разить не душу, только тѣло.
Извлекшій мечъ — погибнетъ отъ меча;
Не силою творится Божье дѣло.
Я крѣпче стали вамъ оружіе даю:
То слово истины — имъ ратуйте въ бою.

Нечистый міръ пойдетъ на васъ войной,
И мракъ и ложь отмищеньемъ запылаютъ.
И будутъ гнать, и въ ярости слѣпой
Васъ клеветой, какъ грязью закидаютъ,
Васъ Петръ отвержется, предастъ Искаріотъ,
Но.... не смущайтесь—вашъ трудъ не пропадетъ...»

Пустая церковь.

Вечерня отошла; послѣдній возмась клира
Замолкъ подь сводами; волнуется народъ.
Молитва кончена, и снова голосъ міра
Въ растворенную дверь дѣтей своихъ зоветъ.
Покорная ему, снѣшитъ толпа густая —

Тѣ къ отдыху, домой, а тѣ — къ починымъ трудамъ;
Кто набожно крестясь, кто нищихъ одѣлая,
Народъ расходится, пустьѣтъ Божіи храмъ.
Пустьѣтъ... только тамъ, старушка у иконы
Да дряхлый и инвалидъ остались одни;
И тѣ, снѣша уйти, послѣдніе поклоны
Творять размахисто; вотъ вышли и они.
За ними вслѣдъ прошелъ священникъ торопливо,
И звукъ его шаговъ на каменномъ полу
Замолкъ на паперти; и сторожъ молчаливый
Лампады потушилъ и тихо сѣлъ въ углу.
Вечерній солнца лучъ, въ окошко проникая,
Скользитъ и движется по стѣнамъ и столбамъ,
И лики темные, какъ будто оживая,
Глядятъ таинственно, являясь тутъ и тамъ,
Порой блеснетъ окладъ, мелькнетъ рѣзная рама,
Нѣтъ сцена библіей завѣщанныхъ картинъ;
Кругомъ и полумракъ, и тишь пустаго храма...
Вотъ сторожъ задремалъ. Теперь я здѣсь одинъ,
Одинъ... нѣтъ не одинъ!... Миѣ слышится, ры-
данье:

Здѣсь плачутъ, здѣсь скорбятъ — здѣсь люди быть
должны!

Еще здѣсь кто-то ждалъ, тая въ груди страданье
Уединенія, безлюдья, тишины.

Ищу, ктобъ это былъ? Чье горе, укрываясь,
Пришло наединѣ излиться предъ Творцомъ?
Вотъ группа ... женщина, слезами заливаясь,

Съ малютками дѣтми склонилась предъ крестомъ.
Невидимъ за столбомъ, я вижу ихъ свободно.
Бѣдняжка думаетъ, что здѣсь она одна,
И предъ Распятіемъ, припавъ къ плитѣ холодной,
Рыдаетъ, жаркою мольбой поглощена,
Какъ будто хочеть все — весь гнетъ сердечной боли —
Въ ней вылить изъ души растерзанной своей.
Малютки — старшему девятый годъ, не болѣ —
Сробѣли, бѣдные, и плачутъ вмѣстѣ съ ней.
Сънишка, къ матери припавъ и обнимая,
«Не плачь мамашенька» ей нѣжно говоритъ,
«Скажи мнѣ, кто тебя обидѣть могъ, родная?
«Скажи, я заступлюсь, Господь пошлетъ мнѣ силъ...»
И гнѣвомъ, и мольбой горять его глазенки,
И судорожно сжать безвредный кулачекъ,
А рядомъ дѣвочка, сложивъ свои ручки,
Глядитъ сквозь слезъ на мать, и дѣтскій голосокъ
Лепечеть: «Господи! утѣшь ее, мамашу!
Я буду умница, не стану я грѣшить;
Тебѣ, вѣдь, можно все — верни скорѣй папашу,
Чтобы не плакать намъ и въ черномъ не ходить»
И группу скорбную, какъ будто осѣняя,
Воздвиглося надъ ней Распятые въ высотѣ,
И къ плачущимъ съ него объятые простирая,
Склонился Праведникъ, распятый на крестѣ.
Забывъ о собственномъ страданіи суровомъ,
Покрытый явнами и кровію облить,

Склонилъ Онъ блѣдный ликъ въ вѣнкѣ своемъ
терновомъ

И, полный благости, съ любовію глядитъ.

Случайно освѣщенъ въ тотъ мигъ лучемъ заката

Онъ, мнится, говоритъ имъ взглядомъ кроткихъ
глазь:

«Идите всѣ ко Миѣ, кого гнететь утрата,

Ко Миѣ скорбящіе — Я упокою васъ!»

ГР. Е. РОСТОПЧИНА.

В о з г л а с ь.

Учитель! Ты скорбѣлъ божественной душой,
Предвидя муки часъ, на Вечери святой,...
Учитель! Ты страдалъ въ истомѣ ожиданья,
И Элеонскій холмъ внималъ Твои стенанья...
Но, покорясь Отцу, уста не отвратилъ
Отъ чаши горькой Ты, — до дна ее испилъ,
И смертью совершилъ вселенной покаянье,
И крестъ Твой не слышалъ ни пней, ни роптанья...

О! выучи меня страдать! ..

Учитель! милостивъ и кротокъ до конца,
Ты за мучителей своихъ молилъ Отца...
Учитель! Ты простилъ врагамъ ожесточеннымъ,
И лжесвидѣтелямъ, и палачамъ презрѣннымъ:
Не знаю, что творятъ они, — остави ихъ!
Ты говорилъ отцу съ смиреньемъ неземнымъ,

Ты грѣхъ ихъ выкупилъ своею священной кровью,
 Проклятыя и хуламы отвѣтствовалъ любовью...
 О! выучи меня прощать!..

Хранитель крестъ.

Мой крестъ, хранитель мой, съ молитвой, съ упо-
ваньемъ,

Съ живѣйшею вѣрою тебя я берегу!
 Тебѣ лишь одному, — и предъ тобой не лгу!
 Я исповѣдуюсь и мыслью, и желаньемъ!..
 Когда въ скорбяхъ земныхъ душой изнемогу,
 Когда терпѣніе и бодрость потеряю,
 Когда отчаянья всю горечь я узнаю. —
 Ты подкрѣпишь меня!

Когда въ бореніи съ житейской неудачей
 Усиліи и надежды тщету увижу я;
 Когда въ безрадостной истомѣ бытія
 Мечты послѣднія, послѣдній пылъ утрачу,
 Когда злорѣчіе и злоба на меня
 Грозой враждебною подымутся лукаво,
 И мой покой смутятъ каварною отравой,
 Ты защитишь меня!

Но если суждено мнѣ видѣть исполненье
Любимыхъ сердца сновъ; но если надо мной
Денница радости пролетѣть свой блескъ златой;
Но если жизнь мою небесъ благословенье
Блаженствомъ облечетъ, какъ праздничной фатой;
Тогда, чтобъ въ счастіи душа не забывалась,
Чтобъ искушеніямъ она не предавалась,
Ты вразумишь меня!

Зачѣмъ я молюсь?

Хочетъ знать она, зачѣмъ такъ много
И такъ часто я молюсь?.. Дитя!!..
До сихъ поръ, все словно-бы шутя,
Ей живется... Жизнь наукъ строгой
Горя и борьбы еще ее
Не учила... Ей невнятна тайна
Тѣхъ минутъ тревогъ, тоски случайной,
Гдѣ такъ грозно станетъ бытіе,
Гдѣ земля такъ дрогнетъ подъ ногами, —
Что рука вдругъ сложится крестомъ
Въ ужасъ мучительно-святомъ,
И мольба горячими словами
Вылетитъ сама изъ блѣдныхъ устъ...

Гдѣ-жь ей знать, какъ намъ, что въ часъ стра-
данья

Умъ безсиленъ, свѣтскій разумъ пустъ,
Люди нѣмы, дружба безъ вліянья;
Измѣняетъ намъ оплотъ земной, —
И лишь Божій храмъ, да образъ старый
Матери иль бабушки сѣдой
Намъ отвѣтъ даютъ, и тайной чарой
Тихо усмиряютъ духъ больной?...
Гдѣ-жь ей знать, что если сердце бьется
За ребенка милаго боясь. —
Лишь одна молитва остается
Въ немощи прибѣжищемъ у насъ!
Нѣтъ, рѣзвухи милой и пригожей
Странному вопросу не дивлюсь:
Гдѣ-жь ей знать, — и знать не дай ей, Боже!
Отчего такъ часто я молюсь!..

Я знаю, не долго мнѣ жить остается —
Я вѣрю, не минетъ ударъ роковой,
И рано и скоро душа соберется
Въ путь дальній, загробный... въ край, думамъ
родной!

И жизни цвѣтущей не жаль мнѣ, не жаль...
 Здѣсь радость какъ сонъ скоротечна,
 За радостью слѣдомъ здѣсь ходитъ печаль,
 И горекъ плачь скорби сердечной!...

Здѣсь гибнетъ, здѣсь сохнетъ — кто мыслью вы-
 сокой
 Надъ свѣтомъ враждебнымъ въ восторгѣ паритъ,
 Здѣсь братья мои жертвы злобнаго рока,
 Здѣсь имъ не счастливится, ... мiръ ихъ тѣснитъ!..

И пусть я погасну, покуда свѣтло
 Надъ мной солнце радости блещетъ,
 Покуда цвѣты наряжаютъ чело,
 И сердце надеждой трепещетъ!..

Роптать я не стану, — лишь только-бъ свершилось
 Все тихо и мирно, не съ страшной борьбой, ...
 Лишь въ вздохѣ предсмертномъ душа-бъ испарилась
 Съ послѣдней улыбкой, съ послѣдней мольбой!....

В ъ р у ю.

Вѣрю на небѣ въ щитъ Провидѣнія,
 Вѣчно хранящаго тварей Своихъ,

Ихъ посѣтившаго долей лишенія,
Имъ ниспославшаго на утѣшеніе
Дружбу, молитву, даръ пѣсней живыхъ!..

Вѣрую въ чистую Дѣву Небесную, —
Сирыхъ прибѣжище, слабыхъ покровъ! —
Ей, — исцѣляющей властью чудесною
Рану незримую, скорбь неизвѣстную, —
Женское сердце ей внятно безъ словъ!..

Вѣрую въ ангеловъ, нашихъ блюстителей,
Полныхъ участія къ намъ, полныхъ любви...
Промысла Божьяго кроткихъ свершителей,
Демонскихъ замысловъ зоркихъ рушителей,
Коимъ ввѣряемъ мы тайны свои!..

Здѣсь, — на землѣ, — вѣрю сердцу высокому,
Чувству горячему, нѣжнымъ душамъ;
Вѣрю друзей поминанью далекому...
Генію въ мірѣ всегда одинокому,
И вдохновеньямъ его и мечтамъ!..

Вѣрую въ счастье, — въ это видѣніе
Рѣдкое, дивное, споръ всѣхъ временъ!...
Да! если двое сошлись, и въ сближеніи
Думъ и сердець обрѣли упоеніе, —
Счастье возможно имъ, счастье не сонъ!..

Полуночица.

Гори лампада!... озаряй
Святыхъ иконъ кютъ отрадный
И слабый свѣтъ свой проливай
Въ пріютъ печали безпощадной!..

Пусть отблескъ розъ сихъ золотыхъ
Твое сіянье отбѣняетъ,
Пусть разноцвѣтность камней ихъ
Тебя въ отливъ свой одѣваетъ!..

Въ сихъ ликахъ выраженья нѣтъ:
Мертва ихъ живопись простая,
Однообразенъ темный цвѣтъ,
И дремлетъ краска вѣковая;

Но въ этомъ греческомъ письмѣ,
Но въ этой простотѣ старинной
Есть тайна, внятная душѣ,
Съ привѣтомъ для мольбы невинной!...

Родное что-то говоритъ
Въ чертахъ, повидимому, хладныхъ;
Святая милость ихъ манитъ
Призванье пѣсней безотрадныхъ.

На сердце, сжатое тоской,
Они наводятъ умиление,
Они шлютъ горестямъ покой
И укрощаютъ думъ волненье.

Какъ часто я, порой тоски,
Въ часы безмолвной полуночи,
Твержу имъ жалобы свои,
На нихъ вперя молящи очи!..

Какъ часто имъ ввѣряю я
Свой ропоть страстный, безнадежный,
Когда, во прахъ главу склоня,
Борюсь я съ скорбію мятежной!..

И невидимо благодать
На душу слабую нисходитъ,
И долгой горести печать
Она съ чела мнѣ тихо сводить.

И вдругъ съ надеждой неземной
Ко мнѣ слетаетъ утѣшенье,
И вѣрой чистой и живой
Трепещетъ сердце въ упоеньи.

Гори жь, лампада!.. Озарий
Мои хъ иконъ кіотъ священный
И тихимъ блескомъ освѣщай
Пріютъ, святыню осѣненный!..

Первому другу.

Мое отрадное свѣтило,
Моя полярная звѣзда,
Какъ дни мои ты озарила,
Какъ ты душѣ моей мила!..
Доколь тебя я не встрѣчала,
Роптая тщетно на судьбу,
Я дружбу, радость отрицала,
И не вѣрялась никому....
Ничей взоръ нѣжный и привѣтный
Моей души не ободрялъ;
Никто меня не понималъ
И лаской не дарилъ отвѣтной ..
Одна сестра души была, —
И ту враждебной, мощной силою
Судьба умчала, отняла....
И съ той властью рока разлучила!..
И я осталася одна....
Одна, межъ хладными сердцами,
Межъ свѣта мелкими страстями,
Несправедливости людей,
И непріязненныхъ свѣтей!
Меня безумной называли,
Улыбкой хладной награждали

За чувства огненной души...
Я научилась лицемерить,
Грустить безропотно, въ тиши,
И перестала людямъ вѣрить.
Влача безрадостные дни,
Въ мечтахъ услады я искала,
Душой и сердцемъ въ нихъ жила,
И непримѣтно перешла
Изъ міра слезъ въ міръ идеала.
Мнѣ улыбнулось Провидѣнье:
Оно тебя послало мнѣ;
Отъ сиротства, отъ всѣхъ томленій
Я отдохнула при тебѣ;
Минутный сонъ!.. бьетъ часъ урочный,
По морю жизни валъ бѣжитъ,
И вдаль тебя, въ чужбину мчитъ:
Разлукой долгою, безсрочной
Мнѣ рокъ безжалостный грозитъ
Но что бы ни было со мною —
Въ часъ испытанья, въ бурный день,
Въ минуту счастья, мечтою
Я за тобой пойду, какъ тѣнь!
Тебя найдетъ мой взоръ сердечный
Вблизи, вдали, въ странѣ чужой!...
На небосклонѣ жизни вѣчно
Будь мнѣ защитною звѣздой!
Не знай заката, ни затмѣнья,
Не бойся бурь или паденья

Будь неизмѣнна... и всегда
Свѣти, сіяй, моя звѣзда!..

КОЛОКОЛЬЧИКЪ.

Звенить,.. гудить,.. дробится мелкой трелью
Валдайскій колокольчикъ удалой!..

Въ немъ слышится призывъ родной, —
Какое-то разгульное веселье
Съ безумной, безотчетною тоской ...

Кто ѣдетъ тамъ?.. Куда?.. Съ какою цѣлью?..
Зачѣмъ?.. Къ кому? . И ждетъ-ли кто-нибудь?..

Трепещущую счастьемъ грудь
Смутить-ли колокольчикъ звонкой трелью?..
Спѣшать,.. летятъ!.. Богъ съ ними!.. добрый путь!..

Вотъ съ мостика спустились на плотину...
Вотъ обогнули прудъ, и садъ, и домъ...

Теперь поѣхали шагкомъ...
Свернули въ паркъ аллеею старинной...
И вотъ ящикъ стегнулъ по всѣмъ по тремъ...

Звенить, . . гудить, . . . какъ будто бьеть тревогу,
Чтобъ мысль завлечь и сердце соблазнить!..

И скучно стало сиднемъ жить, —
И хочется куда-нибудь въ дорогу, . . .
И хочется къ кому-нибудь спѣшить..

СТАНКЕВИЧЪ.

Мгновеніе.

Есть для души священныя мгновенья;
Тогда она чужда земныхъ заботъ,
Просвѣтлена лучемъ преображенья —
И жизнью небесною живетъ.

Борьбы ужь нѣтъ, стихаютъ сердца муки;
Въ немъ царствуетъ гармонія и миръ —
И стройно жизнь перелилася въ звуки,
И зиждется изъ звуковъ новый міръ;

И радостной блеститъ тотъ міръ надеждой,
Имъ блескъ небесъ какъ будто отражень;
Все дышетъ въ немъ любовью и надеждой,
Онъ вѣрою, какъ солнцемъ освѣщенъ...

И зримъ тогда незримаго Царя творенья:
На всемъ лежитъ руки Его печать —
Душа свѣтла... въ минуту вдохновенья
Хотѣлъ бы я на Божій судъ предстать...

М. СТАХОВИЧЪ.

П ѣ с н и.

Звукъ заветный, незабвенный
Молодой моей весны,
Пѣсни, голосъ отдаленной
Невозвратной старины!

Помню, помню, какъ звучали
Вы бывало вечеркомъ:
Красны дѣвицы играли,
А за бранымъ за столомъ
Сказки сказывали дѣды;
И внималъ я, чуть дыша,
И въ кругу простой бесѣды
Веселилася душа!

Нынче, какъ волна потока,
Какъ невнятный шумъ зыбей,
Слышенъ мнѣ вашъ звукъ далекой
Въ глубинѣ души моей.

ПѢСНЬ ЮНОСТИ.

О юныя лѣта,
Святая пора
И жизни, и свѣта —
Тепла и добра!

Живется, поется,
Какъ птицѣ весной,
А сердце какъ бьется
Въ груди молодой.

Не вѣдая горя,
Свободна, чиста,
Какъ небо, какъ море,
Любовь и мечта.

Все новая радость
Для новой души,

Куда твои, младость,
Всѣ дни хороши!

Счастливъ, кто завѣтно
Тебя бережетъ! —
Пора незамѣтно
Другая придетъ.

И будутъ все тѣ же
И люди, и дни,
Но радости рѣже,
Все рѣже они

Мелькаютъ картиной
Неясной во мглѣ,
Ужъ дума съ кручиной
Легла на челѣ.

Вечерняя пѣсня.

Не угасай, заката лучъ,
Гори, гори въ дали багряной!
Не потухай во мракъ тучъ,
Вечерній свѣтъ зари румяной!

Не меркни день, не застилай
Лѣсовъ и горъ сѣдою мглою.
Ты, поле, пѣснею родною
Не умолкай, не умолкай!

Вотъ по зарѣ, въ глуши степей
Родимой пѣсни слышны звуки!
И горе позабылось въ ней,
И тяжкихъ думъ затихли муки.

И вѣтъ юностью, и вновь
Души надежды воскресають,
И въ бѣдномъ сердцѣ оживаютъ
Былыя слезы и любовь.

И льется звучная волна,
Гуляетъ голосъ на просторѣ,
И грудь отвагою полна,
И степь волнуется, какъ море...

Гори жь, заря, не угасай!
Зажгись вечернею звѣздою!
Ты, поле, пѣснею родною,
Не умолкай, не умолкай!

А. СТРУГОВЩИКОВЪ.

М у ж ь.

Ждетъ корабль у пристани погоды,
Дунуль вѣтеръ — онъ выходитъ въ море,
И, гонимый дружными волнами,
Онъ три дня, три ночи мчится къ цѣли;
На четвертый день погода стихла,
Небо прояснилось — море еле дышетъ.

Воцарилась тишина, — недвижна
Мертвымъ сномъ объятая пучина;
Спитъ она... но вотъ на горизонтѣ
Облачко взошло и птица смолкла....
Шквалъ! еще! заклокотало море,
Съ кораблемъ, какъ съ мячикомъ играютъ вѣтръ
и волны.

Съ кораблемъ играютъ вѣтръ и волны, —
Вѣтръ и волны не играютъ мужемъ;

Онъ стоитъ спокойно у кормила,
 Онъ державно озираетъ бездну;
 Онъ погибнетъ, иль спасется, смѣло
 Жребій свой онъ возложилъ на волю Провидѣнья.

Три слова.

(Изъ Шиллера).

Три слова я молвлю, отъ сердца онѣ,
 Великó ихъ на свѣтѣ значенье;
 Три слова начало берутъ не извнѣ,
 Но завѣщаны намъ отъ рожденья:
 Человѣкъ на печальный конецъ обреченъ,
 Если въ эти три слова не вѣруетъ онъ.

Онъ вѣровать долженъ въ небесную дщерь,
 Добродѣтелью дщерь та зовется;
 Она не страшится ни бѣдъ, ни потерь,
 Ея голосъ на все отзовется:
 Это то, чего разумъ разумныхъ неиметь,
 Въ простотѣ же разсудка младенецъ пойметъ.

Онъ вѣровать долженъ, что съ волей рожденъ,
 Долженъ вѣрить въ свое назначенье —

Рабомъ своей воли останется онъ,

Если въ душу проникнетъ сомнѣнье:
Та свобода внѣ силы, внѣ власти земной,
И свободенъ лишь тотъ, кто владѣетъ собой.

Есть Богъ! Его воля святая живетъ!

И за жизнью наступитъ ли тлѣнье --
Изъ тлѣнья начало той жизни встаетъ,
Что почило въ началѣ творенья:
Не смущайся же тѣмъ, что глупецъ говоритъ,
Ниже тѣмъ, что всеневная мудрость твердитъ.

Три слова я молвилъ, значенье имъ далъ;

Пусть онѣ далекò отзовутся,
И какъ бы кто низко душой ни упалъ,
Тѣ три слова ему остаются:
Человѣкъ не погибъ и всего не лишенъ,
Если въ эти слова еще вѣруеть онъ.

Н а д е ж д а.

(Изъ Шиллера).

О высшихъ, божественныхъ цѣляхъ,
Про лучшій, прекраснѣйшій вѣкъ,

Надеждой богатъ съ колыбели,
Мечтаетъ, поетъ челоѡвѣкъ;
Все въ мѣрѣ цвѣтеть и проходить чредою,
Лишь онъ неразлученъ съ своею мечтою.

Надежда младенца ласкаетъ
И въ мужъ съ лѣтами растеть.
На трудъ старика вызываетъ
И посохъ ему подаетъ:
Смежить ли предъ смертью усталыя вѣжды,
Старикъ и тогда неразлученъ съ надеждой.

Надежда не плодъ размышленья,
Посланница Божья она!
Не тщетно святое стремленье
И жизнь невоцпе намъ дана!
Надѣйся! — намъ внутренній голось вѣщаетъ,
И свято тотъ голось себя оправдаетъ.

ГР. А. ТОЛСТОЙ.

(Изъ поэмы: «Иоаннъ Дамаскинъ»).

VIII.

Колоколовъ унылый звонъ
Съ утра долину оглашаетъ, —
Покойникъ въ церковь принесенъ.
Обрядъ печальный похоронъ
Надъ нимъ отшельники свершаютъ.
Свѣчами свѣтится алтарь.
Стоитъ пѣвецъ съ поникшимъ взоромъ,
Поетъ напутственный тропарь;
Ему монахи вторятъ хоромъ:

Т р о п а р ь .

«Какая сладость въ жизни сей
«Земной печали не причастна!
«Чьи ожиданья не напрасны?
«И гдѣ счастливый межъ людей?
«Все то превратно, все ничтожно,

«Что мы съ трудомъ приобрѣли.
«Какая слава на земли
«Стоить тверда и непреложна?
«Все пепель, призракъ, тѣнь и дымъ,
«Исчезнетъ все, какъ вихорь пыльный,
«И передъ смертью мы стоимъ
«И безоружны и безсильны.
«Рука могучаго слаба,
«Ничтожны царскія вельня, —
«Прійми усопшаго раба,
«Господь, въ блаженныя селенья!

«Какъ грозный витязь смерть нашла
«Меня, какъ хищникъ, низложила.
«Свой зѣвъ разинула могила
«И все житейское взяла.
«Спасайтесь, сродники и чада,
«Изъ гроба къ вамъ взываю я,
«Спасайтесь, братья и друзья,
«Да не узрите пламень ада!
«Вся жизнь есть царство суеты,
«И дуновение смерти чужа,
«Мы увядаемъ, какъ цвѣты, —
«Почто же мы мятемся всуе?
«Престолы наши суть гроба,
«Чертоги наши — разрушенье...
«Прійми усопшаго раба,
«Господь, въ блаженныя селенья!

«Средь груды тлѣющихъ костей
«Кто царь? кто рабъ? судья, иль воинъ?
«Кто царства Божія достоинъ?
«И кто отверженный злодѣй?
«О братья, гдѣ серебро и злато?
«Гдѣ сонмы многіе рабовъ?
«Среди невѣдомыхъ гробовъ
«Кто есть убогій, кто богатый?
Все пепель, дымъ, и пыль, и прахъ,
«Все призракъ, тѣнь и привидѣнье —
«Лишь у Тебя на небесахъ,
«Господь, и пристань и спасенье!
«Исчезнетъ все, что было плоть,
«Величье наше будетъ тлѣнье —
«Прійми усопшаго, Господь,
«Въ Твои блаженныя селеня!

«И Ты, Предстательница всѣмъ,
«И ты, Заступница скорбящимъ!
«Къ Тебѣ о братѣ, здѣсь лежащемъ,
«Къ Тебѣ, Святая, вопіемъ!
«Моли Божественнаго Сына,
«Его, Пречистая, моли,
«Дабы усопшій на земли
«Оставилъ здѣсь свои кручины!
«Все пепель, прахъ, и дымъ, и тѣнь!
«О други, призраку не вѣрьте!
«Когда дохнетъ въ нежданный день

«Дыханье тлительное смерти,
 «Мы всё поляжемъ, какъ хлѣба,
 «Серпомъ подрѣзанные въ нивахъ...
 «Прійми усопшаго раба
 «Господь, въ селеніяхъ счастливыхъ!

«Иду въ незнаемый я путь,
 »Иду межъ страха и надежды;
 «Мой взоръ угасъ, остыла грудь.
 «Не внемлетъ слухъ, сомкнуты вѣжды;
 «Лежу безгласенъ, недвижимъ.
 «Не слышу братскаго рыданья,
 «И отъ кадила синій дымъ
 «Не мнѣ струитъ благоуханье.
 «Но вѣчнымъ сномъ пока я сплю.
 «Моя любовь не умираетъ.
 «И ею, братья, васъ молю,
 «Да каждый къ Господу взываетъ:
 «Господы! Въ тотъ день, когда труба
 «Вострубитъ міра преставленье —
 «Прійми усопшаго раба
 «Въ Твои блаженныя селенья!»

Свѣчами свѣтится алтарь,
 Стоитъ пѣвецъ съ поникшимъ взоромъ,
 Поетъ напутственный тропарь,
 Ему монахи вторятъ хоромъ.

Ө. ТУМАНСКІЙ.

Птичка.

Вчера я растворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моей:
Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
Я возвратилъ свободу ей.
Она исчезла, утопая
Въ сѣяньи голубаго дня,
И такъ заплѣла, улетая,
Какъ бы молилась за меня.

И. ТУРГЕНЕВЪ.

Изъ поэмы.

Въ теплый вечеръ, въ ульяхъ чистыхъ
Зрѣютъ свѣтлые соты:
Въ теплый вечеръ липъ душистыхъ
Благовоннѣ цвѣты:
И когда по нимъ слезами
Потечетъ прозрачный медь,
Вьется жадно надъ цвѣтами
Пчель ликующій народъ:
Наклоня сладострастно
Свой усталый стебелекъ,
Гостя милаго напрасно
Ни одинъ не ждетъ цвѣтокъ:
Такъ и ты цвѣла стыдливо
И въ тебѣ, дитя мое,
Созрѣвало прихотливо
Сердце пылкое твое....

И теперь, въ красѣ расцвѣта,
Обаянія полна,
Ты стоишь подъ солнцемъ лѣта
Одинока и лышна.

Д е р е в н я .

Люблю я вечеромъ къ деревнѣ подъѣзжать,
Надъ старой церковью глазами провожать
Воронъ играющую стаю;
Среди большихъ полей, заповѣдныхъ луговъ,
На тихихъ берегахъ заливовъ и прудовъ
Люблю прислушиваться лаю

Собакъ недремлющихъ, мычанью тяжкихъ стадъ;
Люблю заброшенный и запустѣлый садъ
И лицъ незыблемыя тѣни;
Не дрогнетъ воздуха стеклянная волна;
Стоишь и слушаешь — и грудь упоена
Блаженствомъ безмятежной лѣни...

Задумчиво глядишь на лица мужиковъ —
И понимаешь ихъ; предаться самъ готовъ
Ихъ бѣдному, простому быту....

Идетъ къ колодезю старуха за водой;
 Высокій шесть скрипнуть и гнется; чередой,
 Подходятъ лошади къ корыту....

Вотъ пѣсню затанулъ проѣзжій.... Грустный звукъ!
 Но лихо вскрикнулъ онъ — и только слышенъ стукъ
 Колесъ его телѣги тряской;
 Выходить дѣвушка на низкое крыльцо —
 И на зарю глядитъ.... и круглое лицо
 Зардѣлось алой, яркой краской.

Качаясь медленно, съ пригорка, за селомъ,
 Огромные возы спускаются гуськомъ
 Съ пахучей данью пышной нивы;
 За коноплянникомъ зеленымъ и густымъ
 Бѣгутъ, одѣтые туманомъ голубымъ,
 Степей широкіе разливы.

Та степь — конца ей нѣтъ.... раскинулась, ле-
 жить....

Струистый вѣтерокъ бѣжить, не пробѣжить...
 Земля томится, небо мѣгнетъ...

И лѣса длиннаго подернутся бока
 Багрянцемъ золотымъ, и ропщеть онъ слегка,
 И утихаеть, и синѣетъ....

В. ТЮТЧЕВЪ.

---

* *
* *

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ все трепетало....

Словно тяжкія рѣсницы
Разверзались порою,
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣнцы
Загорались надъ землею....

---

* *
*

Какъ надъ горячею золой
Дымится свитокъ и сгораеть,
И огонь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожираеть, —

Такъ грустно тлится жизнь моя
И съ каждымъ днемъ уходитъ дымомъ,
Такъ постепенно гасну я
Въ однообразьи нестерпимомъ....

О, небо, если бы хоть разъ
Сей пламень развился по волѣ,
И, не томясь, не мучась долѣ,
Я просіялъ бы и погасъ!

С л е з ы.

Слезы людскія, о слезы людскія,
Лететь вы ранней и поздней порой, —
Лететь безвѣстныя, лететь незримыя,

Неистоцимыя, неисчислимыя, —
 Летесь, какъ льются струи дождевыя
 Въ осень глухую, порою ночной.

Пошли Господь свою отраду
 Тому, кто въ лѣтній жаръ и зной
 Какъ бѣдный нищій мимо саду
 Бредеть по жаркой мостовой;

Кто смотритъ вскользь черезъ ограду
 На тѣнь деревьевъ, знакъ долинь,
 На недоступную прохладу
 Роскошныхъ свѣтлыхъ луговинъ.

Не для него гостеприимной
 Деревья сѣнью разрослись,
 Не для него, какъ облакъ дымной,
 Фонтанъ на воздухъ повисъ.

Лазурный гротъ какъ изъ тумана
 Напрасно взоръ его манить,
 И пыль росистая фонтана
 Главы его не освѣжить,

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто жизненной тропой
Какъ бѣдный нищій мимо саду
Бредеть по знойной мостовой.

Весеннія воды.

Еще въ поляхъ бѣлѣть снѣгъ,
А воды ужъ весной шумять,
Бѣгутъ и будятъ сонный берегъ,
Бѣгутъ, и блещутъ, и гласятъ —

Оцѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ, весна идетъ;
«Мы молодой весны гонцы,
«Она насъ выслала впередъ!»

Весна идетъ, весна идетъ,
И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толнится весело за ней.

Не вѣрь, не вѣрь поэту.

Не вѣрь, не вѣрь поэту, дѣвал
Его своимъ ты не зови,
И пуще пламеннаго гнѣва
Страшись поэтовой любви.

Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой,
Огня палящаго не скроешь
Подъ легкой дѣвственной фатой.

Поэтъ всесиленъ, какъ стихія, —
Не властенъ лишь въ себѣ самомъ:
Невольно кудри молодья
Онъ обожжетъ своимъ вѣщомъ.

Вотще поносить или хвалить
Поэта суетный народъ:
Онъ не змѣею сердце жалить,
Но какъ пчела его сосетъ.

Твоей святости не нарушить
Поэта чистая рука,
Но ненарокомъ жизнь задушить
Цль унесетъ за облака

Осенній вечеръ.

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
 Умильная, таинственная прелесть.....
 Зловѣщій блескъ и пестрота деревъ,
 Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ,
 Туманная и тихая лазурь
 Надъ грустно сиротѣющей землею,
 И, какъ предчувствіе сходящихъ бурь,
 Порывистый, холодный вѣтръ порою,
 Ущербъ, изнеможенье, и на всемъ
 Та кроткая улыбка увяданья,
 Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
 Возвышенной стыдливостью страданья.

П о э з і я .

Среди громовъ, среди огней,
 Среди клокочущихъ зыбей.
 Въ стихійномъ пламенномъ разборѣ,
 Она съ небесъ слетаетъ къ намъ —

Небесная, — къ земнымъ сынамъ,
Съ лазурной ясностью во зорѣ,
И на бунтующее море,
Льетъ примирительный елей.

К о л у м б ъ

Тебѣ, Колумбъ, тебѣ вѣнецъ!
Чертежъ земной ты выполнившій смѣло;
И довершившій наконецъ
Судебъ неконченное дѣло.
Ты завѣсу расторжъ всеильною рукой —
И новый мѣръ, невѣдомый, неожиданный,
Изъ безпредѣльности туманной
На Божій свѣтъ ты вынесъ за собой.
Такъ связанъ, соединиень отъ вѣка
Союзомъ кровнаго родства
Разумный геній человѣка
Съ живою силою естества.
Скажи завѣтное онъ слово —
И мірамъ новымъ естество
Всегда откликнуться готово
На голосъ родственннй его.

Не то, что мните вы, природа,

Не то, что мните вы, природа —
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ

Вы зрите листь и цвѣтъ на древѣ;
Иль ихъ садовникъ приклеилъ?
Иль зрѣеть плодъ въ родимомъ чревѣ?
Игрою виѣшнихъ, чуждыхъ силъ?

Они не видятъ и не слышатъ,
Живуть въ семъ мѣрѣ какъ въ потьмахъ.
Для нихъ и солнца знать не дышать
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили
И ночь въ звѣздахъ нѣма была,

И языками неземными,
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза.

Не ихъ вина: пойми, коль можетъ
 Органа жизнь глухо-нѣмой!
 Увы! души въ немъ не встревожить
 И голосъ матери самой!

Весенняя гроза.

Люблю грозу въ началѣ мая,
 Когда весенній, первый громъ,
 Какъ бы рѣзвяся и играя,
 Грохочетъ въ небѣ голубомъ.

Гремятъ раскаты молодые,
 Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
 Повисли перлы дождевые,
 И солнце нити золотитъ

Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
 Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
 И гамъ лѣсной и шумъ нагорный, —
 Все вторитъ весело громамъ.

Ты скажешь: вѣтренная Геба,
 Кормя Зевесова орла,

Громокипящій кубокъ съ неба.
Смѣясь, на землю пролила.

Успокоеніе.

Гроза прошла — еще курясь, лежалъ
Высокій дубъ перунами сраженной
И сизый дымъ съ вѣтвей его бѣжалъ
По зелени грозою освѣженной:

А ужь давно звучиѣе и полиѣи
Пернатыхъ пѣснь по роцѣ раздалася,
И радуга концемъ дуги своей
Въ зеленяя вершины уперлася!....

---

* * *

Не-разсуждай, не хлопочи....
Безумство ищетъ, глупость судить;
Дневныя раны сномъ лечи, —
А завтра быть тому, что будетъ.

Живя, умѣй все пережить:
 Печаль, и радость, и тревогу.
 Чего желать, о чемъ тужить?
 День пережить — и слава́ Богу

Чему молилась ты съ любовью,
 Что какъ святыню берегла,
 Судьба людскому суесловью
 На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
 Въ святилище души твоей,
 И ты невольно постыдилась
 И тайнѣ, и жертвѣ, доступныхъ ей.

Ахъ, если бы живыя крылья
 Души парящей надъ толпой,
 Ее спасали отъ насилья
 Безсмертной пошлости людской.

А. Ф Е Т Ъ.

Весеннія мысли.

Снова птицы летятъ издалека
Къ берегамъ, расторгающимъ ледь,
Солнце теплое ходитъ высоко
И душистаго ландыша ждетъ,

Снова въ сердцѣ ничѣмъ не умѣришь
До ланить восходящую кровь,
И душою подкупленную вѣришь,
Что какъ міръ безконечна любовь

Но сойдемся ли снова такъ близко
Средь природы разнѣженной мы,
Какъ видало ходившее низко
Насъ холодное солнце зимы?

---

*
*
*

Былъ чудный майскій день въ Москвѣ,
Кресты церкви сверкали;
Вились касатки подь окномъ
И звонко щебетали.

Я подь окномъ сидѣлъ влюбленъ,
Душей и юнъ, и боленъ,
Какъ пчелы, звуки вдалекѣ
Жужжали съ колоколенъ.

Вдругъ звуки стройно, какъ органъ,
Запѣли въ отдаленьи:
Неволью дрогнула душа
При этомъ стройномъ пѣньи.

И шелъ, и росъ поющій хоръ, —
И непонятной силой
Въ душѣ сливался ликъ небесъ
Съ безмолвною могилой.

И шелъ, и росъ поющій хоръ, —
И черною грядою
Тянулся набожно народъ
Съ открытой головою.

И миновалъ поющій хоръ,
Его я минулъ взоромъ,
И гробикъ розовой прошелъ
За громогласнымъ хоромъ.

Струится теплый вѣтерокъ,
Покровы колыхая,
И мнѣ казалось, что душа
Парила молодая.

Весенній блескъ, весенній шумъ,
Молитвы стройной звуки.
Все тихимъ вѣяло крыломъ
Надъ грустію разлуки.

За гробомъ шла, шатаясь, мать, —
Надгробное рыданье! —
Но мнѣ казалось, что легко
И самое страданье.

—
* * *

Вотъ утро сѣвера — сонливое, скупое,
Лѣниво смотрится въ окно волоковое,
Въ печи трещить огонь — и сѣрый дымъ ковромъ

Тихонько стелется надъ кровлею съ конькомъ;
Пѣтухъ заботливый, копясь на дорогѣ,
Кричитъ... а дѣдушка брадатый на порогѣ
Кряхтитъ и крестится сватившись за кольцо,
И хлопья бѣлыя летятъ ему въ лицо...
И полдень настаетъ. Но Боже! какъ люблю я,
Какъ тройкою ящикъ кибитку удалую
Промчить — и скроется... И долго, мнится мнѣ,
Звукъ колокольчика трепещетъ въ тишинѣ.

С м е р т и.

Когда измученъ жаждой счастья
И громомъ бѣдствій оглушенъ,
Со взоромъ полнымъ сладострастья
Въ тебѣ послѣдняго участя
Искать страдалецъ обреченъ, —

Не вѣрь, суровый ангелъ Бога,
Тушить свой факелъ погоди.
О, какъ въ страданьи вѣры много!
Постой! безумная тревога
Уснетъ въ измученной груди.

Придетъ пора, пора иная:
Повѣтъ жизни благодать,
И будетъ тотъ, кто, изнывая,
Въ тебѣ встрѣчалъ предтечу рая,
Передъ тобою трепетать.

Но кто не молить и не просить,
Кому страданье не дано,
Кто жизни злобно не поносить,
А, молча, созная, носить
Твое могучее зерно,

Кто дышетъ съ равнымъ напряженьемъ.
Того, безмолвна, посѣти,
Повѣя полнымъ примиреньемъ,
Ему предстань за свидѣньемъ
И тихо вѣжды опусти.

Ужь верба вся пушистая
Раскинулась кругомъ;
Опять весна душистая
Повѣяла крыломъ.

Станицей тучки посятся,
Тепло озарены,
И въ душу снова просятся
Плѣнительные сны.
Вездѣ разнообразною
Картиной занять взглядъ,
Шумить толпою праздною
Народъ, чему-то радъ...
Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена —
И надъ душою каждою
Проносится весна.

М а д о н н а.

Я не ропщу на трудный путь земной,
Я буйнаго не слушаю невѣжды:
Мои́мъ ушамъ понятенъ звукъ иной,
И сердцу голосъ слышится надежды.

Съ тѣмъ поръ, какъ Санціо передо мной
Изобразилъ склоняющую вѣжды,
И этотъ ликъ, и этотъ взоръ святой,
Смиренныя и легкія одежды, —

И это лоно Матери, и въ немъ
 Младенца съ яснымъ, радостнымъ челомъ;
 Съ улыбкою къ Маріи наклоненной —
 О, какъ душа стихаетъ вся до дна!
 Какъ много со святаго полотна
 Ты шлешь, мой Богъ съ пречистою Мадонной,

---

* *
 *

Владычица Сіона, предъ Тобою
 Во мглѣ моя лампада зажжена.
 Все спитъ кругомъ — душа моя полна
 Молитвою и сладкой тишиною.

Ты мнѣ близка... Покорною душою
 Молюсь за ту, къѣмъ жизнь моя ясна:
 Дай ей цвѣсти, будь счастлива она —
 Съ другимъ ли избраннымъ, одна, или со мною.

О нѣтъ! прости вліянію медуга!
 Ты знаешь насъ: намъ суждено другъ друга
 Взаимными молитвами спасать.
 Такъ дай же силъ, простри свѣтыя руки,
 Чтобъ ярче могъ въ полночный часъ разлуки
 Я предъ Тобой лампаду возжигать.

И . Х Е М Н И Ц Е Р Ъ .

Метафизикъ.

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за море дѣтей учиться посылаютъ,
И что того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго и съ вида отличаютъ.
Такъ чтобъ отъ прочихъ не отстать,
Отецъ немедленно рѣшилъся
Дѣтину за море послать,
Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился;
Но сынъ глупѣе воротился.
Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ врялямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ;
И малаго не научили,
А на вѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало съ глупости онъ попросту болталъ;
Теперь все свысока безъ толку толковалъ.

Бывало глупые его не понимали,
 А нынѣ разумѣть и умные не стали.
 Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его сучалъ.
 Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьи,
 О заданномъ одномъ старинномъ предложеніи:
     Сыскать начало всѣхъ началъ.
 Когда за облака онъ душой возносился,
 Дорогой шедши оступился
     И въ ровъ попалъ.
 Отецъ, который съ нимъ случился,
 Скорѣе бросился веревку принести,
 Премудрость изъ рва на свѣтъ произвести.
 А умный между тѣмъ дѣтина
 Въ той ямѣ, сидя, разсуждалъ:
 «Какая быть могла причина,
 Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
 Причина, кажется, тому землетрясенье,
 А въ яму скорое стремленье,
 Центральное влеченье,
 Воздушное давленье...»
 Отецъ съ веревкой прибѣжалъ
 Вотъ, говорить, тебѣ веревка! ухватися?
     Я потащу тебя, держися. —
 «Нѣтъ, погоди тащить; скажи мнѣ напередъ,
 (Понесъ студентъ обычной бредъ)
     Веревка вещь какая?»

Отецъ его былъ неучень,

Но разсудителенъ, уменъ;
 Вопросъ ученый оставляя,
 Веревка вещь, ему отвѣтствовалъ, такая,
 Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадетъ. —
 «На этобъ выдумать орудіе другое»
 Ученый все свое несетъ:
 «А это что такое?...
 Веревка! — вервѣ простое!» —
 Да время надобно! отецъ ему на то:
 А это хоть не ново,
 Да благо ужъ готово,
 «Да время что?» —
 А время вещь такая,
 Которую съ глушомъ не стану я терять.
 Сиди, сказалъ отецъ, пока приду опять.» —
 Что если бы вралей и остальныхъ собрать,
 И въ яму къ этому въ товарищи послать?...
 Да яма надобна большая!

Д е р е в о .

Стояло дерево въ долину,
 И, на судьбу свою пеняя, говорить:
 За чѣмъ оно не на вершинѣ
 Какоіи нибудь горы стоитъ,

И тожь, да то же все Зевесу докучаетъ.
 Зевесъ, который всѣмъ на свѣтѣ управляетъ;
 Неудовольствіе отъ дерева внимаетъ

И говоритъ ему:

Добро, перемѣню твое я состоянье
 Ко угожденью твоему.

И далъ Вулкану приказанье
 Долину въ гору премѣнить;

И такъ подъ деревомъ горою мѣсто стало.
 Довольнымъ дерево тогда казалось быть,
 Что на горѣ стояло.

Вдругъ на лѣса Зевесъ за что-то гнѣвенъ сталъ,

И въ гнѣвѣ приказалъ

Всѣмъ вѣтрамъ на лѣса пуститься.

Ужь дѣйствуетъ свирѣпыхъ вѣтровъ власть,
 Колеблются лѣса, листы столпомъ крутятся,

Деревья ломаются, валятся,

Все чувствуетъ свою погибель и напасть;

И дерево теперь, стоявши на вершинѣ,

Трепещетъ о своей судьбинѣ;

Счастливы, говоритъ;

Деревья, что стоятъ въ долинѣ!

Имъ буря столько не вредить.

И только это лишь сказало,

Изъ корня вырвано унало.

Мнѣ кажется легко изъ басни сей понять,
Что срашно иногда на высотѣ стоять.

Умирающій отецъ.

Жилъ былъ отецъ,
И были у него два сына:
Одинъ сынъ былъ уменъ, другой сынъ былъ
глупецъ.

Отцова настааетъ кончина,

И видя свой конецъ,

Отецъ

Тревожится, скучаетъ,

Что сына умнаго на свѣтъ покидаетъ.

И говоритъ ему: ахъ, сынъ любезный мой!

Съ какой

Тоской

Я расстаюсь съ тобой,

Что умнымъ я тебя на свѣтъ покидаю,

И какъ ты проживешь, не знаю.

Послушай, продолжалъ: тебя я одного

Наслѣдникомъ всего

Имѣнья оставляю,

А брата твоего

Я отъ наслѣдства отрѣшаю:
 Оно не пужно для него.
 Сынъ усомнился и не знаетъ,
 Какъ рѣчь отцову разсудить,
 Но наконецъ отцу о братѣ представляетъ:
     А брату чѣмъ же жить,
 Когда мнѣ одному въ наслѣдство
 Съ его обидою имѣнье получить?
 О братѣ нечего, сказалъ отецъ, тужить:
 Дуракъ ужъ вѣрно сыщеть средство
     Счастливымъ въ свѣтѣ быть,

Конь и осель.

Конь всадникомъ гордись
 И выступкой храбрись,
     Рѣзвился,
 И какъ-то остунился.
 На ту бѣду осель случился,
 И говоритъ коню: ну, если бы со мной
     Грѣхъ сдѣлался такой!
 Я, ходя цѣлой день, ни разу не споткнулся,
     Да полно я и берегуся.
     Тебѣ ли говорить!

Конь отвѣчалъ ослу: и ты гудажъ несешься!
Твоею выстункой ходить,
И ввѣкъ не спотыкнешься.

К а щ е й.

Какой-то былъ Кашей и денегъ тьму имѣлъ;
А сказывалъ онъ самъ, что онъ разбогатѣлъ,
    Не криводушно поступая,
    Не грабя и не разоряя.
Нѣтъ, онъ божился въ томъ,
Что Богъ ему послалъ такой достатокъ въ домъ,
    И что никакъ онъ не боится
Противу бсижняго въ неправдѣ обличиться.
А чтобы Господу за милость угодить,
И къ милосердію и впредь Его склонить,
    Или чтобъ совѣсть успокоить,
Кашею вздумалось для бѣдныхъ домъ построить.
Домъ строятъ, и почти достроили его.
    Кашей мой домъ свой посѣщаетъ;
    Смотря онъ на него,
    Любуется и разсуждаетъ:
Какую бѣднымъ онъ услугу показали,
Что имъ пристанище построить приказалъ!

Такъ внутренно Кащей мой домомъ веселится,
 Какъ нѣкто мимо проходилъ.

У незнакомаго съ восторгомъ онъ спросилъ:
 Довольно, кажется, тутъ бѣдныхъ помѣстится?
 «Довольно здѣсь ихъ можетъ жить;
 «Но всѣхъ хозяину сюда не помѣститъ,
 «Которыхъ по міру заставилъ онъ ходить.»

Два семейства.

Уже изъ давнихъ лѣтъ замѣчено у всѣхъ:
 Гдѣ ладъ, тамъ и успѣхъ;
 А отъ раздора все на свѣтѣ погибаетъ.
 Я правду эту вновь примѣромъ докажу;
 Картины Грезовы я сказкой расскажу:
 Одна счастливую семью изображаетъ,
 Другая же семью несчастну представляетъ.
 Семействомъ счастливымъ представлень мужъ съ
 женой,
 Плывущіе съ дѣтьми на лодочкѣ одной
 Такой
 Рѣкой,
 Гдѣ камней и мѣлей премножество встрѣчали,
 Которы трудности сей жизни представляли.

Согласно мужъ съ женой,
Своею лодкой управляя,
Счастливо къ берегу межъ камнями плывутъ.
Сама любовь въ лицѣ грести имъ пособляя,
Ихъ тяжелой облегчаетъ трудъ.
Спокойно въ лодочкѣ ихъ дѣти почиваютъ;
Покой и счастье дѣтей
Въ заботной жизни сей
Труды отцовски награждаютъ.
Другимъ семействомъ тожъ представленъ мужъ съ
женой,
Плывущіе съ дѣтьми на лодочкѣ одной
Такою же рѣкой,
Гдѣ камней и мѣлей премножество встрѣчаютъ.
Но худо лодка ихъ нливаетъ;
Съ женой у мужа ладу нѣтъ:
Жена весло свое бросаетъ,
Сидитъ, не хочетъ помогать,
Отъ камней лодку удалять.
Любовь летитъ отъ нихъ и вздорныхъ оставляетъ.
А мужа одного напрасенъ тяжкій трудъ:
И криво съ лодкою и вкось они плывутъ,
Не знаютъ дѣти ихъ покою,
И другъ у друга всякъ кусокъ послѣдній рветъ
Все хуже между нихъ часъ отъ часу идетъ:
Въ пучину быстрою
Ужъ лодку ихъ несетъ,

А. ХОМЯКОВЪ.

Вечерняя пѣснь.

Солнце сокрылось, дымятся долины;
Медленно сходить къ ночлегу стада;
Чуть шевелятся лѣсныя вершины,
Чуть шевелится вода.

Вѣтеръ приноситъ прохладу почную,
Тихою славою горять небеса.
Братья! оставимъ работу дневную,
Въ пѣсни сольемъ голоса:

«Ночь на восходѣ съ вечерней звѣздою;
«Тихо сіяетъ струей золотою
«Западный край.

«Господи, путь нашъ межъ камней и терній,
«Путь нашъ во мракѣ: Ты, свѣтъ невечерній,
«Насъ осіяй

«Въ мглѣ полунощной, въ полуденномъ зноѣ,
«Въ скорби и радости, въ сладкомъ покоѣ,
«Въ тяжкой борьбѣ,

«Всюду сіяніе солнца Святаго,
«Божія Мудрость и Сила и Слово....
«Слава Тебѣ!»

Т р у ж е н и к ъ .

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра до истощенья силъ,
Довольно, нахарь терпѣливый.
Я плугъ тяжелый свой водилю.

Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьенъ окружень,
Боролся крѣпкой я борьбою....
Я утомленъ, я утомленъ.

Пора на отдыхъ. О дубравы!
И тишина полей и водъ,
И надъ оврагами кудрявый
Вѣтвей сплетающихся сводъ!

Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
 Склонившись къ звонкому ручью,
 Хочу всей грудью, грудью жадной,
 Вдохнуть вечернюю струю!

Стереть бы потъ дневнаго зноя!
 Страхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!...
 «Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
 Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!

Взгляни на ниву — пашни много,
 А дня не много впереди,
 Вставай же, рабъ лѣнивый Бога,
 Господь велить: иди, иди!

Ты купленъ дорогой цѣною,
 Крестомъ и кровью купленъ ты:
 Сгибайся жь, пахарь, надъ браздою!
 Борись, борець, до поздней тьмы!» —

Предъ словомъ грознаго призванья
 Склоняюсь трепетнымъ челомъ:
 А Ты безумнаго роптанья
 Не помяни въ судѣ Твоемъ!

Иду свершать въ трудѣ и потѣ
 Удѣлъ, назначенный Тобой,
 И не сомкну очей въ дремотѣ,
 И не ослабну предъ борьбой.

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу пивы,
Господь, для сѣва Твоего.

Н о ч ь.

Спала ночь съ померкшей вышины,
Въ небѣ сумракъ, надъ землею тѣни,
И подъ кровомъ темной тишины
Ходить сонмъ обманчивыхъ видѣній.

Ты вставай, во мракѣ снѣціи братья!
Освяти молитвой часъ полночи!
Божьи духи землю сторожатъ,
Звѣзды святятъ словно Божьи очи.

Ты вставай, во мракѣ снѣціи братья!
Розорви ночныхъ обмановъ сѣти!
Въ городахъ къ заутрени звонятъ,
Въ Божью церковь идутъ Божьи дѣти.

Помолися о себѣ, о всѣхъ,
Для кого тяжка земная битва,

О рабахъ безсмысленныхъ утѣхъ! .
Вѣрь, для всѣхъ нужна твоя молитва.

Ты вставай, во мракѣ снѣжнѣй братья!
Пусть зажжется духъ твой пробужденный,
Такъ какъ звѣзды на небѣ горять,
Какъ горитъ лампада предъ иконой.

З в ѣ з д ы .

Въ часъ полночный, близъ потока,
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
Въ горнемъ мірѣ чудеса.
Ночи вѣчныя лампы
Невидимы въ блескѣ дня,
Стройно ходятъ тамъ громады
Негасимаго огня.
Но впивайся въ нихъ очами —
И увидишь, что вдали,
За ближайшими звѣздами,
Тьмами звѣзды въ ночь ушли.
Вновь взглядишь — и тьмы за тьмами

Утомятъ твой робкій взглядъ:
Всѣ звѣздами, всѣ огнями
Бездны синія горять.

Въ часъ полночнаго молчанья,
Отгнавъ обманы сновъ,
Ты взглядишь душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ, —
И въ объемѣ книги тѣсной
Развернется предъ тобой
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.
Узришь — звѣзды мыслей водятъ
Тайный хоръ свой вкругъ земли,
Вновь взглядишь — другія всходятъ,
Вновь взглядишь — и тамъ вдали,
Звѣзды мыслей, тьмы за тьмами,
Всходятъ, всходятъ безъ числа,
И зажжется ихъ огнями
Сердца дремлющая мгла.

Кремлевская заутреня на Пасху.

Въ безмолвіи, подъ ризою nocturnoю,
Москва ждала, и часъ святой насталъ;

И мощный звонъ промчался надъ землею,
 И воздухъ весь, гудя затрепеталъ.
 Пѣвучіе, серебряные грома
 Сказали вѣсть святаго торжества,
 И слыша гласъ, ея душѣ знакомый,
 Подвиглася великая Москва.
 Все тотъ же онъ: ни нашего волненья,
 Ни мелочно-торжественныхъ заботъ
 Не знаетъ онъ, и вѣстникъ искушенья,
 Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поетъ, —
 Побѣды пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна!
 Мы слушаемъ; но какъ внимаемъ мы?
 Сгибаются-ль упрямыя колѣна?
 Смиряются-ль кичливые умы?
 Откроемъ ли радушныя объятя
 Для страждущихъ, для меньшей братии всей?
 Хоть вспомнимъ ли, что это слово — братья
 Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй?

О с т р о в ъ .

Островъ пышный, островъ чудный,
 Ты краса подлунной всей,
 Лучшій камень изумрудный

Въ голубомъ вѣнцѣ морей!
Грозный стражъ твоей свободы,
Сокрушитель чуждыхъ силъ,
Вкругъ тебя широко воды
Океанъ сѣдой разлилъ.
Онъ бездоненъ и просторенъ,
И враждуетъ онъ съ землею;
Но смирененъ, но покоренъ.
Онъ любитъ тебя тобою.
Для тебя онъ укрощаетъ
Свой неистовый набѣгъ,
И ласкаясь обнимаетъ
Твой бѣлѣющійся брегъ.
Дочь любимая природы,
Благодатная земля!
Какъ кишать твои народы,
Какъ цвѣтуть твои поля!
Какъ державно надъ волною
Ходить твой широкій флагъ!
Какъ кроваво надъ землею
Мечъ горитъ въ твоихъ рукахъ!
Какъ свѣтло вѣнецъ науки
Блещетъ надъ твоей главой,
Какъ высоки нѣсенъ звуки,
Міру брошенныхъ тобой!
Вся облита блескомъ злата,
Мыслью вся озарена
Ты счастлива, ты богата,

Ты роскошна, ты сильна.
И далекія державы,
Робко взоръ стремя къ тебѣ,
Ждутъ, какіе вновь уставы
Ты предпишешь ихъ судьбѣ.

Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,
Что тебѣ мірская слава
Выше Божьяго Суда;
Но за то, что церковь Божью
Святотатственной рукой
Приковала ты къ подножью
Власти суетной, земной:
Для тебя, морей царица,
День придетъ — и близокъ онъ —
Блескъ твой, золото, багряница,
Все пройдетъ, минетъ какъ сонъ:
Громъ въ рукахъ твоихъ остынетъ,
Перестанетъ мечъ сверкать
И сыновъ твоихъ покинетъ
Мысли ясной благодать.
И забывъ твой флагъ державный,
Вновь свободна и грозна,
Заиграетъ своснравно
Моря шумная волна!

И другой странѣ смиренной,
Полной вѣры и чудесъ,

Богъ отдастъ судьбу вселенной,
Громъ земли и гласъ небесъ. . .

КЪ ДѢТЯМЪ.

Бывало, въ глубокой полночной часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ!
Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться, да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя — Бога.

Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней,
Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ дѣтей,
Какъ сладко, какъ радостно было!

Теперь прихожу я: вездѣ темнота,
Нѣтъ въ комнатѣ жизни; кроватка пуста;
Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ...
Мнѣ грустно, малютокъ моихъ уже нѣтъ!
И сердце такъ больно сожмется!

О дѣти, въ глубокой полночной часъ,
Молитись о томъ, кто молился о васъ,

О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать, —
Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

---

* * *

Не говорите: «то бывое,
То старина, то грѣхъ отцовъ:
А наше племя молодое
Не знаетъ старыхъ тѣхъ грѣховъ.»
Нѣтъ! этотъ грѣхъ, онъ вѣчно съ вами;
Онъ въ васъ, онъ въ жилахъ и крови,
Онъ сросся съ вашими сердцами —
Сердцами, мертвыми къ любви.
Молитесь, кайтесь, къ небу длани!
За всѣ грѣхи бывлыхъ временъ,
За ваши каинскія брани
Еще съ младенческихъ неленъ:
За слезы страшной той години,
Когда, враждой уноены,
Вы звали чуждыя дружины
На гибель Русской стороны;
За рабство вѣковому плѣну.
За рабость предъ мечомъ Литвы,

За Новградъ и его измѣну,
За двоедушіе Москвы;
За стыдъ и скорбь святой царицы,
За узаконенный развратъ,
За грѣхъ царя — святоубійцы,
За раззоренный Новоградъ;
За клевету на Годунова,
За смерть и стыдъ его дѣтей,
За Тушино, за Ляпунова,
За пьянство бѣшенныхъ страстей;
За слѣпоту, за злодѣянья,
За сонъ умовъ, за хладъ сердець,
За гордость темнаго незнанья,
За плѣнь народа; наконецъ
За то, что, полные томленья
Въ слѣпой терзанія тоскѣ,
Пошли просить вы исцѣленья
Не у Того, въ Его-жь рукѣ
И блескъ побѣдъ, и счастье мира,
И огонь любви, и свѣтъ умовъ, —
Но у бездушнаго кумира,
У мертвыхъ и слѣпыхъ боговъ:
И обуявъ въ чаду гордыни,
Хмельные мудростью земной,
Вы отреклись отъ всей святости,
Отъ сердца стороны родной:
За все, за всякія страданья,
За всякій поправный законъ,

За темныя отцовъ дѣянья,
За темный грѣхъ своихъ временъ,
За всѣ бѣды роднаго края, —
Предъ Богомъ благости и силъ,
Молитесь, плача и рыдая,
Чтобъ Онъ простилъ, чтобъ Онъ простилъ!

По прочтеніи псалма.

Земля трепещеть; по зѣиру
Катится громъ изъ края въ край,
То Божій гласъ: онъ судить міру:
«Израиль, Мой народъ, внимай;

Израиль, ты Миѣ строишь храмы;
И храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся еиміамы,
И день и ночь огни горять.

Къ чему Миѣ вашихъ храмовъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создагъ землю, создагъ воды,
Я небо очертилъ рукой:

Хочу, и словомъ расширяю
Предѣлъ безвѣстныхъ вамъ чудесъ,
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.

Къ чему Мнѣ злато? Въ глубь земную,
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ,
Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный металлъ:

Онъ тамъ кипитъ и рвется, сжатый
Въ оковахъ темной глубины,
А ваши серебро и злато
Лишь всплескъ той пламенной волны.

Къ чему куренья? Предо мною
Земля, со всѣхъ своихъ концовъ,
Кадитъ дыханьемъ подъ росую
Благоухающихъ цвѣтовъ.

Къ чему огни? Не Я ль свѣтила
Зажегъ надъ вашей головой?
Не Я ль, какъ искры изъ горнила,
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?

Твой скудецъ даръ. — Есть даръ безцѣнный,
Даръ нужный Богу твоему:
Ты съ нимъ явись, и примиренный,
Я всѣ дары твои приму:

Мну нужно сердце чище злата,
И воля крѣпкая въ трудѣ:
Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
Нужна мнѣ правда на судѣ!...»

---

* * *

Подвигъ есть и въ сраженьи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ, —
Высшій подвигъ въ терпѣньи,
Любви и мольбѣ.

Если сердце заняло
Передъ злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цѣпью стальной;
Если скорби земныя
Жаломъ въ душу впились, —
Съ вѣрой бодрой и смѣлой
Ты за подвигъ берись:
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на нихъ,
Безъ труда, безъ усилья,

Выше мраковъ земныхъ;
Выше крыши темницы,
Выше злобы слѣпой,
Выше воплей и криковъ
Гордой черни людской!

И. ЦЫГАНОВЪ.

---

* * *

«Что ты рано, травушка,
Пожелтѣла
Что вы рано, цвѣтики,
Облетѣли?
Что ты такъ, красавица,
Похудѣла:
Впали алы щеченьки —
Поблѣднѣли...
Впали ясны оченьки
Потускнѣли?...»
— Не успѣли цвѣтики
Распуститься,
Ужь ихъ злая засуха
Поѣдаетъ...
Не успѣла я съ дружкой
Обручиться, —

Ужь онъ меня, бѣдную,
Покидаетъ —
Безъ поры, безъ времени —
Убиваетъ! —
«Только-ль свѣту бѣлаго,
Что въ оконцѣ?..
Только-ль добрыхъ молодцевъ,
Что измѣнщикъ?
Не туманъ, голубушка,
Ясныхъ очекъ —
Не слези, лебедушка,
Алыхъ щечекъ;
Выбирай любимаго
Изъ удалыхъ —
По нраву пріятному,
По обычю, —
По уму, по разуму
Да по сердцу!» —
— Погляжу-ль я на небо:
Звѣздокъ много, —
Да одинъ, во звѣздочкахъ,
Свѣтель мѣсяцъ!
Загляну-ль въ зеленѣй садъ:
Пташекъ много —
Да одинъ, во пташечкахъ,
Ясенъ соколъ!
Взгляну-ль на молодцевъ:
Добрыхъ много —

Да не придуть дѣвушкѣ
 По обычью, —
 По уму, по разуму —
 Да по сердцу.

---

* * *

«Что ты, соловеюшко,
 Корму не клюешь:
 Вѣшаешь головушку,
 Пѣсенъ не поешь?» —

«Пѣлося, соловьюшку,
 • «Въ рощицѣ весной...
 Вѣшаю головушку
 Въ клѣткѣ золотой! —

На зеленой вѣточкѣ
 Весело я жилъ.
 Въ золотой же клѣточкѣ —
 Буду вѣкъ унылы!..

Зеленой-то вѣточкѣ
 Къ пѣснямъ приучать?..
 Въ золотой же клѣточкѣ
 Соловью молчать? —

Зеленая вѣточка
 Сердце веселить,
 Золотая-жь клѣточка,
 Умереть велить!...

Подружка на вѣточкѣ
 Тужить обо мнѣ, —
 Стонуть малы дѣточки...
 До пѣнья ли мнѣ?» —

«Отперто окошечко
 Къ рощицѣ твоей, —
 Будь счастливъ, мой крошечка,
 Улетай скорѣй!» —

—

* * *

Полетай соловьюшко
 На родиму сторонушку, —
 На родимой сторонушкѣ
 Тамъ живала сироточка
 Сирота горемычная
 Моя матушка родимая!

Подъ ея подъ окошечкомъ
 Есть кудрявое деревцо:

Оно мною посажено.
 Ею часто поливано, —
 Не водицей ключевою —
 А слезами, да горючими.

Сядь на немъ, соловьюшко!
 Свей на немъ тепло гнѣздышко,
 Заведи малыхъ дѣтушекъ, —
 Распѣвай съ утра до ночи:
 Потѣшай сиротинушку
 Мою матушку родимую!

Пусть родная не плачется
 Подъ окошечкомъ сидючи,
 На проѣзжаго глядючи,
 Обо мнѣ вспоминаючи!...
 Еще я на бѣломъ свѣту, —
 Пуще прежняго люблю ее.

Есть вѣдь дни, въ кои солнышко
 Съ яснымъ мѣсяцемъ видится...
 Такъ настанеть и намъ денекъ —
 И мы съ ней повидаемся:
 Наглядимся, насмотримся, —
 Насмѣемся... наплачемся
 Кръико, крѣико обнимемся —
 И до-сытá нацѣлуемся!

Х. ШЕВЦОВЪ.

Н и щ і й.

Я одинъ, кругомъ чужіе...
Страшно къ людямъ подойти:
Какъ въ чертоги золотые
Внести лохмотья сироты!
Какъ заплакать!... Ангелъ сниметъ
Слезы съ гаснущихъ очей,
Богъ отъ грѣшника ихъ приметъ, —
Но не приметъ лишь скорбей
Человѣка отъ человѣка...
Люди, люди! можетъ быть,
Горе жизни, горе вѣка
На слезѣ одной дрожить ...
Богъ судья вамъ, люди-братья!
Не приѣду съ бѣдой моей
Къ вамъ въ холодныя объятія,
Въ вашъ безумный пиръ страстей:

Схороню печаль глубоко,
Выжгу на сердцѣ слезу, —
И безмолвно, одиноко
Крестъ мой Богу понесу....
Отпируете вы счастье,
Отстрадаю горе я,
И въ странѣ, гдѣ нѣтъ пристрастья,
Съ вами рядомъ стану я.

Н. В. ЩЕРБИНА.

П р о сь б а в е с н ы .

На прощаньи пѣвцу говорила,
Отлетая надолго, весна:
О поэтъ мой, тебя я любила,
Я была и тепла, и ясна ...

Растаюся я съ милой землею,
Мнѣ такъ долго ея не лобзать,
Не лелѣять своей теплотою,
И цвѣтущихъ красотъ полнотою
Мнѣ ея головы не вѣнчать!

Покидаю я женщинъ прекрасныхъ
И ласкаемыхъ мною дѣтей —
Для ночей безразсвѣтно-ненастныхъ
Для холодныхъ, безсолнечныхъ дней...

И не будутъ, роскошными снами
Упиваясь блаженно, они

Пробуждаться и спать съ соловьями, —
 Покидаю я ихъ сиротами...
 Замяни имъ меня, замяни!

Разлучиться мнѣ горько съ землею...
 Но, поэтъ мой, я въ сердцѣ твоёмъ
 Неразлучной живу красотою,
 И твоимъ пламенью стихомъ:

Я оставляю въ немъ звуки и краски,
 И мой свѣтъ, и мою теплоту,
 Вѣтерка перелетныя ласки,
 И потоковъ журчащія сказки,
 И луной разлитую мечту,

Какъ померкнетъ сіянье лазури,
 Какъ поблекнутъ безъ жизни поля,
 Да завоютъ холодныя бури,
 Да одѣнется въ саванъ земля —

Мой избранникъ, людей утѣшая,
 Возроди меня въ пѣсняхъ своихъ,
 Чтобъ предъ ними опять разцвѣла я,
 Благовонна, свѣжа, молодая,
 Въ трепетаньи стиховъ золотыхъ...

Но, весеннее счастье зимою
 Разливая межъ братьевъ-людей,
 Надѣли имъ возлюбленныхъ мною,
 Всѣхъ обильнѣе, женъ и дѣтей,

Чтобъ я въ пѣснѣ твоей зеленѣла,
 Согрѣвая озябнувшій лѣсъ,
 На снѣгахъ бы цвѣтами пестрѣла,
 Наливалась въ колосья и зрѣла,
 И сіяла-бы съ зимнихъ небесъ;

Чтобы все, забывая морозы,
 Погрузилось въ знакомые сны,
 Въ ароматныя майскія грезы,
 Въ обаянье волшебной весны...

И подъ власть твоего вдохновенья
 Все отдастся, поэтъ чародѣй,
 И, внимая словамъ пѣснопѣнья,
 Отъ земли моего удаленья
 Не замѣтитъ никто изъ людей;

Имъ прольюся я полною чашей
 Изъ искусныхъ художника рукъ
 Имъ я буду и лучше, и краше,
 Облеченная въ образъ и звукъ.

Человѣку.

Какъ высокò твое, о человѣкъ призванье —
 Отъ лика Божія на землю павшій свѣтъ!

Есть всё въ твоей душѣ, чѣмъ полно мірозданье.
Въ ней все нашло себѣ созвучье и отвѣтъ.

Въ гармонію міровъ прозрѣлъ ты мысли окомъ
И все согрѣлъ своимъ ты внутреннимъ огнемъ;
Исполненный, какъ міръ, ничтожнымъ и высо-
кимъ,

Ты гордо примирилъ ихъ въ существѣ своемъ;
И собираешь ты разбросанныя знанья,
И мудро связь даешь законамъ естества
И всё твой могучія созданья

Просвѣтлены участіемъ Божества...

Но отчего, скажи, семьѣ твоихъ собратій

Чужда гармонія, объемлющая міръ?

Средь разногласія желаній и проклятій

Свой жизненный вы празднуете пирь...

И прочныхъ пѣть у васъ законовъ и свободы,

И вы враждуете, смиряя океанъ,

И, цѣлость находя въ безбрежій природы,

Свой разбиваете общественный органъ.

За мысль незрѣлую, или за призракъ счастья

Вы расточительно пролить готовы кровь,

Твердя, что по всему исполнены сострастья

И что произвела все сущее любовь...

Смотри, какъ на небѣ течетъ порядокъ вѣчный,

Неизмѣняемо идетъ за вѣкомъ вѣкъ,

Единство царствуетъ въ природѣ безконечной. —

Въ одной твоей семьѣ смятенье, человѣкъ!

П О Э Т Ъ.

На служеніе мысли высокой,
На служеніе правдѣ я взросъ:
Но кинжалъ ея спряталъ глубоко
Между вѣткою миртовъ и розъ...

И, въ рукѣ съ этой вѣткою душистой,
Какъ Гармодій, я въ міръ выхожу, —
Красотой ея мирной и чистой
Я неправду и зло поражу,

Эта битва безъ крови и гнѣва, —
Наслажденіемъ дышитъ она:
Ей причастны и старецъ, и дѣва.
И младенецъ, и мужъ, и жена,

Тѣмъ велико твое назначенье
Между братій, поэтъ-гражданинъ,
Что безъ терній свое поученье
Насадить ты способенъ одинъ!

И ты каждое дѣло и чувство
Обреки на добро и осмысль...
Твоя вѣтка — созданье искусства,
А кинжалъ твой — правдивая мысль.

М И Н Ъ О Н Ъ.

Пусть апрѣль распускается дольше:
 Намъ отраднѣ пѣрвой весной ..
 Не рости, моя дѣвочка, больше:
 Ты чаруешь незрѣлой красой!

Не для грозъ ты полящаго лѣта,
 Не для позднихъ плодовъ создана...
 Хороша ты, зарею одѣта,
 Пробудившись недавно отъ сна....

Ты надеждами дѣтства прекрасенъ,
 Неразвитый, но милый цвѣтокъ!
 Нѣтъ, твой полдень не будетъ такъ ясенъ,
 Какъ облитый румянцемъ востокъ...

Ты невольно въ житейскомъ волненьи
 Отдалишься отъ правды твоей: —
 О, постой же на этомъ мгновеньи...
 Не люби, не цвѣти и не зрѣй!

Невольная вѣра.

Какъ я радъ, что оставилъ Акрополь!
Тамъ — лишѣ башни висятъ надо мной,
Да лепечетъ безтѣнная тополь,
Да летаютъ шуры надъ стѣной,
Мнѣ и слышать, и видѣть докучно,
Какъ сова — мышеловка, поетъ,
Какъ ворота скрипятъ однозвучно,
И змѣя по цитернѣ ползетъ...
Но въ лѣсу, по средѣ поля — иное...
Я не въ силахъ, друзья, рассказать!...
Здѣсь отраднo воскресло бывшее,
Осѣнила меня благодать...
Здѣсь меня обнимаетъ природа,
И все тихо, покойно кругомъ...
Только слышишь — свобода, свобода!
Пролепечетъ листокъ съ вѣтеркомъ.
Мѣдяница, повиснувъ на вѣткѣ,
Померанецъ лѣниво сосетъ;
Не бояся ни змѣя, ни сѣтки,
Соловей беззаботно поетъ.
Надо мною склонилась олива,
Льютъ прохладу съ улеса ключи,
И горятъ разноцвѣтнымъ отливомъ

На волнахъ голубаго залива
Заходящаго солнца лучи,
И бросаютъ развалищъ колонны
На холмы свою длинную тѣнь,
И мою полусонную лѣнь
Освѣжаютъ росой анемоны...
Я всему здѣсь повѣрить готовъ,
Въ этомъ чудномъ жилищѣ боговъ,
Подсмотрѣвъ, какъ клонились ціаны,
Будто смятыя ножкой Діаны,
Пробѣжавшей незримо на ловъ...
Я всему здѣсь повѣрить готовъ!

Н. М. ЯЗЫКОВЪ.

П о э т у.

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно имъ твоя трепещетъ грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь:
Когда тебѣ на подвигъ все готово,
Въ чемъ на землѣ небесный явенъ даръ:
Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышащее слово:
Иди ты въ мѣръ, — да слышитъ онъ пророка:
Но въ мѣрѣ будь величественъ и святъ,
Не лобызай сахарныхъ устъ порока,
И не проси, и не бери наградъ.
Привѣтно ли сіяніе денницы,
Ужасенъ ли судьбины произволъ:
Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!

И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ:
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудеть муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ;
И жизнью торжественно-высокой
Ты процвѣтешь — и будетъ вѣкъ свѣтло
Твое открытое чело
И зорко пламенное око!
Но если ты похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ;
Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ:
Онъ на тебя немилосердно взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
Размечуть ихъ — и жрецъ отирянетъ,
Дрожащій страхомъ и стыдомъ

Подраженіе псалму XIV.

Кому, о Господи, доступны
Твои Сіонски высоты?
Тому, чьи мысли не подкушны,
Чьи цѣломудренны мечты;
Кто дѣлъ своихъ цѣною злата

Не взвѣшиваль, не продаваль,
Не ухищрялся противъ брата,
И на врага не клеветаль;
Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ поклонялся,
Съ любовью плакалъ передъ Нимъ.

И святъ, о Боже! Твой избранникъ!
Мечомъ ли руку ополчить:
Велѣній Господа посланникъ,
Онъ исполина сокрушить!
Въ вѣнцѣ ли онъ: Его народы
Возлюбить правду; весь и градъ
Взыграютъ радостью свободы
И нивы златомъ закипятъ!
Возметъ ли арфу: дивной силой
Духъ преисполнится его,
И, какъ орелъ ширококрылый,
Взлетитъ до неба Твоего!

Подраженіе псалму СXXXVI.

Въ дни плѣна, полные печали

На Вавилонскихъ берегахъ,

Среди враговъ мы возсѣдали
 Въ молчаньи горькомъ и слезахъ;
     Тамъ вопрошали насъ тираны,
     Почто мы плачемъ и грустимъ:
     «Возмите гусли и тимпаны
     И пойте вашъ Ерусалимъ.»
 Нѣтъ! Свято намъ воспоминаше
 О славной родинѣ своей;
 Мы не дадимъ на посмѣянье
 Высокихъ пѣсенъ прошлыхъ дней!
     Твои, Сіонъ! онѣ прекрасны!
     Въ нихъ умъ и звукъ любимыхъ странъ!
     Порвитесь струны сладкогласны;
     Разбейся звонкій мой тимпанъ!
 Окаменѣй языкъ лукавый,
 Когда забуду грусть мою
 И пѣснь отечественной славы
 Ея губителямъ спою.
     А Ты, среди огней и грома
     Намъ даровавшій свой законъ,
     Напомни сынамъ Эдома
     День, опозорившій Сіонъ,
 Когда они въ весельи дикомъ,
 Убийства шумныя виномъ,
 Насъ оглушали грознымъ крикомъ:
 «Все истребимъ, всѣхъ поженемъ!»
     Блаженъ, кто смѣлою десницею
     Оковы плѣна сокрушить,

Кто плачь Израиля сторицей
 На притѣснителяхъ отмстити!
 Кто въ домъ тирана мечъ и пламень
 И смерть ужасную внесетъ
 И съ яркимъ хохотомъ о камень
 Его младенцевъ розобьетъ!

× **Землетрясенье.**

Всевышній граду Константина
 Землетрясенье посылаетъ,
 И гелеспотская пучина
 И берегъ съ грудой горъ и скалъ
 Дрожали, и царей палаты,
 И храмъ, и циркъ, и гиподромъ,
 И стѣнъ градскихъ верхи зубчаты,
 И все поморіе кругомъ.

По всей пространной Византіи,
 Въ отвѣрстыхъ храмахъ, Богу силъ
 Обильно пѣлися литіи,
 И дымъ молитвенныхъ кадилъ
 Клубился; люди, страхомъ полны,
 Текли передъ Христовъ алтарь:

Сенать, синклить, народа волны
И самъ благочистивый царь.

Вотще! Ихъ вопли и моленья
Господь во гнѣвѣ отвергалъ,
И гулъ и громъ землетрясенья
Не умолкалъ, не умолкалъ.
Тогда невидимая сила
Съ небесъ на землю низошла,
И быстро отрока схватила,
И выше облакъ унесла.

И внялъ онъ горнему глаголу
Небесныхъ ликовъ: Святъ, Святъ, Святъ,
И пѣсню ту принесъ онъ долу,
Священнымъ трепетомъ объять,
И церковь тѣ слова святыя
Въ свою молитву приняла,
И той молитвой Византія
Себя отъ гибели спасла.

Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли
Носишь душой превыше праха,
И ликамъ ангельскимъ внемли,
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены.

Хоръ,

**пѣтый въ Московскомъ благородномъ собраніи, по
случаю прекращенія холеры въ Москвѣ.**

Великъ Господь! Земля и неба своды
Свершители судебъ Его святыхъ!
Благословенъ, когда казнить народы,
Благословенъ, когда спасаетъ ихъ.

Пославшій намъ годину искушенья
Не до конца рабовъ своихъ каралъ;
Намъ возсіялъ желанный день спасенья,
День милости Господней возсіялъ.

Великъ Господь! Къ нему сердца и руки!
Ему хвалу гласи тимпана звонъ!
Ему хвалу играйте пѣсенъ звуки!
Великъ Господь! и святъ Его Законъ.

М о л и т в а.

Молю Святое Провидѣнье:
 Оставь мнѣ тягостные дни,
 Но дай желѣзное терпѣнье,
 Но сердце мнѣ окамени:

Пусть, неизмѣненъ, жизни новой
 Приду къ таинственнымъ вратамъ,
 Какъ Волги валъ бѣлоголовый
 Доходить цѣлый къ берегамъ!

x **Г е н і й.**

Когда гремя и пламенѣя
 Пророкъ на небо улеталъ —
 Огонь могучій проникалъ
 Живую душу Елисея:
 Святыми чувствами полна
 Мужала, крѣпла, возвышалась,

И вдохновенъемъ озарялась,
И Бога слышала она!

Такъ геній радостно трепещеть,
Свое величье познаеть,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещеть
Инаго генія полеть;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зрѣеть для чудесь....
И міру новья свѣтила —
Дѣла избранника небесъ!

П л о в е ц ъ .

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумить оно;
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.

Смѣло, братья! Вѣтромъ полный,
Парусъ мой направилъ я:
Полетитъ на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бѣгутъ надъ моремъ,
 Крѣпнеть вѣтеръ, зыбь чернѣй,
 Будетъ буря; мы поспоримъ
 И помужествуемъ съ ней.

Смѣло, братья! Туча грянетъ.
 Закипитъ грома вода,
 Выше валъ сердитый встанетъ,
 Глубже бездна упадетъ!

Тамъ, за далью непогоды,
 Есть блаженная страна,
 Не темнѣютъ неба своды,
 Не проходитъ тишина.

Но туда выносятъ волны
 Только сильнаго душой!...
 Смѣло, братья, бурей полный
 Прямо и крѣпокъ парусъ мой.

Сержантъ Сурминъ.

(Быль).

Быль у меня пріятель, мой сосѣдъ,
 Старикъ, почти семидесяти лѣтъ,
 Старикъ, какихъ весьма немного нынѣ,

Здоровый; онъ давно ужъ заплатилъ
Свой долгъ отчизнѣ: въ гвардіи служилъ
Еще при матушкѣ Екатеринѣ,
При Павлѣ онъ съ Суворовымъ ходилъ
Противу Галловъ. Мой сосѣдъ любилъ
Поговорить, и говорилъ прекрасно,
О прошломъ вѣкѣ, жарко, даже страстно!
Ко мнѣ въ деревню, по воскреснымъ днямъ,
Онъ пріѣзжалъ, не скучно было намъ!
Я вообще выслушиваю жадно
Изуствныя преданья, въ нихъ у насъ
Для будущей исторіи запасъ
И мой сосѣдъ рассказывалъ такъ складно,
Что хоть куда! Одинъ его рассказъ
Я повторю стихами, какъ съумѣю,
Употребляя въ немъ прозопопею:
«Вотъ то-то же! Вы спорите всегда!
Въ нашъ вѣкъ ни чуть не хуже люди были
И что бы вы объ немъ ни говорили,
А жить не трудно было намъ тогда!
Согласенъ я, что черезчуръ любили
Роскошничать и денегъ не щадили
Тогдашніе большіе господа!
За то они гораздо проще были,
Они добрѣе, мягче были къ намъ,
Не именитымъ, маленькимъ чинамъ.
Въ нашъ вѣкъ вельможа важный и почтенный
Былъ неприступенъ, крутъ между вельможъ;

А съ прочими былъ тихъ обыкновенно
И миловалъ полезно молодежь,
Уча ее не ради разглашенья
Ея грѣховъ, а ради исправленья!
У насъ въ полку служилъ сержантомъ сынъ
Какого-то степнаго дворянина,
Саратовской губернии, Сурминъ.
Я зналъ его, собой онъ былъ картина:
Высокъ и статенъ, боекъ и умёнъ,
И не буянъ, и всѣмъ хорошъ былъ онъ;
Лишь та бѣда, что молодець дружился
Со всякой дрянью, не разборчивъ былъ
По этой части, только и ходилъ,
Что на картёжъ, и къ банку пристрастился
Онъ всей душой в службу позабылъ!
И день и ночь, бывало, съ игроками,
Какъ бы приросъ къ зеленому столу,
Растрепанъ, безобразенъ, весь въ мѣлу,
Угрюмый, сонный, съ красными глазами!
Мы думали погибнетъ нашъ Сурминъ!
А каково отцу, когда онъ знаетъ,
Какъ сынъ живетъ и время убиваетъ?
Еще гвардеецъ! онъ срамитъ свой чинъ!
Однажды онъ по утру занимался
Игрою въ банкъ, вдругъ стукъ шаговъ раздался,
И шастъ курьеръ: «Кто здѣсь сержантъ Сурминъ?»
Онъ боекъ былъ, однако же смѣшался,
Меня.... я.... «Вы, къ свѣтлѣйшему сейчасъ

Пожалуйте! Со мною же есть дѣло!»
Къ Потемкину? Не сонъ ли? Вотъ-те разы!
Что жъ, такъ и быты! Сурминъ поѣхалъ смѣло
Къ свѣтлѣйшему. Роскошныхъ комнатъ рядъ
Сержантъ проходитъ; мраморныя залы,
Какъ царскія, убранствами блестятъ,
Полны гостей; вельможи, генералы,
Въ звѣздахъ и лентахъ, въ красныхъ, въ голубыхъ,
Стоять и ждуть! Сержанта мимо ихъ
Ведеть лакей учтивый и проворный,
И въ кабинетъ. «Сюда-съ прошу покорно,
Свѣтлѣйшій здѣсь, сюда!» Сурминъ вошелъ
И видитъ: самъ Потемкинъ на кровати
Сидитъ въ пунцовомъ, бархатномъ халатѣ.
Пьетъ кофе; возлѣ приготовленъ столъ
И карты; Князь было взглянулъ сурово,
Но вдругъ сказалъ: «Ахъ, это ты! Здорово,
Сурминъ! Ты въ банкъ играешь? — Точно такъ,
Играю, ваша свѣтлость, почему же
И не играть? отвѣтствовалъ смѣльчакъ.
Миѣ отъ того на свѣтѣ жить не хуже!»
Садись, играй со мной, да не робѣй!
Потемкинъ сталъ метать. Они играли
И горячо и долго; перестали,
И выигралъ сержантъ пять сотъ рублей.
Князь отдалъ деньги. На другой день тоже
Сурминъ былъ позванъ къ первому вельможѣ,
Игралъ съ нимъ въ банкъ, и выигралъ опять,

Такъ и потомъ исторія тянулась;
Онъ радъ ее хотъ вѣчно продолжать:
Ему фортуна сладко улыбнулась!
Ему житье! Еще и то сказать:
Когда Сурминъ по комнатамъ проходитъ
Изъ кабинета князя, какъ герой,
Сановники кругомъ его толпой:
Тотъ руку жметъ ему, другой заводитъ
Съ нимъ разговоръ, и сталъ Сурминъ знакомъ
Со знатью, сталъ на балы и маскарады,
Онъ ѣздитъ, — тамъ ему всѣ рады,
И всѣ его ласкаютъ, онъ въ большомъ
Ходу, въ кругу высококомъ; раздружился
Со сволочью, сталъ книги покупать,
И объ чинахъ, о будущемъ мечтать,
Процвѣлъ душой, совсѣмъ перемѣнился!
Сталъ ѣздитъ онъ въ одинъ семейный домъ,
Понравился красавицѣ, влюбился,
И вѣрно скоро будетъ женихомъ.
Она согласна!... Цѣлый городъ знаетъ,
Что сватовство на ладъ уже пошло,
А между-тѣмъ Потемкинъ продолжаетъ
Играть съ нимъ въ банкъ. Однажды повезло
Свѣтлѣйшему, и сталъ онъ бить жестоко
За картой карту, бить, и бить, и бить;
Тому бы перестать, перегодить
Хоть до другаго утра, — нѣтъ далеко!
Что будетъ, — будетъ, панъ или пропалъ!

Сержантъ еще играетъ, — проигралъ
Еще, и много, денегъ недостало;
Онъ проигралъ часы и перстень, мало!
Еще играетъ, очередь дошла
До платья, до камзола и мундира,
До прочаго, и вотъ бѣднѣ Ира
Сурминъ, увы! спустилъ все до гола!
Тутъ князь сказалъ: «Я больше не играю!
А ты раздѣнься, мнѣ отдай свой долгъ,
Да и ступай домой.» Сурминъ примолкъ,
Глаза потупилъ. Я воображаю
Его досаду, страхъ и стыды! Хорошъ
Онъ вылетитъ теперь изъ кабинета
Потемкина, какъ разъ въ толпу вельможъ.
И что объ немъ молва большаго свѣта
И тамъ, и тамъ, вездѣ заговорить?
Онъ счастье зналъ, и вдругъ неосторожно
Все потерялъ! Оно, какъ призракъ ложный,
Исчезло, самъ онъ навсегда убить
И для чиновъ, и для невѣсты милой
И для всего, чѣмъ сердце полно было.
Бѣда, бѣда и только! Князь сердить,
И пристааетъ, и требуетъ ужасно:
Сурминъ чуть живъ, такъ и дрожитъ несчастный!
Весь поблѣднѣлъ, и слезы въ два ручья!
«Ахъ, ваша свѣтлости! Ахъ, небудьте строги!
Помилуйте!» И поватился въ ноги
Свѣтлѣйшему. «Ну, полно же, вставай!

Сказалъ Потемкинъ, я твой долгъ забуду;
Прощу тебѣ, ты мнѣ лишь слово дай
Не братья въѣкъ за карты. — Въѣкъ не буду,
Клянусь вамъ, ваша свѣтлость, никогда
Играть не буду въ карты!» Побожился,
И съ той поры онъ бросилъ навсегда
Картежныя бесѣды, онъ женился
Превыгодно и службу продолжалъ,
Украшенный чинами, орденами,
Въ отставку вышелъ. Тутъ онъ разсказалъ,
Ужъ бригадиръ, какими онъ судьбами
Исправился и человѣкомъ сталъ:
Онъ молодъ былъ, связался съ подлецами
И въ шайкѣ ихъ онъ вовсе бы пропалъ ...
Отецъ услышалъ про его несчастье,
И написалъ письмо чрезъ одного
Стариннаго знакомца своего
Къ свѣтлѣйшему, прося принять участие
Въ житьѣ-бытьѣ заблудшаго сына,
И князь исполнилъ просьбу старика!»

